

ЩЕГОЛИХИ ВЪ САТИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

XVIII вѣка.

В. ПОКРОВСКАГО.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1903.

ОТДѢЛЕНІЕ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ текстѣ:

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно:
16	14 снизу	гущѣ	гуще
—	13 снизу	толщѣ	толще
66	4 сверху	жарча	жарче

Въ приложеніи:

15	4 сверху	и скуснаго	искуснаго
22	11 сверху	Прелесна	Прелеста
87	10 сверху	сомуть	зовуть
137	8 сверху	наряжали	наряжати
139	9 сверху	Или	или

Попadaющее часто въ статьѣ выраженіе: «прошлаго столѣтія» объясняется временемъ ея печатанія.

«Прехитро себя украшает, пріятныя сандаліи обуваетъ и вѣжды свои ощиляетъ, и духами учинить, и лице и выю ва-
пами (бѣлилами) повапить, и черности въ очесѣхъ себѣ укра-
сить: когда идетъ—стунаетъ тихо, и шею слегка обращаетъ, а
зрѣніемъ умильно взираетъ, уста съ улыбкой отверзаетъ и всѣ
составы къ прелести ухищраетъ, и многія души огненальными
стрѣлами устрѣляетъ, яко ядомъ зловоннымъ видѣніемъ своимъ
юныхъ убиваетъ».

Ровинскій. Русскія народныя картинки, V, 37—38.

«*Нахалки* женскаго пола занимаютъ въ обществѣ мѣсто
одинаковое съ тѣми въ лѣсу грибами, кои на тоненькихъ, пу-
стыхъ и гнилыхъ растутъ ножкахъ. Извѣстно, что простой на-
родъ всѣ оныя роды грибовъ означаетъ однимъ названіемъ по-
ганныхъ».

Живонисецъ. 1772, 41.

I.

Одинъ изъ сатирическихъ журналовъ XVIII в., въ опредѣленіи
женщины по ея существу, замѣчаетъ: «Трудно разобрать женскія
склонности; ничто такъ уму не понятно, какъ женщины и ихъ по-
ступки; и что всякій заблудится въ мысляхъ, разсматривая лабиринтъ
страстей, изъ коихъ состоитъ ихъ естество»¹. Другой, при сравненіи
ихъ съ мужчинами, такъ выражается: «Женщины отъ природы веселѣе
мужчинъ... составъ ихъ нѣжнѣе, и слѣдовательно расположеніе живѣе
и летучѣе»².

Какъ ни трудно, можетъ быть, было нѣкоторымъ изъ современ-
никовъ сдѣлать характеристику женщины, руководившейся въ жизни
только прихотью, однако одно несомнѣнно, что быть красивой состав-
ляло для женщины XVIII вѣка — высшее благо, потеря же красоты
служила источникомъ не только постоянныхъ огорченій, но и сильныхъ
мученій. Это было несравнимое ни съ чѣмъ злосчастіе, сплошное горе.
Обиженная природой женщина, для восполненія красоты, была готова

¹ Смѣсь, 1774.

² Всякая Всячина, 1769, № 131, 345.

на всякія страданія и рада сдѣлать рѣшительно все, чтобы сколько-нибудь устранить органическій недостатокъ. Желаніе это было настолько сильно у всякой красавицы, что она, ради этого, приносила въ жертву не только природную красоту, но и здоровье. Женщинѣ нельзя было сдѣлать бѣльшаго оскорбленія, какъ сказать, что она некрасива. Можно было иронизировать относительно ея интеллектуальныхъ способностей, невыгодно отозваться о ея нравственныхъ качествахъ: она это сносила, нисколько не обижаясь; но дурной отзывъ о ея физической красотѣ ставилъ сейчасъ же васъ во враждебныя къ ней отношенія. Красота—это тотъ кумиръ, которому красавица поклонялась, на ея алтарь она приносила постоянныя жертвоприношенія, изобрѣтавшіяся модой.

Отсюда естественно вытекаетъ основная черта щеголихи XVIII столѣтія—ненасытное стремленіе нравиться, привлекать къ себѣ мужчинъ, затмевать своей красотой, изяществомъ, роскошью и оригинальностью своего костюма соперницъ и производить впечатлѣніе первой красавицы. Всякой женщинѣ было присуще непреодолимое желаніе, чтобы ее одну считали красавицей. Поползновеніе къ этому со стороны другихъ казалось ей преступнымъ. Она хотѣла быть одной, къ которой приковывается вниманіе всѣхъ. Всѣ ея помыслы клонились исключительно къ тому, чтобы въ обществѣ, гдѣ она вращалась, прослыть чудомъ красоты и приводить всѣхъ въ изумленіе. Чуждая духовныхъ интересовъ, презирая науки и только для тона иногда занимавшаяся легкимъ чтеніемъ, а изъ искусствъ рисованіемъ, что, впрочемъ, бросала тотчасъ по выходѣ замужъ, предавалась она всецѣло одной наукѣ—кокетству. Со стороны красавицы-кокетки нужно было выставить, какъ можно рельефнѣе, свои физическія красоты, а за неимѣніемъ таковыхъ въ наличности, поддѣлать ихъ. И вотъ мы видимъ, какъ одна декольтировалась слишкомъ откровенно, потому что у нея красивыя плечи; другая также откровенно приподнимала платье и юбку, чтобы выставить на показъ облеченную въ башмакъ свою маленькую ножку, обтянутую въ тонкій чулокъ; третья заботилась о выпуклой груди и искусственнымъ увеличеніи утѣшительныхъ возвышенностей; четвертая хлопочетъ о пышности и видимо большею размѣрѣ той части тѣла, которая была въ большомъ почетѣ у готтентотовъ; пятая становилась въ церкви на колѣни съ тѣмъ лишь намѣреніемъ, чтобы граціознѣе обрисовать свой станъ; шестая смѣялась часто и безъ нужды, чтобы показать свои прекрасныя зубки и т. д. Этотъ инстинктъ кокетства въ XVIII в. достигъ въ своемъ развитіи кульминаціонной точки. Кокетничали на всѣ лады не за тѣмъ, чтобы платонически быть обворожи-

тельной, но чтобы, и это главнымъ образомъ, произвести на мужчинъ сильное и благопріятное впечатлѣніе, привязать ихъ къ себѣ и удерживать по усмотрѣнію. Женщина тутъ изощряла всѣ свои способности. Обиженная красотой лица, щеголиха хотѣла возмѣстить на чемъ нибудь другомъ — таліи, походкѣ, глазахъ, ножкахъ. Она уловляла мужчинъ и мѣняла ихъ безпрестанно, чаще, чѣмъ свои костюмы. Такое нравственное паденіе женщины получало тогда санкцію и одобреніе въ семьѣ и обществѣ. Типъ такой женщины, повидимому, былъ идеаломъ. Молодая особа, поэтому, едва только вышедшая замужъ, пускалась открыто въ любовь и куртизанство, давала полную волю необузданности своего похотливаго чувства, представляя въ то же время такую же свободу въ этомъ мужу. Причина такого «моднаго искусства давать другъ другу свободу» коренилась въ историческихъ условіяхъ, въ какія была поставлена русская женщина. Вольность ея поведенія, страстнаго и увлекательнаго, порождавшаяся условіями тогдашняго образованія и воспитанія женщинъ, была естественнымъ протестомъ противъ рабства бывшей теремной жизни.

Самообольщеніе своей красотой, изящество костюма, богатая обстановка, экипажи, роскошная жизнь, вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ дому и хозяйству, порождали въ щеголихахъ необыкновенное тщеславіе. Таковы въ общемъ основныя черты модницъ XVIII в. Словомъ сказать:

Презирая добры нравы

Любятъ лестну красоту

Любятъ смѣхи и забавы

Внѣшность, гордость, суету.

Чтутъ кичливости уставъ

Ищутъ тамъ, гдѣ нѣтъ пріятства

И гдѣ нѣтъ прямыхъ забавъ.

Ихъ цѣль—

Себя превыше всѣхъ на свѣтѣ числить,

Себя одну любить, гордиться красотой,

О пышности своей и о нарядахъ мыслить,

А красоту души чтить глупою мечтой.

Одна изъ существенныхъ задачъ кокетокъ въ жизни—

Веселиться и рѣзвиться

Грусть и скуку удалять,

Ни о чемъ не заботиться

Радостей однѣхъ искать.

Но веселіе жизни заключалось, главнымъ образомъ, въ любви:

Съ тѣмъ родились

Чтобъ любились.

Когда любимъ

Мы сугубимъ

Жизни нашей лучши дни.

II.

Русская сатирическая литература прошлаго столѣтія не только даетъ обильный матеріалъ для характеристики щеголихъ въ обозначенныхъ выше чертахъ, но и указываетъ на причины, ихъ порождавшія. По ней мы можемъ опредѣлить, чѣмъ, какъ и когда была занята щеголиха въ теченіе дня, однообразно повторявшагося цѣлые годы. Остановимся сначала на изображеніи щеголихи по сатирическимъ журналамъ.

Руководствуясь, главнымъ образомъ, какъ мы уже сказали, ненасытною страстью нравиться и подчиняясь безусловно капризамъ моды, помогавшей, съ ея точки зрѣнія, быть плѣнительной, щеголиха сосредоточиваетъ все свое вниманіе на мысли о томъ, при какихъ условіяхъ она можетъ достигнуть осуществленія своихъ завѣтныхъ стремленій. Отсюда заботы щеголихи о своемъ тѣлѣ, причeskъ, костюмѣ, обстановкѣ своей квартиры и пр., рассчитанныя на очарованіе другихъ, принимаетъ ли она красавица вертопраховъ, перебѣгающихъ изъ дому въ домъ, выслушивая ихъ болтовню и сплетни въ своемъ будуарѣ въ утреннемъ неглиже, или же, когда одѣвшись для салона, она млѣетъ отъ расточаемыхъ ей любезностей у себя въ гостиной, и въ домахъ тѣхъ, куда она ѣздитъ съ визитами, и въ общественныхъ собраньяхъ. Сообразно этому мы и прослѣдимъ жизнь щеголихи отъ утра и до поздняго вечера, когда она, утомившись, наконецъ, возвращается домой на покой. Хотя и сложна, но однообразна эта жизнь, вся сотканная изъ мелочей, безъ всякаго просвѣта и разумной дѣятельности. Забота о лицѣ была одной изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ заботъ. Это и понятно: смазливое личико, какъ ежедневно показывалъ опытъ, имѣло всего болѣе шансовъ на вниманіе мужчинъ. Женщины и воспитывались въ той мысли, что духовная красота, буде она есть, остается или непримѣтной, или не цѣнится; что извѣстныя физическія достоинства, наоборотъ, производили магическое дѣйствіе на окружающихъ. Лицо, будучи открытымъ, поэтому, лучше всего могло служить вы-

вѣскою дамскихъ прелестей. «Желаніе видѣть въ хорошемъ порядкѣ и расположеніи красоту лица и другія части, нерѣдко болѣзнію и противными приключеніями похищаемыя, составляютъ сильное рвеніе почти каждаго, а особливо прекраснаго пола»³. Отсюда, естественно, щеголихамъ нужно было, конечно, тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ къ тому настояла необходимость, удалить съ лица все излишнее, появляющееся, какъ продуктъ патологическаго состоянія организма. Веснушки, бородавки, красныя пятна и т. п. были тѣми врагами, которыхъ прежде всего нужно было уничтожить.

У юныхъ красавицъ, по-преимуществу съ свѣтлыми и рыжими волосами, а иногда и брюнетокъ, какъ наслѣдственное предрасположеніе, лѣтомъ и весной, вслѣдствіе «поцѣлуевъ бога солнца», появляется врагъ на лицѣ — веснушки — пятнышки величиной приблизительно въ булавочную головку, съ окраской свѣтло-коричневой, желтоватой и темно-бурой. Хотя у нѣкоторыхъ дѣвушекъ, покрытыхъ веснушками, и были свои поклонники, сравнивавшіе личико ихъ съ цвѣтникомъ, усѣяннымъ розами и лиліями, однакожь они бывали рѣдки. Впрочемъ, и сами дѣвушки, и таковыхъ большинство, смотрѣли на веснушки, какъ на явленія, далеко не желательныя, скорѣе портящія и безобразящія лицо, чѣмъ его украшающія. Вслѣдствіе этого и принимались мѣры къ скорѣйшему уничтоженію этихъ непрошенныхъ гостей помощію средствъ, содержащихъ въ себѣ кислоты. Правда, что эти послѣднія, если совершенно и не уничтожали веснушекъ, но все-таки ихъ обезцвѣчивали и дѣлали болѣе блѣдными⁴.

Безпокоили и сильно озабочивали также щеголихъ красныя пятна на лицѣ, появляющіяся какъ слѣдствіе дурного пищеваренія, или отъ холода. Косметика и на этотъ случай имѣла извѣстныя средства, хотя и ослаблявшія окраску пятенъ, но присутствіемъ въ нихъ кислотъ портившія лицо⁵.

Еще больше огорченія причиняли красавицамъ бородавки — наросты на кожѣ, покрытые толстымъ слоемъ эпидермы, — наросты, появлявшіеся и на лицѣ; правда, они, большею частію, исчезали сами собой безъ всякихъ средствъ, не оставляя послѣ себя никакихъ слѣдовъ, но иногда могли оставаться на цѣлую жизнь⁶.

³ „Наставникъ красоты“, 1791, 1.

⁴ „Дамской туалеть“, 1791, 1, 13, 25, 26, 29.

⁵ „Наставникъ красоты“, 1791, 58; „Дамской туалеть“, 1791, 1, 25—27.

⁶ „Дамской туалеть“, 1791, 111, 133—135.

Не только ясно видимые приросты на лицѣ, но даже незначительный и на короткое время появляющійся прыщъ былъ причиною сильныхъ мученій. Такъ одна изъ щеголихъ, увидавъ таковой на своемъ лицѣ «схватя зеркало, бросила объ землю, и въ куски разбила браня оное, какъ оно могло имѣть дерзновеніе представить ей въ глаза прыщъ ни мало лицу ея не приличный»⁷.

Нечего говорить о томъ ужасѣ, въ какой впадала красавица при существенномъ поврежденіи лица на цѣлую жизнь, какъ, на примѣръ, при оспѣ. Вотъ какъ изображаетъ горестное свое состояніе щеголиха, надъ которой стряслась такая бѣда: «Посмотрѣвъ въ зеркало на лице свое, которое прежде отъ вѣселія о собственныхъ своихъ совершенствахъ нѣжнымъ румянцемъ покрывалось, увидѣла я вдругъ все то, чему прежде удивлялася, все то, что съ неусыпными трудами украсить и возвысить старалась, все то, что мнѣ честь и славу приносило, въ невозвратномъ раззореніи. Пришла въ крайнюю печаль и уныніе. Скорбь моя мало имѣла утѣшенія отъ моей матери, которая крушилась и сожалѣла, для чего я жизни своей купно съ красотою не лишилася»⁸. Эту болѣзнь лѣчатъ⁹, и слѣды, оставляемые ею на лицѣ, усиленно маскируютъ. И понятно:

Пригожей стройной станъ, красивую походку,
Румянецъ, бѣлизна, и Ангельско лице
Въ дѣвицѣ женихи считаютъ за находку;
Но часто промозглое вонюче яйцо
Находятъ скрытое подъ нѣжной скорлупою.
Смотри, чтобы сего не сбылось надъ тобой¹⁰.

Но и лицо щеголихи, не имѣвшее никакихъ подобныхъ органическихъ недостатковъ, не оставалось безъ культивировки, въ которой главную роль играли притиранья. Притиранья всякаго рода назначались съ специальною цѣлью улучшить цвѣтъ лица, придавъ мягкость кожи и юношескую свѣжесть, особенно когда наступала старость и лицо сильно бороздилось морщинами. Таково было требованіе моды.

Въ силу законодательства послѣдней въ XVIII в. естественный цвѣтъ лица казался не соотвѣтствующимъ тогдашнимъ понятіямъ о красотѣ,

⁷ „Адская почта“, 1765, 52.

⁸ Прилож. стр. 11.

⁹ „Дамской туалеть“, 1791, 1, 49—50.

¹⁰ „Любопытной, загадчивой, участливой и предсказчивой мѣсяцесловъ для молодыхъ красавицъ“, 1796, 155.

а потому, для приданія ему особенной прелести, прибѣгали къ искусственнымъ средствамъ, пользованіе которыми было обязательно для всѣхъ. Съ одинаковою рьяностію прибѣгали къ нимъ какъ тѣ, которыя дѣйствительно нуждались въ подновленіи увядшей красоты, такъ равно и тѣ, у которыхъ искусственныя притиранья ослабляли и портили природою данную красоту. Какъ бы то ни было, отступить отъ всевластной моды, если бы того требовало даже сознательное благоразуміе, не въ силахъ была сдѣлать почти никакая дама: безъ искусственной прикрасы, не будучи осмѣянной, она не могла бы появиться въ обществѣ. Женщина, игнорировавшая сознательно косметическія средства, была явленіемъ исключительнымъ. Впрочемъ, эта мода не потеряла окончательно своего значенія для многихъ представительницъ прекраснаго пола и теперь. Современная гигиена требуетъ отъ красивой женщины бѣлой, тонкой, гладкой и покрытой свѣжими оттѣнками кожи. И гигиена можетъ нѣчто сдѣлать для усовершенствованія облика и выраженія этой подвижной, чувствительной и нѣжной части человѣческаго тѣла. Лицо щеголихи, по требованію моды, должно быть пріятно и плѣнительно, а таковымъ оно оказывалось, когда было «нѣжно», «бѣло», «румяно», «свѣжо», «мягко». Чтобы придать лицу такія свойства красавицамъ XVIII в. косметики предлагали разныя средства: воды, уксусы, бальзамы, мази, румяны, паты и т. д. Каждое изъ этихъ средствъ имѣло специальное назначеніе, примѣненіе котораго зависѣло отъ искусственнаго химическаго приготовленія. Существовавшія въ XVIII в. книжки по косметикѣ, въ большинствѣ случаевъ переводныя, которыми мы и будемъ пользоваться, съ очевидностію намъ показываютъ, какъ много было, въ самомъ дѣлѣ, косметическихъ средствъ и какъ разнообразны были способы приготовленія одного и того же средства, имѣвшаго и разныя назначенія. Пристрастіе къ искусственнымъ украшеніямъ были извѣстны и раньше XVIII вѣка. «Наши до-петровскія красавицы изъ лѣчебниковъ и доморощенной практики знали, что овсяная мука, смѣшанная съ бѣлилами и вареная въ водѣ, доставляла умыванье, — ячмень, толченый, безъ мякины, вареный въ водѣ до большой клейкости, а потомъ выжатый чрезъ полотно, смывалъ загаръ, — сорочинское пшено, вареное въ водѣ, сводило съ лица морщины, — вода изъ бобоваго цвѣта и изъ бобовой травы придавала тѣлу гладкость и бѣлизну, — бобовая мука, мелко толченая, замѣняла пудру, — дынное сѣмя, высушенное на солнцѣ, потомъ толченое и смѣшанное съ мукой (бобовой, ячменной и пшеничною) на розовой водѣ въ видѣ лепешки, образовало особый родъ мыла, отъ котораго пропадали лишай, — вода изъ дубовыхъ листьевъ и зори (травы) сгоняла черныя угри и прыщи.

Точно также древне-русскіе женщины и дѣвушки могли читать такъ называемые «Врачебные Вертограды», гдѣ говорилось о чудесныхъ свойствахъ пряныхъ растений. Напримѣръ, тамъ давались слѣдующіе любопытные совѣты: «кто часто корицу въ брашнѣ приѣмлетъ, у того блѣдность изъ лица выведется, онъ благолѣпостенъ станетъ, темнота очную сгонитъ и свѣтлость сотворитъ,—гвоздика, часто принятая, наводитъ очамъ свѣтлость; мушкатный орѣхъ, съѣденный на тощакъ утромъ, даетъ благолѣпіе лицу; ефіопскій перецъ благовоніе разливаетъ во рту и смердящій духъ отгоняетъ; шафранъ, разведенный въ питьѣ, краситъ лицо» ¹¹.

Съ царствованія Петра Великаго появились искусственныя различныя косметики: бѣлила, румяна, благовонныя мыла, духи, съ которыми дамы быстро освоились и оцѣнили ихъ высокое достоинство. Съ этого времени употребленіе косметикъ стало быстро распространяться. Рѣдко чѣмъ болѣе спекулировали и спекулируютъ доверчивую дамскую публику, какъ косметическими средствами. Эти послѣднія, принося временную и призрачную пользу, изнѣживаютъ кожу и дѣлаютъ ее воспріимчивой къ вреднымъ вліяніямъ простуды; но тѣмъ не менѣе самая хорошенькая женщина схватится за первое шарлатанное средство, обещающее ее сдѣлать еще болѣе красивой, и готова платить огромныя деньги за часто вредныя и всегда безполезныя косметики съ громкими названіями и заманчивыми обѣщаніями: «содержаніе природной и искусствомъ неподдѣланной красоты, той пріятности, или прелести, того пригожества, которымъ украшается не только лицо, шея и руки, но и все тѣло, составляетъ для прекраснаго пола упражненіе какъ драгоценное, такъ и пріятное» ¹².

Первое мѣсто между косметиками занимали румяна и бѣлила. Хотя тогда практиковались разные способы приготовленія румянъ, однако всѣ составители ихъ имѣли одну цѣль—сдѣлать ихъ «схожими съ натуральнымъ въ лицѣ румянцемъ» ¹³. И своей цѣли они достигали: приготовленныя средства придавали щекамъ «пріятнѣйшую румяность», «дѣлали такой румянецъ въ щекахъ, что можно почесть оный за природную окраску». Особенною распространенностію пользовались, такъ называемыя «секретныя турецкія румяна» ¹⁴. Для этой же цѣли употреблялось и масло ¹⁵.

¹¹ Забѣлинъ, „Домашній бытъ русскихъ красавицъ“, 11, 625—626.

¹² „Наставникъ красоты“, 1791, Предувѣдомленіе.

¹³ „Дамской туалеть“, 1, 69.

¹⁴ Ibid., 68.

¹⁵ Ibid., 69.

Румянецъ, какъ символъ здоровья и красоты, имѣлъ преимущественное значеніе; тѣмъ не менѣе воздавалось должное и бѣлизнѣ лица. Косметическія средства, извѣстныя подъ названіемъ «патъ» въ густомъ и жидкомъ видѣ употреблялись исключительно для убѣленія лица. Изъ нихъ самая употребительнѣйшая была миндальная пата ¹⁶. Въ помаду, убѣляющую лицо, вливали нѣсколько оранжевой или розовой воды, «чтобы придать тѣмъ хорошій запахъ». Были въ большомъ употребленіи другія виды помадъ съ другими назначеніями: *Pommade à la Sultane* для свѣжести лица, огуречная для его мягкости, сливочная для питанія кожи и ея умягченія и другія ¹⁷.

Не послѣднее мѣсто занимало у красавицъ между косметическими средствами вода. Какихъ только водъ не было! Вода, «сохраняющая лицо всегда въ свѣжести» ¹⁸, «вода, отъ которой человѣкъ дѣлается помоложе» ¹⁹, «прекрасная венгерская вода для приданія лицу бѣлизны» ²⁰, «секретная вода», очень нужная и вѣрно дѣлающая лицо пріятнымъ, нѣжнымъ и плѣнительнымъ» ²¹, «вода Венеціанская» ²², «Султанская вода, употребляемая Аррагонскою герцогинею» ²³, «вода, дѣлающая женщинъ красавицами» ²⁴, вода, сохраняющая лицо всегда въ красотѣ ²⁵, вода, дѣлающая лицо нѣжнымъ, бѣлымъ и пріятнымъ ²⁶, вода для бѣленія лица и сохраняющая его всегда въ свѣжести» ²⁷.

На ряду съ этими водами, нельзя не упомянуть о «дѣвичьемъ молокѣ», имѣвшемъ весьма широкое распространеніе. Такъ называемое «виргинальное или дѣвичье молоко, имѣло разное назначеніе: оно сообщало лицу чистоту, освобождая, на примѣръ, кожу отъ болѣзненныхъ ея проявленій (чесотки), бѣлизну; къ тому же оно, извѣстнымъ образомъ химически приготовленное, сообщало лицу аромать» ²⁸.

¹⁶ „Дамской туалеть“, 1791, 121.

¹⁷ Ibid., 63,—66.

¹⁸ Ibid., 18.

¹⁹ Ibid., 13, 20.

²⁰ Ibid., 3.

²¹ Ibid., 7.

²² Ibid., 2.

²³ Ibid., 6.

²⁴ Ibid., 19.

²⁵ Ibid., 21.

²⁶ Ibid., 14.

²⁷ Ibid., 12 и т. д.

²⁸ Ibid., 130—131.

Были и другого рода воды, специальное назначеніе которыхъ состояло въ уничтоженіи на лицѣ всего лишняго, наноснаго, составляющаго предметъ безпокойства красавицъ. Между такого рода водами большимъ употребленіемъ пользовались слѣдующія: «вода, истребляющая веснушки и пятна на лицѣ; вода отъ солнечнаго загара; вода отъ угрей, вода отъ родимыхъ пятенъ, лишаевъ; вода отъ зуды или сверботы; вода, истребляющая рыжій цвѣтъ лица»²⁹... Эти воды, вслѣдствіе химическаго приготовленія, правда, если не уничтожали вполне недостатковъ лица, то въ значительной степени ихъ сглаживали. Были воды для дѣвицъ и дамъ, для сухощавыхъ, поджаристыхъ, для дородныхъ и сдобныхъ. Количество водъ, если принять во вниманіе и разнообразіе одной и той же воды, восходило до 70.

Косметическимъ средствомъ изъ жидкихъ тѣлъ, тоже довольно распространеннымъ, были такъ называемые уксусы. Они, смотря по химическому своему составу, имѣли различное назначеніе: дистиллированный уксусъ, смѣшанный съ водой, употреблялся для умыванія лица: онъ «смягчалъ его и, кромѣ того, сгонялъ всѣ находящіяся въ немъ пупырышки»; лавандышевой дистиллированный уксусъ дѣлалъ кожу нѣжною и придавалъ ей пріятную окраску. Уксусъ четырехъ разбойниковъ имѣлъ скорѣе значеніе дезинфицирующаго средства³⁰.

Пудра во всѣ времена составляла неотъемлемую принадлежность дамскаго туалета. Женщины-кокетки пудрились, желая придать лицу наилучшій видъ; но обычай пудриться нигдѣ, кажется, не достигалъ такой распространенности и своеобразности, какъ въ Римѣ, гдѣ женщины проводили цѣлые дни, покрывъ себя толстымъ слоемъ смѣси. Въ ХVІІІ в. этотъ обычай былъ распространенъ какъ на Западѣ, такъ и у насъ. По убѣжденію кокетокъ этого времени пудра ступшеывала изъяны на лицѣ: уменьшала вліяніе загара, прикрывала веснушки, оспенныя ямки, маскировала прыщи, угри, ослабляла красноту лица. Предотвращая такіа «лихости», пудра, поглощая влажность кожи, способствовала улучшенію цвѣта кожи лица, придавая ей нѣжность и бѣлизну. Примѣръ другихъ кокетокъ, портившихъ кожу отъ постоянного употребленія пудры, не былъ поучителенъ. Пудреніе происходило такъ: щеголиха надѣвала на себя пудреникъ или пудрамантель—видъ плаща. Парикмахеръ пудрилъ щеголиху дульцемъ, а она въ то время держала длинную косу съ стеклюшками изъ слюды противъ глазъ. Богатыя имѣли особые шкафы, въ которыхъ пудрились; щеголихи влѣ-

²⁹ „Дамской туалеть“, 1791, 1, 27, 25, 43, 31, 13.

³⁰ Ibid., 1, 135—137.

зали въ него, затворяли дверцы, и пыль опускалась на голову. Цвѣтъ пудры былъ разный: бѣлый, сѣрый и красный. Расходовалась пудра въ громадномъ количествѣ.

Предъ зеркалами обыкновенно щеголихи «отверзаютъ ящики съ пудрами и благовонными мазями. Въ сихъ коробочкахъ хранятся краски всякихъ цвѣтовъ: одними бѣлятъ шею, другими румянятъ губы; иными можно поддѣлать тѣ пріятныя лазоревыя длинныя сѣточки, которыя колеблясь возвышаютъ цвѣтъ лица... Волшебство производитъ чудеса. Щеки усыпаются розами; грудь мало-по-малу укрывается лилеями».

И красавица постоянно обращалась къ этому источнику красоты:

Вседневно на алтарь та жертва возлагалась,

Уборнымъ столикомъ што лѣзя называть,

Когда Прелестница предъ онымъ убиралась,

Штобъ болѣе красы тѣмъ можно ей придать.

Господство моды—румяниться, бѣлиться и пудриться вызвало громадное количество привозимыхъ для этой цѣли товаровъ, ихъ дороговизну и усиленную продажу, и множество, въ видахъ наживы, прибывающихъ лицъ. Говоря объ ихъ обогащеніи насчетъ легковѣрныхъ покупателей ихъ снадобій, журналы такъ иронизируютъ надъ ними, извѣщая о днѣ смерти, какъ будто важныхъ общественныхъ дѣятеляхъ: «Скончался славный дѣятель помады на 33 году своихъ славныхъ трудовъ»³¹. «На 43 году отъ сидѣнія своего во французскомъ магазинѣ преставилась славная модопродавица, уроженная дочь Праванскаго мясника и супруга Боргонскаго виноторговца»³². «Скончалась владѣтельная петиметрскими тупеями рука, урожденная цырюльничнаго дому»³³.

Изъ этихъ-то источниковъ отверзались «хранилища сокровенныхъ сокровищъ, изъ коихъ природная красота почерпаетъ еще новыя прелѣсти»³⁴. Такъ какъ красивое лицо само по себѣ одно могло составить счастье, то для красавицы не было большаго зла, какъ «гнусность вида», а таковымъ оно было, какъ мы говорили, безъ употребленія искусственныхъ средствъ, и при натуральной красотѣ: побѣждали «сердца одни тѣ личики, коихъ черты расположены по правиламъ рисованія». Отсюда искусственныя притиранія были для щеголихи своего

³¹ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1791, IX, 71.

³² Ibid., 65.

³³ Ibid., 68.

³⁴ „Утренніе часы“, 1788, 11, 29—30.

рода идоломъ. Отсюда естественно ихъ желаніе, чтобы художникъ этого искусства

Лицо бы сдѣлалъ онъ открыто,
Изъ самыхъ тонкихъ красокъ слито,
Румяны въ розы превратилъ,
Натеръ лилей бы изъ бѣлилъ.

А цвѣтъ и свѣжесть бы составилъ
Изъ нѣжныхъ розовыхъ помадъ ³⁵.

И вотъ щеголихи, отъ природы красивыя, «обезображиваютъ природу, чинятъ себя худшими помощію искусственной приправы прелестей». Тѣ же изъ красавицъ, которыя въ дѣйствительности «нѣжностей своихъ нѣсколько лишились», особенно старались сохранить свои пріятности и придать имъ новое сіяніе:

Хотя ужъ на щекахъ румянецъ увядаетъ,
Дворянки наши сей ихъ прелести изъянь
Умѣютъ награждать пріятностью руманъ,
И хитростью такой прельщаютъ легковѣрныхъ,
Вселяютъ въ нихъ любовь и вздоховъ тьму безмѣрныхъ.

Само собою понятно, что объ искусственныхъ притираніяхъ хлопотали особенно тѣ,

Которымъ злобный рокъ сулилъ
Искати у ряманъ прикрасы и бѣлилъ,
Чтобы тѣмъ пятна смыть или грубыя морщины.

Какъ только женщина замѣчала, что начинаетъ блекнуть и постепенно лишаться естественныхъ прелестей, она, стремясь задержать это увяданіе, готова воспользоваться всѣми косметическими средствами: красивый цвѣтъ лица считался непремѣнною принадлежностью красоты.

Уже кокетка, достигшая преклоннаго возраста, «вымышляетъ новый составъ загладить морщины и пятна, насажденные на лицѣ ея временемъ» ³⁶. «Она бѣлится въ день раза по два, а румянится по пяти» ³⁷. Испытывая на себѣ ежедневно вліяніе этихъ искусственныхъ средствъ, она самоувѣренно говоритъ:

Старость спрячу подъ уборы
И подъ множество руманъ ³⁸.

³⁵ „С.-Петербургскій Меркурій“, 1793, IV, 43.

³⁶ Прилож. № 34.

³⁷ Ibid., стр. 160.

³⁸ Ibid., № 111.

Она самодовольна, ибо

По свѣжему лицу цвѣтутъ гдѣ розы
На нашихъ парникахъ хоть были ужъ морозы.

«Румянится она для привлеченія мужчинъ», такъ какъ ей
Въ сорокъ лѣтъ не чужды
Утѣшенія въ любви ³⁹.

Румянились и бѣлились женщины всѣхъ возрастовъ, не исключая и старухъ. «Посѣдѣлая, какъ лунь, старуха, хотя и стонетъ, что пора пришла кинуть ей свое ребячество; но не думаемъ, чтобы она охотно признала себя изсохшею отъ множества протекшихъ тристодневій старухою» ⁴⁰. Вотъ почему «она всегда сѣдые волосы черною помадою отъ знаковъ старости избавляетъ; перевязка, которою они волосы крѣпко натягиваютъ, сглаживаетъ борозды ея чела, а бѣлила съ румянами на старомъ лицѣ дѣлаютъ изрядную маску» ⁴¹. Потому-то Столѣта объявляетъ подрядъ лицамъ, знающимъ науку прельщать, подрядиться каждый день пріѣзжать искусно и къ лицу румянить и бѣлить». Страсть къ искусственному украшенію своего лица по привычкѣ и въ силу убѣжденій чудодѣйственнаго вліянія притираній не оставляетъ и тѣхъ щеголихъ преклоннаго возраста, которыя, повидимому, сознались въ тщетѣ чувственныхъ удовольствій. Таковы «престарѣлыя постницы», которыя воздержались отъ пищи, но не воздержались отъ румянъ и бѣлилъ» ⁴².

Словомъ, сморщившіяся и беззубыя старушки, которыхъ всѣ члены тѣла и черты лица временемъ перековерканы и соглажены», благодаря косметикѣ, усматриваютъ въ себѣ тѣ прелести, коихъ ужъ лишены тому лѣтъ сорокъ ⁴³.

Одинъ изъ журналовъ, въ виду обычнаго явленія, такъ рѣзко бросавшаго въ глаза, что старуха представляетъ свое лицо «не естественное, но маску разпещренную», обращается съ такимъ поучительнымъ назиданіемъ: «Не пора ли тебѣ, сударыня, образумиться, и не дѣлать изъ себя, съ позволеніемъ сказать, смѣшной дуры. Лѣты прелестей твоихъ протекли и оставили въ доказательство того на лицѣ твоёмъ морщины, въ кои никто уже больше не влюбится, не изволишь

³⁹ „Разказикъ забавныхъ басень“, II, 16.

⁴⁰ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1791.

⁴¹ „Адская почта“, 1769, 52.

⁴² „Сатирическій Вѣстникъ“, 1990, IX, 43.

⁴³ „Карманная книжка“ 1191, II, 43.

ли полѣчиться и принять слѣдующее лѣкарство: оставь неприличное тебѣ жеманство, брось румяны, бѣлилы, порошки, умыванья, и сурмилы, которыя смѣяться надъ тобой заставляютъ» ⁴⁴.

Старухи просиживаютъ за туалетомъ, подобно молодымъ, очень долго; впрочемъ, онѣ и не безъ дѣла:

Женщина въ такія лѣта
Естьли ищетъ побѣждать,
Вѣрно изъ-за туалета
Скоро такъ не можетъ встать:
Надо вытянуть морщины,
Позамазать всѣ рябины,
Желтой цвѣтъ позабѣлить,
Сѣдину кой-гдѣ закрыть,
Подъ румяны схорониться.
Развѣ малой это трудъ?

Въ основѣ сихъ заботъ — чувственная подкладка. «Старья, какъ сухое дерево: коли ни чѣмъ его не трогаешь, оно лежитъ покойно; но какъ скоро какой шалунъ приткнетъ огоньку, анъ оно и вспыхнетъ; да ужъ никто его не погаситъ». Въ этомъ отношеніи какъ опытная кокетка: «старуха скорѣе всѣхъ ихъ сдѣлаетъ знакомство съ мущиною; и она непобѣдимую слабость противъ молодыхъ имѣетъ». Даже умирающая кокетка, желавшая и въ гробу лежать въ красивомъ одѣяніи, заботится объ искусственномъ украшеніи лица:

Да кстатѣ и румянъ велите мнѣ подать

На что и мертвой мнѣ хотѣтъ мушинъ пужать? ⁴⁵.

Таково было въ этомъ отношеніи значеніе моды — этой мощной повелительницы всѣхъ странъ и народовъ, могущественному скипетру которой подчиняется даже самая гордая женщина. Начиная съ невиннаго ребенка до самой утонченной кокетки, всѣ одинаково благоговѣютъ передъ ней. Потому-то, «при семъ таинственномъ уборномъ столѣ употребляются всѣ притиранія, говоритъ современникъ, украшающія ихъ лица и другія разныя приготовленія, составляющія у женщинъ особливую науку, столь же обширную, какъ энциклопедія» ⁴⁶. Румянъ, бѣлилъ и другого рода притираній было множество ⁴⁷. Щеголиха съ

⁴⁴ „Трутенъ“, Изд. Ефремова, 3, 149—150.

⁴⁵ „С.-Петербургскій Меркурій“, 1793, IV, 35.

⁴⁶ „Утренніе часы“, 1788, II, 88.

⁴⁷ Прилож. № 4, 16.

усердіемъ пользуется ими ⁴⁸, — подкрашиваетъ свое лицо ⁴⁹, румянится весьма краснѣ ⁵⁰, не предполагая того, что «природныхъ дарованій при такой замазкѣ не видать ⁵¹. Кромѣ убѣжденія щеголихъ, что притиранья — универсальное средство, ихъ такъ украшавшее, они прибѣгали къ нимъ и по практическимъ соображеніямъ: «для приманки почитателей» ⁵². Румяны ихъ привлекаютъ такъ, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо ⁵³.

Такъ какъ по выраженію одного поэта, нѣтъ ничего краснорѣчивѣе прекрасныхъ глазъ, то косметика прошлаго столѣтія оказывала услуги и глазамъ щеголихъ, — этимъ лучшимъ показателямъ состояній нашей психической жизни и выразителямъ ощущеній, чувствованій, страстей, которыя собственно и сообщаютъ имъ различную степень выразительности. Справедливо поэтому изреченіе, что «взглядъ хорошенькой женщины выражаетъ всегда то, что не рѣшится вымолвить уста». Косметика увеличивала блескъ глазъ и сообщала томность, производившихъ всегда благопріятное впечатлѣніе. И щеголиха умѣла увеличивать ихъ овалъ, прищуривать и, вмѣстѣ съ привлекательной улыбкой, обращать на себя вниманіе. «Взглядъ и милая улыбка суть ея стрѣлы, коими она имѣетъ искусство разить своего противника» ⁵⁴. Потому-то «Наставникъ красоты» предлагаетъ разные средства на случай, если «благороднѣйшая часть лица *глазъ* или *око* подвержена бываетъ также припадкамъ, которые примѣтнымъ образомъ обезображиваютъ красоту» ⁵⁵.

Брови, придающія прелесть выраженію лица щеголихамъ, ими хохлились: онѣ заботились объ ихъ ростѣ и предохраняли отъ вылѣзанія. Съ этою цѣлію они проводили отъ внутренняго края къ наружному щеткой, смоченной спиртомъ или глицериномъ. Употребляемые теперь для подведенія бровей съ наружной ихъ стороны карандаши сообщаютъ глазамъ, такъ называемую, миндальновидность. Чтобъ брови были красивы и по формѣ, онѣ должны быть узки. Въ царствованіе Петра Великаго, для приданія вида бровямъ, была въ большомъ почетѣ чер-

⁴⁸ „Невинное Упражненіе“, 1763, 66—67.

⁴⁹ „Смѣсь“, 1769, т. 30, 237.

⁵⁰ „Адская почта“, 1769, 52.

⁵¹ Ibid., 29.

⁵² „Барышекъ Всякой Всячины“, 1770, № 172.

⁵³ „Смѣсь“, 1769, 29.

⁵⁴ „Утѣшеніе и добрый совѣтъ модѣ“, 45.

⁵⁵ Стр. 75 и слѣд.

ная краска. Увлеченіе ею было такъ сильно, что дамы, имѣющія брови другого цвѣта, вырывали ихъ у себя и замѣняли ихъ видными слоями чернаго карандаша. Въ XVIII вѣкѣ брови, какъ мы уже сказали, были предметомъ нѣжныхъ попеченій щеголихъ. Ими преслѣдовалось при этомъ также двѣ цѣли — дать бровямъ извѣстную форму и окраску. Въ первомъ случаѣ брови растягивались колесомъ, во второмъ онѣ подсурмливались, принимая, по преимуществу, черный цвѣтъ. Сурмленіе бровей производилось иногда такъ неискусно, что одна бровь была толще и выше, чѣмъ другая.

Щеголихи въ своихъ заботахъ о бровяхъ поучались и у людей, разсматривавшихъ это съ эстетической и гигиенической сторонѣ. Вотъ любопытныя въ этомъ отношеніи строки, завѣщанныя намъ стариной: «Безъ бровей, которыя часто пропадаютъ отъ оспы и другихъ припадковъ, промежутокъ отъ чела къ глазамъ теряетъ все то, что натура сотворила къ красотѣ онаго; а какъ то, что пріятнымъ образомъ отличается отъ цвѣта лица, теряется, то отъ сего происходитъ такое худое состояніе, къ которому глазъ не можетъ привыкнуть. Итакъ, сего пункта не можно оставить безъ примѣчанія; должно особливо имѣть стараніе о сохраненіи и возстановленіи сей части тѣла, которая не только что возвышаетъ пріятность лица, но и дѣлаетъ услугу тѣмъ, что воспрепятствуетъ теченію пота въ глаза и впаденію въ оныя всякія нечистоты.

Брови точно описываютъ полукружіе, или представляютъ какъ бы дугу, которая на концахъ тоньше или острѣе, а въ срединѣ гуще и толщѣ. Иногда ростъ волосъ нарушаетъ сію соразмѣрность; тогда стараются привести ихъ въ порядокъ тѣмъ, что сглаживаютъ оныя часто тонкою щеточкою съ внутренней стороны на наружную. Сіе обстоятельство есть гораздо большей важности нежели какъ кто можетъ быть думать. Кудрявые, сѣдые, или иные волосы, вырастающіе изрѣдка въ бровяхъ, должно выдергивать маленькими щипчиками, для того единственно сдѣланными. Если брови вылѣзутъ отъ оспы, или отъ другого какого припадка, то должно скорѣ стараться вырастить оныя»⁵⁶. Въ этихъ цѣляхъ, собственно для приданія бровямъ наибольшей красоты, предлагалось и иное средство⁵⁷.

Сильно заботили щеголихъ по отношенію къ украшенію лица и другія его части: красавицы заботливо и нѣжно относились къ пухленькимъ губкамъ. Первою и существенною заботою была та, чтобы

⁵⁶ „Наставникъ красоты“, 1791, 69—71.

⁵⁷ „Утѣшеніе и доброй совѣтъ модѣ“, 55.

губы были красивы. Такъ какъ временный изъянъ на лицѣ красавицъ дѣйствовалъ на нихъ удручающимъ образомъ, то онѣ и пользовались специально составленными помадами для уничтоженія на губахъ случайно появлявшихся и такъ называемыхъ тогда «пупырушекъ». Кромѣ помады, исключительно для этой цѣли существовавшей, прикладывали и горячую хлѣбную корку. Равнымъ образомъ и потрескавшаяся губа повергала красавицъ въ крайнее смущеніе и была причиною многихъ безпокойствъ, пока онѣ не освобождалась отъ этого изъяна испытаннымъ средствомъ—помадою «служащею для перетрескивавшихся губъ». Косметика тогдашняго времени во избѣжаніе «такой лихости» настоятельно рекомендуетъ пользоваться этой помадой, дѣйствующей смягчающимъ образомъ на губы—«мазать ихъ всякой вечеръ»⁵⁸. Второй заботой красавицъ по отношенію къ губамъ была та, чтобы придать имъ ароматическій запахъ. Этотъ послѣдній сообщался помадами, исключительно также для губъ приготовленными. Щеголиха желала, чтобъ объ ней сказали:

Какой розовой сафьянъ,
Цвѣтъ губъ твоихъ румянъ,

а въ связи съ ароматомъ губъ—въ устахъ рай: «прекрасному полу не безызвѣстно то, сколько алая губы возвышаютъ прелесть или красоту лица, и противъ того блѣдныя унижаютъ оную»⁵⁹.

Къ довершенію красоты лица были въ большомъ ходу у щеголихъ мушки—«небольшіе маленькіе кружки изъ черной тавты, величиною не много менѣе пяточка». По винѣ капризницъ мушки эти перелетали съ одного мѣста лица на другое. Мода налѣпливать мушки окончательно не вывелась и теперь, хотя и утратила свое символическое значеніе, какое она имѣла въ прошломъ вѣкѣ. Это былъ условный языкъ, хотя нѣмой, но выразительный. Модница того времени не выѣзжала изъ дому безъ коробочки съ мушками, на крышкѣ которой было маленькое зеркальце; при помощи послѣдняго она и налѣпливала мушки, сообразно съ своими сердечными влеченіями, на извѣстныхъ мѣстахъ. Размѣщать ихъ по лицу требовало знаній и искусства⁶⁰. Для щеголихъ, не вполне искусившихся въ свѣтскомъ кокетствѣ, особенно изъ пріѣзжихъ, существовали «французскія мадамы, которыя съ преподаваніемъ другихъ художествъ, посвящали въ искусство налѣпливать мушки».

⁵⁸ „Дамской туалеть“, 1791, 1, 71—75.

⁵⁹ „Наставниъ“ расоты, 1791, 65—66.

⁶⁰ Прилож. № 50—54.

Мушки, кромѣ своего символическаго значенія, имѣли и прямое. По крайней мѣрѣ къ одной изъ женъ въ такихъ выраженіяхъ, по этому поводу, обращается мужъ:

Перестань жена рядиться .

И мушками пестрить себя

Я такъ люблю тебя

Къ чему жъ нарядъ такой годится?

Пожалуй не рядись хотя одинъ деньокъ.

Такъ мужъ жену просилъ

И прозбу онъ свою сердца произносилъ.

Жена ему на то любезный муженьокъ!

Хоть гнѣва твоего чрезъ это я избавлюсь,

Да можетъ быть другимъ безъ мушекъ не

понравлюсь ⁶¹.

Къ тому же мушки сглаживали изъяны на лицѣ красавицъ — прыщи, наросты и т. п. Происхожденіе мушекъ такъ объяснено знатокомъ этого дѣла:

«Неизвѣстно, какой французекѣ-смуглянкѣ первой пришла въ голову мысль наклеивать маленькіе кусочки черной тафты на лицо, но я горжусь тѣмъ, что мнѣ удалось отыскать въ одной малоизвѣстной книгѣ происхожденіе этого обычая. Въ концѣ XVI вѣка для успокоенія зубной боли прикладывали къ вискамъ крошечные пластыри, положенные на вату или бархатъ. Кокеткѣ не нужно было много времени, чтобы подмѣтить, какъ эти черныя пятнышки отбѣняють бѣлизну ея кожи, и если средство было не дѣйствительно противъ зубной боли, то оно обладало другимъ свойствомъ, не менѣе драгоценнымъ — придавать увядшему лицу блескъ. Такимъ образомъ мушки вошли въ употребленіе, получили всеобщее одобреніе и побѣдили всѣ препятствія, воздвигаемыя противъ нихъ строгими духовниками и моралистами — противниками красоты ⁶². Суровый Fitelieu возмущается и объявляетъ кокеткамъ, носящимъ мушки, «что ихъ и такъ достаточно въ ихъ головѣ». Этотъ комплиментъ относился также

⁶¹ „Ни то ни Сіо“, 1769, тридцатьвторая недѣля.

⁶² Во время Генриха IV всѣ женщины носили ихъ даже въ церковь, какъ говорится въ одномъ сатирическомъ куплетѣ того времени:

Portez—en à l'oeil, à la temple,

Ayez—en le front chamarré,

Et, sans craindre votre curé,

Portez en jusque dans le temple.

и къ мужчинамъ: законъ щегольства позволяетъ «франтамъ съ пріятной наружностію носить крупныя и длинныя мушки или черный довольно большой пластырь на вискъ, что служить признакомъ зубной боли. Мода увлекла даже духовенство: посланіе отъ 1649 года угрожаетъ гнѣвомъ Божіимъ «аббатамъ, которые завиваются, пудрятся и носятъ мушки». Между выигрышами въ «Лоттерею любви», объявленной около 1654 г., фигурируетъ превосходный трактатъ о расположеніи мушекъ на лицѣ дамы съ точными указаніями о ихъ величинѣ и формѣ сообразно съ мѣстомъ ихъ наклеиванія. Мушки носятъ даже въ монастыряхъ. Гжа Мазаринъ во время тяжбы о разводѣ укрывалась въ монастырѣ св. Маріи въ улицѣ св. Антонія. Когда мужъ пришелъ ее навѣстить, она приняла его съ лицомъ, покрытымъ мушками. Герцогъ, хорошо воспитанный, объявилъ, «что онъ не будетъ съ ней говорить, пока она ихъ не сниметъ». Маленькая добрая женщина отвѣчаетъ: «никогда еще никто не просилъ о чемъ-либо съ такой гордостію, которая способна отклонить просьбу, въ особенности, когда онъ думаетъ, что совѣсть также, какъ напримѣръ, въ данномъ случаѣ заинтересована. Именно это и заставляетъ меня оставаться съ мушками, для того, что я не хочу оскорбить Бога такимъ украшеніемъ, и не думаю, чтобы оно могло оскорбить». Извѣстно, что безумная женщина кончила тѣмъ, что стала ходить переодѣтой мужчиной.

Въ 1661 году поэтъ, мало заботящійся объ исторической вѣрности, вздумалъ описать происхожденіе этой моды. Онъ не колеблясь приписалъ ей совсѣмъ фантастическую генеалогію. Онъ предполагаетъ, что Амуръ, оставшись однажды около своей матери,

Sans dire un pauvre mot

Chassoit aux mouches comme un sot.

Венера, выведенная изъ терпѣнія, сердится. Амуръ только смѣется,

Et pour éviter le colère

De sa maman sut si bien faire,

Qu'il lascha du creux de sa main

Une mouche dessus son sein.

Cette mouche à peine fut-elle

Sur le sein de cette immortelle

Que l'on vit, dans le même instant,

Qu'il en parut plus éclatant.

Comme quand un sombre nuage

Cache le ciel par son ombrage,

A l'entour de ce corps obscur

Le ciel prend un nouvel azur,
Et, rehaussé par son contraire,
Brille d'une façon plus claire.

Богиня въ восторгѣ. Она общается своему сыну двухъ горлицъ въ награду, и этотъ

Lors de ses doigts industriels
Découpant une étoffe noire
Fit, si l'on en croit bien l'histoire,
Mille mouches sans se lasser;
Puis aussy tost les vint placer
Une près de l'oeil de sa mère
(La chose icy n'est pas bien claire
Si ce fut le gauche et le droit).
Il en mit encore dans l'endroit
Où vola la première mouche,
Sur les temples et sur la bouche,
A costé du nez, sur le front,
Sur les joues, sur le menton.

Каждая изъ этихъ мушекъ имѣетъ свое названіе.

Помѣщенная около глаза называется ..	страстной,
въ углу рта.....	охотницей до поцѣлуевъ,
на губахъ.....	кокеткой,
на носу.....	нахалкой,
на лбу.....	величественной,
посреди щеки.....	щегольской,
на складкѣ щеки при смѣхѣ.....	развеселенной,
на нижней губѣ.....	скромной,
на прыщѣ.....	воровкой.

Понятно, что насѣкомыя, до этого времени презираемыя, гонимыя, преслѣдуемыя, возгордились, узнавъ, что онѣ послужили началомъ искусству женскаго кокетства, которому осталось не чуждо названіе ихъ имени. Онѣ рассказали все это Лафонтену, который хотѣлъ обезсмертить такую побѣду, заставивъ муху гордо говорить муравью слѣдующіе слова:

Je rechausse d'un teint la blancheur naturelle,
Et la dernière main que met à sa beauté
Une femme allant en conquête,
C'est un ajustement des mouches emprunté.

Въ 1692 году «искусная мастерица мушекъ» жила въ С. Дени, *à la perle des mouches*. Во время Людовика XV всѣ женщины носили въ карманѣ коробочку для мушекъ, маленькій золотой, серебряный, изъ слоновой кости или черепаховой ящичекъ съ зеркаломъ, румянами и мушками. Эти послѣднія приготовлялись, большею частію, изъ намазанной тафты и имѣли всевозможныя формы: круглыя, четырехугольныя и овальныя. Забавлялись вырѣзывая ихъ на подобіе звѣздъ, луны, солнца, креста, сердца, лицъ, особенно въ видѣ звѣрей, что позволяло имѣть на лицѣ цѣлое хозяйство. Одно время было въ большой модѣ наклеивать на правый високъ широкую круглую мушку изъ чернаго бархата, которая походила на пластырь и которую украшали нерѣдко маленькими брилліантами.

Въ свое время Pierre Juvenay, написавшій *Discours contre les femmes debrailées de ce temps*, возставалъ противъ мушекъ, какъ уродливѣйшаго явленія; напрасно онъ хотѣлъ внушить своимъ слушателямъ, что «облѣпленная мушками женщина способна скорѣе оттолкнуть отъ себя мужчину, чѣмъ привлечь его къ себѣ, потому что каждая такая мушка заставляетъ предполагать, что подъ нею скрыто какое-нибудь безобразіе — нарывъ, оспенная язвина или угорь: онѣ получали все болѣе и болѣе широкое распространеніе и появлялись на лицѣ и груди самыхъ разнообразныхъ формъ, названій и значеній въ зависимости отъ мѣста»⁶³.

Щеголихѣ, «имѣющей вольной и смѣющейся видъ», должно имѣть красивыя зубы. И понятно: «улыбающійся ротикъ, украшенный рядомъ бѣлыхъ жемчужинъ, всегда въ состояніи развеселить даже самаго угрюмаго человѣка; но свѣжее молодое личико съ испорченными зубами производитъ непріятное впечатлѣніе». Косметики прошлаго столѣтія рекомендовали различныя средства — порошки, воды, ликеры, опіаты, полосканья съ одной стороны для гегіены зубовъ и десенъ, съ другой — для приданія зубамъ красоты, собственно бѣлизны⁶⁴.

Украсивъ или, справедливѣе сказать, обезобразивъ лицо, щеголихи обращали свое вниманіе на голову. Волосы, какъ признакъ здоровья, кромѣ своего прямого назначенія — защищать голову отъ вредныхъ атмосферическихъ вліяній холода, жары, влажности имѣло и эстетическое. Если однимъ изъ страшныхъ золъ для женщины была плѣшивость, то обиліе волосъ на головѣ было самымъ лучшимъ укра-

⁶³ Alfred Franchin: „La vie privée d'autre fois, 91 и слѣд.

⁶⁴ „Дамской туалеть“, 1791, 79—98; „Наставникъ красоты, 109—115.

шеніемъ женщины. Потому-то женщина во всѣ времена пламенно желала имѣть хорошую шевелюру и относилась къ ней съ рѣдкою заботливостью и нѣжностію. Но обиліе волосъ было необходимымъ только матеріаломъ, изъ котораго воздвигались разныя зданія, и «прическа, поэтому, играетъ и играла весьма важную роль въ туалетѣ женщинъ и красота часто зависитъ отъ умѣнья укладывать волосы въ гармоніи съ лицомъ».

Прическа, хорошо выполненная, сообразно съ очертаніями лица, много содѣйствуетъ его миловидности, если даже особа и не отличается наружной красотой; прическа же, выполненная хорошо, но не соотвѣствующая фізіономіи, безобразитъ самую красивую женщину.

Исторія съ очевидностію намъ показываетъ, какъ женщины всѣхъ странъ заботились о своихъ волосахъ, видя въ нихъ одинъ изъ существенныхъ атрибутовъ своей красоты. Во всѣ времена волосы считались драгоцѣннѣйшимъ даромъ природы и лучшимъ украшеніемъ головы, особенно женской. Они не только усиливаютъ красоту лица, но и придаютъ относительную миловидность всей фигурѣ. Естественно поэтому, что женщины всѣхъ странъ и временъ съ рѣдкимъ попеченіемъ и нѣжною тщательностію заботились о своихъ волосахъ и причeskѣ ихъ. Санкція въ этомъ, какъ гласитъ искусство, была положена небожительницами: Венера, въ сонмѣ грацій, сама убирала себѣ волосы; у Аріадны чарующіе бѣлокурые волосы ниспадали по обнаженнымъ плечамъ; волосы Юноны источали благоуханіе; Діана, преслѣдуя дикихъ животныхъ, бродила по дебрямъ и лѣсамъ съ распущенными волосами. Больше, чѣмъ въ области міѳологіи, сказались заботы о волосахъ въ дѣйствительной, реальной жизни у всѣхъ народовъ: лакедемонянки распускали волосы и завивали ихъ лентами; аѳинянки воздвигали цѣлое зданіе изъ волосъ, поддерживаемыхъ шпильками, причемъ кольца и ленты составляли ихъ украшенія. Исторія Греціи сохранила нѣсколько именъ женщинъ, придававшихъ большое значеніе причeskѣ. Достаточно указать на имена Аспазіи, ходившей съ распущенными во всю длину волосами, закинутыми за спину, и Вероники, дѣлавшей изъ нихъ причудливую куафюру, чтобы видѣть заботливость аѳинянокъ о своихъ волосахъ.

Жены римскихъ патриціевъ, за немногими исключеніями, щеголяли изяществомъ своихъ причесокъ. О женѣ Марка Аврелія, на примѣръ, рассказываютъ, что въ теченіе 19-ти лѣтъ она являлась народу съ тремястами различныхъ причесокъ.

И поэты древности, какъ Гомеръ, называвшій небожительницъ «прекраснокудрыми», и нѣкоторые изъ современниковъ находили для

себя иногда въ женскихъ волосахъ и нѣкоторый источникъ вдохновенія. Роскошные волосы не есть только прекраснѣйшее украшеніе женской головы, но и, по выраженію поэта:

Густая длинная коса

Плечъ мраморныхъ краса.

Насколько придавалось цѣнности волосамъ видно изъ того, что они иногда были предметомъ прославленія: роскошные волосы Вероники, супруги Птолемея, были поводомъ къ названію одного изъ созвѣздій. Естественно поэтому, что плохіе волосы — сущее несчастіе женщины. Вотъ почему онѣ такъ сильно хлопочуть о нихъ не только въ смыслѣ ихъ вырощенія и холенія, но и культивировавша ихъ на головѣ.

Распущенныя свободно падающія волосы, которые мы видимъ на мадоннахъ, на иллюстраціяхъ сказочныхъ поэтическихъ изданій, лучше всего, кажется, украшали бы женщинъ; но ни характеръ нашей одежды, ни установившійся обычай не позволяютъ волосы носить въ такомъ видѣ; въ силу этого и вошло во всеобщее употребленіе «связывать и сплетать волосы и расплетать ихъ на головѣ простою или искусственною формою, словомъ, дѣлать прическу, которая можетъ сглаживать недостатки некрасивой женщины и увеличиваетъ степень миловидности хорошенькой, а это, конечно, только возможно при соответствіи ея съ фізіономіей. Форма головы и возрастъ должны опредѣлять прическу. Всякій, по непосредственному наблюденію, знаетъ, что особѣ, имѣющей круглое лицо, не идутъ волосы, зачесанныя на затылокъ, ибо они увеличиваютъ размѣры ея лица, тогда какъ особамъ съ длиннымъ лицомъ такая прическа идетъ. Наблюдая современные прически, чуждыя всякихъ экцентричностей, мы видимъ, что «выполнить ихъ безъ примѣси искусственныхъ прядей косъ, локоновъ совершенно невозможно, потому что большая часть ихъ требуетъ такой огромной массы волосъ, что врядъ ли кто въ состояніи ею похвалится». Въ самыя отдаленныя времена мы видимъ прически съ фальшивыми волосами: римлянки, которые почти всѣ были брюнетки, питали особое пристрастіе къ бѣлокурымъ и рыжимъ парикамъ. Прическа съ фальшивыми волосами представляетъ затрудненіе только сначала и то только для неопытныхъ особъ. Впослѣдствіи же, чрезъ самый скорый промежутокъ времени, отлично научаются искусно перемѣшивать фальшивыя волосы и накладки съ обыкновенными.

Такъ какъ наши щеголихи и относительно убранства головы, какъ почти во всемъ другомъ, подчинялись модѣ, царившей въ извѣстное

время въ Парижѣ, то, чтобы показать, какъ и на куафюрѣ у насъ отразилось вліяніе Франціи, скажемъ нѣсколько словъ устами знатока о головныхъ уборахъ и тамъ.

«Съ 1770 года сравнительно скромная до того прическа: волосы спереди зачесанные гладко и назадъ завитые въ два ряда небольшихъ локоновъ, начала снова возвышаться и къ 1775 году, когда опять появились фижмы, достигла уродливой вышины. Уже и ранѣе этого уборка волосъ доставляла столько занятія парикмахерамъ, что, напр., *monsieur Dagé*, парикмахеръ маркизы де-Помпадуръ, нажилъ себѣ до 200 тысячъ ливровъ годового дохода, но теперь уже сами парикмахеры поставили себѣ задачею явиться настоящими художниками, превзойти все доселѣ видѣнное. Въ 1775 году тупей (*tourpet*) поднялся уже на цѣлый футъ, но черезъ годъ высота его удвоилась и, постепенно увеличиваясь, дошла къ концу 80-хъ годовъ до такихъ размѣровъ, что въ три или четыре раза превосходила величину головы среднимъ числомъ, а нерѣдко объемъ ея равнялся 8 объемамъ головы. Для того, чтобы соорудить такую прическу и дать ей надлежащую прочность, волосы (натуральные) подпирали особыми подушками на проволоку или китовомъ усѣ, густо помадили и сильно пудрили. Волосы отъ лба зачесывались кверху и назадъ, образуя гладкую округлую массу (*chignon*), на затылкѣ завивались въ нѣсколько вертикальныхъ или косыхъ пучковъ, изъ которыхъ спускались на спину менѣе туго завитые локоны; такіе же локоны падали съ висковъ на грудь. Эта форма измѣнялась иногда такъ, что вся масса волосъ, вмѣсто того, чтобы уходить назадъ, надвигалась болѣе напередъ, шиньонъ расширялся, одна часть волосъ на затылкѣ заплеталась въ одну или нѣсколько косичекъ, которыя загибали кверху и прикрѣпляли къ шиньону, а другая часть и волосы на вискахъ завивались въ такіе же валики, какъ и остальные. Но какъ ни удивительна была такая прическа сама по себѣ, она служила только приготовленіемъ къ настоящему убранству головы различными прикрасами. Это убранство было дѣломъ модистокъ, но онѣ должны были подчиниться фантазіи куаферовъ и, желая блеснуть чѣмъ нибудь новымъ и небывалымъ, ударялись въ изобрѣтеніе самыхъ разнообразнѣйшихъ и удивительнѣйшихъ фасоновъ. Самымъ простымъ убранствомъ было украшеніе прически лентами, снурками, жемчужными нитками, цвѣтками, страусовыми или (введенными королевой) павлиньими перьями. Но по мѣрѣ того, какъ увеличивался объемъ прически, усложнялось и убранство ея, распространяясь на всю поверхность шиньона. Начиная съ превращенія небольшого плоскаго чепчика (*à trouvers*) въ объемистыя куафюры изъ цвѣтной матеріи, отдѣланныя лентами, бантами,

перьями, цвѣтами, кружевами и т. п., изобрѣтательность модистокъ, изощряемая почти ежедневною смѣною фасоновъ, дошла до возможно вѣрнаго воспроизведенія различныхъ предметовъ природы и искусства. Явились куафюры въ видѣ корзинки наполненной цвѣтами (à la Flore), или плодами (à la Pomone), куафюры à la Junon, à la Ceres, à la Calypso, à la Minerve (послѣдняя въ видѣ шлема съ султаномъ изъ перьевъ), à la victoire—настоящій кустъ изъ лавровыхъ и дубовыхъ вѣтвей; затѣмъ куафюры à la Bayard, à la Raudon, caprice de Voltaire; куафюры à la Tarare, à la Figaro, названныя по операмъ; наконецъ, куафюры à la Philantropie, à la bonne fortune, coiffure philosophale и мн. др., напр., en papillon, en oreilles, d'épagueul, en pont mouillé и т. д. безъ конца. Сама королева изобрѣла между прочимъ удивительную куафюру à la montagne, представлявшую горы и долины изъ цвѣтной эмали, ручки изъ серебрянаго глазета, сады и рощи.

Въ 1780 году въ парижскомъ journal des modes появилось объявление, возвѣщавшее о новой куафюрѣ, chapeau à l'amiral—шляпы, на которой возвышался корабль со всѣми принадлежностями, пушками и т. д.; и другое въ 1785 году—о chapeau roufs въ видѣ воинскихъ трофеевъ. Между тѣмъ въ томъ же самомъ году, въ которомъ вышли эти шляпы (въ 1785), одно прискорбное обстоятельство положило конецъ всѣмъ подобнымъ фантазіямъ. Королева, послѣ родовъ, потеряла почти всѣ свои волосы и была вынуждена носить парикъ, а такъ какъ парики вообще неудобны для чрезмѣрно высокой прически, то и уменьшили размѣры послѣдней. Любя контрасты, она выбрала себѣ парикъ завитой въ густыя кудри à l'enfant. Тотчасъ же всѣ придворныя дамы причесались тоже à l'enfant, а затѣмъ эту прическу переняли и въ остальныхъ слояхъ общества. Но привычка къ перемѣнамъ была слишкомъ сильна, чтобы дозволить остановиться надолго на одной какой-нибудь формѣ, и новая прическа незамедлила подвергнуться различнымъ видоизмѣненіямъ⁶⁵.

Болѣе замѣтныя измѣненія произошли въ убранствѣ головы и прежде всего вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ легкихъ головныхъ уборовъ были теперь снова приняты. Придворныя дамы, подражая королевѣ, начали носить волосы гладко расчесанные на темени и взбитые на вискахъ въ кругловатыя возвышенія, которыя закрывали уши и отъ которыхъ отдѣлялось нѣсколько тонкихъ локоновъ, едва доходившихъ до плечъ. Эта некрасивая прическа хотя и сдѣлалась модною, но не надолго, и уже въ 1670 году волосы на вискахъ и спереди вокругъ лба стали завивать въ мелкія кудри, а вдоль щекъ спускать

⁶⁵ Вейсъ, III, 2, 372.

на грудь густыя пряди волосъ, прямыя или тоже завитыя локонами. Рядомъ съ этими прическами, которыми нѣкто Монгоберъ приобрѣлъ себѣ особенную извѣстность, явилась новая, которая была изобрѣтена самыми красивѣйшими изъ молодыхъ придворныхъ дамъ, маркизами де-Монтеспанъ, де-Тіанжъ и ихъ пріятельницами: волосы по обѣимъ сторонамъ пробора укладывались двумя грядками въ два пальца вышины, а остальные завивались въ локоны, которые уступами спускались на шею ниже ушей, за исключеніемъ одного длиннаго локона, падавшаго на грудь. Эта прическа тотчасъ же нашла себѣ подражательницъ, которыя ее различнымъ образомъ видоизмѣняли. Возвращеніе къ головнымъ уборамъ было встрѣчено очень неохотно большинствомъ женщинъ, въ особенности молодыхъ. Поэтому до начала 80 годовъ на головѣ не носили ничего кромѣ легкихъ косынокъ, которыя накидывали на голову и подвязывали подъ подбородкомъ. Зимой сверхъ такой косынки надѣвали еще длинный черный шелковый вуаль. Между тѣмъ появилась еще новая, очень оригинальная прическа, обязанная своимъ происхожденіемъ слѣдующему случаю. Дѣвица Фонтанжъ, любовница короля, присутствуя разъ на королевской охотѣ въ охотничьемъ костюмѣ съ небольшою украшенной перьями шляпой на головѣ, должна была, по причинѣ сильнаго вѣтра, снять съ себя шляпу, а чтобъ вѣтеръ не перепуталъ ея волосы, она велѣла перевязать ихъ лентами, концы которыхъ порхали вокругъ ея головы. Эта импровизированная куафюра такъ понравилась королю, что онъ попросилъ дѣвицу Фонтанжъ не перемѣнять ее, и на другой день всѣ придворныя дамы явились причесанными *à la Fontange*. Модною она сдѣлалась нѣсколько позже, а въ началѣ даже и при дворѣ ее носили немногія⁶⁶.

Изъ ряда экцентрическихъ и необычайныхъ причесокъ можно отмѣтить прически въ видѣ сахарной головы и сердца. Въ первомъ случаѣ изъ волосъ воздвигалась громадная сахарная голова, къ верхушкѣ которой прикрѣплялся длинный вуаль, падавшій на плечи... Женщины походили на ходячія башни, и протянувъ руку изъ перваго этажа на улицу, легко можно было достать до убора гулявшихъ внизу дамъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ причесокъ было увеличеніе дверей. Во второмъ случаѣ — прическа въ видѣ сердца, извѣстная на Западѣ съ XV в. вплоть до революціи, достигла такихъ размѣровъ, что щеголихи могли пройти въ дверь только бокомъ; точно также голова модницъ не умѣщалась въ каретѣ, а дамы ѣздили на балъ или въ театръ, высунувшись изъ дверецъ экипажа. Чудовищная прическа эта

⁶⁶ Вейсъ, III, 2, 278.

состояла изъ 2-хъ широкихъ крыльевъ, на подобіе крыльевъ вѣтреныхъ мельницъ».

Въ XVIII вѣкѣ во Франціи была очень распространена прическа *пуфъ*, состоявшая изъ безчисленнаго множества мелкихъ уборовъ, лентъ, кружевъ и т. п. У каждой женщины былъ свой пуфъ, въ которомъ преобладали ея любимыя отдѣлки. Были пуфы: *англійскій паркъ*, *лежащая собака*, *вѣтреная мельница*, *крыса*, *рыба*, *капуста*, *салатъ*, *спаржа*, *граната*, *вишня*, *фанфара*, *гондола*, *подавленные чувства*, *полетъ любви* и пр. и пр.

Черезъ годъ мода эта была вытѣснена новою, возникнувшей при дворѣ Франціи и въ короткое время распространившейся по всей Европѣ: королева найдя на своемъ туалетномъ столѣ красивое павлинье перо, вздумала приколотъ его къ волосамъ: вышло очень эффектно. Она приколотила второе, потомъ третье и окружила ихъ нѣсколькими страусовыми перьями. Неожиданно вошедшій король заявилъ, что никогда не видалъ красивѣйшей прически. Этого было достаточно. Мода распространилась повсемѣстно и первенствовала до 1778 года, когда впервые появилась прическа *ежъ*. Представьте себѣ это маленькое животное лежащимъ на верху женской головы посреди массы безпорядочно завитыхъ, растрепанныхъ волосъ, и вы будете имѣть довольно вѣрное понятіе объ этой прическѣ. Все это поддерживалось широкою розовою или голубою лентою, въ два или въ три раза обвитою вокругъ головы. Скоро появились неизбѣжныя измѣненія и дополненія, одни смѣшнѣе другихъ. Сначала причесывались *полужомъ*, потомъ принялись прибавлять кружева, цвѣты, гирлянды, ленты, жемчуги, подвѣски, султаны, такъ что, наконецъ, лицо почти совершенно исчезало подъ массою этихъ уборовъ. Все это составляло прическу вышиной и шириною не менѣе двухъ футъ, и каждой ея формѣ давалось какое нибудь странное названіе, были прически: *бабочка*, *собачьи уши*, *мокрая курица*, *каштанъ*, *столыкъ*, *комодъ*, *кабриолетъ*, *бѣшеная собака*, *охотникъ въ чащѣ* и пр. Въ концѣ концовъ дошли до того, что на головахъ щеголихъ воздвигались горы, холмы, усыпанныя цвѣтами луга, пѣнистые потоки, сады, парки. Для сооруженія такой прически, парикмахеръ влѣзалъ на подмостки, такъ какъ, несмотря ни на какой высокій ростъ, онъ не могъ бы съ полу достроить свое волосяное произведеніе. Когда въ театрѣ въ первомъ ряду креселъ сидѣли дамы, остальные зрители партера не видѣли рѣшительно ничего изъ происходившаго на сценѣ. Поэтому директоръ оперы былъ вынужденъ установить правила, по которымъ дамы съ высокими прическами не допускались въ театръ.

Революція въ одинъ день уничтожила и развѣяла всѣ эти ухищренія и замысловатости, стоившія ихъ изобрѣтателямъ столько же усилій, и замѣнила ихъ простою шапочкой и трехцвѣтною кокардой, которыми довольствовались красивѣйшія женщины. Во времена директоріи появились новые уборы, и какъ бы въ вознагражденіе себя за потерянное время, женщины и мужчины начали снова украшаться париками, чепцами и шляпами.

Нечего и говорить о томъ, что всѣ подобные капризы моды перенесены были на нашу почву и нашли очень широкое распространеніе. Наши красавицы съ нѣжною заботливостію холили голову, взбивали гребенкою, пока она не принимала для красавицы желательнаго вида. «Удобренный мозгъ прекраснаго полу, наконецъ, въ нынѣшнихъ временахъ произвелъ на головѣ златое жито, которое съ обиліемъ произрастаетъ среди курчавой пашни, воздѣланной гребенкой». Обработать и воздѣлать такую пашню нужно много времени. Если теперь не рѣдкость встрѣтить женщинъ, кокетливо и прихотливо причесывающихся, видящихъ въ этомъ одно изъ средствъ своихъ чаръ, то само собою понятно, что въ XVIII вѣкѣ модницы прическѣ волосъ придавали еще большее значеніе. Этимъ и объясняется, что прическа волосъ много разъ измѣнялась. Употребительная прическа красавицъ была слѣдующая: «дѣлали посрединѣ головы большую квадратную буклю, будто батарею, отъ нея шли по сторонамъ косыя крупныя букли, словно пушка, позади шиньонъ, и вся прическа была не менѣе полуаршина вышины, что называлось *le chien couchant*. Одинъ изъ сатирическихъ журналовъ замѣчая, что тупей почитается нынѣ самой головой, смѣется, что «мода достигла въ этомъ отношеніи до такой степени, что наши красавицы начали носить на головѣ подушечки съ ресорами. Чаятельно, что модою воздвигнутыя на головѣ строенія подали поводъ выдумать и такую модную машину, которая бы не допускала подавлять мозгъ красавицъ. Итакъ, съ теперешняго времени тупей нашихъ щеголихъ, а частію и самыя ихъ головы, на подобіе каретнаго кузова поддерживаются уже ресорами. Если сія мода будетъ имѣть успѣхъ, то уповательно, что красавицы наши непременно и къ прочимъ модамъ поддѣлаютъ ресоры»⁶⁷.

Другой изъ журналовъ такъ осмѣиваетъ затѣи щеголихъ: «у круглолицекъ другая голова выросла на головѣ, коя столь глаза зрителей занимаетъ, что личика не размотришь, а только дивишься поднятому зданію; долголицымъ удвоитъ длинника, а маленькія вовсе скрадыва-

⁶⁷ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1791, VII, 30—31.

етъ. Если бы у щеголихъ выросла отъ естества кулака въ два мясо на головѣ, сколько бы онѣ Ерофеичевъ замучили, чтобъ развести сей приговоръ. Сказываютъ, что даже и плѣшивыя нахлокачиваютъ чужіе волосы въ великомъ множествѣ, чтобъ быть по модѣ. Симъ прости-тельно: ибо у насъ морозы великіе; а безъ волосовъ онѣ въ опасности быть могутъ, простудиться зимою» ⁶⁸.

Чтобы голова имѣла желательный для красавицы видъ, своихъ волосъ было недостаточно даже и въ томъ случаѣ, если бы они были роскошны, не говоря уже о короткихъ и жидкихъ; отсюда шиньоны, парики и т. п., которыхъ красавицы имѣли по множеству. Въ одной изъ публикацій о продажѣ съ публичнаго торга объявлено, что «послѣ покойной г-жи Кхахи продается 108 шиньоновъ и паричковъ разнаго цвѣта волосъ» ⁶⁹. Такихъ шиньоновъ изъ Парижа иностранными перу-кмахерами вывозилось въ Россію въ громадномъ количествѣ ⁷⁰.

Не мудрено, что красавицы прилагали такія старанія къ прическѣ волосъ: они поднимали ихъ въ общественномъ мнѣніи.

Въ силу значенія самой прически, объ ней такъ и старались:

А это первое достоинство у тѣхъ,
Въ которыхъ нынче вы ищите утѣхъ;
Которы голову внутри не наряжаютъ,
А только вѣсь ея съ наружи умножаютъ.
Не въ ней, но внѣ ея находятъ здравый умъ,
И для тово все дѣлаютъ безъ думъ.

Забота о головѣ не ограничивалась только прической: была сильно распространена мода на шляпки, которыя мѣнялись постоянно: появив-шись сначала въ столицахъ, онѣ переходили въ провинцію и тамъ держались до появленія новой моды. Въ одномъ изъ журналовъ, отно-сительно быстрой смѣны фасоновъ, въ «Прибавленіи къ Вѣдомостямъ» публикуется о продажѣ элегіи на кончину шляпъ грешневыми, съ присовокупленіемъ подробнаго описанія о несчастномъ и невинномъ ихъ заточеніи въ разныхъ уѣздахъ и деревняхъ» ⁷¹. Но пока шляпка не выходила изъ моды, она была предметомъ самаго заботливаго вни-манія щеголихъ. Самое появленіе шляпки новаго образца, особенно въ провинціи, производило сенсацию ⁷². Журналы зло смѣются особенно

⁶⁸ „Всякая Всячина“, 1769, 390.

⁶⁹ „Сатирическій Вѣстникъ“ 1790, IV, 107.

⁷⁰ Ibid., V, 83.

⁷¹ Ibid., 1790, IX, 87.

⁷² Прил. № 68.

надъ высокими шляпками, высота которыхъ увеличивалась отъ золотыхъ колосьевъ и перьевъ, украшавшихъ шляпы ⁷³. «Въ каретномъ ряду дѣлаются сообразно нынѣшнимъ большимъ шляпамъ и находящимся на оныхъ перьямъ, кареты двухъ сажень въ длину и трехъ въ высоту. Въ ономъ же ряду дѣлаются такія Аглинскія высокія коляски, на которыхъ подѣхавши можно говорить съ человѣкомъ, живущимъ во второмъ этажѣ; также удобно съ оныхъ входить прямо на балконы» ⁷⁴. Журналы отмѣчаютъ разные фасоны шляпъ, дѣйствительно существовавшихъ ⁷⁵. Фасоны эти почти исключительно даны законодательницею моды Франціею, гдѣ онѣ поражали своимъ разнообразіемъ и причудливостію.

За пасторальнымъ періодомъ женскихъ модъ во Франціи, когда герцогини преображались въ пастушекъ, когда все деревенское имѣло какое-то обаятельное вліяніе — наступило видоизмѣненіе и въ головныхъ уборахъ — появились чепцы и шляпы. Всегдашнія посѣтительницы двора, будучи новаторшами этой моды, стали украшать ихъ цвѣтами, лентами, перьями; на головахъ ихъ появились изящныя и причудливыя постройки. Самыя употребительныя шляпы отличались неумѣреннымъ размѣромъ полей и тульи. Ихъ называли шляпами-чепчиками, такъ какъ онѣ своей формой напоминали чепчикъ. Были онѣ съ такими обширными полями, что скрывали все лицо, подобно зонтику. Эта обширная поверхность покрыта была неизмѣримой кучей султановъ, перьевъ, искусственныхъ цвѣтовъ, лентъ и лоскутковъ газа. Таковы нѣкоторыя изъ нихъ: «Черная шляпа à la Maltaise обшита лентой въ видѣ діадемы. Верхъ окруженъ пучкомъ розоваго крепа, образующаго нѣсколько бантовъ. Султанъ состоитъ изъ черныхъ пѣтушиныхъ перьевъ и одного бѣлаго.

Шляпа-чепчикъ. Она сдѣлана на каркасѣ изъ моднаго бѣлаго газа съ широкими розовыми полосами; верхъ пышный, обвитой гирляндой искусственныхъ цвѣтовъ и съ возвышающимся султаномъ изъ зелени и трехъ большихъ перьевъ, изъ которыхъ два розовыхъ и одно голубое.

Другая шляпка-чепчикъ. Эта изъ голубой тафты, украшенной широкими кружевами съ фестонами; верхъ пышный, обвитой лентой въ видѣ діадемы черной и желтой, образующихъ два банта, одинъ очень большой сзади, другой — меньшій спереди; два пера, одно розовое, другое лиловое. Два широкихъ вуаля изъ бѣлаго газа, прикрѣпленныхъ къ

⁷³ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1790, IX, 40.

⁷⁴ Ibid., 1790, I, 125—126.

⁷⁵ Ibid., 11; 115; V, 10; VI, 82; IX, 78.

шляпѣ, спускаются назадъ ⁷⁶. Четыре года спустя эти чепцы смѣняютъ соломенные шляпы, занесенныя изъ Италіи. Француженки предпочли ихъ всѣмъ другимъ, и потому онѣ просуществовали цѣлое столѣтіе. «Эти шляпы принимаютъ самыя разнообразныя формы и дополняются самыми прелестными и причудливыми украшеніями. Одни модистки придаютъ своимъ шляпамъ перпендикулярную форму, затерявшуюся въ лентахъ, у другихъ огромныя поля переходятъ въ воронкообразную тулью, отягченную перьями и цвѣтами».

Соломенная шляпа натурального цвѣта. Соломка вокругъ окрашена въ видѣ діадемы, а снизу множествомъ розовыхъ точекъ. Верхъ очень пышный изъ розоваго крепа. Два большіе банта изъ широкой радужной ленты украшаютъ передъ и задъ. Пять большихъ перьевъ: бѣлое, розовое и темно-зеленаго цвѣта.

Шляпа изъ желтаго газа. Она снабжена лентой въ формѣ діадемы желтой и черной. Верхъ изъ темно-голубаго крепа, очень пышный, окруженный гирляндой изъ искусственныхъ розъ и очень широкой съ большими полосками лентой, собранной назадъ въ большой бантъ. Три большихъ пера: фіолетовое, голубовато-фіолетовое и розовое.

Шляпа изъ соломки натурального цвѣта. Эта шляпа подшита розовымъ сатиномъ съ двумя широкими черными полосами и обшита лентой. Верхъ очень широкій изъ розоваго газа съ маленькими черными полосками, внизу перевязанъ широкой фіолетовой лентой съ зелеными полосами, переходящей въ два большихъ банта, спереди и сзади. Концы спускаются очень низко.

Шляпа изъ каркаса. Каркасъ поддерживаетъ бѣлый газъ, что составляетъ шляпу. Низъ подшитъ розовой тафтой съ широкими зелеными волнистыми полосками. Кругомъ обшита черной шелковой лентой. Широкая небеснаго цвѣта лента, съ одного боку положенная чешуей, съ другого обхватываетъ верхъ, и поднимаются на правомъ боку образуя петлю; гирлянды искусственныхъ цвѣтовъ сплетаются съ этой лентой; съ лѣвой стороны поднимаются два большія пера, бѣлое и розовое, голубое и красное и пушистый султанъ, составленный изъ длинныхъ черныхъ пѣтушиныхъ перьевъ ⁷⁷.

Между шляпами, поражавшими своею оригинальніостію, отмѣтимъ только нѣкоторыя изъ таковыхъ: шляпа, на которой изображенъ корабль со всѣми своими снастями и снарядами, съ пушками и батареями. У одной изъ модистокъ можно было видѣть шляпу пуфъ, съ

⁷⁶ Racinet: Costume Historique. V, F. g.

⁷⁷ Ibid. Costume Historique. V.

военными трофеями, положенными впереди знаменами и литаврами ⁷⁸. Женщинъ забавляло преувеличеніе моды: Въ 1796 г. на карикатурѣ Карла Верне щеголиха представлена въ шляпѣ такихъ размѣровъ, что ея фигуру едва можно различить подъ шляпой ⁷⁹.

Шляпа тюрбанъ—высокая полосатая шапка янычаръ съ газовой повязкой и съ султаномъ изъ перьевъ ⁸⁰ и т. д.

«Разумъ вашъ, иронизируетъ сатирикъ, относительно прихотливости этой женской моды, который не можетъ весь помѣститься въ головѣ вашей, переселяйте въ шляпки о трехъ этажахъ или на тѣ выпренныя горы и холмы, которые воздвигнуты на главахъ вашихъ. Дабы таковыя громады не подавили умъ и мозгъ вашъ, подставьте подъ нихъ подушечки на ресорахъ» ⁸¹. «Воздвигайте на головахъ вашихъ искусственные сады, вазы, колонны, галереи и пьедесталы. Съ таковыми на головѣ зданіями учитесь ходить свободно» ⁸². И дѣвицы заняли свои головы такими Англинскими и Французскими флеровыми бесѣдочками и домиками, что кажется нигдѣ на оной не осталось мѣста для садиковъ и цвѣтниковъ, устроенныхъ изъ волосъ ⁸³. Какъ ни своеобразны были прически и эксцентричны шляпки, однакожъ онѣ сразу вытѣснили стародавніе уборы, горько оплакивающіе свое печальное положеніе. Всѣ эти кокошники съ перепелами, рогатыя шапки, косые чепцы съ шишкой, чепцы бармотики и т. д. шлютъ слезное моленіе модѣ о возстановленіи попорченныхъ модными шляпками правъ ⁸⁴.

Щеголихи затѣмъ «снискивали себѣ знаніе съ умѣніемъ болтать тѣми фонариками, которые привѣшены къ ушамъ чайтельно для того, чтобъ освѣщать лицо, заслоненное модными строеніями» ⁸⁵. Шею иногда обвязывали цвѣтною косынкою. При очень открытомъ лифѣ эта косынка замѣнялась платкомъ (*mouchoir de sou*), который однакожъ надѣвался такъ, что онъ почти нисколько не скрывалъ обнаженной груди. Въ 80 г. было принято по англійскому обычаю обвертывать грудь и шею довольно большимъ платкомъ, который перекрещивался на груди, образуя пухлыя складки и завязывался всегда такъ, что концы его свободно висѣли. Иныя взбивали этотъ платокъ до уродливости.

⁷⁸ Challamel: „Histoire de la mode en France“, 178.

⁷⁹ Quiechera: Histoire du costume en France. 1875, 638.

⁸⁰ Robida: „Mesdames nos aïeules“, p. 175.

⁸¹ „Карманная книжка“, 1791, 1, 29.

⁸² Ibid., 31—32.

⁸³ Прил. № 58.

⁸⁴ Прил. № 63—67.

⁸⁵ „Карманная книжка“, 1791, 1, 32.

Съ непоколебимою также властію царила надъ женщинами мода по отношенію къ платью и вообще одеждѣ. Предъ ней преклонялись рѣшительно всѣ, какъ бы ни были капризны и причудливы ея требованія. Неисполненіе по какимъ-либо причинамъ требованій моды было источникомъ весьма сильныхъ огорченій.

Насколько вообще быстро мѣнялась мода на платьѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка изъ «Почты Духовъ»: «Мода есть первѣйшая страсть здѣшнихъ жителей: чтожъ принадлежитъ до женскаго пола, то онѣ доходитъ въ томъ до безумія. Женщина, окончивъ по утру свой Туалетъ провождаетъ цѣлое утро въ обертываніи около себя разныхъ лоскутковъ, купленныхъ ею на канунѣ. Послѣ обѣда ѣдетъ она въ Театръ, и тогда съ удивленіемъ видитъ, что та мода уже перемѣнилась, и что многія модныя щеголихи одѣты въ другое платье по послѣднему вкусу. Она съ досадою примѣчаетъ, что всѣ онѣ пристально на нее смотрятъ и насмѣхаются ея старомодному убору, отъ чего приходитъ она въ отчаяніе и, не дождавшись окончанія Піесы, поспѣшно выходитъ изъ Театра, запирается въ своемъ домѣ, заставляетъ комнатныхъ своихъ дѣвокъ шить новые наряды, и просиживаетъ съ ними всю ночь, покуда на другой день въ состояніи опять показаться въ свѣтъ, одѣтая по новой уже модѣ»⁸⁶.

Насколько великъ былъ этотъ штатъ домашнихъ модистокъ щеголихи и какъ тягостно ихъ положеніе подъ деспотическою властію хозяйки, прекрасно рисуется слѣдующій отрывокъ изъ «Сатирическаго Вѣстника»: «Пронесшійся слухъ, будто бы въ столицѣ Дамы оставляютъ накладки филейныя, а мужчины манжеты филейныя, повергнувъ многихъ здѣшняго уѣзда госпожъ и дѣвицъ въ великое уныніе. Извѣстная Г-жа Неразсудова, барышня *престарѣлыхъ* уже лѣтъ, наипаче отъ сей новости предалась сокрушенію. Сія госпожа дѣвица отъ своеобразности своей и худаго воспитанія не могли въ молодости своей вступить въ бракъ, долгомъ сочла окружить себя невольными дѣвственницами. Она собрала въ свой домъ до 50 дѣвокъ, которыя денно и ношно упражняются только въ любимыхъ ею филейяхъ. Сии 50 Лукрецій день отъ дня старѣются, и будучи не замужны, время отъ времени увядають. Лишены будучи способовъ ко вступленію въ брачныя обязательства, онѣ вмѣсто того, чтобъ въ продолженіи жизни своей имѣть случаи дѣлать изліяніи на благо правительства и человѣчества, ничего инаго въ весь свой вѣкъ обществу и свѣту не производятъ, какъ только

⁸⁶ „Почта Духовъ“, 1789, 1, 227—228.

нѣсколько десятковъ аршинъ Филе. Мода есть тиранъ, а филе, для которыхъ барышня ихъ полагаетъ быть созданными, изнуряетъ ихъ вѣкъ и занимаетъ мѣсто брачныхъ узъ. Разныя рѣшетки, цвѣточки, узоры составляютъ всѣ цѣли жизни ихъ. Сіи животныя, имѣющія въ дѣйствіи одни только изсохлыя свои пальчики, изнуряютъ жизнь свою и пресѣкаютъ оную филеями, для коихъ употребляемая игла есть мечъ, который рушитъ пустую, въ бытности погребенную и ничѣмъ не означающуюся ихъ жизнь. Сихъ подобныхъ губительныхъ домовъ въ уѣздѣ нашемъ находится великое число. Въ дворянскихъ домахъ родители опредѣляютъ дочерямъ своимъ по нѣскольку таковыхъ дѣвокъ филейницъ, отдаютъ оныхъ несчастныхъ имъ въ приданое, но дѣвица по слѣдствію своеобычности или худаго воспитанія, не могла долго вытти замужъ, предопредѣляетъ сихъ готовить ей приданое, изъ филе состоящее, въ семъ тщетномъ трудѣ проводить свой вѣкъ и невольно сотовариществовать ей въ дѣвствѣ. Странные уставы, произведенные свойствомъ вѣка нашего, нашими нравами и нашими обычаями! Кто не ужаснется, видя, что состояніемъ и благомъ цѣлой жизни располагаютъ съ толикимъ безвниманіемъ, равнодушіемъ, жестокостію и небреженіемъ? Кто можетъ повѣрить, чтобъ суетность и пустота свѣтской и общественной жизни до толь высочайшей степени возмogli загладить чувствованія челоуѣколюбія, что рѣшились претворить подобныхъ себѣ въ тѣ простыя махины, которыя предопредѣляются для удовлетворенія прихотей и самыхъ ребячествъ, отъ коихъ однакожъ между тѣмъ простирается та непрерывная цѣпь горестей, которая составляетъ безотрадность, мрачность и бесполезность вѣка нѣсколькихъ людей?»⁸⁷

Присматриваясь къ той неусыпной заботливости, съ какой щеголиха относится къ платью, и той чувствительности или, лучше сказать, огорченію, которое она проявляетъ, когда оно не соотвѣтствуетъ въ какомъ-либо отношеніи требованію моды, невольно согласишься съ словами журнала: «Важныя вещи, которыя отягощаютъ мрачною мыслию ея (щеголихи) голову и разрушаютъ ея благоденствіе, суть какого-либо новаго манера складки и оборки около юбки, моднаго цвѣта матерія, которой у ней нѣтъ, новаго рода башмачки, шляпки на одинъ или на два вершка болѣе или менѣе, круглой или остроконечной воротничокъ у сюртука, и широкая или узкая спинка у платья»⁸⁸. Появленіе новой вещи охватываетъ все ея существо. По нѣскольку разъ примѣриваетъ одну и ту же одежду: то скинетъ, то опять надѣнетъ, испытывая при

⁸⁷ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1790, 1, 35—40.

⁸⁸ Ibid., 1790, IV, 59—60.

этомъ различныя психическія состоянія, всего болѣе приводившія ее въ радостное настроеніе. Щеголиха веселится, когда удастся ей сдѣлать платье по вкусу и удачно одѣться, когда бы ей всѣ мужчины кричали: «мила, какъ ангелъ»⁸⁹.

Костюмы женскіе въ XVIII в., какъ извѣстно, блистали своею роскошью. Не только одна матерія, вслѣдствіе ея дороговизны, поглощала большія суммы, но и блестящія отдѣлки. Если же прибавить къ этому постоянную смѣну однихъ фасоновъ другими, поражавшими и чрезвычайною нескромностію и изысканной простотой, то понятно будетъ, насколько разорительны были эти костюмы. Нѣтъ, конечно, нужды указывать здѣсь на разнообразіе фасоновъ платья, на постоянную смѣну матерій и ихъ отдѣлокъ; мы остановимся только на томъ, что носило на себѣ своеобразный отпечатокъ эксцентричности и нескромности, очень характерныхъ для женщины XVIII в.

Болѣе устойчивости, повидимому, имѣлъ лифъ, охватывавшій талью, стянутую корсетомъ. Онъ былъ большую часть времени такой вышины, что грудь женщины обнажалась вся, даже при довольно слабомъ движеніи туловища. Въ томъ случаѣ, когда грудь не открывалась, то, для вѣщаго обозначенія половыхъ своихъ особенностей, у щеголихъ были въ ходу такъ называемыя «грудныя подушечки». Благодаря этому груди получали болшую округленность и чрезмѣрно вздымались. Нужно сознаться, что эта мода у нѣкоторыхъ особъ, бюющихъ на извѣстный вкусъ мужчинъ, очень неравнодушныхъ къ бюсту женщинъ, не вывелась и до сихъ поръ. Но свобода груди не исключала отъ сдавленія въ другихъ частяхъ тѣла: «тѣло у нихъ (женщинъ)», печалуется журналъ, «въ столь многихъ мѣстахъ перевязано и обтянуто, что то одно имъ должно причиняти великое число болѣзней, коихъ у нихъ весьма много и такихъ еще, о которыхъ у насъ никогда не слыхали»⁹⁰.

По мѣрѣ того, какъ появлялись новые фасоны, выдумывались для нихъ названія. За робами à l'anglaise, à la polonaise и проч. слѣдовали, быстро смѣнялись: jupes-emues, ebaubies, foufflées, décidées, craintives, avvogantes, fugitives, galantes (юбка взволнованная, удивленная, вздутая, рѣшительная, робкая, нахальная и т. д.). Названія эти дѣлались по матеріи, цвѣту, фасону или просто по какому-либо случайному обстоятельству. Говоря объ этомъ, нельзя не отмѣтить своеобразнаго обычая — ношенія фижмъ, вызывавшаго справедливыя нареканія моралистовъ.

⁸⁹ Пустомеля, 1770, изд. Аван. 91.

⁹⁰ „Всякая Всячина“, № 204, 284.

Происхожденіе фижмъ темно, какъ и всякое происхожденіе, говоритъ Кишера. Одни думаютъ, что онѣ завезены изъ Англіи, другіе — изъ Германіи, третьи, что онѣ занесены изъ театра. Героини трагедій, сохраняя обычай фижмъ конца XVI и начала XVII в., не прекращали придавать юбкамъ искусственную полноту. Въ 1711 г. юбки съ обручами, *lesor ho petticoat*, появились на улицахъ Лондона и, говоритъ Кишера, англійскіе журналисты веселились безконечно; во Франціи мода эта, заимствованная отъ двухъ англійскихъ дамъ въ Тюльери, распространилась въ 1718 году.

Фижмы, отъ неистовства которыхъ не предохранялъ даже возрастъ, были въ употребленіи до конца монархіи. Онѣ видоизмѣнялись разнымъ образомъ: въ 1765 году были только полуфижмы, называемыя тогда янсенистскими (*janseniste*); при Маріи Антуанетѣ фижмы придворныхъ костюмовъ, не достигая размѣровъ, которые требовали бы принцессъ крови имѣть съ боку пустой тубаретъ, были все-таки огромной ширины. Фижмы были англійскія, нѣмецкія, испанскія, итальянскія, всевозможныхъ формъ и размѣровъ до маленькихъ утреннихъ, называемыхъ «осторожными». Онѣ неразлучны не только съ городскими нарядами, но даже съ самыми простыми утренними — казакинами и шушунами, полы которыхъ спускались на фижмы. Фижмы дѣлались изъ кружковъ или обручей китоваго уса, камышевыхъ или изъ легкаго дерева соединенныя вмѣстѣ лентами или сѣтками, въ видѣ курятника, говорится въ *Nonvelliste universel* за 1724 годъ. Послѣ 1725 года ихъ стали дѣлать изъ небѣленаго полотна, изъ толстой тафты и даже изъ шелковой затканой парчи и обратились въ настоящую юбку и изъ всѣхъ носившихся раньше удержались даже лѣтомъ. Фижмы были приняты во всѣхъ классахъ и состояніяхъ общества, съ того времени, какъ *m-lle Margot* нашла средство отпускать ихъ по очень дешевой цѣнѣ, несмотря на ихъ царственную пышность, нашивая просто обручи китоваго уса на полотно, что и составляло юбочку. Нужно же, говоритъ *l'Encyclopédie*, чтобы духовенство, приведенное вначалѣ въ негодованіе, смотря на фижмы, какъ на поощреніе разврата по причинѣ легкости, которую представлялъ этотъ нарядъ для сокрытія послѣдствій, послѣ многихъ порицаній, махнуло рукой. Фижмы, несмотря на ихъ неудобства въ спектакляхъ, на прогулкахъ и въ особенности въ экипажахъ (двѣ фижмы заполняли всю карету), благодаря которымъ та, которая ихъ носила, не могла ни сѣсть, ни подняться, ни сойти, ни даже итти въ обществѣ безъ ужимовъ, зачистую очень нескромныхъ, были въ большой модѣ въ 1745 году. Адвокатъ *Barbier* удостовѣряетъ, что ни одна женщина не могла отрѣ-

питься отъ нихъ. Нескромностей, происходящихъ отъ фижемъ, повидимому, не особенно страшились, т. к. ношеніе кальсонъ, вещь весьма рѣдкая, считалось сомнительной нравственностью. Въ Энциклопедіи (l'Encyclopedie) 1765 года читаемъ: «мода эта падаетъ; въ городѣ и на спектакли ходятъ безъ фижемъ; ихъ не носятъ болѣе на сценѣ». Это преобразование совершилось очень быстро.

Съ этой модой у насъ освоились очень быстро, и она распространилась во всѣхъ сословіяхъ. Впрочемъ, величина фижемъ соразмѣрялась съ знатностію особы, бока которой онѣ украшали. Всякая знатная дама считала тогда обязанностію походить на венгерскую бутылку съ узенькимъ горлышкомъ и широкими боками, или на земной шаръ, у котораго поперечникъ отъ южнаго полюса до сѣвернаго былъ нѣсколько менѣе поперечника экватора. Вѣроятно, съ того времени вошло въ употребленіе для знатныхъ гостей отворять обѣ половинки двери, ибо и тутъ многія дамы проходили не иначе, какъ бокомъ. Сообразно съ табелью о рангахъ, начиная отъ 1 до 14 класса, фижмы суживались, и у женъ купцовъ и другихъ нечиновныхъ лицъ средняго класса замѣнялись обручиками, которые нерѣдко, по благоразумной бережливости и хозяйственной расчетливости, снимались съ разохшихся огуречныхъ боченковъ. Жены простолюдиновъ лишены были привилегіи носить обручики и пользовались только правомъ смотрѣть съ удивленіемъ на широкія фижмы, и иногда въ церкви при тѣснотѣ трогать ихъ тихонько пальцами, дабы узнать внутреннюю сущность этихъ возвышеній. Какъ бы то ни было, «чрезвычайная широта женщинъ, начинающаяся съ середины тѣла, заставляетъ думать, что онѣ суть отмѣнные произведенія или природы, или здѣшняго воздуха».

Такъ какъ рѣдкая часть тѣла щеголихи оставалась безъ ея тщательнаго вниманія и наблюденія, то и ноги составляли предметъ величайшаго кокетства. Такъ какъ ноги, благодаря искусственному устройству, способны принимать разныя формы, то, повидимому, основнымъ стремленіемъ щеголихи было—«ножка маленька и грацій башмачекъ»⁹¹. Это, впрочемъ, и понятно: маленькія ноги считаются у женщинъ большою красотой, и такъ какъ въ ихъ натурѣ всегда предпочитать красивое полезному, то многія готовы переносить какія угодно мученія, чтобы имѣть или казаться имѣющими миниатюрную ножку.

Еще раньше XVIII в. женщины носили крошечныя изящныя надушенные туфли, такъ рельефно выставившія миниатюрность ножки. Въ

⁹¹ „Зритель“, 1792, 1, 68.

концѣ прошлаго столѣтія дамы обувались въ башмачки съ большими розетками и высокими каблуками и шагали въ нихъ точно какъ на ходуляхъ. Въ періодъ революціи и во время имперіи женщины носили маленькіе башмаки изъ сафьяна, привязанные двумя лентами, скрещенными на ногѣ.

Когда водворились новыя прически — низкія, щеголихи, особенно малаго роста, возмѣщали потерю его на каблукахъ, которые иногда достигали до 10 дюймовъ высоты. Вотъ въ какихъ строфахъ Амефри де Шолье, писатель страны, откуда вышла эта мода, отмѣтилъ это явленіе:

Paris cède à la mode et change ses parures;

Ce peuple imitateur et singe de la cour

A commencé depuis un jour

D'humilier enfin l'orgueil de ses coiffures:

Mainte courtè beauté s'en plaint, gronde et

tempête

Et, pour se rallonger, consultant les destins,

Apprend d'eux qu'on retrouve, en haussant

ses patins,

La taille que l'on perd en abaissant sa tête.

Voilà la changement extrême

Qui met en mouvement nos femmes de Paris:

Pour la coiffure des maris,

Elle est toujours la même ⁹².

Въ первые годы нынѣшняго столѣтія дамы носили только свѣтлые башмаки бѣлаго, розоваго, желтаго, зеленаго или синяго цвѣта; потомъ начали дѣлать башмаки изъ матеріи, съ болѣе яркими цвѣтами — кирпичнымъ, оранжевымъ или яркозеленымъ. Только съ 1812 г. вошли въ моду черные башмаки, которые надѣвались только по праздникамъ, а потомъ и по будничнымъ днямъ.

Одинъ изъ нашихъ сатирическихъ журналовъ по этому же поводу дѣлаетъ такое объявленіе: «Францъ Карлъ, французской башмашникъ чрезъ сіе даетъ знать о продажѣ въ домѣ его новодуманныхъ ходуль для низкорослыхъ дѣвушекъ; для сего же самаго предмета находятся у него аршинные каблуки».

Такія миниатюрныя ножки облекались изъ тонкой кожи въ башмаки, атласные и шелковые. Они украшались лентами и пряжками.

⁹² Вейсъ, 3, II, 362.

«Живописцы и поэты всѣхъ временъ постоянно изображали тщеславныхъ съ зеркаломъ, потому что именно передъ зеркаломъ красивая и занятая наружностію особа можетъ вполне предаваться мимикѣ самовосхищенія». И вотъ предъ зеркаломъ, по большей части роскошнымъ, на рамкахъ котораго вырѣзывались иногда два купидона, щеголихи проводятъ очень много времени, часовъ по пяти. И понятно: зеркало дуна уборнаго стола: оно «приятнѣйшее для щеголихи зрѣлище, способствующее къ обнаруженію сокровенныхъ и до толѣ неизвѣстныхъ прелестей»⁹³. Когда щеголиха еще собирается совершить предъ нимъ свой обычный туалетъ, то и тогда уже млѣетъ предъ нимъ отъ предвкушенія созерцать свою особу; наконецъ «ея прелѣстное лицо показывается въ зеркалѣ; взоры ея устремляются на собственные свои глаза, видимые въ ономъ и нѣсколько времени пребываютъ неподвижными. Она страстно улыбается при воззрѣніи на самое себя, подобно какъ на богиню, которая дѣлается единственнымъ предметомъ всѣхъ ея стараній, удивленія и почтенія»⁹⁴. Она внѣ себя отъ восторга, ибо видитъ, какъ «привлекательное дезабилье обнаруживаетъ всѣ ея прелести». Она закрываетъ глазки, чтобъ «не залюбоваться своей красотой», но обворожительный образъ ея носится предъ ней и «бродящее воображеніе» доставляетъ ей пріятность.

Но кромѣ этого прямого своего назначенія — помочь нарядиться красивѣе, причесаться чопорнѣе и самоусладиться, зеркало служить также средствомъ пройти школу различныхъ внѣшнихъ пріемовъ, столь необходимыхъ въ практической жизни щеголихи: она «съ прелестнѣйшимъ искусствомъ упражняется въ пріятныхъ ужимкахъ», выучиваетъ нѣсколько щегольскихъ поклоновъ⁹⁵. Она усваиваетъ себѣ науку «смотреть, смѣяться, краснѣть и блѣднѣть по модѣ и при модныхъ обстоятельствахъ»⁹⁶. Она учится предъ зеркаломъ «разнообразно ломать глаза»⁹⁷, «косить ихъ», «давать замѣтить очаровательную томность глазъ и приводить симъ вертопраха въ пріятное замѣшательство»⁹⁸, метать искры взоровъ и жечь оными тающее сердце щеголя; словомъ, бросать взоры нервные, страстные, застѣнчивые, горделивые, печальные и отчаянные. Для бóльшаго успѣха въ обществѣ, она затверживаетъ разныя модныя

⁹³ „Утренніе часы“, 1788, 11, 27.

⁹⁴ Ibid., 29.

⁹⁵ „Карманная книжка“, 1791, 11, 2.

⁹⁶ Ibid., 1, 18.

⁹⁷ „Трутенъ“, изд. 3-е, 257.

⁹⁸ „Карманная книжка“, 1791, 11, 12.

привѣтствія⁹⁹, «словца», положившія начало модному женскому словарю, «чтобы умножить веселіе и рѣчи оживить и усладить пріятными замыслами».

Если, съ одной стороны, зеркало служило источникомъ вождельныхъ радостей, то иногда бывало и источникомъ сильнѣйшихъ мученій. Въ послѣднемъ случаѣ всегда тогда, когда показывало какой-либо недостатокъ въ костюмѣ, особенно изъянъ въ лицѣ.

Не только нѣжная и румяная юница привыкла совѣтоваться съ зеркаломъ съ утра и до вечера, но и старушка, у которой «ланиты сдѣлались подобно осеннему листу», оставляетъ трюмо съ удостовѣреніемъ той красотѣ, которой она не имѣла¹⁰⁰. Старушки усматривали въ себѣ тѣ прелести, коихъ онѣ были лишены вназдь тому лѣтъ сорокъ¹⁰¹. Что же дѣлаетъ щеголиха, отойдя отъ зеркала въ пріятнѣйшемъ самообольщеніи?

По сатирическимъ журналамъ мы видимъ, что сочиненія ученыхъ и произведенія писателей изящной русской и иностранной словесности стояли внѣ интересовъ щеголихи. Занятая совсѣмъ инымъ, она вопросы научные и эстетическіе вовсе игнорировала. Случайныя попытки въ этомъ родѣ оканчивались печально: щеголиха жалуется, что отъ чтенія научныхъ книгъ у нея «дѣлалась тѣснота въ головѣ», что отъ одной книги, которую она вздумала читать, «провоняла сухою моралью». Признавая одну науку — нравиться и быть обожаемой, щеголиха рассуждаетъ: «какъ глупы тѣ, которыя въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ... Не для географіи одарила насъ природа красотой лица; не для математики дала намъ острое и проницательное понятіе; не для исторіи награждены мы плѣняющимъ голосомъ; не для физики вложены въ насъ нѣжныя сердца; въ словѣ *умѣть нравиться* всѣ наши заключаются науки. За науки ли любятъ насъ до безумія? Наукамъ ли въ насъ удивляются? Науки ли въ насъ обожаютъ? Нѣтъ, право нѣтъ¹⁰².

Естественно поэтому, что нападки сатирическихъ листковъ на щеголихъ—этихъ послѣднихъ только забавляли. Такъ щеголиха, обращаясь къ автору одного письма въ «Живописцѣ», называя его «безпримѣрнымъ», съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что «его перо бѣгаетъ по бумагѣ неподобно, слогъ растрепанъ, мысли прыгающи, что, читая его листки, она утѣшается»¹⁰³. Впрочемъ, ей не чужда нѣкоторая

⁹⁹ „Карманная книжка“, 1, 13.

¹⁰⁰ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1790, IX, 45.

¹⁰¹ „Карманная книжка“, 1791, 11, 43.

¹⁰² „Живописецъ“, VII, 19.

¹⁰³ „Трутенъ“, 111, 255.

любопытность въ этомъ отношеніи, но также своеобразная: ее интересуетъ, что можетъ придать ей значеніе между щеголихами и увеличить обаяніе среди ухаживателей. Такъ, въ письмѣ къ издателю одного журнала, щеголиха обращается съ такой просьбой: Услуги, *радость*, мнѣ, собери всѣ наши модныя слова, и напечатай ихъ особливою книжкою, подъ именемъ *Моднаго Женскаго Словаря*: ты многихъ одолжишь, и мы твой журналъ за это будемъ превозносить. Только не *умори*, *радость*, напечатай маленькой книжкою, и дай ему видъ, а еще бы лучше, если бы напечаталъ ево вмѣсто чернилъ какою краскою. Мы бы тебя до смерти захвалили ¹⁰⁴.

Въ такой же степени, какъ наука, интересовали щеголиху ея занятія хозяйствомъ. Воспитанная еще до выхода замужъ, по большей части, въ нѣгѣ и роскоши, съ исключительнымъ почти стремленіемъ нравиться и побѣждать, безъ всякаго понятія о разумномъ трудѣ, внѣ всякихъ помысловъ о средствахъ, на которыхъ зиждется матеріальное благосостояніе дома, щеголиха занятія хозяйствомъ естественно считала дѣломъ низкимъ, предосудительнымъ и оскорбительнымъ, особенно для дворянки, живетъ ли эта послѣдняя въ деревнѣ, или въ столицѣ. «Ты удивишься», пишетъ такая особа къ своей пріятельницѣ: «Ты удивишься, какъ я тебѣ скажу: у васъ въ Петербургѣ и въ голову никому это не входило. Послушай, да не смѣйся: уморишь, радость! Я принуждена была смотрѣть за курами, за гусями и деревенскими бабами — ха! ха! ха! Разсуди, радость, сносно ли благородной дворянкѣ смотрѣть за едакою подлостію» ¹⁰⁵. Отклоняя отъ себя всякія заботы о домѣ, какъ унижающія ея достоинство, она вызываетъ справедливыя по этому поводу сѣтованія своего мужа: «Жена моя, жалуется мужъ, не хотѣла нарушить спокойствія своего духа попеченіями домостроительства... Она опасалась обидѣть натуру, если замараешь въ кухнѣ прекрасныя руки». Не говоря о такого рода заботахъ, она и другія — болѣе высшаго порядка также считаетъ недостойными себя, а потому естественно, что почитаетъ «все время, въ которое она дома, потеряннмъ и думаетъ, что внѣ свѣта находится». Изъ такого тягостнаго и томительнаго состоянія у нея одинъ выходъ — быть всюду, кромѣ дома, что она и дѣлаетъ самымъ усерднымъ образомъ.

Дѣвушка, выросшая въ столицѣ и проведенная свою молодость въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій, потомъ, по выходѣ замужъ, не можетъ

¹⁰⁴ „Живописецъ“, 56.

¹⁰⁵ „Трутенъ“, 111, 256.

никакъ примириться съ условіями деревенской жизни и клянеть своего мужа, ее туда завезшаго. «Я была красавица, сударь», жалуется одна изъ таковыхъ, «и могла сдѣлать его (будущаго мужа) счастливымъ; но этотъ негодяй увезъ меня въ свою деревню, гдѣ я должна проводить мои лѣта не видя никого, кромѣ рогатаго скота и нѣсколькихъ мужиковъ, которые еще отвратительнѣе были моего мужа»¹⁰⁶.

Щеголиха съ сожалѣніемъ смотритъ на женщинъ, не составляющихъ славы ея пола, и считаетъ малодушными тѣхъ, кои ведутъ жизнь «благородную, крѣпкую и умѣренную»¹⁰⁷; сама же набиваетъ голову своєю знаніями о модныхъ цвѣтахъ, покроѣ платья, о ленточкахъ, шляпкахъ, о пуговицахъ, пряжкахъ и о всемъ, что не изходитъ въ свѣтъ изъ магазиновъ новостей и модъ¹⁰⁸. Изукрасивъ себя всѣмъ этимъ и одѣвшись въ костюмъ самой послѣдней моды, щеголиха всецѣло предается разнообразнымъ развлеченіямъ, являясь всюду: она не пропускаетъ ни комедіи, ни маскарадовъ, ни гульбищей¹⁰⁹. Для ея развлеченій «театръ, церковь, садъ, гульбище, галантерейная лавка, одно за другимъ слѣдовали. Она посѣщала компаніи, кои намѣренію ея поспѣшествовали»¹¹⁰. Да что, впрочемъ, ей иначе и дѣлать? «Когда покупки исправлены, говорить сатирикъ, обращаясь къ щеголихамъ, «обновки съ иголки, болѣзни ваши миновались, воспитаніе и наука кончились, съ знакомыми вы видѣлись и всѣ они у васъ были»¹¹¹, щеголихи, какъ говорится, во всѣ стороны. Разодѣтая и разубранная, она, смотря по времени года, выѣзжаетъ съ вѣромъ, имѣвшимъ большое значеніе въ ея жизни. Опахало, или вѣеръ, въ прошломъ столѣтіи имѣло тройное значеніе:

1. Прямое, естественное: оно охлаждало красавицъ въ общественныхъ собраніяхъ и домашнихъ вечеринкахъ. Исполняя «должность зефира», опахало защищало отъ палящихъ лучей солнца и предохраняло лицо отъ загара—одного изъ враговъ красоты.

2. Символическое. Таковое назначеніе опахала было очень разносторонне, и знаніе этого было возведено въ науку. «Сама богиня любви внушила выдумать сіи магическія палочки, которыхъ употребленіе приведено въ правило и заключаетъ въ себѣ таинственную науку знаковъ

¹⁰⁶ „Почта Духовъ“, соч. Крылова, 1847, 1, 124.

¹⁰⁷ „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова“, 1784, XV, 113.

¹⁰⁸ „Карманная книжка“, 1791, 1, 17.

¹⁰⁹ „Пріятное время, въ пользу употребленное“, 1760, 292.

¹¹⁰ „Полезное съ Пріятнымъ“, 1769, седмый полумѣсяцъ, 10—11.

¹¹¹ „Карманная книжка“, 1791, 11, 1.

красавицъ и щеголей». Какая же эта наука и чему она учила? «Нѣсколько палочекъ или косточекъ, соединенныхъ приклееннымъ къ ней тавтою или картонкою, учинились въ рукахъ прекраснаго пола толь вѣрнымъ, что помощію сихъ игрушекъ могутъ онѣ означать разныя страсти, желанія, хитрости, притворную нѣжность» и т. д. Разсмотримъ частнѣе всѣ виды назначеній опахала. Опахаломъ пользовались, какъ живымъ образнымъ языкомъ для выраженія различныхъ душевныхъ состояній и отношеній:

а) зѣвнуть позади вѣера—значить пошелъ вонъ, надоѣлъ; поднести вѣерь къ правому плечу—я тебя ненавижу; опустить закрытый вѣерь къ полу—я тебя презираю; дотронуться закрытымъ вѣеромъ до ладони правой руки, значить я тебя полюбила; дотронуться закрытымъ вѣеромъ до праваго глаза—когда я тебя увижу; поманить къ себѣ раскрытымъ вѣеромъ, значить: я постоянно хочу быть съ тобою; погрозить закрытымъ вѣеромъ—не будь слишкомъ смѣлъ; приподнять вѣерь правой рукой—вѣренъ ли ты мнѣ? спрятать глаза позади вѣера—я тебя люблю; предложить вѣерь—ты мнѣ сильно нравишься; сдѣлать видъ, будто пишешь на ладони правой руки—напиши мнѣ письмо, прикрыть лѣвое ухо закрытымъ вѣеромъ—не выдавай нашей тайны; поднести вѣерь къ сердцу—ты мой властелинъ на всю жизнь; тихонько закрыть вѣерь—я на все согласна и т. д.;

б) оно служило для испытанія обожателей. Красавица, уронившая опахало, наблюдаетъ, какъ отнесутся поклонники. Первый поднявшій и подавшій опахало красавицѣ естественно побѣждалъ соперниковъ; вѣжливость его близко принималась къ сердцу; въ этомъ случаѣ «прекрасный полъ болѣе говоритъ глазами, нежели языкомъ». Стоило красавицѣ нарочно позабыть опахало, какъ ея любовникъ отвезетъ или отошлетъ его при любовномъ письмѣ или стихахъ, на которые красавица отвѣчаетъ;

в) опахало служило библіотекою пѣсенъ, нотъ и любовныхъ стиховъ. Приклеенная на палочкахъ библіотека переходила изъ рукъ въ руки и занимала иногда цѣлую толпу щеголей и щеголихъ. Когда волокиты, изливая свои чувства въ страстныхъ рѣчахъ и распинаясь передъ красавицами, ввертывали двусмысленныя слова, тогда красавицы опахаломъ, свернутымъ на подобіе палочки, поспѣшно, но не сильно ударяли волокитъ. Послѣ удара красавицы усмѣхались и говорили: перестань пожалуй;

г) опахало до извѣстной степени замѣняло любовныя письма. Влюбленный просилъ позволенія написать на вѣерьѣ какіе-нибудь нѣжные стихи, изъясненіе въ любви; красавица не оставалась въ долгу и

какъ бы безъ умысла писала; въ слѣдующее свиданіе страждущій обожатель принималъ это за отвѣтъ и тайное объясненіе въ любви.

3. Опахало служило средствомъ къ обнаруженію прелестей красавицъ и скрытію ихъ недостатковъ. Въ первомъ случаѣ опахало помогало иногда выставлать, иногда скрывать тѣ прелести, которыя, какъ «возбуждающія благодати» могли сильно дѣйствовать на мужчинъ. «Великихъ дарованій красавицамъ свойственно имѣть свѣдѣнія о томъ, сколько разъ можно махнуть вѣеромъ, такъ чтобы косыночка, закрывающая ихъ грудь, приняла то прекрасное положеніе, при которомъ вопреки булавокъ видима быть могла восхищающаяся непорядочность; также извѣстно имъ, сколько ударовъ вѣера потребно для того, чтобы сія косыночка пока закрылась, или сколько оныхъ нужно для того, дабы пріятнымъ образомъ развѣвать свои волосы, придавая имъ восхищающее положеніе, которое кромѣ опахала никакая рука смертная доставить имъ не можетъ».

Во второмъ случаѣ—скрытіи недостатковъ, красавицы пользовались очень часто: опахаломъ красавицы прикрывали плохіе зубы; имъ, въ виду этой цѣли, пользовались при зѣваньи и смѣхѣ, когда, конечно, очень хорошо можно видѣть дурные зубы. Кромѣ того, развернутое опахало давало возможность красавицамъ скрывать свое наморщенное, а слѣдовательно, и лишенное обычной красоты, личико съ обозначавшимися на немъ жилами. Такъ какъ гнѣвъ часто приводитъ лицо въ такой видъ — красавицы часто безъ малѣйшей причины сердились, то подвижной заборецъ въ этомъ случаѣ имѣлъ очень частое примѣненіе.

Вѣеръ въ настоящее время — изящная принадлежность нашихъ элегантныхъ дамъ. «Тоненькія дощечки, обтянутыя въ золото съ драгоценными камнями и живописью первоклассныхъ художниковъ иногда стоятъ цѣлыя состоянія. По практическому своему примѣненію въ рукахъ на балу — прохлаждающій аппаратъ, а весной и осенью служить защитой противъ солнечныхъ лучей, не настолько сильныхъ, чтобы охраняться отъ нихъ зонтикомъ».

Опахало не потеряло своего символическаго значенія и до настоящаго времени. Вотъ какъ современные щеголихи пользуются имъ въ своихъ отношеніяхъ съ мужчинами:

1. *J'у pense* (я объ этомъ думаю). — Совершенно развернуть вѣеръ.

2. Люблю тебя. — Держа развернутый вѣеръ передъ глазами, приложить при этомъ руку къ сердцу.

3. Подойди ко мнѣ. — Указать вѣеромъ на полъ около себя.

4. Будь остороженъ — насъ слушаютъ. — Кончикъ вѣера приложить ко рту.

5. Отъ души прошу прощенья. — Прижать обѣими руками открытый вѣеръ къ груди, нѣжно поднимая глаза.

6. Могу ли я говорить съ тобой на-единѣ? — Постоянно дотрогиваться до рта закрытымъ вѣеромъ.

7. Я желалъ бы постоянно быть съ тобой. — Совсѣмъ развернуть вѣеръ и махать въ сторону своего vis-à-vis.

8. Я постоянно о тебѣ думаю. — Смотрѣть на закрытый вѣеръ.

9. Вѣренъ ли ты мнѣ? — Лѣвой рукой прижимать къ сердцу закрытый вѣеръ.

10. Въ условленный часъ. — Число несдвинутыхъ дощечекъ вѣера показываетъ назначенный часъ свиданія.

11. Я не могу явиться. — Внутренней стороной повернуть къ своему vis-à-vis.

12. Я дамъ тебѣ знать письмомъ. — Концомъ вѣера водить по ладони, какъ будто начерчивая буквы.

13. Я не люблю тебя. — Отмахнуться закрытымъ вѣеромъ.

14. Я презираю тебя. — Открытый вѣеръ опустить внизъ, держа въ рукѣ.

15. Ты слишкомъ смѣлъ. — Быстро развертывать и заворачивать вѣеръ.

16. Я сердита на тебя. — Серdito захлопнуть вѣеръ и лихорадочно вертѣть его въ рукѣ.

17. Я дуюсь. — Закрытымъ вѣеромъ подпереть подбородокъ.

18. Дай мнѣ знать письмомъ. — Пальцемъ писать на наружной сторонѣ вѣера.

19. Ты совсѣмъ не хочешь меня знать. — Смотрѣть на открытый вѣеръ, качая головою со стороны въ сторону.

20. Тебя обманываютъ. — Конецъ закрытаго вѣера вертѣть правой рукой въ лѣвой.

21. Прошу отвѣта. — Держать ладонями сложенный вѣеръ съ обоихъ концовъ.

22. Садись подлѣ меня. — Закрытымъ вѣеромъ указать на мѣсто.

23. Довольно, ты мнѣ надоѣлъ. — Открытымъ вѣеромъ прикрыть легкую зѣвоту.

24. Не съ ума-ли ты сошелъ? — Закрытымъ вѣеромъ нѣсколько разъ показать на лобъ.

25. Оставь свои противныя любезности. — Открытымъ вѣеромъ подпереть подбородокъ.

26. Я ненавижу тебя.—Закрытый вѣеръ упереть въ правое плечо.
27. Ни слова больше!—Закрытый вѣеръ постоянно пропускать въ полузакрытой лѣвой рукѣ.
28. Танцуй со мной.—Развернутымъ вѣеромъ махать на себя.
29. Сохрани эту тайну.—Открытымъ вѣеромъ прикрыть ладонь лѣвой руки, держа вѣеръ въ правой.
30. Ты очень мнѣ нравишься.—Передать своему vis-à-vis закрытый вѣеръ.
31. Да.—Открытый вѣеръ приложить къ правой щекѣ.
32. Нѣтъ.—Открытый вѣеръ приложить къ лѣвой щекѣ.
33. Я слушаю тебя.—Закрытый вѣеръ приложить къ правому уху.
34. Не могу.—Закрытый вѣеръ повѣсить на шнурѣ на руку.
35. Перестань ревновать.—Закрытый вѣеръ приложить къ лѣвому виску.
36. Твои желанія будутъ исполнены.—Граціозно открывать и закрывать вѣеръ.
37. Не понимаю тебя.—Закрытый вѣеръ положить въ сгибъ лѣвой руки.
38. Добро пожаловать! — Граціозно протануть открытый вѣеръ своему vis-à-vis.
39. Я очень беспокоюсь.—Торопливо брать закрытый вѣеръ изъ одной руки въ другую.
40. Родители мои этого не желаютъ.—Держа въ правой рукѣ открытый вѣеръ, свертывать его лѣвой рукой.
41. Намъ надо прекратить разговоръ.—Закрытымъ вѣеромъ ударять между пальцами лѣвой руки.
42. Избавь меня отъ несноснаго общества.—Закрытый вѣеръ, держа въ обѣихъ рукахъ, прижимать къ сердцу.
43. Прощай, до свиданія! — Закрытый вѣеръ повѣсить на правую руку.

Разсмотримъ частнѣе теперь, что дѣлала щеголиха въ каждомъ изъ излюбленныхъ ею для посѣщенія мѣстъ.

Чопорно причесавшись и отлично одѣвшись, щеголиха садится въ карету, къ которой придѣланы позолоченные купидоны и на коей живописецъ живо и пріятно изобразилъ любовь Венеры и Адониса¹¹². На запяткахъ распудренные лакеи. Иногда арабъ и егерь, богато одѣ-

¹¹² „Собесѣдникъ любителей Русскаго Слова“, 1784, XV, 106.

тые, подѣхавшую къ цѣли своего назначенія барыню принимаютъ за руку ¹¹³.

Ряды, съ ихъ многочисленными лавками, представляли большой соблазнъ для щеголихъ, особенно прїѣзжихъ изъ провинціи: глаза ихъ разбѣгались при видѣ многочисленныхъ товаровъ, тамъ разложенныхъ. Они здѣсь мысленно представляли себя обворожительными, облачившись еще въ некупленные наряды. Самое большее тяготѣніе щеголихи имѣли къ французскимъ лавкамъ, гдѣ и покупали за дорогую цѣну товары у иностранокъ съ французскою совѣстію.

Совершивъ путешествіе по рядамъ, щеголихи съ особеннымъ усердіемъ посѣщали и отдѣльно стоявшіе магазины, по-преимуществу иностранцевъ, которые всего болѣе истощали ихъ ресурсы. «Нѣкоторыя женщины, прилѣпясь чрезмѣрно ко иностраннымъ вещамъ, потеряли совсѣмъ хорошій вкусъ, и что бы хорошее ни было, да есть ли скажутъ, что оно русское, пренебрегаютъ, а дурное, да назовутъ французскимъ, полюбятъ и принудятъ себя принимать его за изрядное» ¹¹⁴. Покупая русскіе товары и предпочитая имъ иностранные, щеголиха

По новомодному во всемъ себя вела.

Уборы и наряды

Брала всегда безъ ряды ¹¹⁵.

Вслѣдствіе любви и обожанія только иностраннаго, все русское щеголихами презиралось. Особенно это пристрастіе сказалось въ области модъ и товаровъ.

Такое отношеніе щеголихъ къ иноземнымъ товарамъ обуславливало разореніе ¹¹⁶ и притокъ иностранцевъ-торговцевъ: «Одна наша (французская) лавка можетъ разорить до ста тысячъ крестьянъ; но эти сто тысячъ хлѣботорговцевъ здѣсь меньше уважаются, нежели одинъ французъ, торгующій шляпами, помадою и стальными пуговицами: почему наши иноземцы, говорить о себѣ французъ, узнавъ такое счастливое къ нимъ уваженіе, не замедлили толпами прїѣзжать сюда».

Впрочемъ, лавки манили щеголихъ къ себѣ и не ради только покупокъ, а просто для развлеченія. Щеголихи—непосѣдки прохаживаютъ скуку рыская по лавкамъ, когда имъ не нужно никакихъ обновъ. Онѣ, «безъ малѣйшей охоты что-нибудь купить», роются въ товарахъ и

¹¹³ „Зритель“, 1792, 1, 37.

¹¹⁴ „И То и Сіо“, третьянадцать недѣля.

¹¹⁵ „Разкащикъ забавныхъ басень“, 1781, 1, 175.

¹¹⁶ „Почта Духовъ“, 1789, II, 67.

ихъ мнутъ, отгоняя покупателей и возбуждая неудовольствіе торговцевъ ¹¹⁷.

Такимъ образомъ, кромѣ своего естественнаго назначенія, ряды служили мѣстомъ для развлеченія «дабы избавиться отъ снѣдающей скуки». «Здѣсь хотѣли покупать не товары, но время, веселіе, утѣхи любви и самое свое благополучіе». «Ряды, исключая веселой въ нихъ прогулки, составляютъ собою то мѣсто, которое большая часть новопріѣзжихъ красавицъ учинили приватнымъ собраніемъ для свиданія. Строгіе родители крѣпко держатъ въ домахъ своихъ прелестныхъ дочекъ, но въ ряды, яко въ безопасное мѣсто, отпускаютъ безъ подозрѣнія, полагая, что когда онѣ заниматься будутъ покупками, тогда нѣкогда имъ собирать вокругъ себя цѣнителей собственныхъ ихъ прелестей. Старички и старушки въ семь обманываются; вы щеголи старайтесь пользоваться симъ ихъ заблужденіемъ, и пріобрѣтайте помощью кошелевѣ вашихъ благосклонность тѣхъ нянюшекъ и мамушекъ, которыя составляютъ удобопреклонныхъ Церберовъ, хранящихъ сіи яблочки Гесперидскаго сада. Между тѣмъ и сами собою содѣлывайте сіи мѣста толь достойными вниманія, дабы красавицы каждой день придумывали тысячу вещей, которыя имъ будто нужно искупить. Итакъ, вкратцѣ вотъ всѣ пользы, пріятности, предметы и цѣли поѣздокъ въ ряды. Не нужно болѣе ни оныхъ похвалять, ни разпространяться въ описаніи доставляемыхъ ими выгодностей и удобствъ. Не нужно учить щеголей и щеголихъ, дабы они старались преобращать ряды въ торжище сердцами. Затмилъ бы я симъ славу сего преимянитаго отродья челоуѣковъ. Все то извѣстно имъ и безъ меня. О вы достохвальные ряды! Колико то извѣстно, что подъ крышками вашими столько же распродано сердецъ и такой на оныя расходъ, какъ и на товары» ¹¹⁸.

Не довольствуясь покупками, въ обиліи совершенными въ лавкахъ, щеголихи, кромѣ того, удовлетворяли своей страсти къ нарядамъ и на домахъ: разнощики и продавцы разныхъ модныхъ товаровъ чуть не десятками являлись ежедневно къ ихъ услугамъ. Истративъ, безъ сожалѣнія, на эти покупки значительныя суммы, они показываютъ ихъ и своимъ домашнимъ и пріѣзжимъ знакомымъ ¹¹⁹.

Редутъ и клубъ, какъ излюбленные мѣста для сборищъ, служили щеголихамъ «Академіями модъ, нарядовъ и вертѣнья». Одинъ изъ са-

¹¹⁷ „Всякая Всячина“, 1769, 173.

¹¹⁸ „Карманная книжка“, 1791, 25—28.

¹¹⁹ „Карманная книжка“, 111. 53.

тириковъ прошлаго вѣка такъ рисуеъ щеголихъ, иронически дѣлая наставленія, какъ тамъ вести себя: «Блистайте своими платьями, плѣняйте красотою и прельщайте другъ друга безпрестаннымъ прыганіемъ. Не сидите ни минуты на одномъ мѣстѣ; но безпрерывно бѣгайте туда и сюда и ходите изъ комнаты въ комнату. То старайтесь догнать ловко одѣтаго мужчину, или того, коего фізіогномія вамъ приглянулась. То, завидя вдали пріятелей вашего семейства, бѣгите спросить ихъ только о томъ: не знаютъ ли они, гдѣ ваши братцы. Шествуйте съ важно-стію и тихостію тогда, какъ примѣтите, что послѣдуетъ за вами не малая толпа отборныхъ франтовъ. Приманивайте оныхъ къ себѣ столь искусно, чтобъ они не на пядень отъ васъ не отставали и ни на минуту бы не отлучались. Для испытанія возманивающейся ихъ нѣжной къ вамъ привязанности старайтесь нарочно отъ нихъ будто убѣгать; вмѣшивайтесь въ толпу и въ оной скрывайтесь отъ нихъ изъ виду. Потомъ сжалаясь надъ ними, подавайте имъ способъ скоро васъ находить. Но едва они успѣваютъ васъ сыскать, для забавы продолжайте ихъ мучить. Потомъ, подходя къ танцующимъ, пересмѣхайте веслоухость и неловкость знакомыхъ и незнакомыхъ дѣвушекъ. Нападайте болѣе на тѣхъ, которыя васъ прекраснѣе и въ танцованіи искуснѣе. Нападайте на тѣхъ, съ которыми болѣе говорятъ щеголи и болѣе ихъ хвалятъ нежели васъ. Примѣчайте тутъ наряды, узнавайте о модномъ цвѣтѣ, о шляпкахъ, волосахъ, лентахъ, вѣрахъ и перстняхъ. Оглядывайтесь почаще назадъ, дабы узнать, нѣтъ ли кого изъ вашихъ обожателей. Говорите искусно глазами и движеніями о желаніи вашемъ итти танцовать. Принимайте предложенія отъ тѣхъ, которые во время вашей прогулки за вами бѣгали и кидали на васъ страстные взоры. Подавайте руку съ пріятностію, на умильное привѣтствіе усмѣхайтесь съ ловкостію, и тонко улыбайтесь при всякомъ вздрагиваніи пальчиковъ вашего кавалера... Благосклонно вступайте въ разговоръ при началѣ шена, прерывайте слова или договаривайте, когда дойдетъ очередь вамъ встрѣтиться. Въ сихъ движеніяхъ благосклонно позволяйте вертопраху сказать пятокъ или десятокъ смѣлинькихъ словечекъ. Если онъ имѣлъ щастіе вамъ понравиться, во время танцованія можете вы пошептомъ и непримѣтно для другихъ надоумить его, гдѣ вы живете, кто вамъ общіе знакомые и какъ онъ можетъ сдѣлаться вѣзжимъ въ вашъ домъ. Вообще танцованіе употребляйте средствомъ говорить о тѣхъ забавныхъ и невинныхъ предметахъ, которые опрочъ сего мѣста нигдѣ въ слухъ объявить не можно... Вечеръ проходитъ, уже второй часъ и всѣ начинаютъ развѣзжаться. Поспѣшайте накоплять болѣе обожателей, дабы въ каждой Редутъ и Клубъ, въ случаѣ отсутствія нѣкоторыхъ изъ нихъ, всегда

имѣть готовую толпу щеголей, старающихся о снисканіи вашей благо-склонности. Производите между оными поревнованіе отличатьсѣ услу-гами, нарядами, блистаніями и щегольствомъ. Старайтесь собственной вашѣ покой потерять скорѣе, и въ слѣдствіе предписанія моды ли-шиться вашего сердца, по большей мѣрѣ въ два или три посѣщенія Редута и Клуба» ¹¹⁹.

Когда наступало время любимѣйшихъ собраній-маскерадовъ, гдѣ всюду роскошь и богатство, вольность и равенство, гдѣ такъ смѣшива-лись всѣ состоянія, что трудно бывало разобрать людей—щеголихи осо-бенно радуются наступленію такого рода общественныхъ развлеченій, отличавшихся всегда многочисленностью и оживленностью. Сюда стекались богачи, помѣщики, новопріѣзжіе, старики и старушки, съ своими доч-ками и сынками, красавицы и франты, щеголихи и хватики, танцов-щицы, волокиты и однимъ словомъ всякаго званія и свойства ¹²⁰. Вотъ тутъ-то щеголихи вдоволь веселятся и «изъ всѣхъ силъ стараются побѣждать, покорять и налагать на сердца оковы и заготовлять къ скучному времени Великаго поста довольное число жениховъ». Тутъ щеголихъ можно было видѣть при различныхъ обстоятельствахъ: здѣсь въ уютномъ уголкѣ сидитъ щеголиха съ молодымъ хватикомъ, который напѣваетъ ей на ухо о страстной любви, отчаяніи, страданіяхъ; тамъ цѣлая ихъ вереница съ щеголями снуютъ по заламъ маскарада.

Моднымъ мѣстомъ для развлеченій были также сборища на кон-цертахъ; но и здѣсь онѣ собирались вовсе не ради искусства: щего-лихамъ нужны были не гармоническіе звуки, а напѣвы вертопраховъ. Онѣ слушаютъ, только не музыку, а «разказы подлипаловъ, смѣхъ ве-сельчаковъ, лестъ волокитъ, шумъ франтовъ, повѣсти и шуточки бель-эспри и привѣтствія учтивцовъ» ¹²¹. Въ то время, когда уши щеголихъ заняты, какъ видимъ, совсѣмъ другой музыкой, «глаза бродятъ по разнообразному цвѣтному саду, составленному изъ фраковъ и каф-тановъ» ¹²².

На масляницѣ, въ то время, когда многіе думаютъ, что могутъ желудокъ свой учинить запаснымъ магазиномъ масла, молока, яицъ, пироговъ, блиновъ и пряженцовъ ¹²³, щеголихи, «если стужа не весьма морозитъ ихъ щечки», днемъ ѣздятъ съ щеголями смотрѣть бѣга, ка-

¹¹⁹ „Карманная книжка“, 1791, 11, 9—17.

¹²⁰ Ibid., 1791, 11, 98.

¹²¹ Ibid., 1791, 111, 26.

¹²² Ibid., 27.

¹²³ Ibid., 1791, 11, 85.

танье съ горь, и въ загородныя излюбленныя мѣстечки; по вечерамъ особенныя катанья. Въ это время «щеголи стараются имѣть лучшія сани, лучшихъ лошадей, богато одѣтыхъ верховыхъ, и съ таковыми-то уборами, сговорясь вмѣстѣ до нѣскольکو десятковъ, катаютъ знакомыхъ красавицъ» ¹²⁴.

Посѣщеніе театра щеголихами вытекало не изъ внутренней потребности освѣжать и облагораживать себя искусствомъ, а требованіями той же моды, которая распространила свои законы и на театрѣ. Считалось признакомъ хорошаго тона посѣщать театрѣ только тогда, когда ставили модную пьесу ¹²⁵. Не попасть на таковую, когда собирается все избранное общество, для щеголихи было верхомъ злосчастья, особенно при постановкѣ пьесы въ первый разъ ¹²⁶. Самыя пьесы, хотя новыя, вовсе не интересовали ея своимъ содержаніемъ. «На театрѣ, говорить о себѣ щеголиха, и изъ ложи и изъ партера простыми глазами не смотрю я, и всегда въ лорнетъ: на спектакляхъ, а особливо, когда представляются трагедіи, говорю я всѣхъ больше, хахачу въ трагедіяхъ больше всѣхъ». Вѣрная самой себѣ вездѣ, она и здѣсь питаетъ себя «блестящимъ и пышнымъ зрѣлищемъ» и мнитъ прельщать и ослѣплять другихъ своими уборами ¹²⁷. Въ театрѣ—этомъ, какъ она думаетъ «училищѣ модъ», только и осматриваетъ ихъ и приходитъ въ отчаяніе и уѣзжаетъ, какъ только увидитъ себя одѣтой не по модѣ ¹²⁸. Тѣ же побужденія, которыми руководятся щеголихи для выѣздовъ въ театры, концерты, балы, бѣга и катанья, направляютъ ихъ и въ церкви. «У щеголихъ и щеголей имянно назначены тѣ церкви, въ которыя преимущественно долженъ сѣзжаться большой свѣтъ. Имянно раздѣлены у нихъ дни, въ которые должны быть въ такой или такой-то церквѣ. Они то въ городѣ, то на Арбатѣ или на Пятницкой слушаютъ обѣдни. Впрочемъ во всякомъ углу города предопредѣляются къ сборищамъ особенныя церкви ¹²⁹. Эти-то заранѣе опредѣленныя церкви служатъ не мѣстомъ, «гдѣ долженъ человѣкъ, представши съ благоговѣніемъ отчуждиться всякихъ человѣческихъ мечтаній, пороковъ и слабостей» ¹³⁰, а сборнымъ пунктомъ для свиданія съ щеголями и бесѣдами о предметахъ, оскорбляющихъ высоту и святость мѣста.

¹²⁴ „Карманная книжка“, 1791, II, 88.

¹²⁵ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1790, IV, 59.

¹²⁶ „Собесѣдникъ любителей Русскаго Слова“, 1784, XV, 113—114.

¹²⁷ „Карманная книжка“, 1791, II, 20.

¹²⁸ Прилож. стр. 24.

¹²⁹ „Карманная книжка“, 1791, III, 46—47.

¹³⁰ Ibid.

Независимо отъ столь разнообразныхъ развлеченій, изо дня въ день повторяющихся, къ которымъ щеголиха прилѣпляется всѣми силами своей души, у нея есть еще новый видъ таковыхъ—визиты, число которыхъ бываетъ очень внушительно: ибо въ одинъ день посѣщаетъ она «домовъ двадцать или тридцать». Тѣ лица, которыя, по ея мнѣнію, стоятъ выше, сравнительно съ другими, посѣщаются прежде; къ стоящимъ ниже по рангу пріѣзжаютъ позже. Обѣщая пріѣхать и заставляя себя долго ждать, инымъ вмѣсто себя присылаетъ «извинительную цыдулучку». Во время этихъ посѣщеній щеголихи даютъ полную свободу своему ничѣмъ несдерживаемому языку.

Если щеголихи «болѣе смотрятъ на убранство и наружность, нежели на качество ума и сердца и всегда упражнены наполнять свои головы цвѣтами»¹³¹; если «кружево, ленты серебряные и золотые галуны служатъ приманкою женщинъ», то естественно, что бесѣды щеголихъ вполнѣ отвѣчаютъ узости ихъ міровоззрѣнія, низменности интересовъ и суетности ихъ чувственныхъ стремленій. У щеголихъ, занятыхъ исключительно собой—наряды составляютъ первое мѣсто въ ихъ разговорахъ: роброны, камзолы и юбки¹³², съ различными ихъ отдѣлками, головные уборы съ алмазами и розами на шляпкахъ¹³³ и безъ таковыхъ, новомодныя матеріи и фасоны, прически и вообще принадлежности дамскаго туалета¹³⁴. Попутно съ этимъ идетъ рѣчь о томъ, когда и какъ лучше одѣться, при чемъ каждая изъ щеголихъ выставяла на видъ изящество своего вкуса, отрицая его у другихъ¹³⁵.

Такъ какъ, съ другой стороны,

Любопытство отъ природы

Въ женской полѣ вкоренено,

то щеголихи съ живѣйшимъ участіемъ толковали о новостяхъ—свадьбахъ, съ ихъ обстановкой, приданымъ, свойствами новобрачныхъ; празднованіяхъ дня именинъ извѣстныхъ лицъ и т. п.¹³⁶. «Безполезное и вредное болтанье» дѣлается достояніемъ очень, очень многихъ домовъ. По отсутствію философскаго образованія и развитія женщины въ XVIII в., обычно приподнимающихъ человѣка и ставящихъ его выше жизнен-

¹³¹ „Всякая Всячина“, 1769, № 14, 42.

¹³² „Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова“.

¹³³ „Всякая Всячина“, 1769, 42.

¹³⁴ „И То и Сію“, 1769, сорокатыретьчетвертая недѣля.

¹³⁵ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1790, IV, 57.

¹³⁶ „Всякая Всячина“, № 14.

ныхъ мелочей и лучше всего предохраняющихъ отъ пересудъ, щеголиха предавалась злословію. Такова, на примѣръ, «госпожа Непосѣдова, которая больна припадкомъ ѣздить изъ дома въ домъ безпрестанно; переносить вѣсти, ссорить друзей, супруговъ и всѣхъ, ково случится. Сіе дѣлаетъ отъ добраго сердца: ибо она всѣхъ любитъ равно; итакъ, еслии гдѣ услышитъ о комъ слово, то уже не приминетъ пересказать дѣйствительно изъ одного сожалѣнія. Сіе ее сожалѣніе часто производитъ ссоры, и для того потребенъ ей отъ сей болѣзни рецептъ»¹³⁷. Порождаемое пустотой жизни злословіе принимало у щеголихи громадныя размѣры: «она злословитъ всѣхъ женщинъ, которыя не такъ живутъ, какъ она, или имѣютъ несчастье быть хороши». Такъ одна изъ нихъ, въ присутствіе многихъ, по мѣткому замѣчанію журнала, «прокрикивала своихъ соперницъ, всѣми силами старалась ихъ опорочить и привести въ безславіе, и, наконецъ, пришедъ въ театральную пассію, ругала ихъ безъ милосердія». Такое порицаніе не осталось безъ воздѣйствія. Слѣдствіемъ этого было то, что «въ короткое время сіе собраніе людей начало походить на жидовскую школу»¹³⁸.

Вслѣдствіе распушенности нравовъ прошлаго столѣтія, притупившей чувство стыда, женщины болтали о томъ, что ихъ только могло компрометировать. Они не стѣсняются неблагопристойностію сюжета¹³⁹. Въ одномъ журналѣ дѣлается слѣдующая замѣтка: «Нѣкоторая дама сказывала себя въ нескромности и выбалтывала даже такіе дѣла, которые принадлежать до ея спальни въ отсутствіи возлюбленнаго супруга, и которому ей бы одной только и вѣдать надлежало».

Отмѣчая такую необычайную болтливость женщинъ и склонность ихъ къ пересудамъ и злословію, одинъ изъ журналовъ такъ иронизируетъ надъ сплетницами: «Нѣкоторая великая госпожа, великая охотница молоть по часту пустое: спрашивала у лѣкаря отъ чего у нея зубы прежде времени падаютъ, на что врачъ отвѣчалъ ей тако, вы сударыня очень часто изволите колотить въ нихъ языкомъ». «Многія изъ нихъ не будучи съ природы одарены остротою разума, стараются замѣнить сіе начитанностію, и для сего не выпускаютъ изъ рукъ съ утра до вечера Спутника и Собесѣдника веселыхъ людей, Разумнаго и замысловатаго товарища и *Dictionnaire des bons mots*»¹⁴⁰.

¹³⁷ „Трутенъ“, Изд. 3-е Ефремова, 163.

¹³⁸ Прилож. № 87.

¹³⁹ „Всякая Всячина“, 1769, № 59, 158.

¹⁴⁰ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1790, 111, 101.

Въ обществѣ молодыхъ людей, гдѣ щеголиха особенно любитъ пребывать, она неумолкаема и проявляетъ необычайную живость. Окруженная толпой обожателей, она выработала особый языкъ, не всегда понятный всѣмъ, но хорошо извѣстный щеголямъ. И вотъ когда «ее дожидается толпа людей прельщенныхъ ея нарядами, она съ ними (щеголями) говоритъ половина сѣвернымъ, половина полуденнымъ; или такимъ языкомъ, котораго большая часть здѣшнихъ жителей не разумѣетъ, то-есть выдуманнымъ языкомъ»¹⁴¹. Есть щеголихи, которыя не пробавляются заучиваніемъ только извѣстныхъ комплиментовъ, но и сами выдумываютъ острые слова, изъ которыхъ можно «здѣлать лексиконъ пріятныхъ и остроумныхъ сочиненій»¹⁴². Переходъ отъ одной мысли къ другой у щеголихи постоянный: «Ни о какой матеріи по педански съ доказательствами не болтаю, и какъ надо благородной дамѣ, перебѣгаю изъ матеріи въ матерію».

Устанавливая бытовавшій фактъ, сатирикъ, обращаясь къ щеголихамъ, говоритъ: «Поспѣшите накоплять болѣе обожателей, дабы въ каждый Редутъ и Клубъ, въ случаѣ отсутствія нѣкоторыхъ изъ нихъ всегда имѣть готовую толпу щеголей, старающихся о снисканіи вашей благосклонности»¹⁴³. И дѣйствительно, «мужчины толпой бѣгаютъ за ней»; она мѣняетъ десятки обожателей. Всѣ мужчины, кои либо по пригожеству своему, либо по изрядству нравовъ любви достойными себя почитали окружили меня, и остряки и красавцы старались быть мною знаемы»¹⁴⁴. Сопровождаемая толпой поклонниковъ, около нея увивающихся и восторгающихся ея красотами, опьяненная этимъ фіміамомъ куреній, она съ восхищеніемъ говоритъ о тѣхъ своихъ чарахъ, которыми плѣнены были молодые люди: «одинъ удивляется красотѣ моего лица; другой хвалитъ руки; третій — станъ; иной походку; тотъ пріятность моего голоса; иной превозноситъ нѣжность моего вкуса въ нарядахъ; словомъ сказать, ни одна изъ бездѣлокъ моихъ даже до булавки не останется, чтобы не была расхвалена»¹⁴⁵. Не имѣя истиннаго понятія о любви и не чувствуя привязанности ни къ одному, она желаетъ нравиться многимъ. «Ни одного не любя, ни у одного не отнимаетъ надежды. Однимъ словомъ, на онаго взирая съ улыбкою, иному сказавъ пріятное слово, она старается привязать всякаго къ себѣ, не

¹⁴¹ Прилож. № 17.

¹⁴² „Адская Почта“, 1769, Письмо 13, стр. 53.

¹⁴³ „Карманная книжка“, 1791, 11, 15.

¹⁴⁴ Прилож.; стр. 9.

¹⁴⁵ Прилож., стр. 27.

привязываясь сама ни кому» ¹⁴⁶. Привязанность многихъ къ одной щеголихѣ достигается слѣдующей ея тактикой: «Я такъ и поступаю: съ однимъ поговорю, другаго похвалю, на третьяго брошу взглядъ, поражающей ево сердце, и такъ далѣе. Я ни одному ничего не обѣщаю, но однакожъ всѣхъ къ себѣ привязываю» ¹⁴⁷. Такой образъ дѣйствій щеголихи по отношенію къ ея поклонникамъ былъ въ духѣ того времени.

Понятіе о любви женщина прошлаго столѣтія выразила въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ:

Одного любить не въ модѣ
Нынѣ машутъ по погодѣ.

Другіе, смотря со стороны на ея любовныя похождения, въ правѣ были сказать:

У красотки плутоватой
Вѣчно будетъ скотъ рогатый.

И нужно отдать справедливость щеголихѣ: «она умѣла вести любовную интригу — конча одну, начать другую и приготовиться къ третьей». Она, очень скоро истощивъ свою горячность на первомъ избранникѣ, переходила къ новому. Рѣдкій мужъ, поэтому, избѣгалъ превращенія въ рогатаго скота ¹⁴⁸. «Благонравіе же ея, проницательно замѣчаетъ журналъ, состояло въ томъ, что она оказывала горячую любовь ко всѣмъ, считала до двухъ сотъ друзей, до четырехъ сотъ пріятелей и пріятельницъ». Слѣдующая пѣсенка очень вѣрно рисуетъ это мимолетное и непостоянное чувство любви, которое проявляла женщина XVIII в.

Въ понедѣльникъ я рѣшилась
Къ одному любовь питать,
Но во вторникъ вновь плѣнилась,
Стала страстью той пылать,
И не зрѣвъ свободы болѣ;
Среду всю была въ неволѣ.

* * *

¹⁴⁶ „Вечера“, 1772, 166.

¹⁴⁷ Прилож. № 18.

¹⁴⁸ „Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова“, 1783, 11, 19.

Не терпя оковъ, я тщетно
Умоляла небеса,
Мнѣ четвергъ лишь непремѣтно,
Въ томъ открылъ всѣ чудеса,
И содѣлалъ рай въ напасти,
Давъ вкусить инныя сласти.

* * *

Пользуясь опять свободой,
Въ пятницу союзъ сплела,
И довольствуясь сей модой,
Вѣрность день весь тотъ блюла;
Но въ субботу мысль разбилась,
Страстью новой заразилась.

* * *

Зря все это, какъ сновидѣнье,
Я не знала, что начать,
И рѣшилась въ воскресенье
Свое сердце наказать;
Но къ сему лишь приступила,
Страсть въ немъ нову находила ¹⁴⁹.

Одинъ изъ сатирическихъ журналовъ, выставляя на видъ подобную распущенность женщинъ, дѣлаетъ такое объявленіе: «Открытъ заемный банкъ женской вѣрности, въ которой въ тотъ же день отъ разнаго званія женщинъ людей поступило 5000 объявленій о займѣ большого количества женской вѣрности». «Невинная, поэтому, сущая дура: смѣшная кукла ни улыбнуться, ни закраснѣться кстатѣ не умѣетъ». «И напрасно какой-то бѣднякъ, говорилъ современникъ, въ нашемъ вѣкѣ искалъ Лукрецію и, не найдя нигдѣ, о томъ сожалѣлъ» ¹⁵⁰.

Совершенно естественно, поэтому, что щеголихи, предъ вступленіемъ въ бракъ, даже выговариваютъ себѣ право свободной любви. Такъ г. «Прельщалова чрезъ сіе почтеннымъ знакомцамъ своимъ объявляетъ, что хотя она в недавнѣ и вышла замужъ за г. Раболѣпова, однакожъ могутъ они къ ней столь же свободно и удобно пріѣзжать во всякое время, какъ и прежде; поелику выходя замужъ, въ условіи

¹⁴⁹ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1790, IV, 95—97.

¹⁵⁰ „Трутень“, 171.

о бракѣ оговорила она, чтобъ сія необходимая для нея должность была бы ей безпрепятственно позволяема. Жительство имѣеть она въ перелѣтѣ кокетства подъ 29 номеромъ корыстолюбія» ¹⁵¹.

Женщины, воспитанныя по правиламъ тогдашняго свѣта, презирали благопристойность и цѣломудріе считали пустою мечтою. Вотъ почему для свѣтской женщины не было ничего противнѣе «добродѣтельного мужчины»: «Какая бы ни была причина сей разности въ обхожденіи женскаго рода мы найдемъ, что женщины болѣе любятъ вступать въ обязательства съ особами веселаго и вѣтрянаго нрава, нежели съ такими, кои были бы въ состояніи уменьшить ихъ склонности и сдѣлать ихъ въ томъ перевѣсъ» ¹⁵².

При такомъ взглядѣ на бракъ, конечно, болѣе всего подходящимъ мужемъ для щеголихи былъ тотъ, который всѣхъ ограниченнѣе. Одна изъ щеголихъ въ своемъ отзывѣ о женихѣ, «что изъ всѣхъ мужчинъ моего женишка трудно сыскать глупѣе», такъ выражаетъ свою радость по поводу будущаго съ нимъ въ супружествѣ сожитія: «вообрази себѣ, какое щастіе, имѣть мужемъ такого фалю, котораго въ день можно по сту разъ обманывать» ¹⁵³. Другая собирается умереть съ досады, если ей навязжутъ умнаго ¹⁵⁴. Щеголихѣ нуженъ въ мужа такой простачекъ, который бы назывался номинально мужемъ и отнюдь не вмѣшивался бы въ ея дѣла. Въ этомъ отношеніи щеголиха оправдывала своимъ поведеніемъ слѣдующіе характерные стихи:

У многихъ женщинъ есть замашка,
Хоть мало въ простакѣ пути,
Охотно за него итти.
Такой де мужъ женѣ—рубашка!
Имъ можно такъ и сякъ вертѣть,
Подъ часъ заснуть велѣть,
Подъ часъ чуть чуть глаза прищурить,
А иногда совсѣмъ зажмурить ¹⁵⁵.

¹⁵¹ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1792, IV, 114.

¹⁵² „Всякая Всячина“, 1769, № 131, 347.

¹⁵³ „Почта Духовъ“, 1789, 1, 276.

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Ibid.

¹⁵⁶ „С.-Петербургскій Меркурій“, 1793, 11, 93.

Слѣдствіемъ такого легкомысленнаго взгляда модной женщины на любовь было то, что едва только молодой успѣвалъ ввести въ домъ молодую особу въ качествѣ жены, какъ

Къ нему съѣзжались въ домъ

По всякой день гостей содомъ...

Всякъ тѣлился похвалою ему вѣнокъ плести;

А больше штокъ съ женой знакомство завести

И сердце ей свое на жертву принести ¹⁵⁷.

Непрошенные мужемъ гости—эти мнимые друзья

... безвыходно и день и ночь,

И не отходятъ прочь,

Отъ сей красавицы ни на минуту... ¹⁵⁸.

Свобода чувства въ любви и, какъ естественное слѣдствіе этого, постоянная перемѣна любовниковъ, дѣлала нѣжную привязанность къ ней супруга тошную. Она

Желала, чтобы къ ней

Былъ мужъ похолоднѣй;

Любовь ея супружняя мучить

Супругъ присутствіемъ своимъ

ей скучить ¹⁵⁹.

Стѣсняясь, дѣйствительно, привязанностію къ ней мужа, она такъ выражаетъ свою жалобу: «Мужъ мой въ умѣ очень развязанъ, да это бы и ничего; чѣмъ глупѣе мужъ, тѣмъ лучше для жены: но вотъ что меня *терзаетъ до невозможности*; онъ *влюбленъ въ меня до дурачества*, а къ тому жъ еще и ревнивъ. Фуй! какъ это *не ловко*; мужъ растрепанъ отъ жены: это, радость, гадко!» ¹⁶⁰. Обнаруживая полную неприглядность своей нравственной натуры, она продолжаетъ: «Подари, радость, хорошенькимъ совѣтомъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Онъ до того *теменъ въ свѣтъ*, что и спать со мною хочетъ вмѣстѣ: ха, ха, ха!» ¹⁶¹.

Такія воззрѣнія щеголихи вытекали изъ кореннаго ея убѣжденія, что ни мужъ жену, ни жена мужа не должны стѣснять другъ друга своимъ сожительствомъ: «Видѣть мужа всякой часъ, говорить она, си-

¹⁵⁷ Прил. № 110.

¹⁵⁸ Ibid.

¹⁵⁹ „Трутенъ“, изд. 3-е Ефр. 250.

¹⁶⁰ Прил. № 19.

¹⁶¹ Ibid., 59.

дѣтъ съ нимъ обнявшись, говорить съ нимъ нѣжно, да еще и ревновать къ нему—фуй! какъ это не ловко... Что это за старовѣрка, чтобъ быть прицѣпленной къ своему мужу и ревновать ко всякой: но это быть не можетъ: нынче вѣкъ просвѣщенный! воспитаніе наше безпримѣрно: мы мужьямъ нашимъ даемъ свободу знаться съ тѣми женщинами, съ которыми они хотятъ; и довели ихъ до того, что и они намъ тоже позволяютъ»¹⁶². Слѣдствіемъ такого взгляда на достоинство мужа естественно было то, что жены вели нецѣломудренную жизнь. Такъ *Витрана* «съ горячностью усыпляетъ мужа въ своихъ объятіяхъ, выпускаетъ полегоньку любовника, провождаетъ съ нимъ нѣсколько часовъ, и представляетъ супругу своему картину чужой работы за его оригинальную»¹⁶³. Щеголиха «*Притвора* смотритъ на мужа со вниманіемъ, взираетъ на черты своего сына, и удивляется грубому несходству, относя сіе на счетъ незнанія въ рисовкѣ одного кавалериста»¹⁶⁴.

Въ крайнихъ случаяхъ, когда мужъ не находился въ полномъ подчиненіи у своей жены, эта послѣдняя прибѣгала къ особымъ приемамъ—уловкамъ. Въмѣсто убѣдительныхъ доводовъ при своихъ просьбахъ, на исполненіе которыхъ особенно трудно рассчитывать, красавицы пользовались хитростію, которая имъ, какъ видно, всего болѣе удавалась — притворнымъ обморокомъ. Онъ имъ помогалъ, нужно ли было приобрести новый экипажъ и облечь себя въ новомодный костюмъ, украсить драгоценнымъ ожерельемъ, или обставить свою квартиру богатою обстановкою. Во избѣжаніе пассажировъ мужа, какъ это ни бывало иногда больно, раскошались и нерѣдко разорались. При неисполненіи желаній жены мужа обыкновенно ожидаетъ такая сцена: «она вскрикнувъ ахъ... упадетъ въ обморокъ, пришедъ въ себя прольетъ изъ глазъ токи слезъ; она начнетъ умирать, и бѣдный мужъ, когда не захочетъ изъ благопристойности съ нею разойтись, то принужденъ просить извиненія, и уходитъ. А жена продолжаетъ прежнюю свою жизнь, съ тою прибавкою, что жалуется всѣмъ на нравы своего мужа. Наконецъ его возненавидитъ и его лбу угрожаетъ рогами»¹⁶⁵. Такимъ доступнымъ способомъ щеголиха пользовалась и при другихъ обстоятельствахъ, когда нужно было скрыть свое зазорное поведеніе: всегда упорная въ своихъ признаніяхъ, она старается перенести свою вину на мужа. Средствомъ оправдаться является обмо-

¹⁶² Прил. № 107.

¹⁶³ „Зритель“, 1792, 1, 55.

¹⁶⁴ Прил. № 36.

¹⁶⁵ „Вечера“, 1772, 1, 167.

рокъ. Приѣхавшая изъ провинціи щеголиха, вышедшая въ столицѣ замужъ, выкидываетъ вздоръ изъ головы, насажденный родителями. Подъ вліяніемъ столицы она быстро усваиваетъ науку свободного и вольнаго обхожденія съ мужчинами. Привязанность мужа считается смѣшною и предосудительною, отъ которой старается освободиться обмороками: «вотъ что меня терзаетъ до невозможности, говоритъ щеголица, онъ (мужъ) *влюбленъ въ меня до дурачества*, а къ тому жъ еще и ревнивъ. Фу! какъ это *не ловко*; мужъ растрепанъ отъ жены: *это, радость, гадко!* О если бъ не помогло мнѣ разумное нынѣшнее обхожденіе, то давно бы я *протянулась*. Сказать ли чѣмъ я *отвязываюсь* отъ етова несноснова челоуѣка?—Одними обмороками.—Не удивляйся, я тебѣ это разтолкую: какъ привяжется онъ ко мнѣ съ своими *декларасіонами* и клятвами, что онъ отъ любви ко мнѣ сходитъ съ ума, то я сперва говорю ему *отирпись*; но онъ *никакъ* не отстаетъ; послѣ етова *резонирую*, что стыдно и глупо быть мужу влюблену въ свою жену: но онъ *никакъ* не вѣритъ; и такъ остается мнѣ одно средство упасть въ обморокъ. Тогда суется онъ по всѣмъ угламъ, старается помогать мнѣ, а я тихонько смѣюсь: *ужасно какъ безпримѣрно* много помогаютъ мнѣ обмороки: *божусь!* тѣмъ только и живу, а то бы онъ меня *залюбилъ* до смерти; *безподобной челоуѣкъ!* ¹⁶⁶. «Мучьтесь, замѣчается въ одной книжкѣ по поводу женскихъ уловокъ, не чувствуя скорби, падайте въ обмороки, имѣя крѣпкую голову, страдайте меланхоліей при веселыхъ мысляхъ, а главное не забудьте о разнаго рода тошнотѣ, истерикѣ, и всего болѣе о спазмахъ... Чувствуйте колотье въ томъ боку, который вы не простудили» ¹⁶⁷.

Совершенно естественно поэтому щеголиха и въ обществѣ вовсе не желаетъ видѣть своего мужа. Если же онъ налицо — то самый ничтожный челоуѣкъ: «онъ есть тотъ, котораго меньше всего видятъ, и съ которымъ меньше всего обращаются».

Привыкшая къ распущенности женщина съ первыхъ дней своего замужества, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемая, даже иногда поощряемая, какъ мы видѣли, къ разврату мужемъ, видѣвшимъ въ «любовномъ промыслѣ» своей жены источникъ своего матеріальнаго благосостоянія, и въ зрѣломъ и преклонномъ возрастѣ сохраняла черты этой разнузданности и испытывала потребность въ ощущеніи физической любви:

Въ сорокъ лѣтъ еще не чужды

Утѣшенія въ любви.

¹⁶⁶ „Живописецъ, изд. 7-ое, 55.

¹⁶⁷ „Карманная книжка“, 1791, I, 61.

Въ страсть вдаюсь я не отъ нужды,
Коль есть жаръ въ моей крови ¹⁶⁸.

Внѣ удовлетворенія этой страсти, иногда овладѣвающей всѣмъ ея существомъ, она чувствуетъ мучительное безпокойство:

Страстью нѣжною пылаю
Хоть покрыта сѣдиной;
Но любовью я сгораю,
Въ ней потерянъ мой покой ¹⁶⁹.

Поведеніе вдовъ не представляло исключенія изъ общей распущенности щеголихъ: сердце ихъ не долго вдовствовало. Онѣ «затворя глаза тѣмъ, которые васъ обожали и которыхъ можетъ быть самыя послѣднія слова заключали увѣренія любви», по смерти мужа, ради внѣшняго приличія, надѣвали трауръ. Вотъ слова одной изъ нихъ:

Вся въ печаль я завернуса
Съ башмаковъ до головы...
Застонавъ скажу: что трачу!
Сколь ударъ мнѣ сей жестокъ!
Слезъ ни капли, но заплачу
Быбъ бы лишь въ рукахъ платокъ.

Каждой женѣ должно имѣть этотъ запасъ, чтобы съ первой минуты могла въ полной формѣ оплакивать своего супруга. Впрочемъ, горе и обильно проливаемыя вдовами, по смерти мужей, слезы, имѣли, въ большинствѣ случаевъ, матеріальную подкладку. Вотъ въ какихъ проническихъ словахъ обращается безыменный сотрудникъ одного журнала къ неутѣшной вдовѣ:

Не плачь молодушка, лишившись молодца,
Вить ты очистила ужъ етова глупца;
Или и вправду ты къ нему любовь питала?
Нимало, никакой! молодека отвѣчала,
Когда ласкала я любовника сево;
Любила серебро и золото ево:
И плачу не о томъ, что онъ со мной растался;
Но что кафтанъ на немъ ево не мой остался.

Ради внѣшняго приличія вдова облачается въ трауръ, а иногда проливаетъ горькія слезы, но на самомъ дѣлѣ «прежде нежели погребеніе

¹⁶⁸ „Разказикъ забавныхъ басенъ“, 1781, 11, 16.

¹⁶⁹ Ibid., 15.

умершаго совсемъ кончится, избираетъ уже себѣ другаго мужа» ¹⁷⁰. Такихъ бываетъ и не одинъ: «въ десяти достатка не имѣетъ» ¹⁷¹. Недостаточность средствъ принуждаетъ не брезговать и мужчинами преклоннаго возраста. «Представляется вдовушка, повѣствуетъ «Трутенъ», лѣтъ двадцати—ужестъ какъ не дурна! Нарядъ ея показываетъ довольно знающую свѣтъ, подлѣ нее въ пребогатомъ уборѣ сидитъ согнувшись старикъ въ видѣ любовника: онъ изображенъ отягченнымъ подагрою, хирагрою, коликою, удушьемъ, и словомъ всѣми припадками, какіе чувствуютъ старички при послѣднемъ издыханіи. Спальня и кабинетъ сей вдовушки скрываютъ двухъ молодыхъ ея любовниковъ, которыхъ она содержитъ на иждивеніи сѣдова старика, въ должности помощниковъ. Она дѣлаетъ это для облегченія старости своего возлюбленнаго» ¹⁷².

Зазорное поведеніе вдовы мѣтко обозначено въ слѣдующемъ стихотвореніи:

И обещена, пришла просить вдова:
Однако зналъ судья, кто просить такова.
Чѣмъ? спрашивалъ ее.—Сегодня у сосѣда,
Отвѣтствовала та, случилася бесѣда;
Что я де во вдовствѣ четырехъ родила.
Судья ей говоритъ: плюнь на эту кручину:
Сталь свѣтъ таковъ, всегда приложить по-
ловину.

Условія семейной жизни способствовали такому паденію женщины. Матери не только снисходительно смотрѣли на развратъ вышедшихъ замужъ дочерей, но даже склоняли къ нему: въ одномъ изъ журналовъ, мать, обращаясь къ дочери, говоритъ ей: «Любезная Неотказушка — я люблю тебя: но воля твоя, до замужества не дамъ тебѣ махать. Покуда ты въ дѣвкахъ, то я за тебя отвѣчаю; вышедши замужъ, дѣлай себѣ что хочешь; тогда уже никто меня не можетъ упрекнуть въ твоёмъ поведеніи, и каково бы оно ни было, мужчины всѣ тебя извинятъ, а изъ женщинъ станутъ поносить тебя однѣ только твои соперницы» ¹⁷³. Естественно, поэтому, соблазняясь перспективой свободнаго житія, дѣвушки, соотвѣтственно этому, хотятъ и устроить

¹⁷⁰ „Почта Духовъ“, 1789, 1, 176.

¹⁷¹ „Адская почта“, 1769, Письмо 89, 297.

¹⁷² „Трутенъ“, 1769—1770, 3 изд., 295.

¹⁷³ „Почта Духовъ“. Соч. Крылова, 1847, 1, 97.

свою жизнь: «Признайся, любезная Безстыда, говорила своей подругѣ Неотказа, что изъ всѣхъ мужчинъ трудно сыскать глупѣе моего жениха; вообрази себѣ, какое счастье имѣть мужемъ такого фалю, котораго въ день можно по сту разъ обманывать»¹⁷⁴.

Нравственному паденію женщины способствовали и мужчины своими своеобразными взглядами вообще на женщину и на жену. Женщина, по ихъ понятію, существо, созданное для чувственнаго ихъ удовольствія:

Ты здѣлана прельщать;
А я рожденъ прельщаться,
На что же намъ стараться
Природу превращать?

Мужья сами санкціонировали женамъ свободную любовь: «мы имѣемъ пріятельницъ, а вы дружковъ». Съ другой стороны, мужья снисходительно смотрѣли на женъ, «любовнымъ промысломъ промысляющихъ», находя въ этомъ не только средство къ жизни, но и вѣрный источникъ къ обогащенію:

Охотница жена съ любви дань
сбирать:

Сбирая дань потѣетъ,
Трудомъ симъ не скудѣетъ,
Трудомъ симъ богатѣетъ¹⁷⁵.

Въ другомъ журналѣ рассказывается, какъ Прекраса получила много выгодъ отъ своихъ прелестей. Ободряемая мужемъ въ маханьи, она свела знакомство съ богатыми господами здѣшняго уѣзда. Въ Губернскомъ городѣ всѣ были преданными ей слугами. Молодые люди цѣлыми сотнями пріѣзжали къ ней рекомендовать себя¹⁷⁶.

Самое отношеніе мужей къ женамъ толкаетъ послѣднихъ на развратъ. Вотъ что по этому поводу, на примѣръ, говоритъ сатирикъ въ «Почтѣ Духовъ»: «У насъ съ женою также поступаютъ, какъ съ платьемъ: приходятъ въ ветонный рядъ, выбираютъ то, которое побогаче, платятъ за него деньги и относятъ домой; тогда-то уже увидятъ, что платье или не впору, или дурно сшито; и усмотря свою ошибку, вѣшаютъ его въ гардеробъ, на мѣсто его выбираютъ другое, и на него уже никогда не взглядываютъ, а только пишутъ его въ ре-

¹⁷⁴ «Почта Духовъ». Соч. Крылова, 1847, 1, 90.

¹⁷⁵ «Трутенъ». 190.

¹⁷⁶ «Сатирическій Вѣстникъ», 1790, III, 64.

эстрѣ своемъ, хотя нерѣдко камердинеры и знакомые имъ пользуются». Вотъ почему, между прочимъ, «любовь нѣжная и почтенная нынѣ не существуетъ; она надоѣла, женщины дали ей карачунъ». «Нынѣ наоборотъ любовь продажная: чѣмъ жарча любовь, тѣмъ она скорѣе простываетъ: когда нѣтъ тѣхъ соковъ, которыя ее питаютъ, и которыя у насъ богатствомъ называются»¹⁷⁷. Женщины иногда развратничали въ отместку:

А какъ теперь мужья насъ любятъ подъ рукой,
Тѣмъ платить и жена, чтобы не быть смѣшной.

Наивному мужчинѣ, выражающему дѣйствительную привязанность къ женщинѣ, эта послѣдняя совѣтуетъ успокоиться:

Пожалуй перестань любовь мнѣ толковать;
Я знаю, какъ любить, и вѣрной быть кому:
Богатымъ сердце я привыкла отдавать,

А не тому

Таскаетъ кто суму.

Безъ денегъ вѣрной быть скажу я безъ привѣтовъ
Пустая выдумка однихъ у насъ поэтовъ¹⁷⁸.

Не бросая своего мужа и не разрывая съ нимъ связей, продажная жена такъ успокаиваетъ своихъ любовниковъ:

Недумай никогда любовникъ дорогой,
Чтобъ я невѣрною осталась предъ тобой:
Не толь тебя мятеть, что мужа лобызаю?
Цалуючи ево, тебя я воображаю¹⁷⁹.

«Молодые женщины, сдѣлавшись свободными, послѣдуютъ въ вѣрности примѣру своихъ мужей, которые едва не первые ли бываютъ развратителями ихъ добродѣтели»¹⁸⁰. Впрочемъ, мужъ иногда бываетъ очень близорукъ по отношенію къ своей женѣ и совершенно не видитъ, а иногда видя не понимаетъ, что происходитъ предъ его глазами: «Трудно не видѣть, говорить сатирикъ, что всѣ мужчины не для чего иного ищутъ дружества мужа, какъ желая покороче свести знакомство съ женою; они дѣлаютъ ей тысячу услугъ, которыя онъ принимаетъ въ знакъ уваженія къ нему: они за нею машутъ, а онъ

¹⁷⁷ „Пустомеля“, изд. Аван., 44.

¹⁷⁸ „И то и Сіо“, 1769, седьмая недѣля.

¹⁷⁹ Ibid., двадцать первая недѣля.

¹⁸⁰ „Почта Духовъ“. Сочин. Крылова, 1847, 1, 96.

тѣмъ гордится; они почти при немъ открываютъ ей свою страсть, а онъ почитая ее второю Лукреціею, восхищается ихъ неудачею и ея мнимою вѣрностію»¹⁸¹.

Легкая доступность женщинъ, конечно, не могла оставаться безъ вліянія на мужчинъ. Потому-то щеголиха говорить о себѣ: «Иногда за мною толпами хаживали, и я часто принуждена была, чтобы избавиться отъ безпокойства, многихъ отъ себя отгонять, а иныхъ, которые для меня не годились, изъ жалости этимъ хвастунамъ уступать». И это съ точки зрѣнія тогдашняго времени вполне естественно, ибо всякая записная кокетка «почитаетъ себя молодою красавицей и не можетъ прожить безъ любовниковъ», число которыхъ простиралось до 20, изъ которыхъ однимъ самимъ дарила, а отъ другихъ принимала подарки.

Наблюдая постоянно легкое поведеніе женщинъ, мужчины справедливо говорили:

... Женщины насъ любятъ по погодѣ:

Одна прельщается, какъ долгъ велить, по модѣ,

Другая къ вечеру, а третія въ полночь

Любовной страстью изволить занемочь.

Къ намъ женщины бѣгутъ, какъ рябчики стадами.

Безъ дальнихъ пустяковъ, когда лишь захотимъ,

Подвысимъ мы куроку, и тотъ часъ побѣдимъ.

Поэтому щеголь вправѣ былъ сказать:

Когда бы я женился

На всѣхъ женщинахъ, съ которыми любилъ,

Такъ я былъ тогда Турецкой, братъ, Султанъ.

Свободному или, лучше сказать, вольному обхожденію замужнихъ женщинъ къ постороннимъ мужчинамъ, которыхъ они припускали къ себѣ въ качествѣ сотрудниковъ мужа на брачномъ ложѣ, способствовали взглядъ на бракъ, при которомъ имѣлось въ виду не симпатіи къ будущему мужу, его благороднымъ свойствамъ души, а богатство, видное положеніе и достоинства щегольского свѣта: «Женидба училась нынѣ торговлею живыми людьми и аукціономъ, гдѣ продаваемыя прелести, красота и младость, остаются за тѣмъ, кто прочихъ богатѣе, денежнѣе и чиновнѣе»¹⁸². «Здравый смыслъ, разумъ, добродѣтель, ученость, просвѣщеніе, сѣтуетъ сатирикъ, почитайте старин-

¹⁸¹ „Почта Духовъ“. Соч. Крылова, 1847 г., 1, 96.

¹⁸² „Карманная книжка“, 1791, 11, 51.

ными мебелями головы и сердца. Новомодныя украшенія и приборы суть: чины, деньги, тѣлесныя пріятности, вертопрашество, разточительность и безмозглость¹⁸³. Мужчины, вступая въ бракъ, руководятся также только различными меркантильными соображеніями. Въ одномъ изъ стихотвореній въ такихъ словахъ выражены различные поводы къ женитьбѣ:

Одинъ вступаетъ въ бракъ, съ кѣмъ деньги раздѣлить,

Другой, чтобъ было чѣмъ себя повеселить;

А третій, чтобы тѣмъ свой проигрышъ поправить,

Иль было бъ на руте что вѣрное поставить,

Четвертой тожъ чинить, чтобъ вотчину достать,

Приданнымъ денежкамъ скорѣе ухо дать;

А пятой принужденъ къ тому и состояньемъ,

Иль долговъ своихъ престоимъ приказаньемъ;

Шестой, плѣняясь богатою родней,

Горить ко браку всей пристрастною душой;

Седьмой, чтобъ получить потеплѣе мѣстечко,

Невѣсты ищетъ знатныя сердечко;

Осьмой женидбой мнитъ себѣ сыскать покой,

Или родъ чадами умножить свой;

Девятой и себя червонцамъ уступаетъ,

Иль сей цѣной себѣ супругу покупаетъ.

Деревни, золото иныхъ сокупаютъ,

Одни корысти ихъ сердца соединяютъ;

Но прочіе, дабы явить достоинствъ знакъ

Смѣшно сказать... но всѣ женятся только такъ¹⁸⁴.

Къ тому же должно замѣтить и то, что самое образованіе и воспитаніе дѣвушекъ въ семьѣ не преслѣдовало чувства чести и добронравія:

Съ дѣтства дѣвокъ научаютъ

Наряжаться, да прельщать;

Лишь отъ груди, начинаютъ

Въ маскарады ихъ таскать.

Добродѣтель, нравовъ мѣры

Нынѣ чтутъ за пустяки!

Развращаютъ ихъ примѣры!

¹⁸³ Ibid., 11, 49.

¹⁸⁴ „Карманная книжка“, 1791, II, 57—58.

Подлипалы, лицемѣры
 Не бываютъ простаки:
 За одной ихъ ходитъ двадцать
 Всѣ стремятся подцѣплять,
 Розу эту поизмать.
 Отъ того, какъ разобратъ,
 Нынѣ дѣвка лѣтъ въ двѣнадцать
 Столь же умна, какъ и мать.

Одинъ изъ журналовъ, выведя щеголиху подъ именемъ Вертопраховой и суммируя въ ея лицѣ всѣ вообще поступки щеголихъ, дѣлаетъ въ этомъ отношеніи такую мѣткую характеристику: «Поступки Вертопраховой исполнены наглости, дѣйствія безсмысленности, дни не постоянства, ночи вѣроломства, лучшія ея качества таковы: выдумывать моды, скорѣе всѣхъ перенимать у другихъ и покидать оныя, беситься безъ досады, подъ безпристрастнымъ видомъ скрывать восхищеніи, презирать уѣздныхъ госпожъ, ежечастьо всѣхъ обманывать, входить безъ нужды въ долгъ, водить заносъ мужа и послѣ смѣяться надъ нимъ со своимъ любовникомъ, коего завтрѣ мѣняетъ на другаго, третьяго и далѣе, такъ что большая часть М... Щеголей и красавцовъ одинъ за другимъ переходитъ чрезъ ея руки»¹⁸⁵.

Такова щеголиха въ изображеніи сатирическихъ журналовъ. Эти послѣдніе, начертавъ такой яркій ея обликъ, указываютъ и косвенно и прямо на причины, обусловившія появленіе такого типа. Одной изъ главныхъ они ставятъ господствовавшую тогда систему воспитанія и образованія дѣвушекъ.

Когда дѣвушка подрастала, ее начинали, въ силу господствовавшего тогда обычая, обучать «болтанію какого-нибудь языка наподобіе попугаевъ». Первенствующую роль игралъ языкъ французскій; въ очень рѣдкихъ случаяхъ преподавался и итальянскій, хотя благородныя дѣвицы «только намекали въ немъ». Затѣмъ приступали къ обученію танцамъ—этой «великой наукѣ»: умѣвшая хорошо танцовать получала самые лестные отзывы; неумѣвшей вмѣняли это въ презрительной порокъ. Къ тому же первая больше имѣла шансовъ выйти замужъ: «танцы самое богатое приданое». Въ силу этого «зажиточныя старушки для просвѣщенія ногъ дочерей своихъ въ зимнее время возятъ ихъ нарочно въ города обучать только важнѣйшей наукѣ». Да и вообще «знаніе по правиламъ ступать, а не дарованія вводятъ юноше-

¹⁸⁵ „Разкашикъ забавныхъ басенъ“, 1891, 11, 138.

ство въ храмъ щастія» ¹⁸⁶. «Нынѣ весь большой свѣтъ танцуетъ, и что никакое искусство не почитается столь почтеннымъ, какъ танцевальное» ¹⁸⁷. Иногда, впрочемъ, къ вѣщшему достоинству воспитанія присоединяется умѣнье пѣть по-итальянски. Коль скоро дѣвица умѣетъ болтать по-французски, танцовать, играть и пѣть, то уже «поспѣла дѣвица великихъ дарованій, лестная невѣста и рѣдкая супруга и родительница». Итакъ, искусство ногъ, пальцевъ и голоса есть первѣйшія здѣсь достоинства прекраснаго пола ¹⁸⁸. «Чтеніе романовъ и французскихъ театральныхъ сочиненій довершали всю глубину премудрости». Словомъ, «романы читать, на клавикордахъ и гарфѣ бренчать есть главное ихъ упражненіе» ¹⁸⁹.

Француженки, представляемыя въ качествѣ воспитательницъ юныхъ дѣвицъ, имѣли, по воззрѣнію журналовъ, растлѣвающее на нихъ вліяніе: «Французы взяли подъ покровительство наше юношество, сѣтуетъ журналъ; оно чувствуетъ не малое облегченіе въ скучной неволѣ, и всякая наша дѣвушка подъ присмотромъ искусной француженки въ пятнадцать лѣтъ становится хитрѣ своей матушки» ¹⁹⁰. Это дурное вліяніе не ограничивалось, впрочемъ, тѣснымъ кругомъ воспитываемыхъ своеобразно барышень, а простиралось далѣе—на служанокъ, изъ которыхъ образовывался «родъ Парижскихъ торговокъ, продающихъ свои прелести».

Мало принося пользы умственному развитію своихъ питомицъ, француженки-воспитательницы растлѣвали ихъ нравственно. О всѣхъ ихъ можно сказать, что сказано объ одной, слѣдующими словами журнала: «гнусныя въ головѣ и сердцѣ чувствованія подлая и часто развратная Французская дѣвка ей впечатлѣваетъ» ¹⁹¹. Результатомъ подобнаго воспитанія — посѣщеніе французскихъ лавокъ, имѣющихъ и прямое и косвенное назначеніе: «Наши лавки могутъ назваться храмами вкуса и любви; ибо въ нихъ покупаютъ у насъ модные товары и дѣлаются тайныя свиданія волокитъ и молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ инныя очень строго содержатся дома, и для того, подъ видомъ закупки товаровъ, пріѣзжаютъ они къ намъ, и мы часто вводимъ къ себѣ въ комнаты, гдѣ онѣ находятъ своихъ любовниковъ, которые имъ болѣе всѣхъ убо-

¹⁸⁶ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1790, 1, 83.

¹⁸⁷ „Почта Духовъ“, 1789, 1, 255.

¹⁸⁸ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1790, II, 48.

¹⁸⁹ „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова“, II, 19.

¹⁹⁰ „Почта Духовъ“. Сочин. Крылова, 1847, 1, 91.

¹⁹¹ „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова“, 1873, 11, 16.

ровъ нравятся; съ обѣихъ сторонъ платятъ намъ щедро и, сверхъ того, покупаютъ у насъ дорогою цѣною товары, потому что почитаютъ за стыдъ торговаться въ тѣхъ лавкахъ, гдѣ они своими рѣзвостями ни одно канале изломали» ¹⁹².

Провинціальныя барышни, само собою понятно, имѣютъ еще большую нужду въ менторствѣ со стороны француженокъ, когда «родители дочерей своихъ, или лучше сказать сей товаръ съ осмнадцати лѣтъ начинаютъ возить каждую зиму въ большіе города». «Женщинъ, особенно прїѣзжавшихъ изъ деревень въ столицу, культивировали во вкусъ моднаго свѣта чужестранки, дававшія подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ въ извѣстное время радиться и выставять на показъ свои прелести». Вмѣстѣ съ этимъ сообщались и приемы изящнаго и вольнаго обхожденія и распространялись легкомысленныя взгляды на супружескія отношенія. Сердце щеголихи, не имѣвшее никакихъ нравственныхъ устоевъ, такого рода наставленія воспринимало очень легко, ибо она находила для себя благоприятную почву. И вотъ щеголиха въ восторгѣ отъ такого перерожденія, такъ какъ француженка въ три мѣсяца изъ деревенской дуры сдѣлала модную щеголиху ¹⁹³.

Такое направленіе въ образованіи дѣвушекъ заставляло сатириковъ сокрушаться и обращать свои взоры къ прошедшему: «Прежде изготовляли дѣвушекъ къ должностямъ супруговъ, родительницъ и хозяекъ и потому старались, чтобы дѣвицы привыкли къ домоводству, честному и умѣренному расположенію имуществомъ» ¹⁹⁴. «Въ нынѣшнее просвѣщенное по модному времю совсѣмъ иначе красавицы думаютъ, нежели въ тотъ грубый, тьмою невѣжества покрытый вѣкъ, въ которомъ большею частію занимались онѣ рукодѣліемъ и разною деревенскою экономіею, какъ будто нѣжныя ихъ руки на то только и созданы, чтобы заниматься столь гнусными упражненіями. Прясть, шить и вязать прилично ли тѣмъ прелестнымъ и бѣлизною своею снѣгу подобнымъ ручкамъ, которыя съ толикимъ стараніемъ ежедневно разными ароматами орошаются! Ахъ! нѣтъ: онѣ сотворены единственно на то, чтобы лобызать съ уваженіемъ и почтеніемъ и восхищаться красотою ихъ».

«При нынѣшнемъ воспитаніи, жалуется другой писатель, пекутся больше о наружныхъ украшеніяхъ, нежели о разумѣ и сердцѣ. Прилежная дѣвица, заботящаяся о порядкѣ домашняго хозяйства подвергаетъ себя посмѣянію всѣхъ своихъ подругъ и знакомыхъ, не зани-

¹⁹² „Почта Духовъ“. Сочин. Крылова, 1897, 1, 15.

¹⁹³ „Трутенъ“, изд. 3-е Ефремова, 257.

¹⁹⁴ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1790, IX, 20.

мающихся ничѣмъ болѣе, какъ только модами и веселостями. Съ такими дѣвицами не скучно проводить нѣсколько часовъ празднаго времени; но когда пройдетъ первый жаръ вкушенныхъ ея красотой пристрастій, то вселяетъ она къ себѣ отвращеніе. Лучшее ихъ знакомство, препровожденіе времени и обращеніе съ петиметрами, щеголями и прочими твореніями одинаковаго съ ними покроя, которыя ихъ ласкаютъ, обожаютъ и удивляются. О дружбѣ, любви къ человѣчеству и состраданію къ ближнему не вперяютъ въ нихъ ни малѣйшаго понятія, такъ что благородныя сіи чувства не находятъ въ нихъ ни малѣйшаго для себя существованія»¹⁹⁵.

Такова щеголиха, дружно и энергично осмѣянная всѣми сатирическими журналами. Такъ какъ она была весьма яркимъ, даже поражающимъ глаза явленіемъ на фонѣ повседневной жизни, то рѣдкій журналъ не касался какихъ либо, по крайней мѣрѣ, ея чертъ. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, доведенныя до крайней рѣзкости, своими уродливыми сторонами возмущали сатириковъ, которые и клеймили ихъ, выставляя на общее посмѣяніе.

Какъ ни ярокъ типъ щеголихи въ изображеніи сатирическихъ журналовъ, какъ ни справедливы въ общемъ приданныя ей черты, однакожь, при болѣе внимательномъ наблюденіи, нельзя не признать, что въ общемъ освѣщеніе этого типа сатирическими журналами страдаетъ преувеличеніемъ.

Сатирическіе журналы изображаютъ щеголиху, конечно, въ достаточныхъ классахъ общества, особенно въ высшихъ, блистающей нарядами, очаровывающей своею любезностію и обворожительностію обхожденія, привлекающей толпы поклонниковъ своими прелестями. Никто, конечно, не станетъ, оспаривать того, что для щеголихи жить—значитъ царить въ гостиной, сіять на балахъ и концертахъ, принимать своихъ поклонниковъ, даже въ будуарахъ—и во всѣхъ этихъ мѣстахъ показывать себя приверженицей моды, наложившей свои путы не только на костюмъ, манеры, но даже на самый образъ жизни. Такъ скованныя и опутанныя, щеголихи, по сатирическимъ журналамъ, стояли какъ будто внѣ духовной жизни: онѣ не интересовались науками, не прилежали къ искусству и были чужды всякихъ интересовъ къ вопросамъ общественнаго характера. Разсмотримъ это частнѣе.

Къ писателямъ и ихъ дѣятельности щеголихи, если судить по журналамъ, относились презрительно; произведенія писателей считали

¹⁹⁵ „Что нибудь отъ бездѣлья на досугѣ“, 1800, 312.

вздоромъ и пустяками, что до книгъ не стоило дотрогиваться боясь загрязниться: «Божусь тебѣ» — выражаетъ одна изъ нихъ свой взглядъ на книги издателя, что принявшись за одну, провоняла бы *сухою моралью*: объ закладъ бьюсь, что ты не отгадаешь, какія это книги? всю Оеофаны да Кантемиры, Телемаки, Роллени, Лѣтописцы и всякой едакой вздоръ ¹⁹⁶. Она же наивно объясняетъ и причину столь пренебрежительнаго своего отношенія къ книгамъ: «Честью клянусь, что я читая ихъ ни слова не разумѣла. Одинъ разъ развернула Оеофана и хотѣла читать, но не было мочи: не повѣришь радость, какая сдѣлась *тѣснота въ голову*» ¹⁹⁷. Появленіе ученой женщины въ обществѣ съ точки зрѣнія щеголихи, возбудило бы смѣхъ: «Ученая женщина, ученая женщина! фуй какъ ето неловко!» ¹⁹⁸. Впрочемъ, если щеголихи что и читають, то исключительно модныя книги ¹⁹⁹. Ученость нѣкоторыхъ заключалась въ записываніи острыхъ словецъ и въ выдумываніи таковыхъ ²⁰⁰. Если нѣкоторыя изъ щеголихъ имѣли понятіе о писателяхъ, то судили о нихъ по молвѣ ²⁰¹. Отношеніе щеголихъ къ журналамъ, которые ихъ осмѣивали, было ироническое: «Не повѣришь радость»; пишетъ смѣясь щеголиха къ издателю «Трутеня», въ какой ты у насъ модѣ. Ужестъ какъ всѣ тебя хвалятъ, и всѣ тобою довольны... я твоего Трутеня ни на какія книги не промѣняю... по чести я никогда не устаю ево читая: ужестъ какъ хорошъ!» ²⁰². Причину такого отношенія щеголиха мотивируетъ такъ: «По чести скажу, что твои листы вѣчно меня прельщаютъ... ты не *грустенъ*, *шушитъ славно* и твое перо *по бумагъ бьгаетъ безподобно*» ²⁰³.

Не оправдывается историческими фактами такое огульное изображеніе сатирическими журналами щеголихъ, не только не причастныхъ какой либо наукѣ, но и стоявшихъ къ ней во враждебномъ отношеніи и относившихся къ ней всегда иронически.

Если вообще справедливо, что женщина XVIII вѣка не избирала какой науки или искусства, какъ постоянной дѣятельности, которая бы удовлетворяла ея духовной потребности, которая, дѣйствительно, у

¹⁹⁶ „Трутенъ“, изд. 3-е 255.

¹⁹⁷ Ibid.

¹⁹⁸ „Живописецъ“, изд. 7-ое 20.

¹⁹⁹ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1790, IV, 59.

²⁰⁰ „Адская Почта“, 1763, 53.

²⁰¹ Прилож. № 32.

²⁰² „Трутенъ“, изд. 3-е, 255.

²⁰³ „Живописецъ“, изд. 7-е, 53.

многихъ существовала, то несомнѣнно, что многія изъ женщинъ, въ зависимости отъ разныхъ условій, занимались, какъ дилетантки, на одинаковомъ положеніи съ мужчинами, которые удѣляли также литературной дѣятельности часы досуга, послѣ служебныхъ занятій. Если нельзя сравнивать въ количественномъ отношеніи писателей-мущинъ съ писательницами-женщинами, и если нельзя сравнивать ихъ по продуктивности (перевѣсъ будетъ на сторонѣ мужчинъ); то съ другой стороны, нельзя нисколько отрицать и того, что въ XVIII в. было достаточно женщинъ изъ высшаго круга, которыя, находя источникъ наслажденія въ умственномъ, литературномъ трудѣ, обожали литературу, способствовали процвѣтанію науки. Не имѣя возможности, въ данномъ случаѣ, исчерпать весь матеріалъ, т. е. перечислить всѣхъ писательницъ прошлаго столѣтія, я ограничусь только нѣсколькими примѣрами, которыхъ, полагаю, будетъ достаточно для иллюстраціи моей мысли.

Пионеркой въ литературной дѣятельности женщинъ во второй половинѣ XVIII в. можно признать Сумарокову, Екатерину Александровну, дочь Сумарокова, жену драматурга Якова Борисовича Княжнина. Ей принадлежитъ честь открыть для дѣятельности женщинъ новый возвышенный родъ занятій. Природныя ея дарованія были развиты отцомъ, который занимался и первоначальнымъ ея обученіемъ, т. е. сообщеніемъ ей свѣдѣній по грамотѣ, письму и стихотворству — «пѣтицѣ»²⁰⁴, онъ же развивалъ и поощрялъ ея интересъ къ писательству²⁰⁵. Въ этомъ направленіи оказывалъ на нее вліяніе Княжнинъ, сдѣлавшійся впоследствии ея мужемъ. Этотъ послѣдній занимался съ ней литературой, читалъ ей свои и чужія, входившія въ моду стихотворенія разныхъ поэтовъ и иногда, тихонько отъ отца, поправлялъ ей ея собственныя произведенія²⁰⁶. По свидѣтельству Новикова Сумарокова «писала весьма изрядныя стихотворенія, напечатанныя въ ежемѣсячномъ сочиненіи Трудолюбивой Пчелѣ²⁰⁷, гдѣ она только и помѣщала свои стихи²⁰⁸».

Дѣвица Каменская, по мужу Ржевская, является на поприщѣ Россійской словесности почти современницей Екатерины Александровны

²⁰⁴ Мордовцевъ: Русскія женщины второй половины XVIII в., 64.

²⁰⁵ Ibid., 64.

²⁰⁶ Ibid., 65.

²⁰⁷ Новиковъ: Опытъ историческаго Словаря о русскіихъ писателяхъ, 1772, 114.

²⁰⁸ Владимировъ, П. «Первыя русскія писательницы XVIII в.», 1892, 22—23.

Княжниной. Угаснувъ еще въ молодыхъ годахъ, она не успѣла вернуть вполнѣ своихъ природныхъ способностей и дарованій; но, несмотря на это, она проявила свои прирожденные таланты во многихъ искусствахъ, особенно въ поэзи. Плоды своего поэтического творчества она помѣщала въ періодическихъ повременныхъ изданіяхъ. Ржевская, позабытая теперь, что вполнѣ и понятно, пользовалась извѣстностію у современниковъ не только какъ писательница, но и вообще какъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ: «Во время своей жизни», говоритъ современникъ, сія Ржевская любила науки и художества, упражнялась въ стихотворствѣ, живописи и музыкѣ: имѣла великую охоту къ чтенію книгъ, искусна была во французскомъ и итальянскомъ, своемъ природномъ языкѣ»²⁰⁹. Кромѣ того, «имѣла вкусъ въ жизни и знаніе свѣта. Правъ ея былъ весель, склоненъ и пріятенъ, какъ въ обращеніи свѣтскомъ, такъ и въ приватномъ сожитіи. Дарованія ея были украшены острымъ и просвѣщеннымъ разумомъ; добродѣтель и истина были для нея драгоцѣннѣе всего; сердце ея было чувствительно, нѣжно и всегда готово къ содѣланію добра. Имѣла милость и пріемъ отъ Монархини своей; была въ почтеніи у всѣхъ безпристрастныхъ современниковъ своихъ; друзья ее считали сокровищемъ своимъ. Умѣла истинно любить, любила ихъ и была сама ими весьма любима; супруга своего любила совершенно и вѣрно, ему же была неизъяснимо любезна. Онъ ее почиталъ первымъ утѣшеніемъ и благополучіемъ своея жизни и, лилася ея, остался по ней въ неописанномъ отчаяніи, въ жестокой горести и неутѣшномъ плачѣ. Смерть ея причинила друзьямъ, роднѣ, пріятелямъ и всѣмъ, кто ее знали, горестъ, слезы, печаль и сожалѣніе»²¹⁰. На памятникѣ ея, на Александровско-Невскомъ кладбищѣ, начертаны между прочимъ, слѣдующія строки:

Здѣсь Ржевская лежитъ, пролейте слезы музы—

Она любила васъ, любезна вамъ была,

Для васъ и для друзей на свѣтѣ имъ жила;

А нынѣ смерть ее въ свои пріяла узы.

Среди цвѣтушихъ лѣтъ, въ благополучный вѣкъ,

Рокъ ея жизнь пресѣкъ:

Увянуль острый умъ, увяла добродѣтель,

Погибло мужество и бодрый духъ ея.

Могущій Всесодѣтель!

²⁰⁹ Новиковъ, 187.

²¹⁰ Некрополь, СПб. 1833, 112.

Она ли участи достойна есть сея:
 Чтобъ вѣкъ ея младый пресѣкло смерти жало:
 Не долгій ли ей вѣкъ здѣсь жити надлежало
 Въ достоинствахъ она толико процвѣла,
 Что полу женскому здѣсь честію была:
 Ни острый умъ ея, наукой просвѣщенный,
 Ни нравъ, кой столь ее пріятно украшалъ,
 Который и друзей, и мужа утѣшалъ.
 Ни сердце нѣжное ее не защитило
 И смерти лютыя отъ ней не отвратило!
 Великая душа, мужаясь до конца,
 Достойна здѣлалась лавроваго вѣнца.
 Скончавшись, Ржевская оставила супруга;
 Супругъ въ ней потерялъ любовницу и друга,
 Отчаясь слезы лить и будетъ плакать вѣкъ:
 Ну что жъ ей пользы въ томъ? вотъ что есть человекъ!²¹¹

Съ такимъ нравственнымъ обликомъ, какъ человекъ, Ржевская была, для своего времени и видной писательницей: она пишетъ стихи и помѣщаетъ ихъ въ журналахъ²¹², сочиняетъ оригинальный романъ: «Письма кабардинскія», который еще въ рукописи съ увлеченіемъ читается современниками²¹³.

Особенное оживленіе литературы замѣчается при императрицѣ Екатеринѣ II. Являясь продолжательницей политики Елизаветы Петровны, Екатерина II сочувственно относилась къ русскому просвѣщенію и образованію и, потому, къ литературѣ. Къ представителямъ этой послѣдней она относится съ особымъ участіемъ: приближаетъ ко двору Сумарокова съ его знаменитой дочкой-писательницей и вводитъ ихъ въ свой интимный кружокъ; она посѣщаетъ больного Ломоносова. «Бригадиръ» Фонвизина читался при дворѣ.

Какъ образованнѣйшая женщина XVIII вѣка, Екатерина среди сложныхъ государственныхъ заботъ удѣляетъ много времени и литературѣ. Разсматривая ея дѣятельность въ этомъ отношеніи, невольно поражаешься ея продуктивностію и разнообразіемъ.

Ее интересуется сѣдая старина, и она пишетъ «Историческія записки касательно русской исторіи»²¹⁴.

²¹¹ Новиковъ, 187—188.

²¹² Владимировъ, 26—27.

²¹³ Мордовцевъ, 73.

²¹⁴ См. «Собесѣдникъ Любителей Рус. Слова» 1773—1784 гг.

Подъ вліяніемъ философскихъ идей, видоизмѣнявшихъ взгляды на воспитаніе, Екатерина пишетъ «Были и не былицы», «Краткое начальное ученіе», «Сказка о царевичѣ Хлорѣ и Февеѣ», «Инструкцію Салтыкову»²¹⁵.

Карая пороки положительно, законодательнымъ порядкомъ, она выставляетъ ихъ на общее посмѣяніе въ драматическихъ произведеніяхъ²¹⁶.

Какъ государыня—публицистъ, Екатерина II сочувственно относится къ журналистикѣ²¹⁷, содѣйствуетъ изданію «Кошеля»²¹⁸, сама до Дашковой редактируетъ «Собесѣдникъ любителей русскаго слова»²¹⁹.

Не чужды были Екатеринѣ II работы спеціальнаго, ученаго характера: она принимаетъ филологическое участіе въ составленіи филологическаго Словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій²²⁰, разбираетъ сочиненіе Радищева: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»²²¹.

Несмотря на такую разнообразную и плодотворную дѣятельность, она ведетъ громадную переписку съ лицами разныхъ званій и національностей, въ которыхъ затрогиваетъ самые разнообразные вопросы—этические, политическіе, философскіе²²².

Съ эпохою Екатерины II невольно возникаетъ въ нашемъ сознаніи писательница—Екатерина Романовна Дашкова, раньше выступившая на литературное поприще и принадлежавшая къ числу замѣчательнѣйшихъ женщинъ XVIII вѣка не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Получивъ по тому времени хорошее воспитаніе въ домѣ своего дяди, она пополнила его собственнымъ чтеніемъ, которое обратилось въ страсть. Все болѣе или менѣе выдающееся въ иностранной литературѣ прочитывалось ею съ живѣйшимъ интересомъ. Немудрено поэтому, что Дашкова, даровитая отъ природы и очень начитанная,

²¹⁵ Лавровскій: «О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины II».

²¹⁶ Щербальскій: «Драм. и правопис. сочин. имп. Екатерины II», Русскій Вѣстникъ, 1871.

²¹⁷ Шумигорскій: «Государыня-публицистъ».

²¹⁸ Лонгиновъ: Новиковъ и Мартинисты 31; Неустроевъ 206.

²¹⁹ Неустроевъ: Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ 344—345.

²²⁰ Голицынъ: «Библиографическій словарь русскихъ писательницъ», 1899, 79.

²²¹ Архивъ Воронцова, т. V.

²²² Голицынъ: «Библиографическій словарь русскихъ писательницъ», 1899, 102—107.

стала видной писательницей. Труды ея относятся ко многимъ областямъ литературы и науки. Она содѣйствуетъ изданію «Россійскаго Театра», гдѣ и помѣщаетъ свою комедію «Тоісіоковъ»; основываетъ въ 1783 г. журналъ «Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова»; участвуетъ въ «Трутнѣ» Новикова²²³, въ «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ»²²⁴, въ «Невинномъ упражненіи»²²⁵, въ «Другѣ просвѣщенія»²²⁶, въ «Опытахъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія»²²⁷, въ «Собесѣдникѣ Россійскаго Слова»²²⁸. Здѣсь она помѣщаетъ стихи, комедіи, размышленія, записки объ Академіи и т. д. Кромѣ того, она обрабатываетъ нѣкоторыя буквы, для «Словаря Россійской Академіи», пишетъ свои знаменитые мемуары²²⁹.

Чѣмъ ближе къ XIX в., тѣмъ больше было женщинъ, посвятившихъ себя занятіямъ по словесности. Остановлюсь только на нѣкоторыхъ именахъ:

Вельяшева-Волынцева, Анна Ивановна. Возросшая и воспитанная въ кругу писателей — своихъ близкихъ родныхъ, она въ свое время, особенно въ кругу избранныхъ лицъ, пользовалась извѣстностію, которую пріобрѣла, какъ оригинальными, такъ и переводными произведеніями: она писала стихи²³⁰, помѣщала ихъ въ журналахъ²³¹, переводила изъ области изящной словесности сказки перуанскія, а изъ исторіи сочиненіе Фридриха — Исторію Бранденбургскую²³². Литературная ея дѣятельность приближаетъ ее къ двору. Новиковъ отзывался объ ней, какъ оригинальной писательницѣ и переводчицѣ очень сочувственно. Какъ о писательницѣ онъ замѣчаетъ, что она «сочиняла довольно стиховъ, заслуживающихъ похвалы», оцѣнка ея, какъ переводчицы вылилась у Новикова въ слѣдующихъ словахъ: «въ разсужденіи молодыхъ лѣтъ и исправности перевода достойна похвалы»²³³.

²²³ Лонгиновъ: Новиковъ и московскіе мартинисты, 25.

²²⁴ Неустроевъ: «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ», 411.

²²⁵ «Невинное упражненіе» 1763, стр. 13, 51, 99, 143.

²²⁶ Другъ просвѣщенія, гг. 1804—1806.

²²⁷ См. 1774 г., ч. 1, 6.

²²⁸ «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова», ч. 1.

²²⁹ Архивъ Воронцова, т. 21.

²³⁰ Брокгаузъ, 10, 869.

²³¹ Владимировъ, 26.

²³² Мордовцевъ, 165.

²³³ Новиковъ: „Опытъ историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ“, 29.

Римская-Корсакова, вышедшая замужъ за графа Зубова, писала пѣсни, которыя и составили ея популярность. Въ 1770 году онѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ и пользовались большимъ вниманіемъ публики. Одна изъ ея пѣсенъ: «Я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ» далеко пережила автора, современниковъ и не потеряла практическаго своего употребленія и теперь. Указываемая нами писательница, кромѣ искусства слагать пѣсни, была извѣстна, какъ отличная пѣвица.

Храповицкая, Марья Васильевна, въ замужствѣ Сушкова—была очень видная и разнообразная по своей дѣятельности писательница. Еще Новиковъ въ своемъ словарѣ считалъ ее «какъ дѣвицу съ острымъ и просвѣщеннымъ разумомъ и великою прилежностью къ ученію одаренною». Зная въ совершенствѣ нѣсколько иностранныхъ языковъ, (фр., итальян., нѣм.), она сосредоточиваетъ свою литературную дѣятельность, главнымъ образомъ, на переводахъ. И здѣсь она себя заявляетъ въ различныхъ родахъ и видахъ изящной словесности: она переводитъ романы и повѣсти: «Инки, или разрушеніе Перуанской имперіи» романъ—Мармонтеля ²³⁴, «Щастливое похищеніе», повѣсть гишпанская ²³⁵; она переводитъ также и драматическія произведенія: «Земиру и Азоръ»—оперу Мармонтеля, драму Мерсье—«Бѣглець», комедію—«Гвардейскій житель» ²³⁶, «Юнговы ночи», Идилліи Дезульвера. Сонеты и стансы Петрарки стали извѣстны русской публикѣ благодаря ея трудамъ.

Храповицкая, впрочемъ, была извѣстна какъ и оригинальная писательница: она принимаетъ участіе въ журналахъ, пишетъ стансы на учрежденіе Россійской Академіи ²³⁷.

При этомъ нельзя не замѣтить отличительной черты этой женщины—ея искренняго желанія распространенія и процвѣтанія училищъ, лучшаго положенія представителей науки и большей свободы печати ²³⁸.

Волкова, Анна Алексѣевна. Литературная извѣстность этой писательницы, помѣщавшей свои труды въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», создавалась стихами, большая часть которыхъ носила торжественный, одописный характеръ. Оды были написаны на разные случаи и посвящались разнымъ лицамъ, въ числѣ которыхъ были и ко-

²³⁴ Мордовцевъ, 170.

²³⁵ Голицынъ, 24.

²³⁶ Араповъ, Лѣтописи русскаго театра, 1861, 130.

²³⁷ Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова 1783, IX, 19.

²³⁸ Владимировъ, 31.

ронованныя особы, генералы, поэты и т. д. Впрочемъ, въ числѣ стихотворныхъ ея опытовъ попадаются произведенія и элегическаго характера, вызывавшіяся воздѣйствіями природы на эстетическій вкусъ писательницы и разными положеніями лицъ, имѣвшихъ къ ней какое либо отношеніе. Еще современники установили за Волковой эту ея особенность. Такъ, одинъ изъ нихъ, подъ вліяніемъ прочитанныхъ имъ стихотвореній: «Утро», «Дружба», «Весна», «Осень», «Вечерняя бесѣда», «Гимнъ добродѣтели» признаетъ въ Волковой «искусную писательницу, умѣющую въ легкихъ и пріятныхъ стихахъ изливать нѣжныя чувствованія, къ каковымъ женское сердце всегда способнѣе бываетъ, нежели мужское»²³⁹. Произведенія, изображающія явленія природы, иногда согрѣты у автора религіознымъ чувствомъ. Красоты воспѣтой ею природы приводятъ и читателя къ виновнику таковыхъ—Богу, къ познанію его неизреченной любви, такъ ярко сказавшейся въ созданіи дивныхъ явленій природы²⁴⁰.

Еще въ предисловіи къ первому изданію ея сочиненій Шишковъ такъ оцѣнилъ ихъ: «Въ одахъ ея, я увидѣлъ дѣвицу съ дарованіями; въ стихахъ ея, называемыхъ «Ручеекъ» нѣжнѣйшую дочь, оплакивающую отца своего, который купно былъ ея наставникомъ и другомъ; въ другихъ ея стихотвореніяхъ, таковыхъ какъ «Утро», «Дружба», «Весна», «Осень», «Вечерняя бесѣда», «Гимнъ добродѣтели» и прочихъ, искусную описательницу природы, умѣющую въ легкихъ и пріятныхъ стихахъ изливать нѣжныя чувствованія, къ каковымъ женское сердце всегда способнѣе бываетъ, нежели мужское».

Поспѣлова, Марья Алексѣевна. «Поспѣлова представляетъ рѣдкій примѣръ природныхъ способностей. Дочь небогатаго чиновника съ семействомъ многочисленнымъ, среди четырехъ сестеръ и пяти братьевъ, возрастая, какъ она пишетъ, въ углу маленькаго домика, но имѣя отца, котораго нѣжность и добродѣтель не только содѣлывали ихъ счастливыми, но разливали вокругъ него радость и благодарность, она сама себя образовала, сама приготавливала блестящую стезю своему имени»²⁴¹. По свидѣтельству ея біографа²⁴², «Поспѣлова, не имѣя другихъ учителей, кромѣ полезныхъ книгъ, собираемыхъ отъ послѣднихъ средствъ отцомъ попечительнымъ, кромѣ собственной склонности и усилія торжествующей прилежности, неопытная въ правилахъ поэзіи

²³⁹ „Дамскій Журналъ“ 1827, № 19, 5.

²⁴⁰ Ibid., 8.

²⁴¹ „Дамскій Журналъ“, ч. 19, № 18.

²⁴² Отеч. Записки, 1824, ч. XVII, стр. 185.

и языка, она стала поэтомъ, обогатила умъ свѣдѣніями въ наукахъ, совершенно знала французскій языкъ, и по вкусу къ изящному безъ учителей такъ успѣла въ музыкѣ и рисованьи... Писала Поспѣлова, преимущественно оды»²⁴³.

Сочиненія Поспѣловой были изданы въ 1798 году и пользовались тогда благосклоннымъ вниманіемъ. Въ первую половину нынѣшняго столѣтія она не только не была забыта, но вызывала къ себѣ сочувствіе. «Мы осмѣливаемся совѣтовать, говорится въ одномъ журналѣ, «каждой благовоспитанной дѣвицѣ прочитатъ сію книжку, доказывающую, что истинныя достоинства находятъ рано или поздно сладостнѣйшую награду свою: справедливость, имъ отдаваемую. Сочиненія дѣвицы Поспѣловой, подобно какъ сочиненія дѣвицъ Буниной и Волковой, должны занимать почетное мѣсто въ избранной библіотекѣ юныхъ россиянокъ, наставленныхъ въ любви и уваженія къ отечественному языку, къ отечественнымъ дарованіямъ»²⁴⁴.

Мы не будемъ говорить о трудахъ кн. Долгорукой, Зубовой, Магницкихъ, Ниловой, Орловой, Свиньиной, Урусовой... и многочисленныхъ другихъ труженицъ въ литературѣ, работавшихъ то въ столицахъ то въ провинціи, въ качествѣ переводчицъ и оригинальныхъ авторовъ. Иногда писательницы составляли литературныя кружки²⁴⁵; въ нѣкоторыхъ «журналахъ участвовало множество женщинъ»²⁴⁶.

Если принять во вниманіе, что, за рѣдкими исключеніями, писательницы принадлежали къ высшему кругу и принимали участіе въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, куда являлись, какъ дѣти своего вѣка, во всеоружіи моды, то будетъ понятно, насколько утрировано сатирическими журналами изображеніе щеголихъ въ разсмотрѣнномъ нами отношеніи.

Также сгущены краски сатирическими журналами въ изображеніи щеголихъ, какъ хозяйки, которыя, еще будучи дѣвицами, стыдились имѣть какое нибудь понятіе о домоводствѣ²⁴⁷. По выходѣ замужъ, каждая изъ такихъ особъ «не хотѣла нарушить спокойствія своего духа попеченіями домостроительства». «Жена опасалась обидѣть натуру, естли замараешь въ кухнѣ тѣ прекрасныя руки, кои я прежде идолопоклоннически цѣловалъ»²⁴⁸.

²⁴³ Князь Голицынъ. «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», 1889, 200—201.

²⁴⁴ «Дамскій Журналъ», 1827, ч. 19, № 18, стр. 253.

²⁴⁵ Владимировъ, 36.

²⁴⁶ Ibid., 32.

²⁴⁷ Прил., № 1. ²⁴⁸ Прил., № 2.

Никто, конечно, не станетъ оспаривать и того, что такія особы игнорировали заботы домашнія, дѣла хозяйственныя. Такого же рода занятія были представлены другимъ наемнымъ лицамъ, имѣющимъ какъ бы низшую организацію. Сами же хозяйки относились къ домоводству презрительно, какъ занятію, оскорбительному для человѣческаго достоинства. Къ болѣе сложнымъ хозяйственнымъ дѣламъ, сосредоточеннымъ въ деревнѣ, онѣ относились съ большей брезгливостью. Самое пребываніе среди природы и простыхъ людей считали для себя отравою для жизни, ея погибелью; на мужей же, завозившихъ своихъ модныхъ женъ въ деревню, смотрѣли какъ на варваровъ. И такихъ женщинъ, образовавшихся исключительно подъ французскимъ вліяніемъ было, особенно въ высшихъ кругахъ, достаточно; но это вовсе не исключало существованія женщинъ изъ высшихъ сферъ, ретиво занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ. На ряду съ посѣщеніемъ собраний, на которыя являлись въ блестящихъ нарядахъ, онѣ занимались сельскимъ хозяйствомъ и онѣ очень хорошо знали, чего и сколько родится въ ихъ вотчинахъ, и какое нужно было сдѣлать изъ этого употребленіе. Скажемъ болѣе, онѣ вели подряды, совершали куплю и продажу, вели торги и производили мѣну своихъ хозяйственныхъ продуктовъ.

Живя въ деревнѣ и въ городѣ, онѣ очень хорошо учитывали лицъ, которымъ было ввѣрено управленіе вотчинами. Основательное знакомство, даже съ деталями сельскаго хозяйства, замѣтны въ самыхъ высшихъ классахъ общества, среди особъ царскаго дома. И это понятно: сельское хозяйство искони было областью, гдѣ полноправно господствовала женщина. Еще въ «Домостроѣ» Сильвестра начерченъ тотъ кругъ занятій, который по обычаю, издавна существовавшему, принадлежалъ ей. Естественно, что хозяйство было виднѣе и обширнѣе тамъ, гдѣ женщина, на правахъ вотчиницы, управляла самостоятельно. Свобода женщины въ XVIII вѣкѣ, бывшая реакціей лицемѣрію патріархальнаго быта, способствовала образованію самостоятельныхъ личностей, направившихъ свои силы и способности на разныя сферы дѣятельности. Такова была и сфера хозяйственная. Впрочемъ, еще раньше по древнему русскому законодательству, женщина пользовалась имущественными правами, которыя при Петрѣ были расширены. При императрицахъ женщины получали въ подарокъ земли съ крестьянами²⁴⁹. Чтобы указать, что сфера хозяйственной дѣятельности далеко

²⁴⁹ „Рус. Старина“, 1870, 464, 471.

не чужда была и высшихъ сферъ, укажемъ на нѣсколько примѣровъ. Возьмемъ царевну Прасковью Ивановну и царицу Екатерину II.

Царица Прасковья Ивановна зорко слѣдитъ за хозяйствомъ, въ различныхъ его видахъ, особенно за урожаемъ. Въ послѣднемъ случаѣ она старается предупредить возможные плутни со стороны управляющаго, выставляя ему на видъ именно этотъ урожай. Точно также она регламентируетъ присылку денегъ вмѣстѣ натуры; она слѣдитъ въ то же время, чтобы эти обѣ оброчныя статьи доставлялись сполна; она переводитъ деньги на цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Насколько внимательна была царица къ сельскому хозяйству, обращавшая вниманіе даже на мелочи, краснорѣчиво говорятъ ея указы: такъ въ одномъ изъ нихъ, замѣняя сборъ «живности» деньгами, она пишетъ: «за гуся по 13 алтынъ по 2 деньги, за утку 6 алтынъ и 4 деньги, за индѣйку по 10 алтынъ».

Когда живность и другіе хозяйственные продукты доставлялись изъ деревни, царевна внимательно ихъ осматривала и дѣлала внушительный управляющему выговоръ, въ случаѣ ихъ недобракачества: «А быки и бараны отъ тебя посланы худые, и впредь тебѣ выслать быки и бараны на кушанье годные, опасаясь отъ насъ гнѣву», писала она.

«А солоды: ржаной и ячмой,—пишетъ она въ другой разъ,—высылать по окладу конечно добрые, а не такой, какъ отъ тебя посланъ солодъ худой и не на какую потребу негоденъ».

Но не одна эта спекулятивная сторона занимала царевну,—преуспѣяніе сельскаго хозяйства, благосостояніе крестьянъ, ихъ мирное житіе и благочиніе также живо интересовали ее. Освѣдомленная хорошо и подробно въ положеніи своихъ вотчинъ, она, по обстоятельствамъ, проявляла разумную строгость и милостивое благожелательство.

Другія женщины, близко стоявшія ко двору и вообще принадлежавшія къ высшему кругу, занимались сельскимъ хозяйствомъ, отлично управляли имѣніями. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ предпринимали даже постройку фабрикъ, заводовъ. Всѣмъ извѣстна графиня Е. М. Румянцева, которая завела ткацкую фабрику, усовершенствовала конскій заводъ.

Императрица Екатерина II также любила заниматься сельскимъ хозяйствомъ: нисколько не стыдилась она появляться въ кухнѣ и стряпать. За порогомъ дома цвѣтникъ—любимый ея уголокъ. Она съ любовью и нѣжностію ухаживала за растеніями. Насколько разнообразны были интересы Екатерины II въ области хозяйства, указываетъ то, что

конюшня и псарня не оставались безъ ея хозяйственного надзора. Такъ усилено поэтому журналами освѣщеніе щеголихи, какъ не хозяйки.

Не задаваясь цѣлю указать детально всего, что журналы утрировали въ изображеніи щеголихи, остановимся на нѣсколькихъ частностяхъ, иногда какъ бы случайно оброненныхъ во многихъ мѣстахъ журналами: въ XVIII в. можно было наблюдать, что мужья и жены, имѣвшіе отдѣльныя половины, давали другъ другу свободу и не стѣсняли своимъ присутствіемъ; но это вовсе не значитъ, какъ утверждаетъ журналъ, что «по нѣскольку недѣль мужъ и жена другъ съ другомъ совсѣмъ не видятся и не промолвятъ между собою ни одного слова, развѣ только въ публичныхъ собраніяхъ или на балѣ или въ комедіи»²⁵⁰. Въ другомъ журналѣ таже мысль доведена до абсурда. Правда, что щеголихи далеко не отличались домосѣдствомъ; наоборотъ, однимъ изъ завѣтныхъ ихъ стремленій—быть, по возможности, вездѣ, только не въ родномъ гнѣздѣ; но изображеніе, напримѣръ, щеголихи, хотя живущей не на одной половинѣ съ мужемъ и почти по году не видящей его, даже позабывающей въ лицо своихъ дѣтей—грѣшитъ противъ очевидной истины²⁵¹.

Положеніе молодой въ деревнѣ, только что вышедшей замужъ въ столицѣ, обрисовано въ сгущенныхъ краскахъ. Вотъ что говорится въ журналѣ: «этотъ негодай» (мужъ), жалуется жена, увезъ меня въ свою деревню, гдѣ я должна была проводить лучшія мои лѣта не видя никого, кромѣ рогатаго скота и нѣсколькихъ мужиковъ, которые еще отвратительнѣе моего мужа: въ такой горести одно утѣшеніе оставалось мнѣ, чтобы всякой день перебранить всѣхъ, начиная съ него и до послѣдняго скотника: да и подлинно, не проходило ни одной минуты, чтобы кто изъ нихъ не сдѣлалъ какого дурачества». Такого рода занятія довели ея до потери языка «до нѣмоты» («язычекъ мой упалъ») и она лишилась возможности говорить въ теченіе семи лѣтъ. Еще не сообразнѣе описана смерть мужа и причитанія или выговоры ея по поводу его нерадѣнія по хозяйству. Не отличивъ мертваго отъ соннаго, она такъ и сыплетъ ему реплики. Когда же она узнала объ истинной причинѣ его продолжительнаго безмолвія, тогда искренно сожалѣла, что онъ не слыхалъ ея поучительныхъ рѣчей²⁵².

Если быть въ обществѣ и блистать нарядами составляло потребность для женщины, то все-таки журналъ чрезмѣрно усиливалъ

²⁵⁰ „Почта Духовъ“, 1789, I, 177.

²⁵¹ „Сатирическій Вѣстникъ“, 1791, VI, 60.

²⁵² „Почта Духовъ“, II, 122—123.

мысль, будто «щеголиха скорѣе согласится пробыть десять лѣтъ запертою, нежели на одну минуту показаться на гуляньѣ безъ убору²⁵³, разумѣется, изысканнаго. Самое пребываніе щеголихи среди общества изображается иногда въ какомъ-то карикатурномъ видѣ. Въ одномъ изъ журналовъ безымянный авторъ, желая выставить на видъ нескромность и непристойность поведенія ея среди модницъ, говоритъ: «тамъ увидѣлъ онъ кривляющую обезьяну, которая каждый мигъ изъ себя новый видъ представляла; вертѣлась, прыгала, другихъ передражливала, и разныя непристойности дѣлала, чѣмъ свою пустую голову веселила; почему и узналъ онъ въ обезьянѣ одну женщину, которая на сіе животное по ея безстыдству и вертопрашеству, весьма походила²⁵⁴.

Вызываетъ невольно на лицо улыбку слѣдующая картина печальнаго положенія щеголихъ, возвращающихся изъ собранья: «Съ великимъ удовольствіемъ также смотрѣлъ я на нѣкоторыхъ женщинъ, которыя укрываясь отъ непогоды, бѣжали опрометью къ своимъ каретамъ; но между тѣмъ, поражены будучи звукомъ сильнаго громоваго удара, упали въ обморокъ; а какъ всякой помышлялъ тогда о своей собственной безопасности, за недостаткомъ услужливыхъ щеголей, которымъ, слѣдуя обычаямъ нынѣшняго свѣта, надлежало бы въ семъ случаѣ ихъ поддерживать, принуждены онѣ были валяться въ грязи; однакожъ подоспѣвшіе къ нимъ на помощь ихъ служители, вытащивъ оттуда развезли всѣхъ по домамъ²⁵⁵.

Нельзя не остановиться еще на одной чертѣ, такъ сильно подчеркнутой сатирическими журналами—всеобщей, поголовной распущенности женщинъ, ихъ разврата. По сатирическимъ журналамъ выходитъ, что честныхъ женщинъ совсѣмъ нѣтъ. Жены чуть не каждый часъ измѣняли своимъ мужьямъ; также онѣ поступали и съ любовниками, которыхъ у каждой было по многу. Правда, были потерявшія всякій стыдъ женщины; поступки ихъ были эксцентричны и необузданны и проявлялись иногда въ самыхъ дикихъ формахъ. Не отрицая такого рода явленій, дѣйствительно бытовавшихъ, мы должны замѣтить однако, что они исключительныя и нисколько, поэтому, не говорятъ о всеобщей развращенности. Разсматривая въ частности свойства щеголихи, мы сейчасъ увидимъ, какъ журналы въ изображеніи ея сгущали краски и единичныя явленія возводили въ общій законъ. Такъ,

²⁵³ „Почта Духовъ“, I, 157.

²⁵⁴ „Вечера“, II, 163.

²⁵⁵ „Почта Духовъ“.

указывая на распущенность щеголихи и ея развращенность, журналы выставляют на видъ, что она предъ выходомъ замужъ выговаривала себѣ въ замужествѣ право свободной любви. Конечно, иногда женихъ давалъ на это свою санкцію, но это имъ дѣлалось, повторяемъ, въ исключительныхъ случаяхъ, большею частію, по практическимъ соображеніямъ и матеріальнымъ расчетамъ. Трудно допустить такую наивность со стороны всѣхъ мужчинъ, чтобы они, женившись и, слѣдовательно, взявши на себя множество обязательствъ, съ удовольствіемъ бы предоставили своихъ женъ на общее пользованіе всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ.

Съ другой стороны и дѣвушка, выходя замужъ, дѣлала этотъ важный въ ихъ жизни шагъ вообще искренно, по непосредственному влеченію своего влюбчиваго сердца. Живя почти исключительно чувствомъ и воображеніемъ, она рисовала жизнь свою въ радужныхъ краскахъ, вовсе не отвѣчающихъ дѣйствительности и надѣляла своего жениха такими достоинствами, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ. При этой искренней увѣренности въ будущую исполненную радостей жизнь, молодая особа носила въ душѣ своей и глубокую привязанность къ будущему мужу. Оно и понятно: любовь доминировала надъ всѣмъ ея существомъ, въ ней былъ весь смыслъ и цѣль ея жизни и все содержаніе ея духовнаго бытія. Но это радужное настроеніе души, настроеніе вполне естественное, приводившее дѣвушку къ мечтательности, очень скоро измѣнялось: иллюзіи, создававшіяся не въ мѣру развитымъ, сравнительно съ другими способностями, воображеніемъ, очень скоро, при соприкосновеніи съ жизнію, разбивались о ея горькую дѣйствительность. Болѣе несоотвѣтствія мечтаній съ дѣйствительностію при выходѣ замужъ и потому больше горя было, когда браки устраивались, что тогда было нормальнымъ и почти всеобщимъ явленіемъ, при помощи свахъ. Къ этимъ послѣднимъ особенно обращались матери перерзѣлыхъ дочерей; онѣ «засылаютъ свахъ, выставляютъ дочерей повсюду, и даже храмы Божіи обращаютъ въ храмы смотра, и тогда-то, вмѣсто прежней прозорливости, являются на устахъ созрѣвшей дѣвы прельстительная улыбка, въ очахъ заирка нѣжная, на языкѣ разговоръ, къ соотвѣтствію склонный: уже не отмечаетъ всякаго жениха, а въ каждомъ изъ нихъ находитъ мужа достойнаго». Во всѣхъ мѣстахъ и уголкахъ водились эти устроительницы браковъ; но особенно ихъ было много въ Москвѣ. Здѣсь «въ старину существовало цѣлое сословіе свахъ; имъ сообщались лѣта невѣстъ, описи придаваго и брачныя условія: къ нимъ можно было прямо адресоваться, и онѣ договаривали родителямъ все то, что въ собраніи не могли высказать

одни только взгляды жениха», и при такой формѣ знакомства молодыхъ дѣвушекъ съ мужчинами, становившимися потомъ мужьями, не было мысли у нихъ, мысли сейчасъ же и постоянно измѣнять имъ. Если онѣ до выхода замужъ не чувствовали любви къ своимъ будущимъ мужьямъ, то все-таки лелѣяли въ душѣ возможность счастливой семейной жизни. Романическія побѣги молодыхъ дѣвушекъ изъ родительскаго дома, что, какъ извѣстно, было зауряднымъ явленіемъ, особенно во II половинѣ XVIII вѣка, ясно указываетъ, что бывали молодые особы, желавшія съ любимымъ человѣкомъ поскорѣй освободиться отъ семейнаго деспотизма. Презрѣвъ родительское благословеніе «навѣки нерушимое», онѣ, конечно, оставляли родительскій кровъ съ тою цѣлю, чтобы съ своими избранниками прожить счастливо—въ любви и мирѣ. Причиной этихъ побѣговъ изъ родительскаго дома было не романическое только увлеченіе мужчиной—увлеченіе, дававшее выходъ естественному чувству любви, которая наполняло все ея духовное бытіе, но и стремленіе создать себѣ независимое и самостоятельное положеніе. Мемуары и записки современниковъ представляютъ много примѣровъ, въ данномъ случаѣ, поучительныхъ, показывающихъ воочію, что въ столицѣ и въ деревнѣ, были молодые дѣвушки, которыя серіозно смотрѣли на бракъ, и по выходѣ замужъ, были не только прекрасными женами и матерями, но и распространяли свое прекрасное вліяніе за предѣлы своего скромнаго очага. Не имѣя въ виду приводить очень многихъ примѣровъ, иллюстрирующихъ нашу мысль, ограничусь двумя—тремя, весьма въ данномъ случаѣ характерными. Укажу, во-первыхъ, на свѣтлыя черты матери С. Т. Аксакова—Софьи Сергѣевны. «Испытавшая и пережившая не по лѣтамъ, семнадцатилѣтняя дѣвушка превращается въ совершенную женщину, мать, хозяйку, дѣлается даже официальной дамой, такъ какъ по болѣзни отца принуждена нерѣдко принимать городскія власти, чиновниковъ отца и другихъ лицъ общества, волей—неволей знакомится съ дѣловыми бумагами, ведетъ официальную переписку, — словомъ дѣлается «настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи»... Постоянно занятая заботами о больномъ отцѣ и его официальными дѣлами, дѣвушка вмѣстѣ съ этимъ не оставляетъ безъ воспитанія и своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ; мало того, слѣдя за ихъ уроками, она вмѣстѣ съ ними сама принимается учиться, пополняетъ свое упущенное образованіе, быстро овладѣваетъ французскимъ языкомъ, читаетъ на немъ книги, быстро даже научается на немъ говорить. По выходѣ замужъ, она была рѣдкою матерію, безупречною супругой, несмотря на всеобщее ей поклоненіе.

Стоитъ припомнить княгиню Долгорукову Наталью, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ нѣкоторыя жены беззавѣтно были преданы мужу, дѣтямъ. Такихъ женщинъ изъ высшихъ сферъ было достаточно.

II.

Новомодныя вѣянія, порожденныя искусственною жизнію и широкой волной распространявшіяся среди такъ называемаго образованнаго общества, вызывали критическое отношеніе не только въ немъ самомъ, но и среди простого народа. Забавные листы—наилучшій показатель этого. Характеру русскаго человѣка издавна присуща была склонность облегчать свою страду—горькое положеніе отъ непосильныхъ трудовъ—добродушной и веселой шуткой, иногда даже обращенной на самого себя. Потѣхи и сатиры ради русскій человѣкъ избиралъ самые разнообразныя предметы для своихъ стрѣлъ и, особенно, тѣ, которые потѣшали его странностію, или, лучше сказать, глупостію. Потому-то модницы XVIII вѣка и были объектомъ сатирическаго къ нимъ отношенія народа, поражавагоса ихъ причудами и уродливостію. Забавные листы выставляли двѣ стороны ихъ—внѣшнюю и внутреннюю. Въ первомъ случаѣ онѣ глумились надъ модами, ихъ опутавшими, во второмъ—надъ зазорнымъ поведеніемъ.

Забавные листки осмѣиваютъ эксцентричную трехъэтажную прическу тупеемъ ²⁵⁶, уснащеніе ее пудрой, огромные чепцы кораблемъ, высокія модныя шляпки, высокіе каблукы ²⁵⁷, черныя мушки ²⁵⁸, налѣпливаемые не только на лицѣ, но даже на груди и рукахъ, короткіе рукава, декольте и т. д. ²⁵⁹. Въ этомъ случаѣ сатира забавныхъ листовъ почти тождественна въ общемъ по содержанію съ сатирическими журналами, которые, впрочемъ, касаются бѣльшаго количества предметовъ, относящихся къ модѣ и детальнѣе ихъ разрабатываютъ; но зато есть разница въ освѣщеніи—наклонность къ высмѣянію, стремленіе выставить предметы въ болѣе смѣшномъ, карикатурномъ видѣ въ забавныхъ листахъ болѣе замѣтны, чѣмъ въ сатирическихъ журналахъ.

²⁵⁶ Ровинскій, 1, №№ 233, 234, 236.

²⁵⁷ Ibid., № 121.

²⁵⁸ Ibid., 228, 229.

²⁵⁹ Ibid., № 121.

Что касается до изображенія щеголихъ съ внутренней, душевной стороны, то какъ въ сатирическихъ журналахъ, такъ и въ забавныхъ листахъ нравственный обликъ ихъ стоитъ очень низко: онѣ являются потерявшими стыдъ и честь женщинами. Такое изображеніе, иногда полное цинизма, очевидно находится въ связи съ многими произведеніями того времени.

Эротическое направленіе русской литературы, сказавшееся во многочисленныхъ произведеніяхъ XVIII в., оригинальныхъ и переводныхъ, отмежевало себѣ мѣсто преимущественно въ повѣстяхъ, романахъ. Достаточно указать на «Пригожую повариху» Чулкова, «Неопиллу или преступную дочь», «Нѣжныя объятія въ бракъ или утѣхи съ продажными любовницами», чтобы видѣть, какъ скабрёзные сюжеты трактовались въ произведеніяхъ такъ называемой теперь изящной словесности. Откровенность въ описаніи соблазнительныхъ прелестей женскаго пола, циничность описаній похотливыхъ вождельнѣй героинь дѣйствующихъ лицъ были поразительны и совершенно теперь немыслимы въ печатномъ словѣ. Любовныя вакханаліи совершаются открыто, пантомимы любви рельефнымъ изображеніемъ патологическихъ картинъ самаго низменнаго пошиба пестрятъ чуть не каждую страницу; сами авторы какъ будто поставили себѣ задачей служить культу Венеры и приносить на ея алтарь жертвоприношенія. Эта сластолюбивая волна, удовлетворявшая самымъ низменнымъ животнымъ инстинктамъ читающей публики, пробила себѣ русло въ сатирическихъ журналахъ, допускавшихъ на свои страницы всевозможные роды литературныхъ произведеній; особенно же это замѣтно сказалось въ забавныхъ листкахъ. Что касается до стиховъ и рассказовъ, находящихся въ лубочныхъ картинкахъ, то онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ многимъ источникамъ—и рукописной старинной русской литературѣ и иностраннымъ факціямъ и сочиненіямъ русскихъ писателей.

Вирши и рассказы забавныхъ листовъ, не всегда, впрочемъ, соотвѣтствующія самымъ картинкамъ, рисуютъ женщину со стороны нравственной въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ: она идетъ на встрѣчу къ совокупленію съ мужчинами, къ таковымъ падка, въ объектахъ своей похотливости не разборчива, руководится только матеріальными соображеніями, не стѣсняясь ни мѣстомъ для любовныхъ потѣхъ ни выраженіемъ своихъ чувствованій. До чего доходила свобода въ выраженіи, можно, напримѣръ видѣть изъ текста къ картинкѣ: Потѣха въ любви: «Неки человекъ уязвился любовию госпожи: і оной желаніе предложі Обеща ей драгой презентъ подарити: а прітомъ всегда ее благодаріті которая і склонилась кего волі: і все его желаніе учинитъ

дозволі. Что онъ услыша весма благодарілѣ: і спочтеніем на стулѣ ее посадил. Где і начел было дело ісправляти: себя і ее забавляти. ажно внезапно пришелъ человекъ подокно: і увидя такое дѣло окно. вдрукъ окно крепко застучалъ: ктомуужъ громко закричалъ: чево онъ іспугавшись стулѣ отпихнулъ: і тако барыню сстула столкнул которая наполь унала: і поднявши кверху ноги стала. чему онъ немало дивился: ажно штаны спали і парикъ свалился: і тако той притчине: дивится і поныне ²⁶⁰.

III.

Сатирическіе журналы въ своихъ статьяхъ, относящихся къ щеголихѣ, не берутъ ея въ цѣломъ, а только указываютъ, рѣдко изображаютъ отдѣльныя характерныя ея стороны, или сообщаютъ о предметахъ ея вождельній. Такъ какъ сторонъ юркой жизни щеголихи, а такъ равно и предметовъ, къ которымъ она направляетъ свои помыслы, много, то отсюда безчисленное количество статей, различныхъ по объему и по содержанію. Въ однихъ изъ таковыхъ мы найдемъ въ общемъ указаніе на пристрастіе щеголихи къ модамъ, къ которымъ она, дѣйствительно, прилѣплялась, подобно ученому, къ книгамъ ²⁶¹; въ другихъ — на иныя ея увлеченія, т. е. пользованіе временемъ, которое въ восхищеніи проводитъ она предъ уборнымъ столомъ ²⁶², употребляетъ необходимыя и спасительныя для своей красоты средства — бѣлила и румяна, чтобъ привлечь къ себѣ благосклонное вниманіе мужчинъ ²⁶³; что для этихъ цѣлей, «подъ начальствомъ кокетства» существовали цѣлыя фабрики для производства спецій, дающихъ поводъ къ образованію отрадныхъ ощущеній, относящихся къ области чувствъ зрѣнія и обонянія ²⁶⁴; что къ услугамъ щеголихъ, существовали торговки, «производившія румянецъ и молодильныя мази» ²⁶⁵; что кромѣ этихъ предметовъ, красавица, въ видахъ вящей лѣпоты, повинувась модѣ, носила высокія прически, скорѣе ее обезображивающія, чѣмъ украшающія ²⁶⁶, надѣвала затѣйливыя шляпки ²⁶⁷ чепцы ²⁶⁸;

²⁶⁰ Ровинскій. I, № 135.

²⁶¹ Прил. № 11.

²⁶² Прил. № 24.

²⁶³ Прил. № 45.

²⁶⁴ Прил. № 48.

²⁶⁵ Прил. № 47.

²⁶⁶ Прил. № 56.

²⁶⁷ Прил. № 57.

²⁶⁸ Прил. № 61.

что за отсутствіемъ своихъ волосъ и зубовъ пользовалась чужими ²⁶⁹; что въ этихъ же цѣляхъ украшенія, щеголиха надѣвала фижмы ²⁷⁰; у нея былъ своеобразный языкъ ²⁷¹; что орудіемъ его даже служили и мушки ²⁷² и опахало ²⁷³; что она вообще имѣла и другія духовныя средства побѣждать своего противника ²⁷⁴ и т. д. Словомъ, едва ли можно найти предметъ, относящійся къ костіму или туалету, который не былъ бы затронутъ какой либо статьей. Новое появленіе шляпки ²⁷⁵ или покроя платья ²⁷⁶ находило себѣ выраженіе въ извѣстной статьѣ журвала.

Другой разрядъ статей сатирическихъ журналовъ обращаетъ вниманіе на самую личность щеголихи, только и думающей о своей красотѣ ²⁷⁷; что мысль казаться прекрасной не покидаетъ ея и у гроба ²⁷⁸; что она употребляетъ разные способы, чтобы воочію показать свою красоту ²⁷⁹; что о приданіи себѣ хотя искусственной красоты хлопочутъ старухи ²⁸⁰, что это искусственная красота приводитъ въ недоумѣніе и разочарованіе даже мужа на другой день послѣ своей свадьбы, вдобавокъ еще женившася на молодой ²⁸¹ и т. д.

Цѣлый рядъ журнальныхъ статей трактуетъ объ иныхъ свойствахъ щеголихи—ея непосѣдливости ²⁸², ея пребыванія въ лавкахъ ²⁸³, на гуляньяхъ, театрахъ ²⁸⁴, словомъ, вездѣ ²⁸⁵; на темы разговоровъ женъ ²⁸⁶, на насмѣшливое отношеніе къ ученымъ и писателямъ ²⁸⁷.

²⁶⁹ Прил. № 41.

²⁷⁰ Прил. №№ 70—71.

²⁷¹ Прил. № 79.

²⁷² Прил. №№ 49—53.

²⁷³ Прил. № 77.

²⁷⁴ Прил. № 40.

²⁷⁵ «Сатирическій Вѣстникъ», 1790, V, 10, VII, 83.

²⁷⁶ Ibid.

²⁷⁷ Прим. № 12.

²⁷⁸ Прил. № 39.

²⁷⁹ Прил. № 9.

²⁸⁰ Прил. № 34.

²⁸¹ Прил. № 7.

²⁸² Прил. № 89.

²⁸³ Прил. № 86.

²⁸⁴ Прил. № 85.

²⁸⁵ Прил. № 81.

²⁸⁶ Прил. №№ 82—84.

²⁸⁷ Прил. № 16.

Едва ли не большее количество статей посвящено въ журналахъ неблаговоспитанному поведенію щеголихи—ея влюбчивости²⁸⁸, вѣтренности²⁸⁹, непостоянству²⁹⁰, притворству²⁹¹, невѣрности и разврату²⁹², даже на другой день послѣ свадьбы²⁹³, ея безстыдному въ глаза мужу заявленію, что она украшаетъ его рогами²⁹⁴, похотливости у женщинъ не пропадающей съ годами²⁹⁵; разврату не только замужнихъ женщинъ, но и вдовъ²⁹⁶ съ ихъ двуличнымъ поведеніемъ послѣ смерти мужа при другихъ и наединѣ²⁹⁷. Журналы, между прочимъ, отмѣчали, что такія особы иногда возбуждали отвращеніе въ мужчинахъ²⁹⁸, что любовница за похабства оставляется всѣми, которые оказывали ей прежде свое вниманіе²⁹⁹. Журналы указывали и на причины такого зазорнаго поведенія женщинъ, какъ, напримѣръ, на воспитаніе деревенской дуры въ городѣ и на обученіе ея модѣ и разврату французенкою³⁰⁰.

Всѣ указаннаго рода статьи—а таковыхъ въ журналахъ тысячи—говорятъ, конечно, каждая особю, объ одномъ какомъ либо предметѣ, принадлежности туалета или одежды или какомъ либо свойствѣ духовнаго характера щеголихъ. Каждая изъ статей, отдѣльно взятая, иногда и живописующая свойство, не можетъ дать и, конечно, не даетъ точнаго и при томъ всесторонняго понятія о щеголихѣ. Образъ ея можетъ сложиться лишь только изъ соединенія чертъ, разбросанныхъ по разнымъ страницамъ журналовъ.

Есть и иной разрядъ статей въ журналахъ, затрогивающихъ щеголихъ шире и глубже, сравнительно съ предшествующими, и дающихъ болѣе обильный матеріалъ для ихъ характеристики. Такъ въ одной заявляется о ея позднемъ вставаньи, житьѣ на отдѣльной поло-

²⁸⁸ Прил. № 13.

²⁸⁹ Прил. № 33.

²⁹⁰ Прил. № 35.

²⁹¹ Прил. № 36.

²⁹² Прил. № 17.

²⁹³ Прил. № 102.

²⁹⁴ Прил. № 112—114.

²⁹⁵ Прил. № 100, 101.

²⁹⁶ Прил. № 117.

²⁹⁷ Ibid.

²⁹⁸ Прил. № 15.

²⁹⁹ Прил. № 98.

³⁰⁰ Прил. № 16.

винѣ отъ мужа, о ея любопытствѣ относительно знакомыхъ, о пребываніи въ теченіе дня въ различныхъ мѣстахъ ³⁰¹; другая трактуетъ о пребываніи щеголихи въ театрѣ, о самомнѣніи своей красотой, о презрѣніи къ учености ³⁰²; третья выставляетъ щеголху, не платящую долговъ, а между тѣмъ помышляющую о новыхъ платьяхъ ³⁰³; иная статья рисуетъ щеголху, мучающую своихъ дѣвокъ дома и затѣмъ шныряющую въ разныхъ мѣстахъ ³⁰⁴; другая выставляетъ на видъ заботы щеголихи объ уборахъ, одѣяніи, а потомъ витающую вездѣ ³⁰⁵. Есть статейки въ журналахъ еще сложнѣй, въ которыхъ напизывается на щеголху еще болѣе присущихъ ей свойствъ ³⁰⁶. Хотя и здѣсь каждая изъ такого рода статей, отдѣльно взятая, и даетъ большее число признаковъ, опредѣляющихъ щеголху, но все-таки не представляетъ выпуклаго и яснаго ея образа. Такія изображенія представляютъ матеріалъ, и очень богатый, изъ котораго художникъ можетъ создать живой и цѣльный образъ.

Если сопоставить изображеніе щеголихи сатирическихъ журналовъ съ таковымъ же у писателей XVIII в., представителей такъ называемой изящной литературы, то увидимъ, какая громадная въ этомъ отношеніи заключается разница. Въ отличіе отъ сатирическихъ журналовъ, не говоря уже о забавныхъ листахъ, мы находимъ здѣсь лицъ, полныхъ жизни, со всѣми отличительными ихъ свойствами, вызываемыми положеніями ихъ, какъ героинь въ ходѣ и развитіи самыхъ пьесъ. Такъ въ комедіи Сумарокова: «Мать совмѣстница дочери», одной изъ первыхъ, затрогивающихъ щеголихъ, одна изъ таковыхъ—Минопора является типичнымъ лицомъ. Предъ нами живой человекъ, который своими отношеніями къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ комедіи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми свойствами староманерныхъ людей, рѣзко и выпукло проявляетъ черты, наложенныя на нее новымъ временемъ. Если взять комедію Екатерины II «Именины г-жи Ворчалкиной», болѣе позднюю по времени своего появленія предыдущей, то увидимъ тоже самое: щеголиха Олимпія, читателю или зрителю пьесы, является въ полномъ и ясномъ очертаніи, съ тѣми существенными и характерными для нея признаками, которые обуславливались тогдашнимъ временемъ. Мы ви-

³⁰¹ Прил. № 25.

³⁰² Прил. № 6.

³⁰³ Прил. № 26.

³⁰⁴ Прил. № 26.

³⁰⁵ Прил. № 17.

³⁰⁶ Прил. №№ 72, 42, 107, 115.

димъ здѣсь ту почву, на которой могла появиться и развиваться такая личность.

Въ комедіи «Бригадиръ» Фонвизинъ, рисуя крупными и яркими чертами Совѣтницу, даетъ намъ ясный обликъ щеголихи—какъ продуктъ даннаго времени.

То же самое мы должны сказать о щеголихѣ Чванкиной въ комедіи Княжнина «Чудаки». Выставляя выпукло господствующую въ ней страсть—тщеславіе, авторъ не забываетъ и другихъ ея чертъ, присущихъ щеголихамъ того времени.

Правда, нѣкоторые изъ писателей XVIII в., изображая щеголиху, выставляли на видъ, главнымъ образомъ, только нѣкоторыя, особенно рѣзко бросавшіяся ея свойства, оставляя другія въ тѣни. Такъ Клушинъ въ комедіи «Смѣхъ и Горе» особенно подчеркиваетъ легкомысленный взглядъ жены на бракъ, гдѣ устами щеголихи Вздоровой рекомендуется молодой особѣ Пріятѣ не прилѣпляться къ мужу, а выражать ему полное равнодушіе.

Въ комедіи Лукина «Щепетильникъ» между другими сторонами въ лицѣ Вертопрашки съ особенною выпукlostію выставляются особенныя характерныя для нея черты—приверженность къ модѣ и интересъ къ ея новостямъ. Указанныя нами личности щеголихъ не единственныя. Какъ бы то ни было, онѣ, помимо своей жизненности и реальности, говорятъ и о творчествѣ авторовъ, ихъ создавшихъ. Это не простой указатель какой нибудь черты, не перечень только нѣкоторыхъ изъ нихъ, не механическое нанизываніе одной на другую, а продуктъ творчества, въ силу котораго индивидуальныя особенности героини произведенія тѣсно связаны цементомъ духовнаго ихъ родства.

IV.

Въ журналѣ «Ежемесячныя сочиненія» (1755 г.) неизвѣстный авторъ, совѣтуя, какъ лучше проводить время молодой красавицѣ—предлагаетъ ей заблаговременно предаваться любви, пока у нея, какъ у цвѣтка весной, не поблекла красота, утрата которой въ старости лишитъ всѣхъ ея поклонниковъ. Этой замѣткой журнала, очевидно, устанавливается обычное излюбленное ея времяпровожденіе, которое автору приходилось наблюдать въ жизни ³⁰⁷.

Въ журналѣ «Праздное время въ пользу употребленное» (1759 г.) довольно подробно изображены заботы щеголихи—матери при воспи-

³⁰⁷ Прил. № 5.

таніи своей дочери. Совершенство, идеаль этой послѣдней она видитъ въ физической красотѣ. Лицо, естественно, занимаетъ первое мѣсто ³⁰⁸. Какъ красота лица доставляетъ радость, несказанное счастье обладательницѣ, такъ обезображиваніе его—муку. Въ исключительныхъ заботахъ о красотѣ лица, не оставлены безъ вниманія волосы, руки, грудь ³⁰⁹; въ виду имѣющаго послѣдовать ея выѣзда и возможно большаго привлеченія къ себѣ обожателей, ее учатъ танцамъ ³¹⁰. Особенно важенъ для маменьки и ея воспитанницы — дочки первое появленіе этой послѣдней въ свѣтѣ ³¹¹. Въ этомъ отрывкѣ изъ журнала нѣтъ въ настоящемъ смыслѣ щеголихи, а указаны только тѣ средства, которыя употребляютъ маменьки будущихъ кокетокъ, чтобы ихъ дочки имѣли успѣхъ въ обществѣ, привлекали къ себѣ наибольшее число поклонниковъ и одерживали бы надъ ними побѣду.

Въ томъ же журналѣ есть другая статья, касающаяся щеголихъ и затрогивающая существенныя ея стороны — щеголиха не хозяйка презираетъ домостроительство ³¹², но зато пристрастна къ нарядамъ ³¹³, любить одѣваться, впрочемъ, не за тѣмъ, чтобы понравиться мужу, а для того, чтобы, во всеоружіи красоты, являсь въ компанію молодчиковъ, снискать ихъ похвалу и затмить какую либо соперницу ³¹⁴. Разорительныя на ея украшенія и для такихъ неблаговидныхъ цѣлей расходы ставили ее въ затруднительное положеніе, изъ котораго она хотѣла вытти остроумнымъ способомъ — желаніемъ не платить долговъ.

Въ журналѣ «Невинное упражненіе» (1763 г.) выведена съ характерными свойствами щеголиха—«вещество пріятное и оживленное». Она совершаетъ жертвоприношеніе предъ уборнымъ столикомъ. Въ ея распоряженіи всевозможныя космическія средства, могущія придать ей изящный видъ и источать ароматъ. Она любитъ созерцать себя въ зеркалахъ, предъ которыми упражняется «въ приманчивыхъ взглядахъ, улыбкахъ и ужимкахъ». Мало того, она вооружена знаніемъ, какъ налѣпливать мушки, «поводить глазами», «вести голосъ», «картавить». Въ этомъ журналѣ, какъ видимъ, указаны новыя свойства щеголихъ, которыя не были затронуты предшествующими журналами.

³⁰⁸ Прил. № 2, стр. 1.

³⁰⁹ Ibid., стр. 2.

³¹⁰ Ibid., стр. 10.

³¹¹ Ibid., стр. 9.

³¹² Прил. № 3, стр. 11.

³¹³ Ibid., стр. 12.

³¹⁴ Прил. № 4.

Журналъ «Всякая Всячина» (1769 г.) удѣлилъ изображенію щеголихи три статьи. Первая изъ нихъ ³¹⁵, сообщая о заботахъ щеголихи по отношенію «распечатанія красками губъ», щекъ, волосъ, о натираніи груди бѣлилами, о подсурмливаніи бровей, рисуетъ удивленное состояніе мужа, на другой день послѣ свадьбы не узнававшего своей жены, за ночь лишившейся своихъ искусственныхъ прелестей ³¹⁶. Во второй отмѣчена нескромность молодыхъ дѣвушекъ, слишкомъ себя откровенно обнажающихъ. Въ третьей ³¹⁷ указаны приемы щеголихи въ обществѣ для обнаруженія своихъ прелестей — выразительности глазъ, бѣлизны рукъ, изящества грудей, миниатюрныхъ ножекъ, красивыхъ зубовъ. Сравнивая содержаніе этого журнала съ предшествующими, мы видимъ, что въ немъ приданы щеголихѣ нѣкоторыя новыя черты.

Въ Журналѣ «Адская почта» (1769 г.) выведены двѣ щеголихи ³¹⁸ находившіяся въ театрѣ во время представленія трагедіи — одну вдову, почтеннаго возраста, разодѣтую, съ поддѣльной красотой, окруженную стаей молодчиковъ, съ страшнымъ желаніемъ вытти за мужъ; — другую — молодую, презирающую всѣхъ на свѣтѣ и считающую себя выше всѣхъ; эта послѣдняя увѣрена, безъ всякихъ, впрочемъ, на то данныхъ, въ своей учености, съ претензіей на остроуміе. Здѣсь мы видимъ щеголиху въ новой обстановкѣ и съ новыми чертами — съ необычайнымъ самомнѣніемъ, вытекающимъ изъ самообольщенія своей красотой и своимъ умомъ, съ ея стремленіемъ подогрѣвать отъ времени поблекшія красоты, желаніемъ нравиться и вытти за мужъ, не пропадающимъ до глубокой старости.

Въ этомъ журналѣ, сравнительно съ предшествующими, кромѣ общихъ чертъ, касающихся, главнымъ образомъ, украшенія внѣшняго щеголихъ, въ особенности лица, есть новыя: сфера ея дѣйствій внѣ дома — въ общественномъ собраніи — театрѣ; положеніе ея также иное: прежде она довольствовалась и пробавлялась ограниченнымъ числомъ поклонниковъ, здѣсь же престарѣлая кокетка окружена цѣлою толпою ихъ. Кромѣ того, щеголиха является для побѣды надъ любовниками съ новымъ оружіемъ — духовнымъ — лексикономъ замысловатыхъ словъ, куда вноситъ и слова своего собственнаго изобрѣтенія.

³¹⁵ Прил. № 7.

³¹⁶ Прил. № 8.

³¹⁷ № 9.

³¹⁸ Прил. № 6.

Въ журналѣ «Полезное съ пріятнымъ» (1769 г.) указаны новые объекты привязанности щеголихи къ мишурѣ—головные уборы, шелковые матеріи, ленты, башмаки и т. п. Кромѣ того, здѣсь же указано впервые въ журналѣ на полную распущенность щеголихи, на постоянную смѣну ея любовниковъ, вызываемую разными неблагоприятными цѣлями—сребролюбіемъ и честолюбіемъ, удовлетвореніе которымъ заставляетъ ее игнорировать физическую красоту и не брезговать въ сношеніяхъ своимъ съ мужчинами ихъ безобразіемъ ³¹⁹. Хотя эта статья и неоригинальнаго происхожденія, тѣмъ не мѣнѣе помѣщеніе ея въ журналѣ могло обуславливаться тѣмъ, что издатель видѣлъ и въ русской жизни аналогичныя явленія.

Въ трехъ небольшихъ статейкахъ «Смѣси» (1769 г.), посвященныхъ щеголихѣ, помимо нѣкоторыхъ общихъ чертъ съ предшествующими журналами, какъ, напримѣръ, самообольщенія своей красотой, пристрастія къ уборамъ, выставляются новыя—необычайно, напримѣръ, быстрая влюбчивость ³²⁰.

Журналъ «Трутень» (1769 г.) во всѣхъ своихъ статьяхъ, касающихся щеголихъ, выставляетъ на посмѣяніе новыя свойства ихъ, которыя или вовсе не были затронуты журналами, или не такъ живо и образно представлены. Въ первомъ случаѣ онъ выставляетъ замужнюю женщину ³²¹ для удобства своей жизни имѣющую, по обычаю того времени, отдѣльную въ домѣ половину отъ своего мужа, чтобы свободнѣе обращать его въ рогоносца. Въ другой статейкѣ журнала ³²² выведена щеголиха—кривляка, жеманница и спорщица, атакующая поочередно каждаго изъ мужчинъ, находившихся въ обществѣ. Въ такомъ образномъ освѣщеніи щеголиха не была раньше представлена.

Въ третьей статьѣ журнала ³²³, очень обстоятельной по содержанию, раскрыты характерныя свойства щеголихъ, которыхъ не касались предшествовавшіе журналы: пренебрежительное отношеніе къ наукѣ, ученымъ, ироническое отношеніе къ журналамъ, презрѣніе къ дому, къ житію въ деревнѣ и домоводству тамъ, обученіе по модѣ французенкой въ связи съ протекающими отъ того послѣдствіями, кокетливое и безсердечное отношеніе щеголихи къ ухаживателямъ и постоянная смѣна одного другимъ.

³¹⁹ Прил. № 10.

³²⁰ Прил. № 13.

³²¹ Прил. № 14.

³²² Прил. № 15.

³²³ Прил. № 16.

Въ слѣдующемъ по времени журналѣ — «Вечерахъ» (1772 г.), впервые указано на несчастное положеніе дѣвушекъ—служанокъ ухаживающихъ за кокеткой и прислуживающихъ ей при ея туалетѣ, продолжающемся часовъ по пяти; отмѣчены также притворные обмороки, которыми она избавляется отъ докучливыхъ замѣчаній мужа, которому приставляетъ рога. Таково поведеніе щеголихи по журналу дома. Въ же дома—въ гостяхъ—она злословитъ всѣхъ женщинъ, свойственнымъ ей языкомъ, на гуляньяхъ водить за собой толпу любовниковъ и уже за полночь возвращается домой.³²⁴

Въ первой посвященной щеголихѣ статьѣ «Живописца», выходящаго въ тотъ же годъ, какъ и раньше указанный журналъ, очень рельефно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ художественно изображены многія изъ существенныхъ чертъ щеголихъ: ея взглядъ на науку и ученую женщину, появленіе которой въ обществѣ вызываетъ смѣхъ; сомнѣніе о своей красотѣ, повергающей къ ея колѣнямъ толпу поклонниковъ и ея въ высшей степени кокетливое къ ней отношеніе.³²⁵

Во второй статьѣ этого журнала³²⁶ сильно подчеркнуто ироническое отношеніе щеголихъ къ листкамъ и писателямъ. Потомъ, живо рисуется положеніе молодой, очутившейся въ Петербургѣ и ведущей свободную распутную жизнь, которая ею достигнута притворствомъ—обмороками.

Въ журналѣ «Собесѣдникъ Любителей русскаго Слова» (1784 г.) отмѣченъ новый недостатокъ щеголихъ—вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ русскимъ товарамъ питать исключительное пристрастіе къ иностраннымъ, съ пренебреженіемъ къ русскимъ торговкамъ—плутовкамъ выражать симпатіи къ французскимъ мадамъ, которымъ за проданные товары спускали шальные русскія деньги.³²⁷

Въ журналѣ «Лѣкарство отъ скуки и заботъ» (1786 г.) выведена щеголиха Вертопрахова, которая, кромѣ общихъ свойствъ щеголихи, уже ранѣе отмѣченныхъ нами, является съ своеобразнымъ воззрѣніемъ на бракъ: «Она презираетъ молодыхъ вертопраховъ», а желаетъ принять мужа нѣсколько пожилого, а и то лучше, ежели имѣетъ какіе болѣзненные припадки, не позволяющіе ему выходить изъ комнаты: она отведетъ ему въ особомъ своего дома уголъ спальню, будетъ снабжать его всѣмъ нужнымъ и стараться доставить всѣ выгоды житейскія.

³²⁴ Прил. № 17.

³²⁵ Прил. № 18.

³²⁶ Прил. № 19.

³²⁷ Прил. № 20.

Но онъ не долженъ быть нахаль и безъ ея позволенія не ходить въ ея половину, а особенно не навѣдываться въ спальню» ³²⁸.

Въ этомъ же журналѣ выведена щеголиха Мотова съ оригинальнымъ способомъ поправить свое состояніе, растроенное на покупку бесполезныхъ украшеній. Въ этихъ видахъ она хочетъ продать все свое наличное имущество, между которымъ первое мѣсто занимаютъ двѣсти паръ башмаковъ... мѣшокъ подвязокъ съ именами своихъ полюбивниковъ ³²⁹.

Въ «Зеркалѣ свѣта» (1787 г.) помѣщены двѣ статьи, касающіяся щеголихъ; въ первой изъ нихъ осмѣиваются тѣ изъ нихъ, которымъ природа отказала въ естественной красотѣ, и которыя поэтому, для привлеченія мужчинъ, поставлены въ необходимость, хотя и тщетно, восполнять природные недостатки искусственными средствами ³³⁰.

Вторая статья «Зеркала свѣта» ³³¹ трактуетъ о тѣхъ приемахъ, къ которымъ прибѣгаютъ щеголихи для побѣды непокорныхъ ея сердцу мужчинъ: онѣ хотятъ привлечь ихъ къ себѣ то горделивой осанкой, невиннымъ выраженіемъ лица, мечущимъ взоромъ, то подкрашиваніемъ себѣ бѣлилами и румянами.

Содержаніе первой статьи журнала было уже исчерпано равьше; что же касается до второй, то должно замѣтить, что прежде не было ни одной статьи, исключительно посвященной уловкамъ; къ тому же и уловки указаны новыя. Въ этомъ журналѣ вмѣстѣ съ очень остроумнымъ въ стихотворной формѣ выраженномъ изображеніи—способѣ уловокъ щеголихи—склонять къ себѣ мужчинъ, указаны и тѣ формы мщенія противъ нихъ, уклоняющихся отъ ихъ приманокъ ³³².

Въ «Утреннихъ часахъ» (1788 г.), собственно помѣщена одна статья о щеголихахъ, рисующая ея проекты, положенія и вожделѣнія. Она носитъ названіе: «Уборный столикъ щеголихъ» ³³³. Предъ этимъ столикомъ появляется щеголиха съ различными цѣлями нѣсколько разъ: въ первый разъ для притираній, во второй для созерцанія своей красоты, для продѣлыванія искусственныхъ приемовъ и приведенія своего туалета въ полное совершенство. За этимъ же столомъ, наконецъ, пишутся утреннія цидулки. Хотя эта статья и не оригинальная и мѣстами

³²⁸ I, 30.

³²⁹ I, 189.

³³⁰ Прил. № 22.

³³¹ Прил. № 23.

³³² 208, 9.

³³³ Прил. № 24.

чужда русской жизни (сравненіе, напримѣръ, парижанокъ съ мужчинами), тѣмъ не менѣе появленіе ея въ журналѣ вызвало бытовавшими явленіями русской жизни.

Въ «Почтѣ Духовъ» (1789 г.), во многихъ статьяхъ полно и ярко освѣщенъ типъ щеголихи. Первая изъ нихъ ³³⁴ имѣетъ задачей показать, чѣмъ наполненъ ея день въ до и послѣобѣденное время. Въ первомъ случаѣ установлено журналомъ ея позднее вставанье, распросы о знакомыхъ, приемы; во второмъ—ея болѣе поздняя до ранняго утра жизнь внѣ дома, протекавшая въ суетныхъ и не всегда приличныхъ похожденияхъ. Во второй статьѣ журнала ³³⁵ выставлены заботы щеголихи о своемъ туалетѣ, соотвѣтственно требованіямъ перемѣнчивой моды, которая заставляетъ щеголиху своевременно удалиться изъ театра при сознаніи, что она стоитъ не въ курсѣ дѣла.

Въ слѣдующей статьѣ журнала ³³⁶ очень рельефно проводится взглядъ щеголихи на бракъ—какъ средства избавиться отъ домашней тиранніи, при чемъ важнѣйшимъ условіемъ счастливаго брака ставится выходъ замужъ за набитаго дурака, котораго можно было бы всегда дурачить и проводить за носъ; взглядъ дѣвушки на мать ³³⁷.

Въ журналѣ «Зритель» (1792 г.), между очень небольшими статейками о щеголихахъ, получившихъ и названіе по основному своему свойству ³³⁸, есть одна очень обстоятельная ³³⁹, которая съ откровенностію заявляетъ о развратѣ дѣвушки—щеголихи до выхода ея за мужъ и о томъ цинизмѣ, съ которымъ она рассказываетъ о зазорномъ своемъ поведеніи, по выходѣ за мужъ.

Хотя въ многочисленныхъ статьяхъ «Сатирическаго Вѣстника» (1790—1791 г.), относящихся къ щеголихѣ бичуются ея пороки, на которые сдѣланы были журналами указанія ранѣе, тѣмъ не менѣе и здѣсь обронено кое-что новое: еще будучи дѣвушкою, получая воспитаніе дома, она, вмѣстѣ съ знаніемъ французскаго языка, «намекаетъ по Итальянски», записана во всѣ общества ³⁴⁰, гдѣ и обнаруживается, что ея «всѣ достоинства и умъ помощію танцмейстера переселены въ однѣ

³³⁴ Прил. № 25.

³³⁵ Прил. № 26.

³³⁶ Ibid., стр. 47.

³³⁷ Ibid., стр. 48.

³³⁸ Прил. №№ 33—36.

³³⁹ Прил. № 37.

³⁴⁰ Прил. № 29.

ноги»³⁴¹; что въ тѣ общества, гдѣ она выражается «двоемысленно», выѣзжаетъ въ богатомъ экипажѣ, съ богатою ливреею³⁴².

Въ журналѣ «Что нибудь отъ бездѣля на досугѣ (1800 г.)»—авторъ-издатель обрисовалъ кокетку, какъ охотницу наряжаться³⁴³, какъ искусницу «сискать способы придавать пріятной видъ своимъ тѣлодвиженіямъ, нѣжной звукъ своему голосу, ходить съ легкостію, принимать пріятныя положенія и находить повсюду свои выгоды»³⁴⁴. Пораженный, повидимому, устойчивостію этихъ свойствъ, отъ которыхъ женщина и для себя и для блага другихъ должна освободиться какъ можно скорѣй, какъ гражданинъ и патріотъ, издатель предлагаетъ различныя и, по его мнѣнію, дѣйствительныя средства, которыя могутъ видоизмѣнить неизящную натуру щеголихи.

Если справедливо, что щеголиха, по крайней мѣрѣ, по изображенію сатирическихъ журналовъ, нерѣдко, какъ мы видѣли, очерчена была только нѣкоторыми штрихами, съ обозначеніемъ свойствъ, иногда случайно бросавшимися составителямъ статей въ глаза; если справедливо, что свойства щеголихъ наслоились другъ на друга и скупивались, и только въ нѣкоторыхъ журналахъ являлись разработанными и выдѣленными: тѣмъ не менѣе и такія даты, особенно въ связи съ драматическими произведеніями, помогутъ указать видоизмѣненіе типа щеголихи въ зависимости отъ условій времени, которыя на ней и отпечатывались.

Щеголиха первой половины XVIII в. не потеряла родственныхъ связей съ устоями жизни столѣтія предшествующаго. Правда, она, уступая теченію времени, презирая мужа за его «постную любовь», не сидитъ дома, а разодѣтая, по требованію прихотливой моды, витаетъ въ публичныхъ мѣстахъ, съ лорнетомъ въ рукѣ, критикуя и осуждая всѣхъ своеобразнымъ, испещреннымъ иностранными словами, языкомъ; но въ то же время она является съ чертами, унаслѣдованными отъ стараго времени—съ признаками явнаго ханженства: она не ѣстъ въ великій постъ мяса, каждый праздникъ ходитъ въ церковь, предъ каждой иконой, попадающей ей на глаза, творить крестное знаменіе.

Съ такими-то духовными потребностями низменнаго характера живетъ щеголиха на своей родинѣ, находя и здѣсь удовлетвореніе своимъ возлюбленнымъ вождельніямъ. Когда же установились болѣе частыя путешествія во Францію и усилился приливъ къ намъ фран-

³⁴¹ Прил. № 31.

³⁴² Прил. № 32.

³⁴³ 168.

³⁴⁴ Ibid., 195.

цузовъ, еще съ бѣльшей силой законодательницей модъ и установительницею этическихъ отношеній является Франція. Отсюда всѣ помыслы щеголихи накреныя туда. Поэтому, что ни шло отсюда — благо и достойно подражанія. Вмѣстѣ съ культивировкою модъ самыхъ причудливыхъ формъ и самыхъ разнообразныхъ въ областяхъ дамскаго туалета развивается свободное, разнузданное, переходящее въ безстыдство, поведеніе. Узы брака, не отличавшіяся крѣпостію и устойчивостію раньше, теперь еще болѣе ослабляются.

Во второй половинѣ XVIII в. русская женщина, и раньше не питавшая особыхъ симпатій къ Россіи, жаждетъ порвать всѣ связи съ ней: она, презирая Россію, таготится пребываніемъ въ ней, всѣми помыслами стремится во Францію, которую желала бы признать родиною и отечествомъ. Отсюда у ней сожалѣніе, что она родомъ русская, а не французка. Щеголиха является съ вытравленнымъ чувствомъ о національности. Одновременно съ этимъ происходитъ какая-то одорація разврата. Прежде, развратничая втайнѣ, женщина имѣла хотя каплю стыда и совѣсти, или, по крайней мѣрѣ, боязливости предъ мужемъ и обществомъ. Падшая не чужда была сознанію неприличія своего образа жизни и потому старалась, насколько возможно, скрыть зазорность своего поведенія; но и это прикрытіе, наружное благоприличіе скоро пропало: наоборотъ, бравированіе развратомъ, выставленіе его на показъ, хвастовство имъ, стали считаться почетомъ, достоинствомъ женъ, считавшихъ излишними и глупыми узы, налагаемыя бракомъ. Для удобства въ любовныхъ вакханаліяхъ онѣ открыто имѣли отдѣльныя отъ мужей помѣщенія, гдѣ и ковали имъ рога. Такого рода безстыдство не было присуще только замужнимъ женщинамъ: имъ были заражены нѣкоторыя изъ дѣвушекъ, выговаривавшихъ себѣ у жениха право свободной любви и послѣ замужества. Жены, которымъ мужья, недовольные ихъ поведеніемъ, пытались выставить на видъ ихъ легкое поведеніе, прибѣгали къ своеобразной тактикѣ, заставлявшей потомъ мужей отказываться отъ своихъ домогательствъ — къ обморокамъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Минодора и Олимпія.

Минодора. А пропо ли ты ето вздумала, Олимпія? хочешъ выйти за Тиманта!

Олимпія. Батюшка говорилъ, сударыня, что на ето ево воля.

Минодора. Ты себя погубишь.

Олимпія. А чѣмъ же матушка?

Минодора. Онъ человѣкъ имущій многія квантитеты; да главная то ево кондуита худа.

Олимпія. Я худова ево поведенія ни въ чемъ не примѣтила

Минодора. Да онъ и въ Бога не вѣруеть... Я и сама, какъ ты вѣдаешъ, во всемъ первая модъ слѣдую; однако, въ великой постъ мяса ѣсть не стану: въ воскресенье обѣдни не прогуляю, и городскихъ воротъ, не перекрестясь не проѣду; на нихъ иконы: а онъ и обѣдни прогуливаетъ, и въ великой постъ мясо ѣсть: по другимъ постамъ я и сама ѣмъ мясо: а намнясь встрѣтился мнѣ онъ у самыхъ Варварскихъ воротъ: и ѣдучи и не взглянулъ на икону то. Мода хорошее дѣло, а закона позабывать не надобно.

Олимпія. У обѣдни онъ когда можетъ бываетъ: въ великой постъ мясо ѣсть онъ, можетъ быть по слабости желудка, или опасаясь какой болѣзни, чувствуя что нибудь худое отъ рыбной пищи: въ Варварскихъ воротахъ не взглянулъ онъ на икону не отъ презрѣнія: Богъ насъ не по наружности судить. Да вы сударыня, ево и сами хорошо принимаете.

Минодора. Ты досаждаи мнѣ вздумала и не думаешьли ты, что я ево люблю? Ето реприманды и апроши! Естьли бы я въ нево и влоблена была; такъ вишь не вѣчно мнѣ съ нимъ жить.. А я въ вѣрности моей ко твоему отцу свидѣтельствуюся имъ самимъ. Онъ за меня присягнуть не отречется и благороднымъ моимъ сентиментамъ инфиделите со всемъ не свойственна.

Олимпія. Кто васъ обвиняетъ, сударыня?

Минодора. Я вижу, что у тебя о мнѣ худая идея.

Олимпія. Ни какъ сударыня... А Тиманта я люблю и почитаю: а чтобы Тимантъ въ Бога не вѣровалъ, етова о разумномъ человѣкѣ, и помыслить не можно.

Минодора. Нынѣ молодцы и многія таковы: все де натура.

Олимпія. Эта тварь всякой гадины хуже.

Минодора. Полно мать моя! Нынѣ ето въ модѣ.

Олимпія. У дураковъ, севодни они атеисты а взавтрѣ суевѣры будутъ: а Тимантъ ни атеистомъ ни суевѣромъ никогда не будетъ; онъ кое чему учился: и какъ о божествѣ такъ и о естествѣ, основательное понятіе имѣетъ. А какъ молодые люди говорятъ; ему какое до тово дѣло?

Минодора. Очень ты за нево вступаешься.

Олимпія. И очень ево много почитаю.

Минодора. А я тебя за него не выдамъ... Я давно примѣтила, что ты къ нему имѣешь деклинацію, и что ты къ нему аташирована.

Олимпія. Я къ нему подлинно склонность имѣю.

Минодора. Какую склонность? Со всѣмъ таки деклинацію имѣешь.

Олимпія. Матушка да ето все равно, что инклинація, что склонность.

Минодора. Нѣтъ, склонность то и ко другу имѣть можно: а деклинація то къ одному амуру надлежитъ.

Олимпія. Инклинація моя къ нему конечно велика...

Минодора. Не инклинація, худо имѣть и инклинацію: а ты имѣешь деклинацію.

Олимпія. Инъ пускай я къ нему и деклинацію имѣю.

Минодора. Дѣвицѣ ето не годится: ей паендонеръ помнати должно и амбицію.

Олимпія. Я, сударыня, ни какова дому бесчестія не принесу.

Минодора. Такъ развѣ я бесчестіе дому дѣлаю? Я и себя и отца твоего майжирую.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тимантъ и Минодора.

Минодора. Я едакова рекомпанса за всѣ мои куплементы отъ васъ не ожидала.

Тимантъ. Чѣмъ я васъ раздражалъ?

Минодора. Я имѣю честь имѣти къ вашему патрету, или къ вашей персонѣ отличной респектъ, и принимала васъ безо всякой церемоніальности и безъ фасоній. А вы мнѣ измѣняете.

Тимантъ. Я вамъ измѣны ни какой не здѣлалъ; былъ вамъ другъ, другъ и теперь.

Минодора. Ты словъ моихъ и понять не хочешь... Или ты не узналъ еще, какую я къ тебѣ мой манификъ деклинацію имѣю.

Тимантъ. Я благодарствую, что вы меня жалуете.

Минодора. Ты такъ голубчикъ со мною говоришь фасонно, что ужъ не возможно. Я тебя... Ахъ мой миніонъ... Я тебя... Ахъ мой богатель... Я мѣшаюсь, и не знаю сама что я болгаю.

Тимантъ. И я не вѣдаю чево вы отъ меня требуете.

Минодора. Я требую... Послушай! Я все то саантирую къ тебѣ, что ты къ Олимпіи саантируешь: и какое имѣетъ намѣреніе она, такое и я.

Тимантъ. Вы за мужемъ; такъ на васъ не можно мнѣ жениться.

Минодора. Да неужъ ли вамъ безъ женитьбы и любить не капабельно, будто только и кариспаденціи, какъ мужъ и жена!

Тимантъ. Я, сударыня, и вашу и мужа ваша честь охранять долженъ, за ево дружбу и за ваше мнѣ учтивство.

Минодора. Да вы мнѣ еще и больше покажете учтивства, когда меня любить станете.

Тимантъ. Я и такъ васъ люблю.

Минодора. Ето любовь постная. Всѣмъ капиталемъ сердца любите меня, а не партикалярно; только бы было инкогнито.

Тимантъ. Вы, сударыня, проклинаете всѣхъ тѣхъ, которыя въ великой постъ ядать мясо; невѣрность то здѣлать мужу, кажется мнѣ грѣшныя еще.

Минодора. О тиранъ сердца моего!.. Умертви меня лутче своими руками! Умертви свою любовницу!

Тимантъ. Я сударыня, не палачь.

Минодора. Ты жесточе палача; тотъ умерщвляетъ виновныхъ и злодѣевъ: а ты меня невинную погубляешь и не злодѣйку, да любовницу.

Тимантъ. Вы, любовница своему супругу.

Минодора. Дѣвка! Дѣвка!.. Подай мнѣ оделаванду! (*Дѣвка подаетъ, и давъ ей водки на платокъ, выходитъ*).

Тимантъ. (*Во время нюханія*) Что это за несчастіе!.. Я не знаю, куда мнѣ дѣться!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тимантъ, Олимпія и Минодора.

Минодора. Ты опять тоже дѣлаешь?

Тимантъ. Она тоже дѣлаетъ, сударыня, что ей прилично: да вы не то...

Минодора. Не броскивать ли вы меня, государь мой, хотите?

Тимантъ. Я намѣренъ васъ на прямой путь поставить.

Минодора. Я и такъ не кривою иду алеєю.

Тимантъ. Эта алея васъ ко доброму концу не приведетъ.

Минодора. Очень комлезантной кавалеръ!

Тимантъ. Я, не преходя моего къ вамъ почтенія, вамъ открываюсь ясно, что я люблю Олимпию, и вѣчно ее одну любить стану.

Минодора. Да я ее выдать за васъ не хочу.

Тимантъ. Развѣ я вашава свойства не достоинъ.

Минодора. Вы знаете мои мысли.

Тимантъ. Да изъ почтенія моего къ вамъ хочу ихъ забыть.

Минодора. Велико ваше ко мнѣ почтеніе!

Тимантъ. Я васъ, сударыня, со всею моею прошу покорностію, что бы вы и со мною и съ нею челоуѣколюбивѣе поступали.

Минодора. Ты очень челоуѣколюбивъ!

Тимантъ. Вы отъ меня не возмознова требуете.

Минодора. Да и вы требуете отъ меня не возмознова.

Тимантъ. Я на дочери вашей, сударыня, женатъ буду, хотя вы соглашайтесь, хоть нѣтъ.

Минодора. Что вы такъ каприціозны?

Тимантъ. Я выхожу изъ терпѣнія.

Минодора. Да и я изъ терпѣнія выхожу.

Тимантъ. Дайте вашей дочери соизвольніе.

- Минодора. Етова не будетъ.
- Тимантъ. Будетъ, сударыня... Супругъ вашъ дозволяетъ...
- Минодора. А я знаю, что етова не будетъ.
- Тимантъ. Онъ знаетъ это лутче.
- Минодора. А онъ знаетъ мысли свои, а моихъ онъ не знаетъ.
- Тимантъ. Такъ ваши мысли я ему объявлю.
- Олимпія. А ежели ты это дѣлаешь; такъ я твоею ни когда не буду.
- Минодора. Что такое!... Тимантъ!... О чемъ ты Олимпія... Никакъ ты ему индискрецію противъ меня... Злодѣй мой!
- Тимантъ. Ежели мнѣ Олимпіи лишаться; такъ на что мнѣ таить ваше къ себѣ любовное письмо, которое вы ко мнѣ севодни прислали.
- Олимпія. Что ты дѣлаешь!
- Минодора. О варваръ!... Олимпія! А ты ужъ видѣла..
- Олимпія. Отмѣните, сударыня, такія несходственные съ вашею честію мысли; такъ его предается забвенію: а онъ о письмѣ мнѣ и не сказывалъ.
- Тимантъ. Все, сударыня, загладится.
- Минодора. Выйди Олимпія! А я объ етомъ письмѣ издекларуюся.
- Тимантъ. Оно очень ясно; такъ о чемъ больше толковать?
- Минодора. Выйдижъ, душа моя!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тимантъ и Минодора.

- Минодора. Въ послѣднія тебѣ прапазирую: выслушай только всѣ мои идеи съ пасіянсомъ.
- Тимантъ. Хорошо, сударыня.
- Минодора. Лице мое не фатально, лѣта не стары, по французски я и съ наслышки говорю, и русской имѣ языкъ, не меньше другихъ моихъ сестеръ украшаю. Модѣ слѣдую я перъвая; ссылаюсь на всю Москву, что въ городѣ здѣсь барсовое платье перъвая дѣлала я: всѣ портныя ето присягою утверждаютъ: на теятрѣ и изъ ложи и изъ партера простыми глазами не смотрю я, и всегда въ лорнетъ: на спектакеляхъ, а особливо когда представляются трагедіи, говорю я всѣхъ больше, хахачу въ трагедіяхъ больше всѣхъ, въ комедіяхъ кричу больше всѣхъ. Дома бываю рѣдко. Долго не засиживаюсь ни гдѣ, и визиты и контровизиты дѣлаю по запискѣ и по регистру: ни о какой матеріи по пендантски съ доказательствами не болтаю, и какъ надобно

благородной дамѣ, перебѣгаю изъ матеріи въ матерію. Да яже и въ законѣ тверда. Часто я грѣшу, да часто и каюсь. Ежели что о комъ и поносное молвлю; такъ передъ людьми скажу такъ, а передъ Богомъ переговорю. Мужа не люблю я по антипатіи: дочери препятствую я въ вашей кариспандеці попасси къ тебѣ. Что во мнѣ манкируетъ и что тебѣ меня любить ампенируетъ? Имѣй компассію! А я тебѣ капитально рапитурую, что ты меня смертно фрапируешь.

Тимантъ. Всѣ ваши достоинства, о которыхъ вы выговорили, и о которыхъ знаемо всѣмъ, меня не плѣняютъ, когда я любовію моею, къ вашей дочери прилепляюся, почитая ее только утѣхою сердца моего, и щастіемъ моей жизни.

Минодора. Такъ я ее за тебя не выдамъ.

Тимантъ. А я письмо ваше ко мнѣ покажу вашему мужу.

Минодора. Такъ ты безчестной будешь человѣкъ, когда ты любовницыны письма станешь показывать, съ нею поссорився.

Тимантъ. Не достоинъ тотъ жизни, кто поссорився съ любовницей письма ея ради поношенія показываетъ: а вы моею любовницею не бывали: да меня съ моею любезною разлучаете.

Минодора. Не выдамъ я дочери.

Тимантъ, *(отходя)*. А я и письмо твое теперь же покажу...

Минодора. Свирѣпо!

Олимпія *(на встрѣчу ево останавливается)*. Постой! Или забывай меня вѣчно!

Тимантъ, *(бросаясь передъ нею на колѣни)*. Сжальтесь надъ нами!

Минодора. Что мнѣ дѣлать!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Всѣ.

Палестра. Что такое!

Тимантъ, *(воставъ)*. Ничего.

Барбарисъ *(вошедъ)*. Не загорѣлось ли...

Корнилій *(вошедъ)*. Жива ли она?... По лѣкаря, по лѣкаря... Кровь... По отца духовнова!

Тимантъ. Обойдется, сударь, дѣло и безъ того.

Корнилій. Каковъ у нея пульсъ?

Тимантъ. Не рабѣйте!

Корнилій. Какъ не рабѣть?... Ежели ты таковъ щастливъ будешь и такъ вѣжно и горячо Олимпіею будешь любимъ; такъ ты узнаешь, сколько вѣрная жена мила мужу.

Барбарисъ. И я вѣрную жену имѣть буду, получивъ отъ васъ милостивое соизволеніе, на вашей жениться дѣвушкѣ.

Корнилій. До товоу теперь!.. Не до тебя...

Барбарисъ. Вотъ такъ то въ приказахъ судьи говорятъ иногда челобитчикамъ: не до тебя.. Ему не до него, а онъ съ голоду умираетъ.

Корнилій. И судья въ приказъ не поѣдетъ, когда жена умираетъ.

Барбарисъ. Иной и тогда не поѣдетъ, когда у него сука ощенится.

Минодора. Родость моя! Я отдохнула; позволяй ему, вишь его свадьба ни укого въ дорогѣ не стоитъ. Барбарисъ! Хотя ты попытайся помочи мнѣ.

Барбарисъ. Я, сударыня, не лѣкарь, и крови пускать не умѣю.

Тимантъ. Ни кто вамъ больше не поможетъ, кромѣ себя самой.

Корнилій. Отдохни, да примемся за зговоръ: а мы порадуемся: а потомъ обвиняемъ ихъ, да дождемся внучать: а ты будешь бабушка.

Тимантъ. Не тревожьте больше, ни себя ни насъ!

Корнилій. Говори, свѣтъ мой.

Минодора (*соглашается, махнувъ рукою*).

Корнилій. Да вишь ты въ памяти; такъ это и словомъ утвердить можно!

Минодора. Будь по вашему!

Олимпія. Не отмѣните, матушка своей ко мнѣ милости! А вы во мнѣ всегда усердную будете имѣти дочь.

Тимантъ. А во мнѣ благодарнова зятя.

Изъ комедіи Сумарокова: „Мать совѣстница дочери“.

№ 2.

Государи мои!

Я Вамъ повѣсть сообщить намѣрена. Тронетъ ли она васъ не знаю: а что моего пола персонамъ правоученіемъ служить можетъ, въ томъ я увѣрена. Въ ней не древнее какое приключеніе, съ потомъ изъ исторіи выбранное найдете; собственное житіе свое я описываю. Вы меня обяжете, когда въ листахъ вашихъ мѣсто ей дадите. Позвольте мнѣ только скрыть свое имя: прочитавъ слѣдующее, сами увидите, что благоразуміе сказать мнѣ онаго не повѣлеваетъ.

Я еще съ малолѣтства почиталась красавицей. Въ самой нѣжной младости старались обратить мое вниманіе на собственныя мои дарованія, удивлялись мнѣ и превозносили меня хвалами. Мать моя бу-

дучи лицу своему должна все свое счастье, ни какое зло такъ великимъ не ставила какъ гнусность вида. Не могла себѣ инаго въ челоуѣкѣ недостатку представить кромѣ угрюмаго лица и непорочно расположенныхъ чертъ онаго: во мнѣ находила она совмѣстіе всего того, что зависть и желанія возбудить можетъ, и торжествуя на передъ сказывала, сколько будетъ у меня плѣнниковъ и почитателей.

Когда ни говорила обо мнѣ съ одною моею подругою всѣгда при томъ упоминала, сколь много превосхожу я всѣхъ совершенствами: иная лицомъ хотя и не худа, рассуждала она, однако быстрыхъ глазъ не имѣетъ: иная изъ дали хороша кажется и сердце трогаетъ, однако ежели въ близи посмотришь, то волосовъ и зубовъ такихъ прекрасныхъ, какіе у меня, не имѣетъ: иная хотя станомъ прелестна, но смугла и тѣмъ весь видъ свой портитъ: у иной коротки персты, у иной рабинки не у мѣста.

И такъ всѣхъ преимуществъ и всего благополучія отъ красоты ожидая, почитала она токмо оную старанія и попеченія своего достойною. Матерняя ея любовь упражнялася безпрестанно въ изобрѣтеніи способовъ, какъ бы сохранить мои пріятности и придать имъ новое сіяніе: отъ вѣтру и отъ солнца берегла меня съ крайнею осторожностію, и всѣ тѣ случаи неусыпно отвратить старалась, кои нѣжности моею хотя мало противны быть казались. Отъ питья меня уволела, опасаясь, чтобъ я голову въ низъ держать не привыкла или бы иглою перста не повредила; книгу изъ рукъ у меня вырывала, для того что одна дѣвушка у насъ въ сосѣдствѣ отъ чтанія при свѣчѣ глаза свои испортила; едва ѣсть мнѣ давала, боясь, чтобъ я не растолстѣла; ходить иногда не велѣла, чтобъ какъ нибудь ноги не вывихнула. Въ вечеру отъ головы до ногъ прилѣжно меня осматривала, и примѣчала не умалилась ли въ чемъ нибудь моя красота дневными приключеніями. Прежде нежели ложилась спать, должна я была всѣгда пройтись всѣ упражненія высокой о красотѣ науки: между оными умыванія настоянною бобовымъ цвѣтомъ водою и падающею въ маѣ мѣсяцѣ рососою было не послѣднее. Волосы разными благовонными мазями мазали: иной отъ оныхъ становился толще, иной въ кудри завивался. Нѣжныя руки мои ни когда изъ перчатокъ не выходили: грудь терла завсѣгда помадою, которую матушка моя сама готовила, и отъ которой цвѣтъ гораздо чище и прелестнѣе становился.

Будили меня всѣгда весьма рано, для того что отъ утренняго воздуха румянецъ на щекахъ бываетъ живее и пріятнѣе; одѣвали съ крайнею осторожностію за завѣсою, опасаясь чтобъ восходящее солнце

прелестей моихъ не убавило. Потомъ слушала я паки похвалы, со всѣхъ сторонъ мнѣ приносимыя, и питалася сладкими воображеніями о предсказанныхъ мнѣ побѣдахъ.

Мать моя мнѣніемъ о природныхъ моихъ пріятностяхъ не столь сильно была заражена, чтобъ къ совершенству оныхъ и другихъ нѣкоторыхъ свойствъ нужными не почитала. На девятомъ году отдала меня танцовать учить, и въ томъ такъ я изрядно успѣла, что учитель мой обыкновенно моимъ сестрамъ въ примѣръ меня представлялъ. На двенадцатомъ году стала я особливою способностію и искусствомъ въ картошной игрѣ примѣтна.

Наконецъ настало время, когда мать моя, почитая уже меня въ упражненіяхъ своихъ совершенною, вознамѣрилась преимущества мои, которыя до нынѣ въ домашнихъ токмо бесѣдахъ были открыты, показать всему свѣту. Дѣлала приуготовленія, чтобъ послать меня въ какое нибудь публичное собраніе: тотъ день наиважнѣйшимъ и рѣшительнымъ во всей моей жизни она почитала. Не можно на нея пожаловаться, чтобъ какой либо способъ къ умноженію моихъ пріятностей служащей упустила, или бы что нибудь на удачной случай оставила, что благоразуміемъ предупредить было можно. Всякой уборъ во всякомъ положеніи примѣривала, у всѣхъ пріятелей спрашивала совѣту и какой бы цвѣтъ къ какому приличнѣе, и портнова разными передѣлками и приказами замучила.

Напоследокъ пришелъ тотъ вечеръ, отъ котораго впредь все счастье мое зависѣть имѣло. Убрали меня, и выслали на побѣду; сердце у меня билось какъ бы у стариннова какова рыцаря при первомъ сраженіи. Отъ ученыхъ слыхала я о одной *Спартанской* женщинѣ, которая снаряжая сына своего на воинскую службу, ему приказывала, либо привести назадъ свой щитъ либо вѣлѣть себя привести на ономъ. Такъ и моя любезная матушка, послала меня въ поле, по ея мнѣнію славою наполненное, съ крѣпкимъ подтверженіемъ, чтобъ показать, что я достойная ея дочь, и не пріѣзжать безъ любовника.

Въ компаніи принята я была съ крайнимъ привѣтствомъ и почитеніемъ. Всѣ мужчины, кои либо по пригожеству своему либо по изрядству нравовъ любви достойными себя почитали, окружили меня, и остряки и красавцы старались быть мною знаемы. Засыпали меня учтивствами, которыя очевидно завистію тѣхъ, коими ради моего присутствія пренебрегали, еще пріятнѣе казались. Поѣхала домой въ провожаніи одного почитателя, который чиномъ и богатствомъ съ усердными моими желаніями согласовался, и съ сего времени имѣла я первое мѣсто между красавицами. На гульбищахъ воздыхатели ку-

чею за мною ходили; всѣ тѣ, кои по модѣ жить хотѣли, мнѣ послѣдовали, а тѣ меня бранили, которые либо старостію, либо исчезнувшею надеждою въ уединеніи жить принуждены были.

Матушка моя, вѣселясь моею красотою и славою, ни чего не щадила чтобъ убирать меня чисто и великолѣпно. А когда я ей представляла, что можетъ быть въ разсужденіи наружнаго моего виду и приданова ждаты будутъ, то она отвѣтствовала, что на тово и взглянуть погнушается, кто за такою дѣвицею, какова я, приданова потребуетъ. Совѣтовала мнѣ только, не думая о томъ продолжать свои побѣды и твердо надѣяться, что со временемъ пленю такого, которой достоинъ будетъ той чести, чтобъ вѣчно носить мои на себѣ оковы.

Хотя и имѣла я столько любовниковъ, что надобно мнѣ было только вознамѣрится, которому изъ нихъ дать преимущество, но какъ прилѣжно была научена, и всѣгда въ памяти имѣла чтобъ сердце сколько возможно содержать въ вольности, то смотрѣла я на всѣхъ ихъ безпристрасно; а когда и выбирала изъ нихъ достойнѣйшаго, чтобъ обрадовать его иногда ласковымъ своимъ обхожденіемъ: однако ни когда натолкованныхъ мнѣ съ великимъ раченіемъ правилъ въ семь искусствъ не покидала. Между тѣмъ примѣчала я, что въ почитателяхъ моихъ по первыхъ свиданіяхъ и разговорахъ жаръ любви и ко мнѣ преданность умалилися, и чувствовала сама въ себѣ недостатокъ въ той хитрости, чтобъ умножить вѣселие и рѣчи оживить и усладить пріятными замыслами; видѣла, что разумъ мой не могъ тому соотвѣтствовать, что красота лица моего общала. Сіе мое мнѣніе вскорѣ утвердилъ еще болѣе одинъ изъ моихъ любовниковъ, которой женился на Ливаніи, не смотря что она лицомъ меня была хуже, въ томъ разсужденіи, что надобно чтобъ въ женщинѣ такія были свойства, которыя бы и по умаленіи цвѣтущей ея красоты, дѣлали ея любви достойною.

Самолюбіе и тщеславіе моей матери не допускали ея видѣть недостатковъ въ такой дочерѣ, которая по ея наставленіямъ была воспитана, и которая всѣ тѣ преимущества имѣла, какими сама она хвастала. Ежечасно мнѣ повторяла, что счастію женщинъ ни что такъ не противно какъ острога и ученіе, которыми обыкновенно самыя богатые женихи отгоняются, а вмѣсто ихъ привлекаются бѣдные наукъ и разума любители. Итакъ совѣтовала мнѣ у одного новопріѣзжаго французскаго танцмейстера еще прыгать поучиться, и о благополучіи своемъ ни мало не сомнѣваться.

Между тѣмъ мнѣ уже девятнадцать лѣтъ минуло: хотя прелести мои нѣжностей своихъ нѣсколько и лишились, и невинности пріят-

ность умалилась, однако то награждено было разными искусства вымыслами. Я готовилась еще къ новымъ завоеваніямъ, не упуская ни мало прежней своей надежды; но вдругъ посредѣ лестныхъ сихъ воображеній и предпріятій напала на меня она прекрасному полу толь страшная непріятельница, стократно проклинаяемая имъ воспа. По долгомъ страданіи, получила я паки свое здоровье. Но ахъ! посмотрѣвъ въ зеркало на лице свое, которое прежде отъ вѣселія о собственныхъ своихъ совершенствахъ нѣжнымъ румянцемъ покрывалось, увидѣла я вдругъ все то, чему прежде удивлялася, все то, что съ неусыпными трудами украсить и возвысить старалась, все то, что мнѣ честь и славу приносило, въ невозвратимомъ раззореніи. Пришла въ крайнюю печаль и уныніе. Скорбь моя мало имѣла утѣшенія отъ моей матери, которая крушилась и сожалѣла, для чего я жизни своей купно съ красотою не лишилася.

Вотъ вамъ, государи мои, краткое изложеніе житія моего и плачевнаго состоянія, въ которомъ теперь нахожусь несчастная, въ слезахъ остаюсь

всѣгдашняя ваша услужница

N. N.

Прѣздное Время въ пользу употребленное. 1759, I, 85—92.

№ 3.

Жена моя не хотѣла нарушить спокойствія своего духа попеченіями домостроительства. Она поручила все въ смотрѣніе рабамъ. Она опасалась обидѣть натуру, естли замараеъ въ кухнѣ тѣ прекрасныя руки, кои я прежде идолопоклоннически цѣловаль, и о которыхъ почитатели ея еще и по сіе время сомнѣваются, снѣгу ли или алебастру ихъ уподобить.

Я былъ столь счастливъ, что безпрестанно знатоки сыскивались, кои выборъ мой похваляли. Они говорили женѣ моей, что она прекраснѣе всѣхъ на свѣтѣ. Они завидовали счастію того смертнаго, которому позволено было любить такую богиню. Жена моя имѣла участіе въ моемъ благополучіи: она сносила сіе ласкательство и всегда веселилась, но не знаю отмѣннымъ ли своимъ свойствамъ, или тому, что ей говорили, что я смертной. Сіе долженъ я еще упомянуть въ честь друзьямъ моимъ, что не говорили они никогда таковой похвалы въ моемъ присутствіи: да и жена моя была въ семъ случаѣ осторожна. Таковая похвала учинила бы меня гордымъ, и я бы не безъ стыда оную слушалъ, естлибъ стали говорить въ моемъ присутствіи.

Жена моя старалась еще болѣе умножить природную свою красоту великолѣпнымъ уборомъ. Она довольно знала, что платье не къ одному прикрытію наготы служить. Я признаюсь, что сіе ея проицаніе мнѣ весьма дорого становилось. Я знаю, сколь дорого стоили мнѣ одни ея фижбины, и не однократно случалось, что издерживала она то на одинъ головной уборъ, что доставалъ я съ великимъ трудомъ въ мѣсяцъ. Она говаривала, указывая на себя съ удовольствіемъ: что всѣ четыре части свѣта платятъ ей податъ: Персіянинъ прядетъ для нее: Арапъ ловитъ ей жемчугъ: Американецъ роетъ землю, дабы достать ей нужной уборъ: Европѣецъ отваживаетъ жизнь свою для привозу онаго: а мужъ ея для того созданъ, чтобъ употреблять нужное на то иждивеніе. Я не знаю, хорошо ли было выдуманно сіе мнѣніе? Но что оно было основательно, тому я самъ былъ свидѣтель.

Вы думаете, что намѣреніе великолѣпнаго сего убора было то, чтобъ понравиться своему мужу. Нимало. О семъ она не старалась, но принадлежала въ число тѣхъ женъ, кои все то за излишнее почитаютъ, что дѣлается мужьямъ въ угожденіе, и кои въ уборѣ своемъ тогда неопрятны бываютъ, когда не видятъ около себя, кромѣ мужей своихъ. Весь городъ долженствовалъ быть свидѣтелемъ хорошо выдуманнаго ея великолѣпія. Она посѣщала компаніи, кои намѣренію ея поспѣшествовали, и оборачивалась всегда съ побѣдоноснымъ видомъ, когда увидитъ, что получила она ласкательную похвалу петиметра, и привела въ безпокойствіе ревнивую свою сосѣдку.

Сколь великолѣпенъ былъ ея уборъ, столь рачительно старалась искусная моя жена наградить оной разными родами бережливости. Никогда не бываютъ домашніе ей противнѣе, какъ тогда, когда придетъ время требовать платы. Она была остроумна въ изобрѣтеніи причинъ къ ихъ утѣшенію, и взирала съ удивительною твердостію, когда слуга пойдетъ отъ нее съ пустыми руками.

Праздное Время въ пользу употребленное. 1760, I, 290—292.

№ 4.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Желая пользоваться своими путешествіями, скоро предпріялъ я вторичное. Дѣло состояло только въ томъ, чтобъ выбрать такой свѣтъ, въ которомъ бы не самое то найтти было можно, что въ прежнемъ уже я видѣлъ. Я вознамѣрился войти въ голову молодой кокетки, не чая, что бы чья другая могла быть столь не сходственна съ Философвою головою.

Въ началѣ хотѣлъ я посѣтить сердце, уповая его быть живое и чувствительнѣе головы. Я къ тому приготовился, увидя петиметра похвалять ее намѣряющагося и съ звономъ словъ его вошелъ въ ухо красавицы. Удивленіе мое было велико, увидя себя въ мозгѣ. Я ласкался, что столь нѣжныя слова доведутъ меня прямо до сердца; но тутъ я свѣдалъ, что достиженіе до оного подвержено великимъ затрудненіямъ. Чудовище, называемое, *гордостію*, охраняло въ него входы, оноже всегда окружено льдомъ и снегомъ отъ чего не проѣзжны къ нему всѣ дороги. Въ нѣкоторое только время поднимающіяся съ нискихъ мѣстъ пары растаявають окружные снѣги. Само чудовище отъ сей оттепели бываетъ въ страхѣ и смятеніи; и тотъ, кто умѣетъ способнымъ пользоваться часомъ, входитъ тогда въ крѣпость. Но увѣряютъ, что въ ней не здоровъ воздухъ, отъ котораго никто на долгое не остается тамо время. Читатель долженъ быть доволенъ симъ описаніемъ, которое я ему предлагаю оно по исправнѣйшимъ сочинено запискамъ а я потерялъ уже склонность повторять въ такія государства свои путешествія.

Однако, будучи уже въ головѣ взялъ намѣреніе ее осмотреть. Въ ней на площади гораздо большее было въ безпорядкѣ движеніе, нежели въ Философовой головѣ. Я думалъ, что я на большой ярмонкѣ; стремительное теченіе всякого рода чувственностей, наполняя всѣ пять улицъ чувствъ впадали въ площадь, изъ оныхъ острѣйшіе и легчайшіе входили окнами въ амбаръ памяти, которая ихъ въ порядокъ привести нимало не старалась. Я примѣтилъ только что она отдѣляла лишь тѣ на которые указывали ей нѣкакіе присланники отъ Царицы. Я спросилъ у одного изъ нихъ, возможно ли мнѣ увидѣть государыню столь примѣчанія достойныя земли. безъ всякого затрудненія, отвѣчалъ онъ, вездѣ ее можно видѣть: такъ я увижу, вскричалъ я душу! я и чаялъ что сія не станетъ такъ укрываться какъ Философова; что ты говоришь о душѣ? сказалъ онъ, мы никакой здѣсь не знаемъ; наша государыня есть вещество пріятное и оживленное, предметъ нашего почтенія и искренности. Спѣши скорѣе пасть къ ея стопамъ: она отмѣнно жалуетъ новопріѣзжихъ.

Я вошедъ въ палаты, увидѣлъ на престолѣ точное прекрасное малое подобіе того тѣла, въ которомъ я былъ. Ето была ихъ государыня и начало всего въ семъ маломъ свѣтѣ происшествія. *Самолубіе* было ея наперстникомъ, *воображеніе* отправляло должность перваго Министра а *прихоть* имѣла подъ нимъ главное начало съ ними, *рзвостъ*, *суетность* и *тщеславіе* съ двумя, или тремя еще пристрастіями, составляли ея совѣтъ. Удивляясь сему учрежденію, спросилъ я у од-

ного изъ придворныхъ, не имѣть ли ихъ Царица Министра, называемаго *разсудокъ*? На одинъ день, сказалъ онъ, появился было онъ у двора, да его слушать не похотѣли; его совѣты были старого вѣка. Онъ бы всѣ дѣла нашей Государыни привелъ въ безпорядокъ. Однѣ забавы бывають упражненіемъ нашей любезной Самодержицы а завоеваніе сердець первымъ предметомъ всѣхъ ея подвиговъ. Сей старой враль, о которомъ ты упоминаешь, помутилъ бы всѣ наши утѣшенія и подъ его правленіемъ, не завоевали бы мы въ цѣлой годъ двухъ сердець. Мы всѣ согласно противъ его во стали, и Царица отогнала его отъ двора на вѣкъ. Берегись о немъ говорить и не показывай что ты его знаешь, а иначе худо будешь принять. Войди въ совѣтъ, продолжалъ онъ, гдѣ всѣ услышишь разсужденія. Какъ? спросилъ я у него, возможно ли чужестранцу входить въ такое мѣсто. О! сказалъ онъ, тебя тамъ и не примѣтятъ. Въ немъ члены такъ часто перемѣняются, что государыня никогда ихъ всѣхъ не знаетъ. Наперстники съ пятью или съ шестью особами, которыхъ ты увидишь въ первыхъ, мѣстахъ бывають лишь непремѣнными. Я вошелъ: *тщеславіе* предлагало собранію, что видѣли прекраснаго петиметра, котораго завоеваніе сердца весьма важно, и что оно удобно паче прославить побѣдоносное царицыно оружіе. Всѣ единодушно съ восклицаніемъ опредѣлили учинить на оное нападеніе. Начали уже разсуждать о способахъ, коими произвѣсти намѣреніе въ дѣйство. Но *прихоть* зачавъ говорить, сказала грубымъ голосомъ: теперь хорошо время, пойдемъ прогуливаться. Царица встала и часть ея двора пошли за нею въ сада. Она мимоходомъ меня примѣтила и оказавъ мнѣ милостивою улыбкою свое благоволеніе, приказала до своего возвращенія показать мнѣ всѣ рѣдкости своего двора. Тотъ, кому сіе было поручено, провелъ меня чрезъ многія залы, галереи и кабинеты, въ которыхъ все имѣло видъ роскоши. Въ нихъ единственность уборовъ меня удивила, стѣны вмѣсто обоей, убраны были зеркалами. Наша государыня, сказалъ мой проводникъ, всегда желаетъ себя видѣть, и нѣтъ для нея пріятнѣе предмета, какъ зрѣть во всѣхъ странахъ, куда ни обратитъ взоры свой образъ. не сколько любить она картины, которыя ты и видишь промежъ зеркаловъ: дальнія представляютъ ея прошедшія побѣды, ближнія кажутъ тѣ, которыя она въ передъ произвести намѣрена. Въ нихъ найдешь ты всякаго званія людей: придворныхъ, военныхъ и штатскихъ только все петиметровъ; а разумные люди своею твердостію и постоянствомъ, не заслуживають нашего о себѣ примѣчанія.

Воспоминая о свѣтѣ Философа, хотѣлъ я знать, не былили въ немъ чего съ симъ сходнаго. Доведи меня, сказалъ я своему провод-

нику, до комнаты *размышленія*. Я любопытствую вѣдать, какъ отдѣляется здесь *сила* отъ всего содѣржанія. О чемъ ты говоришь? спросилъ онъ, я незнаю твоего *размышленія*, его тотъ офицеръ, говорилъ я, который чрезъ и скуснаго химиста перегоняетъ всѣ идеи, чтобъ отдѣлить отъ нихъ однѣ спирты. А! а! сказалъ онъ, теперь мнѣ помнится, что я онихъ слыхалъ оныя производства были хороши для стараго вѣка а нынѣ они годны однимъ только педантамъ. Мы ихъ здѣсь не знаемъ. *Размышленіе* оставило дворъ вмѣстѣ съ *разсудкомъ*. У насъ одно *воображеніе* на все достаточно. Царицѣ нужно вѣдать только поверхность вещей. Ея Министръ предлагаетъ ей миниатюрные всему картины, а на нихъ утверждая дѣлаетъ она свои опредѣленія. Признайся, что сіе довольно награждаетъ всѣ отдѣленія твоего химиста. Войдемъ въ кабинетъ къ Министру продолжалъ онъ, гдѣ ты увидишь его упражненія. Я дѣйствительно увидѣлъ пергаментовые свертки, на которыхъ нѣжною кистью представлены были разнаго рода фигуры. Я подумалъ тогда, что передо мною лежатъ Гіероглифическія древнихъ Египецкихъ священниковъ книги. Вотъ, сказали мнѣ, на что съ истиннымъ понятіемъ можно положиться и взять справедливыя мѣры. Разсмотри образъ сего кавалера не увидишь ли въ немъ съ перваго взгляда благородной видъ и прекрасной станъ? до внутренности что намъ нужды? Въ прочемъ же по наружности легко можно и о томъ здѣлать заключеніе. Посмотри на сіе множество плѣнныхъ, прикованныхъ къ побѣдоносной колесницѣ. Всѣ твои перегоненныя черезъ кубъ идеи удобными изъяснишь съ такою силою всю славу, слѣдующую за воеваніямъ двухъ прекрасныхъ глазъ.

Съ трудомъ удерживался я отъ смѣха, въ семъ освященномъ государственнымъ мѣстѣ. По щастію мой проводникъ изъ сего принужденія меня вывелъ. Слѣдуй мнѣ, сказалъ онъ, еще важныя сихъ мѣста осталось тебѣ показать. Пойдемъ въ *арсеналъ*. Какъ? вскричалъ я, здѣсь есть *арсеналъ*. А для чего ему не быть? спросилъ онъ, не всякой ли побѣдитель имѣть его долженъ? По симъ словамъ привелъ онъ меня въ пространной дворъ, окруженной строеніемъ сложной Архитектуры, которое казалось сооружено изъ форфора и Китайскаго лака.

Весь етотъ дворъ наполненъ былъ военными припасами, состоящими въ одноколкахъ, коляскахъ разнаго рода подъ Мартыновымъ лакомъ каретахъ. Въ нихъ дерева было очень мало, они состояли почти всѣ изъ стеколъ. Далѣе видимы были въ безпорядкѣ всѣ трофеи, президенскія брыжи, абатскіе скуфьи, офицерскіе плюмажи, откупщицкіе съ серебромъ сундуки, свержъ оныхъ лежали окрововленные сердца и повредившія умы. Съ другой стороны подъ обширною кровлею ты-

сячи работниковъ, употреблены были къ дѣланію бѣлилъ и румянъ. Тайна отмѣннаго оныхъ производства, была въ вѣрена одному искреннему человѣку. Тутъ гнали разныя благовонныя воды и масло Первая придворная болярыня имѣла главное въ семъ арсеналѣ начало.

По томъ вошли мы въ одно огромное зданіе, гдѣ увидѣлъ я превеликую залу, уставленную вкругъ хрустальными шкафами, наполненными разными платьями, головными уборами, кружевами, лентами и прочимъ. Изъ сей залы была дверь въ одну маленькую камеру, въ которой содержалось все отмѣнно нужное къ уборному столу. Я примѣтилъ, что не было въ ней ни одного прозрачнаго шкафа; но всѣ еще за замками. Мой проводникъ сказалъ мнѣ на ухо, что въ нихъ содержатся нужныя отъ дурной погоды и нездороваго воздуха, лѣкарства.

Нѣкакое подобіе *жертвенника*, которой называли *уборнымъ столомъ*, привлечь на себя мои взоры; онъ былъ посвященъ *красотѣ*. Одна изъ придворныхъ госпожъ отправляла должность первосвященницы; бѣлила, румяна, мушки, помады, благовонныя воды, наилучшимъ порядкомъ раздѣленные по баначкамъ, горшечкамъ и скляночкамъ, казались приготовленнымъ приношеніемъ того мѣста божеству. Первосвященница была погружена въ глубокихъ мысляхъ; но чтобъ сіе важное дѣйствіе не помрачило красоты царицыной: молодой Аббатъ долженствовалъ о всякихъ новизнахъ съ нею разговаривать, или что нибудь передъ нею читать.

Близъ сея камеры была ея библіотека, въ ней книги на двѣ раздѣлялись части. Одни историческія, другія о наукахъ. Въ первой, новѣйшіе романы и всѣ любовныя описанія, въ послѣдней, разныя странныя сочиненія, изъ коихъ важнѣйшимъ любопытству читателю реестръ при семъ прилагаю.

О уборахъ женскаго пола 50 книгъ въ листъ.

Трактатъ о выборѣ къ сраженію мѣстъ: 1. о гульбищахъ, 2. о представленіяхъ, 3. о балахъ, 4. о вечернихъ столахъ, 5. книги въ четверть листа.

Искусство налѣплять по пристойности мушки, 2. книги въ восьмую долю листа въ лицахъ.

Искусство производить въ дѣйство дарованія естества, гдѣ истолковано какъ поводить глазами, какъ вести голосъ, а особливо какъ должно картавить и проч. 4. книги въ двенадцатую долю листа.

Поправленіе естественныхъ недостатковъ 12. книгъ въ двенадцатую долю листа.

Сатиры на скромность, на нѣжныя чувства, на постоянство, на вѣрность и проч. въ осьмушку.

Препровожденіе времени за уборнымъ столомъ, сіе состояло въ басняхъ, пѣсняхъ, эпиграммахъ и прочемъ, болѣе тридцати книгъ.

Нужное свѣденіе свѣтскимъ женщинамъ о Философiи, Исторiи, Географiи и проч. изданіе моднаго писателя въ шести страницахъ, въ дватцать четвертую долю листа.

Просмотрѣвъ въ скорости сію любопытства достойную библіотеку, возвратился я къ уборному столу. Приманчивые взгляды, улыбки и ужимки училися передъ зеркаломъ. Я долго смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Ниже Прусская пѣхота можетъ лутче дѣйствовать ружьемъ и производить свои движенія. Двумя скрипками и одною флейточкою данъ былъ сигналъ, по которому всѣ сіи войска построились въ боевой порядокъ. *Кокетство* имѣло главную надъ ними команду, *прельщающая поступь* была дежурнымъ *Генералъ-Маіоромъ*. Дѣло состояло въ завоєваніи сердца того петиметра, о которомъ я говорилъ. Смѣхи и забавы составляли авангардію, или передовой полкъ. Въ одно мигновеніе ока окружили онѣ непріятеля, и все войско подступило. Острые взгляды поразили петиметра. Царица приспѣла сама къ мѣсту его паденія, желая пользоваться своею побѣдою. Но вдругъ тотъ, кого она чаяла бытъ побѣжденнымъ, вставъ зацѣлъ пѣсню и здѣлавъ прыжокъ сокрылся въ воздухѣ, какъ легкіе пары. Или ударъ на него былъ не дѣйствителенъ, или какъ увѣрялъ армейской штабъ-лѣкарь, сей родъ людей не имѣетъ сердець, и смертельно пораженъ быть не можетъ.

Царица будучи оскорблена симъ приключеніемъ, приняла намѣреніе стараться о побѣдахъ, кои бы сихъ были славныя. *Воображеніе* говаривало ей пѣкогда о одномъ прекрасномъ господинѣ, воспитанномъ въ истинномъ понятіи наукъ и свѣтскихъ обычаевъ. Вотъ побѣда сказала царица, удобная возстановитъ честь моего оружія. По сѣмъ скоро вышло повѣленіе производить сіе предпріятіе въ дѣйство. Господинъ засѣлъ въ крѣпость, которую *разумъ* и *частые опыты* укрѣпили; его въ ней и окружили. Царица употребляла всѣ свои силы и искусство, но какъ окружныя мѣста были почти не проходны, а осажденные наполнены храбростію и осторожностію: то и осада продолжалась безъ успѣха. Царица будучи не довольна своими Генералами поручила правленіе войскъ и осаду города *Любви*. Сей насмѣшной богъ предпріялъ употребить етотъ случай въ свою пользу, чтобъ отмстить царицѣ за то что она ему ложное всегда почтеніе приносила въ даръ. Онъ обольстил *прихоть*; сей измѣнникъ отворилъ ему потаенную дверь отъ *сердца* своей государыни, которымъ любовь овладѣла.

Царица въ смятеніи предложила своему непріятелю мирные договоры, которые состояли въ томъ, чтобъ соединить ихъ государства подъ общую ихъ власть; но гордой ея непріятель отвѣтствовалъ ей, что ихъ подданные не таковы, чтобъ могли ужиться въ одномъ обществѣ. Онъ совѣтовалъ ей отступить отъ крѣпости ночью тайнымъ образомъ великодушно обѣщая не тревожить ея въ отступленіи. Здѣсь читатель ты долженъ простить мнѣ, что я не здѣлаю описанія о всѣхъ произшествіяхъ въ той головѣ въ которой я былъ; мое перо къ тому недостаточно. Въ одно мигновеніе ока все пришло въ безпорядокъ. *Воображеніе* помутилось наперстникъ *самолюбіе* впало въ смертельную болѣзнь. *Тщеславіе* жестокою заболѣло горячкою. Царица перебила въ досадѣ часть своихъ зеркалъ и въ первомъ жару приказала зжечь свой арсеналь. Не хочу я, говорила она, видѣть тѣ орудія, кой столь худо въ исполненіи моего желанія служили. *Тщеславіе* не взирая на свою горячку, сохранило сголько твердости разума, чтобъ ей представить, что меньше взыскивать должно на орудіяхъ, нежели на той, которая ими управляя безъ сумнѣнія не исправила своей должности.

Царица ему за таковой совѣтъ милостиво возблагодарила, а господа имѣющую надъ арсеналомъ смотреніе, со стыдомъ выгнала изъ своего двора лаская себѣ въ передъ не минуемыми въ предпріятіяхъ удачами. Послѣ сего скоро настало прежнее спокойство. Я пользуясь сею тихостію избѣжалъ проломомъ учинившимся во время неспокойства.

Несвинное упражненіе, 1763, 66—76.

№ 5.

Не трать красавица ты времени напрасно,
Любися; безъ любви все въ свѣтѣ суеты,
Жалѣй, и не теряй прелестной красоты;
Чтобъ послѣ не тужить, что вѣкъ прошелъ несчастно
Любися въ младости, доколѣ сердце страшно:
Какъ младость пролѣтитъ, ты будешь ужъ не ты.
Плѣти себѣ вѣнки, покамѣсть есть цвѣты:
Гулай въ садахъ весной, а осенью ненасно.
Взгляни когда взгляни на розовой цвѣтокъ,
Тогда когда уже завяль ея листокъ:
И красота твоя подобно ей завянетъ.
Не трать своихъ ты дней, доколь ты не стара,

И знай что на тебя ни кто тогда не взглянетъ,
Когда какъ розы сей пройдетъ твоя пора.

Ежемесячныя сочиненія, 1755, 534—535.

№ 6.

Теперь тебѣ расскажу, что я видѣлъ въ театрѣ во время трагедіи. Сѣла около меня въ ложѣ нѣкоторая дама; за нею тѣма пришла знатныхъ молодчиковъ. Они кругомъ ее обступили: сія госпожа была великолѣпно одѣта и нарумянена весьма красно. Чепчикъ на ней былъ новѣйшія моды, и она имѣла отъ роду добрыхъ лѣтъ пятьдесятъ. Она увѣряла многихъ, что ей двадцать пятой годъ лишь только начался, и что нѣсколько лѣтъ повдовѣвъ хочетъ выйти за мужъ. Здѣсь старыя барыни могутъ думать, что имъ лѣзя плѣнять любовію прекраснѣйшаго юношу. Она всегда сѣдые свои волосы черною помадою отъ знаковъ старости избавляетъ, перевязка, которою они волосы крѣпко натягиваютъ сглаживаетъ борозды ея чела, а бѣлила съ румянами на старомъ лицѣ дѣлаютъ изрядную молодую маску. Съ нею рядомъ сидѣла другая изрядная лицомъ и молодая женщина, но я слышалъ отъ сидящаго за нею юноши съ другомъ своимъ разговаривающаго, что она всѣхъ въ свѣтѣ презираетъ, и думаетъ, что въ подсолнечной ея красавѣе нѣтъ. Нѣкогда, сказывалъ юноша, выступилъ у нее на лицѣ прыщъ. Когда посмотрѣлась въ зеркало, и прыщъ на лицѣ своемъ увидѣла, то схватила зеркало, бросила объ землю, и въ куски разбила браня оное, и выговаривая, какъ оно могло имѣть дерзновеніе представить ей въ глаза прыщъ ни мало лицу ея не приличный. Она презираетъ всѣхъ тѣхъ лучшихъ и знатнѣйшихъ въ городѣ юношей, кои объявляютъ ей свою любовь, а любить своего сосѣда, который всегда говоритъ съ нею о наукахъ; ибо она за весьма ученую женщину сама себя почитаетъ, записываетъ острыя словца, и сама оныя выдумываетъ такъ, что хочетъ изъ оныхъ здѣлать лексиконъ пріятныхъ и остро-выдуманныхъ изреченій. Она безпрестанно говоритъ о Математикѣ, о Астрономіи: держитъ почти всегда въ рукахъ Ефемериды, и смѣется думающимъ, что земля около солнца вертится, утверждая, что сходнѣе бѣгать солнцу нежели землѣ.

Адская Почта, 1763, 51—53.

№ 7.

Почтенные господа, извѣстно вамъ, что дѣвушки не охотно близко къ себѣ допускаютъ жениховъ. Вы знаете, что есть и такія проворныя, кои умѣютъ искусствомъ казаться со всѣмъ инако, нежели

какъ они сотворены. Они распишутъ губы розовою краскою, щоки брусничною; лобъ, носъ, бороду, шею и грудь бѣлилами; брови растянутъ колесомъ, и намажутъ ихъ обще съ волосами Грузинскою краскою; жилы наведутъ карандашемъ, и изъ дали однимъ словомъ покажутся красавицами. Никогда человѣкъ болѣе влюбленъ не былъ, какъ я влюбился въ свою невѣсту. Но лишь я женился, нашелъ я на другій день во своей спальнѣ по утру вмѣсто прекрасной молодки женщину, коя бы могла быть матерью той, въ которую я влюбился. Она сѣла убираться, и болѣе получаса работала надъ правою стороною лица прежде, нежели я могъ разпознать ее. Я обошелъ на другую сторону, и увидѣлъ, что съ недоузданной стороны кожа растрѣскалася, знатно отъ употребленія разныхъ красокъ, и что та щека съ природы желта съ прозеленью, а волосы ея суть рыжи. Стыдясъ она нѣсколько отъ моего любопытства, оборотилася ко мнѣ: и я съ удивленіемъ примѣтилъ, что съ оконченной стороны она имѣла лице веселое, а съ другой пасмурный видъ.

Всякая Всячина 1769, 237—238.

№ 8.

Многія молодыя дѣвушки чулковъ не вытягиваютъ, а когда сидутъ, тогда нога на ногу кладутъ; чрезъ что поднимаютъ юпку такъ высоко, что я сіе примѣтить могъ, а иногда и болѣе сего.

Всякая Всячина 1769, 56.

№ 9.

Вчерашній день случилось мнѣ быть въ бесѣдѣ, гдѣ я видѣлъ женщину прекрасную. Она въ семъ совершенно увѣрена была, и всячески старалась намъ дать примѣтити свою красоту, и приманити къ себѣ всѣхъ глаза. Она изыскивала случай кидати глаза въ верхъ, дабы примѣтили, сколь они хороши въ семъ положеніи. По томъ ни къ стати ни къ ладу протянула руку сказавъ: кто ето за дверьми стоитъ? сіе значило: дивитесь бѣлизнѣ моей руки. Послѣ того уронила опахало, и наклонясъ оное поднять, показывала грудь болѣе обыкновеннаго. Опахало подымая, приподняла не много юпку, дабы примѣтили крошечныя ножки, кои удостоены ея носить. Погодя встала съ мѣста, захохотала, раскрывая весьма губы: мы узнали, что она зубы намъ показати старалася.

Всякая Всячина 1769, 373—374.

№ 10.

Едва заснулъ я, какъ увидѣлъ драгую мою Аврелію, со мною лѣжащую. Я находился въ такомъ положеніи, въ каковомъ *Мильтонъ* праотца Адама представляетъ. Кинувъ на драгую мою пріятный взоръ, увидѣлъ я, что грудь ея толико прозрачна, что всѣ движенія сердца ея видны. Первѣе, что глазамъ моимъ представилось, были головные уборы, шелковыя матеріи, ленты и другія бездѣлицы въ такомъ множествѣ, что сердце можно было почестъ Гардеробомъ. Между тѣмъ все сіе пропало; на мѣсто того увидѣлъ я великое множество богатыхъ экипажей съ великолепною свитою въ богатой ливрѣ болѣе, нежели полчаса съ великимъ шумомъ проѣзжающихъ. Послѣ сего смотря весьма пристально, увидѣлъ я полныя руки картъ; потомъ узрѣлъ весьма скоро перемѣняющіеся различные предмѣты. Театръ, церковь, садъ, гульбище, галантерейная лавка одно за другимъ слѣдовали; потомъ появилась пара новыхъ башмаковъ, которые целый часъ сердце красавицы занимала, а напоследокъ постельною собачкою были прогнаны, за которую слѣдовала морская свинка, бѣлка, и морская кошка. Я самъ къ немалому моему удовольствію заключалъ свиту драгихъ сихъ любимцовъ. Я былъ восхищенъ, видя себя обладателемъ сердца моей любезной; но въ то самое время, когда я маленькой мой образъ, изображенный въ сердцѣ драгой моей Авреліи, радуясь разсматривалъ; показалось мнѣ, что она вздохнула и съ симъ вздохомъ исчезъ я изъ сердца. Мѣсто мое заступилъ гнусный уродъ, имѣющій въ обоихъ рукахъ по полному мешку денегъ. Равнымъ образомъ и сей господинъ не долго былъ на своемъ мѣстѣ; но принужденъ былъ оное уступить челоуѣку стольже непріятнаго вида, какъ самъ, украшенному кавалерскимъ орденомъ. Послѣднія три перемѣны живѣйшимъ образомъ представили мнѣ въ сердцѣ Авреліи борьбу между любовію, сребролюбіемъ и честолюбіемъ. Наконецъ къ неизрѣченному моему удовольствію увидѣлъ себя совершеннымъ обладателемъ сего для меня неоцѣннаго сердца. Я счастіемъ моимъ былъ толико восхищенъ, что не могъ воздержаться, не обнять сего драгаго хрустала; но въ самую сію минуту проснулся и увидѣлъ любовницу мою, превращенну въ подушку.

Полезное съ Пріятнымъ, 1769, седмый полумѣсяцъ, 10—12.

№ 11.

Прекраса, такъ прилеплена къ уборамъ, какъ ученый къ книгамъ. Она ежедневно перебираетъ свои наряды, и подкрашиваетъ свое

лице подъ ихъ цвѣтъ. Всякой слѣдуетъ своей склонности: ученый углубился въ книги, а *Прекраса* въ уборы.

Смѣсь, 1769, 237.

№ 12.

Роза молода и прекрасна, но сіе еще не составляетъ всѣхъ достоинствъ; разумъ слабо ею дѣйствуетъ, и по несчастію она влюблена сама въ себя, безпрестанно смотрится въ зеркало и у всѣхъ спрашиваетъ *хороша ли я?* Но знай *Роза*, что красота безъ разума, не можетъ плѣнить разсудительнаго человѣка.

Смѣсь, 1769, 314—315,

№ 13.

Влюбива третьяго дня въ первой разъ увидѣла *Майкосерда*, вчера съ нимъ говорила о любви, а сего дня со всемъ въ него влюбилась. Какъ же легко притти къ ней въ любовь!

Смѣсь, 1769, 315.

№ 14.

Прелесна, молодая госпожа, сидя у окна увидѣла разнощика съ апельсинами, и приказала его кликнуть. Разнощикъ пришелъ. Боярыня десятокъ апельсиновъ за полтину сторговала, и начала чистить; а между тѣмъ, желая надъ нимъ пошутить, стала у него спрашивать: женатъ ли ты?—Женатъ, сударыня, и троихъ уже имѣю дѣтей. Боярыня спросила: бываютъ ли между крестьянами мужья *рогоносцы*?—А между господами бываютъ ли, сударыня?—Какъ не быть, сказала госпожа, и у меня есть мужъ. Такъ какъ же, сударыня, быть тому межъ крестьянами, что дѣлаютъ господа, отвѣчалъ крестьянинъ. Насъ прикащикъ за это бы разсѣкъ, ежели бы мы что стали у господъ перенимать: намъ только велятъ работать. Да вѣтъ за женою усмотрѣть мужу никакъ не возможно, сказала боярыня, естли она что захочетъ дѣлать. Ваше дѣло господское, вы это по себѣ, больше нашево знаете, сударыня, отвѣчалъ разнощикъ почесавшись. А гдѣ живетъ вашъ мужъ?—На своей половинѣ, отвѣчала госпожа; а я здѣсь на своей.—Да развѣ вамъ въ одной-та половинѣ тѣсно, сударыня?—Не очень бы было тѣсно: но это по модѣ?—Чемужъ дивиться, сударыня, что вашъ мужъ за вами усмотрѣть не можетъ, когда вы такъ отъ него далеко живете.—Дуракъ, перехватила смѣючись госпожа, вѣтъ я это не про своего говорила мужа. Такъ виноватъ, сударыня, сказалъ крестьянинъ

также усмѣхнувшись; я не расголковалъ, и думалъ что вы говорите про своего мужа. Боярыня разнощику пожаловала два рубля и отпустила.

Трутенъ, 1769—1770, изд. 3, 54—55.

№ 15.

Представьте себѣ одну изъ тѣхъ женщинъ, кои называются кокетками, и кои хотятъ тѣмъ нравиться, что производить въ безпристрастныхъ людяхъ къ нимъ отвращеніе. Это будетъ точное изображеніе *Неллы*. Сія женщина хотя и не имѣла лица отвратительнаго, но точно такія имѣла поступки. Она кривлялась и жеманилась разными манерами, о всемъ спорила, кричала и хохотала изо всей силы. Всѣ ее усмѣшки, на мужчинъ страстные взгляды, разговоры, тѣлодвиженіи;—словомъ, все это было не къ статѣ и ей несвойственно. Она атаковала попеременно то того, то другаго мужчину, и думала ихъ прельщать, но вмѣсто того многія ей смѣялись. Въ заключеніе должно прибавить, что разумъ у ней изъ плохихъ; и она когда ни начинала говорить, ясно показывала свое невѣжество.

Трутенъ, 1769, изд. 3, 188—189.

№ 16.

Г. издатель!

Не повѣришь радость, въ какой ты у насъ модѣ. Ужестъ какъ всѣ тебя хвалятъ, и всѣ тобою довольны. Я сама много разъ отъ Московскихъ нашихъ щеголихъ слыхала, что тебѣ предъ всѣми даютъ преимущество; а я твоего Трутня ни на какія книги не промѣняю. Послѣ покойнаго старичка, моего батюшки, досталось мнѣ книгъ очень много, только по чести я ни одной не беру въ руки. Божусь тебѣ, что принявшись за одну, провоняла было сухою марлюю: объ закладъ быюсь, что ты не отгадаешь, какія это книги?—всю *Феофана* да *Кантемиры*, *Телемаки*, *Роллени*, *Литписцы* и всякой едакой вздоръ. Честью клянусь, что я читая ихъ ни слова не разумѣла. Одиѣ разъ развернула *Феофана* и хотѣла читать, но не было мочи: не повѣришь радость, какая сдѣлалась *тѣснота въ головѣ* ¹⁾; а что принадлежитъ до твоего Трутня, то по чести я ни когда не устаю его читать: ужестъ какъ хорошъ! Теперь я всю сказала, что надлежало до тебя: выслушай же радость и мою прозьбу.

¹⁾ Модное слово.

Батюшка покойникъ, скончавшись третьева года, избавилъ меня отъ ужасныхъ хлопотъ и безпокойства. Ты удивишься, какъ я тебѣ скажу: у васъ въ Петербургѣ и въ голову никому ето не входило. Послушай, да не засмѣйся: уморишь радость! я принуждена была смотрѣть за курами—ты хохочешь: потерпи пожалуй—За курами, за гусями, и деревенскими бабами—ха! ха! ха! Разсуди радость, сносноли благородной дворянкѣ смотрѣть за едакою подлостью. Я не къ тому рождена: но батюшка мой, покойной старичокъ, всьо-таки на своемъ поставилъ. Онъ воспиталъ меня такъ худо, какъ хуже, трудно и придумать. Я знала только какъ и когда хлѣбъ сѣютъ; когда садятъ капусту, огурцы, свеклу, горохъ, бобы и всьо то, что нужно знать дураку прикащику—Ужасное знаніе! а того, что дѣлаетъ нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной приѣхала въ Москву, и увидѣла, что я была совершенная дура. Я не умѣла ни танцовать, ни одѣваться, и со всѣмъ не знала, что такое *мода*. Вотъ до какой глупости отцы, подобныя моему, дѣтей своихъ доводятъ! Повѣришь ли Г. Издатель?—мнѣ стыдно тебѣ признаться:—я такъ была глупа, что по приѣздѣ только моемъ въ Москву узнала, что я хороша—разсуди теперь, какъ меня приняли Московскія щеголихи. Они съ головы до ногъ меня засмѣяли, и я три мѣсяца принуждена была сидѣть дома, чтобы только выучиться по модѣ одѣваться. Ни день, ни ночь, не давала я себѣ покоя, но сидя передъ туалетомъ надѣвала карнеты, скидывала, опять надѣвала: разнообразно ломала глаза, кидала взгляды, румянилась, притиралась, налепливала мушки, училась различному употребленію опалы, смѣялась, ходила, одѣвалась, и словомъ въ три мѣсяца, всьо-то научилась дѣлать по модѣ. Мнѣ кажется ты удивляешься, какъ могла я въ такое короткое время всему, да еще сама научиться? Я тебѣ это таинство открою, послушай: по щастію попалась мнѣ одна французская мадамъ, которыхъ у насъ въ Москвѣ довольно. Она еще до прозбы моей предложила мнѣ свои услуги: рассказала мнѣ въ какомъ я нахожусь невѣжествѣ, и что она въ состояніи изъ меня сдѣлать самую модную щеголиху. Вотъ какое изъ насъ Французы дѣлаютъ превращеніе! изъ деревенской дуры въ три мѣсяца сдѣлать модную щеголиху, для челоука невозможность, а французы дѣлаютъ. Какою благодарностью должны мы французамъ: они насъ просвѣщаютъ, и оказываютъ свои услуги и тогда, когда ихъ не требуемъ. Лишь только вышла я изъ рукъ моей учительницы, то и показалась въ собраніе. На меня уже другими глазами смотрѣли: я познакомилась со многими дѣвицами и науку мою совершенно выучила. Скоро послѣ того услышала, что и меня называютъ модною щеголихою. Сколько я тогда ра-

довалась! уморить ли тебя?—Въ тысячу разъ больше, какъ радовался батюшка мой, получая въ году тысячу четвертей хлѣба съ своего помѣстья. Тогда то узнала я, что мы и съ хлѣбомъ и съ деньгами нашими безъ французовъ были бы дураки. Они еще дѣшево продають о насъ свои попеченія. Услыша лестное о себѣ мнѣніе, не пропускала я тогда ни комедіи, ни маскарадовъ, ни гульбищей: вездѣ я поспѣвала. Ты радость можешь разсудить, что дѣвка осьмнадцати лѣтъ, которая отъ всѣхъ слышитъ: *мила какъ Ангелъ!* тотчасъ наживетъ себѣ завистницъ: со мною точно такъ и здѣлалось. Меня стали пересмѣхать; но ужъ изъ зависти, видя, что молодыя мушоны толпами за мною бѣгаютъ. На всю злость Московскихъ щеголихъ, и ласки молодыхъ мушоновъ, смотрѣла я съ холодностію. Многія Молодчики въ любви мнѣ открывались: но я смѣялась—я еще больше дѣлала: сказать ли?—я дурачила ихъ сколько хотѣла, а они не сердились. На конецъ попался мнѣ молодчикъ, хорошъ какъ Ангелъ, умонъ, и при томъ щеголь. Онъ въ меня влюбился до безумія; и я къ нему почувствовала, незнаю что-то отмѣнное отъ прочихъ. Я восхищалась, видя ево на маскарадахъ: онъ леталъ какъ вѣтръ, когда онъ танцевалъ; и вездѣ, гдѣ я нибывала, находила тутъ и ево. Нѣсколько времени было ето мнѣ приятно, а послѣ безотвѣзностію своею онъ мнѣ и наскучилъ. Я вознамѣрилася ево позабыть: и слово свое сдержала. Послѣ сего молодчиковъ съ десятокъ пробовали свое щастіе: но я съ ними точно также поступила.

Вотъ обстоятельства, въ которыхъ я нахожуся. Дай радость мнѣ хорошенькій совѣтъ: такъ ли мнѣ поступать, какъ начала, или и самой въ ково нибудь влюбиться. Пожалуй Ангелъ мой напиши мнѣ поскорѣе отвѣтъ, да не умори меня; я ево съ нетерпѣливостію буду дожидаться; и прежде, пока ево не получу, не скажу тебѣ, кто я такова. Мнѣ хочется и тебя помучить. Прости радость!

Р. S. Ужестъ какъ хочется, чтобы совѣтъ твой поспѣлъ къ нашимъ маскарадамъ.

Въ Москвѣ,

Ноября 25 дня,

1769 года.

Трутенъ, 1769, изд. 3, 255—259.

№ 17.

Кокетка утро свое проводитъ подобно пегиметру у уборнаго столика; съ тою прибавкою, что дѣвки служащія ей въ сіе время суть самыя бѣдныя твари. Ежели тѣнь въ лицѣ ея не такъ хороша, какъ

была на канунѣ, то за оное служанки отвѣчаютъ; ежели лѣнточка, которую сама приколетъ, покажется ей что къ ней не пристала, то тутъ опять дѣвки бываютъ виноваты, и отвѣчать должны терпѣніемъ, а иногда щеками. Однимъ словомъ, туалетъ ея, который по крайней мѣрѣ пять часовъ продолжается, для сихъ бѣдныхъ дѣвокъ кажется ужасомъ; да ежели и мужъ попадется въ это время, то и ему эти часы раемъ не покажутся: а болѣе ежели онъ осмѣлится упомянуть о домашней экономіи, о которой кокетка считаетъ за подлость имѣть понятіе: или скажетъ, что ему обхожденіи ея не нравятся, то тутъ онъ пропалъ. Жена вскрикнувъ ахъ... упадетъ въ обморокъ, пришедъ въ себя прольетъ изъ глазъ токи слезъ; она зачнетъ умирать, и бѣдный мужъ, когда не захочетъ изъ благопристойности съ нею разойтись, то принужденъ просить извиненія, и уходить. А жена продолжаетъ прежнюю свою жизнь, съ тою прибавкою, что жалуется всѣмъ на правъ своего мужа. Наконецъ его возненавидитъ, и его лбу угрожаетъ рогами.

Когда же она одѣнется, то ѣдетъ обѣдать въ гости; гдѣ словить всѣхъ женщинъ, которые не такъ живутъ, какъ она, или имѣютъ пещастіе быть хороши. Тамъ ее дожидается толпа людей прельщенныхъ ея нарядами; она съ ними говоритъ языкомъ половина сѣвернымъ, половина полуденнымъ; или такимъ языкомъ, котораго большая часть здѣшнихъ жителей не разумѣетъ: то есть, выдуманнымъ ею. Послѣ обѣда ѣдетъ въ публичное веселье, ведетъ за собою толпу обожателей, и ни одного изъ нихъ не любя, ни у одного не отнимаетъ надежды. Однимъ словомъ, на онаго взирая съ улыбкою, иному сказавъ пріятное слово, она старается привязать всякаго къ себѣ, не привязываясь сама ни къ кому. Наконецъ, по окончаніи дня и за нѣсколько часовъ за полночь, возвращается домой и ночь проводитъ въ размышленіи о уборѣ, который она у такой же вертопрашки видѣла; и во изысканіи средства, на подобный выпросить у мужа денегъ.

Вечера, 1772, 1, 165 — 167.

№ 18.

Щеголиха говоритъ: «какъ глупы тѣ люди, которыя въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужестъ какъ смѣшны ученныя мушны; а наши сестры ученныя—О! они то совершенныя дуры. Безпримѣрно, какъ они смѣшны! Не для географіи одарила насъ природа красотою лица; не для математики дано намъ острое и проникающее понятіе; не для исторіи награждены мы плѣняющимъ голосомъ;

не для Фисики вложены въ насъ нѣжныя сердца; для чего же одарены мы сими преимуществами?—чтобы были обожаемы. Въ словѣ, *умѣть нравиться*, всѣ наши заключаются науки. За науки ли любятъ насъ до безумія? наукамъ ли въ насъ удивляются? науки ли въ насъ обожаютъ.—Нѣтъ, право нѣтъ. Пусть ученая женщина покажется въ ту бесѣду, въ которой будутъ всѣ наши *щеголи*, украшающія собою мужеской полъ: пусть она туда покажется: чортъ меня возми! ежели тамъ съ нею хотя одно слово промолвятъ. А ежели она говорить начнетъ, то всѣ мушны зѣвать станутъ. Щаслива будетъ она, ежели случится такъ нѣсколько человѣкъ ей подобныхъ: тогда по малой мѣрѣ хотя не умретъ отъ скуки. Но чтожь она тѣмъ выигрываетъ? Не больше, какъ назовутъ ее ученою женщиною; да и то такія люди, которыхъ самихъ называютъ *педантами*. Прекрасная побѣда! *безпримѣрно* какъ славна!—Ученая женщина! ученая женщина! фуй! какъ это *неловко*. Напротивъ того, ежели приѣду я въ такое собраніе, то въ мигъ окружаютъ меня всѣ мужчины. Станутъ наперерывъ хвалить меня: одинъ удивляется красотѣ моего лица; другой хвалитъ руки; третій—станъ; иной походку; тотъ пріятность моего голоса; иной превозноситъ нѣжность моего вкуса въ нарядахъ; словомъ сказать, ни одна изъ бездѣлокъ моихъ даже до булавки не останется, чтобы не была расхвалена. Всѣ кричатъ: вотъ прекрасная, пріятная и любезная женщина; вотъ чудесное произведеніе природы! вотъ совершенное ея сотвореніе: она мила какъ Ангелъ! Разумѣется, что всѣ такія слова безъ проводника идутъ къ сердцу. Не успѣю я осмотрѣться, какъ уже тысячи найду обожателей. Одинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ бы быть вѣчно моимъ слугою, лишь бы могъ имѣть счастье всегда меня видѣть. Какъ это много! *безпримѣрно* много; изъ благороднова человѣка хочетъ сдѣлаться слугою для того только, чтобъ чаще на меня смотрѣть и удивляться. Другой говоритъ, онъ оставилъ бы престолъ всего свѣта, лишь бы могъ быть моимъ любимымъ невольникомъ...—Ужасная мысль! годится хоть въ трагедію; по счастью, что онъ еще не король, а то бы и въ истинну онъ такъ сдурачился!—Однакожь ево до такова дурачества не допустили бы. Но какъ изчислить все, что творятъ учтивыя мушны красавицамъ? ласкательствы ихъ неограниченны, а учтивости безконечны. Слыша это, какъ не восхищаться? какъ за учтивости не платить ласкою? Я такъ и поступаю: съ однимъ поговорю, другою похвалю, на третью брошу взглядъ, поражающей ево сердце, и такъ далѣе. Я ни одному ничего не обѣщаю, но однакожь всѣхъ ихъ къ себѣ призываю. Ужестъ какъ завидно состояніе красавицы и какъ *безпримѣрно* жалко ученой женщины.

Божусь, что я своего состоянія ни на какое не промѣняю. Какаяжъ нужда мнѣ въ наукахъ?—право никакой!! Такъ разсуждаетъ *Щеголиха*. Читатель скажи, неправильно ли ея разсужденіе?

Живописецъ, 1772, изд. 7-е, 19—21.

№ 19.

Мой союзъ, Живописецъ!

Ты радость безпримѣрной Авторъ—*По чести* говорю, ужестъ какъ ты славенъ; читая твои листы, я безподобно утѣшаюсь; какъ все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающы.—*По чести* скажу, что твои листы вѣчно меня прельщаютъ: клянусь, что я всегда фельетирую ихъ безъ всякой дистракціи. Да и нельзя не такъ, ты не грустенъ, шутишь славно, и твое перо по бумагѣ бьетъ безподобно. — Ужестъ, ужестъ, какъ прекрасны твои листы! Но сказать, вокругъ насъ, ты много долженъ мнѣ: уморить ли радость? Вѣтъ мнѣніе то *Щеголихино* ты у меня подтяпалъ:—Ха! ха! ха!—Клянусь: спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ, они тебѣ скажутъ, что я всегда это говаривала;—но это ничево не значить. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего ты ластилъ меня тѣмъ, что никакъ со мною не спорилъ; а особливо когда говорилъ о наукахъ: ты это такъ славно прокричалъ?—Чортъ меня возьми!—какъ книга. А при томъ, ты всегда стараешься оказывать намъ учтивости; не такъ какъ пѣкоторой грубіанъ, сочиня Комедію, одну изъ подругъ моихъ вытаскилъ на театръ:—Куда какъ онъ много выигралъ? Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ разхохочутся до смерти, анъ право никто изъ нашихъ сестеръ и учтивыхъ мужчинъ, и не улыбнулся, а смѣялись только..... Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. Ужестъ какъ славно онъ забавлялся, надъ бѣднымъ мальчикомъ *Фирлифюшковымъ*: совсемъ тѣмъ подобныя ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи; а его *Дремовъ* никогда не выдетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я етова Автора, то отпѣнила бы сама его безподобно. Я никакъ на него не сердита: онъ меня никакъ не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я его никакъ не могу терпѣть. Въ первой его Комедіи, я сама до смерти захохоталась, ужестъ какъ славно шепетилъ онъ нашихъ бабушекъ; а эта Комедія такую сдѣлала дистракцію, и такую грусть, что я поклялась никакъ на именины не ѣздить. Правда, ты и самъ зацепился: но это шуткою; а за шутки мы никакъ не сердимся: напротивъ того ты бранишь однихъ только деревенскихъ дураковъ; да и безпримѣрно: ужестъ какъ славно ты ихъ развернулъ, въ 5 листѣ твоего Живописца.—Ты уморилъ меня: точь

въ точь *выказалъ* ты дражайшаго моего *Папахина*. Какой ето неспособной человекъ! *Ужестъ радость, какъ онъ не ловко выдланъ*: какой грубиянъ! Онъ и со мною хотѣлъ поступать также, какъ съ мужиками; но я ему показала, что я не такое животное, какъ ево крестьяне. Гото были люди! съ матушкою моею онъ обходился по старинѣ. Ласкательства его къ ней были, брань, пощочины и палка; но она и подлинно была тово достойна: съ едакимъ звѣремъ жила сорокъ лѣтъ, и не умѣла *ретироваться въ свѣтъ*. Бывало онъ *сдѣлаетъ ей грубость палкою*, а она опять въ глаза ему лѣзетъ: *безпримѣрные люди!* такихъ горячихъ супруговъ и въ романахъ не скоро *набѣжишь*. *Ужестъ какъ славны!* Суди *душа моя* по етому, въ какой была я школъ: было чему научиться! По щастью скоро выдали меня за мужъ: я *пріѣхала въ Петербургъ: подвинулась въ свѣтъ, разняла глаза, и выкинула весь тотъ изъ головы вздоръ*, которой *посадили мнѣ мои родители: поправила опрокинутое мое понятіе*, научилась говорить, познакомилась со *Щеголями и Щеголихами*, и сдѣлалась человекомъ. Но я *никакъ* не ушла отъ бѣды: мужъ мой въ *умъ очень развязанъ*, да ето бы и ничего; чѣмъ глупѣе мужъ, тѣмъ лучше для жены: но вотъ что меня *терзаетъ до невозможности*; онъ *влюбленъ въ меня до дурачества*, а къ тому же еще и ревнивъ. Фуй! какъ ето *не ловко*; мужъ разтрепанъ отъ жены: *это радость гадко!* О еслибъ не помогло мнѣ разумное пынѣшнее обхожденіе, то давно бы я *протянулась*. Сказать ли, чѣмъ я *отвязываюсь* отъ етова песноснаго человека? Одними обмороками. — Не удивляйся, я тебѣ ето разтолкую: какъ привяжется онъ ко мнѣ со своими *декларасіонами* и клятвами, что онъ отъ любви ко мнѣ сходитъ съ ума, то я сперва говорю ему *отирпись*; но онъ *никакъ* не отстаетъ; послѣ етова *резонирую*, что стыдно и глупо быть мужу влюблену въ свою жену: но онъ *никакъ* не вѣритъ: и такъ остается мнѣ одно средство упасть въ обморокъ. Тогда суется онъ по всѣмъ угламъ, старается помогать мнѣ, а я тихонько смѣюсь: *ужасно, какъ безпримѣрно много помогаютъ мнѣ обмороки: божусь!* тѣмъ только и живу, а то бы онъ меня *залюбилъ до смерти; безподобной человекъ!* Подари *радость* хорошинькимъ совѣтомъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Онъ до тово *теменъ въ свѣтъ*, что и спать со мною хочетъ вмѣстѣ: — ха! ха! ха! Можно ли такъ глупо *догадаться!* *Шутки прочь*, помоги мнѣ: ты знаешь, *радость*, что отъ етова можно тотчасъ получить *ипохондрию*. Пожалуй *незадержись съ отвѣтомъ*, я на тебя *опираюсь*, и буду ожидать ево съ *безпримѣрнымъ нетерпѣніемъ*. Прости *радость!*

P. S. Услуги, *радость*, мнѣ, собери всѣ наши модныя слова, и напечатай ихъ особливою книжкою, подъ именемъ *Моднаго Женскаго*

Словаря: ты многихъ одолжишь, и мы твой журналъ за это будемъ превозносить. Только не *умори, радость*, напечатай ево маленькою книжкою, и дай ему *видъ*; а еще бы лучше, если бы ты напечаталъ ево вмѣсто чернилъ какою краскою. Мы бы тебя *до смерти захвалили*.

Живописецъ, 1772, изд. 7-ое, 53—56.

№ 20.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Олимпіада, Парасковья.

Олимпіада. Отцѣпись ты отъ меня.

Парасковья. Да что вы такъ невеселы сегодня?

Олимпіада. Я не выспалась.

Парасковья. А кто вамъ мѣшалъ спать?

Олимпіада. Никто. Только я рано встала и не выспалась.

Парасковья. Однако, мнѣ помнится, что вы все-таки опоздали съ матушкой къ обѣднѣ ѣхать; а она сегодня именинница.

Олимпіада. Что-жъ дѣлать, что опоздала. Это мое несчастье; я встала на разсвѣтъ, и ужась, ужась, какъ спѣшила одѣться.

Парасковья. Знать, у васъ солнце всходитъ позже, нежели у простыхъ людей. Однако, шутки въ сторону, въ которомъ бы, напримѣръ, часу вы встали?

Олимпіада. Не вѣсть какъ рано... въ одиннадцать часовъ.

Парасковья. Да что-жъ вы по сию пору дѣлали?

Олимпіада. Какой вопросъ! Я одѣвалась.

Парасковья. Неужто такъ медленно одѣвались?

Олимпіада. Какъ медленно? Я такъ спѣшила, что нельзя больше. Да кажется, скоро и поспѣла.

Парасковья (*считая по пальцамъ*). Одиннадцать, двѣнадцать, часъ, два, теперь въ исходѣ третій; и впрямь скоро: вы не болѣе четырехъ часовъ только передъ зеркаломъ были!

Олимпіада. Не кушаетъ ли уже матушка?

Парасковья. Нѣтъ, еще обѣдать не сѣли: матушка васъ ждетъ: да къ тому жъ она такъ сегодня невесела, и такъ безпримѣрно гнѣвна, что попадитесь только къ ней не въ часъ, такъ и вамъ достанется.

Олимпіада. Этого-то я и боюсь. Однако, посмотри, пожалуй, Парасковья, каково у меня на головѣ убрано? Кажется, не высоко

(на голову отменно высоко убрано). Матушка не жалуется высокаго убора; но вѣдь ея именины сегодня, такъ хотѣлось получше нарядиться.

Парасковья. Нынѣ кто говоритъ: получше нарядиться, тотъ разумѣетъ повыше. Изрядно!... Нарочито высоко... Да мы знаемъ, для кого вы такую вздернули башню.

Олимпіада. Для кого?— для праздника.

Парасковья. И для гостей. Также и Фирлюфюшковъ будетъ; тотъ молодецъ! какъ славень безпримѣрно! Да и другихъ много будетъ.

Олимпіада. Да развѣ не одѣтой быть?

Парасковья. Я этого не говорю. Надобно таки чѣмъ-нибудь въ глаза кинуться. А мы желаемъ и всѣмъ, кто бы ни былъ, обожаемы быть. Однако, кто за многими зайцами гоняется, тотъ часто ни одного не поймаетъ; развѣ уже подъ старость, когда гоняться силы не будетъ, тогда, кто первый ни попадется, тотъ и нашъ.

Олимпіада. Что ты чрезъ это разумѣешь?

Парасковья. То, что когда мы молоды и хороши, тогда нерѣшими, и хочется, чтобъ всѣ женихи были наши; а когда пройдутъ лѣта, то прощай и выборъ! хоть за урода, только бѣ выйти и имѣть мужа. Боюсь, чтобъ и ваша судьбина не была такова!

Олимпіада. Вздоръ!... (Между тѣмъ, вынувъ зеркальцо, смотритъ). Не мало ли я нарумянена?

Парасковья. Довольно красно, да...

Олимпіада. Глаза у меня очень впали...

Парасковья. Слышите ли вы, что я вамъ говорю, сударыня?.. Для дѣвушекъ одно есть драгоцѣнное время, то-есть то, когда сватаются за нее женихи. Ежели которая въ это время выбрать изъ многихъ почитателей не умѣетъ, или не хочетъ предлагаемою судьбою воспользоваться, то долго сидѣтъ ей въ дѣвкахъ. Часто случается и то что уже и выбирать не изъ кого. Это правоученіе не моей выдумки, Одна барыня разумная третьяго-дни журила при мнѣ дочь свою, которая нѣсколько вертопрашна, и, между прочимъ, это сказала. Да мнѣ кажется, оно и правда; не надобно упускать времени. Сестрица ваша хоть васъ моложе, но въ этомъ случаѣ поумнѣе васъ. Она...

Олимпіада. О! перестань, скучно. Я знаю, что она глазѣтъ на Таларикина. Я знаю, что у нихъ великое маханье; только мнѣ кажется, что онъ въ болванчики ей не годится.

Парасковья. И я вижу, что вамъ скучно; такъ перестанемъ объ этомъ говорить. Подите къ матушкѣ: я вамъ сказывала, что она васъ ждетъ.

Олимпіада. Боюсь... но что дѣлать?... Пойду...

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Гремухинъ, Олимпіада, Антипъ.

Гремухинъ. Есть ли надежда видѣть сегодня сестрицу вашу?

Олимпіада. Не думаю; сестрица ужась, ужась въ какомъ безпокойствѣ!

Гремухинъ. Да что тому причина?

Олимпіада. Она не славно помахала и посадила себѣ въ голову вздоръ; а матушка не нашла въ томъ своего счета и заблаго-разсудила повернуть сестрицыно желанье вверхъ дномъ. Отъ того родилась у нея ипохондрія: она плачетъ, глаза ввалились, и ужась какъ она страшна! Ахъ! да какъ смѣшны Спесовъ и другіе, которые даютъ себѣ воздухи... я не могу вспомнить безъ смѣху... ха, ха, ха! Какъ они, бѣдняжки, суетились! А пророс, гдѣ Фирлюфюшковъ? что его не видать?

Антипъ. (Гремухину). Не забудьте моего совѣта.

Олимпіада. Ужъ воля его, какъ онъ мудренъ! il est si rare, нивѣсть какъ; да если это продолжится, то я скажу ему, что онъ чуть будетъ ли къ чему-нибудь ловокъ.

Гремухинъ. Сколько онъ счастливъ, сударыня, что вы объ немъ помните, и мысль ваша имъ всегда упражнена.

Олимпіада. Да вотъ онъ, fort à propos!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гремухинъ, Олимпіада, Антипъ, Фирлюфюшковъ

(входитъ, поючи пѣсню французскую).

Олимпіада. Ахъ! радость! куда какъ ты несносенъ! гдѣ такъ изволилъ по сю пору шататься?

Фирлюфюшковъ. Ah, ma princesse! bon jour. Я ѣздилъ гулять, взять немного воздуха. Вы знаете, что я умру, если долго въ одномъ мѣстѣ останусь. Я ничего не люблю, что uniforme; одна только красота ваша навсегда поселилась въ мою голову. Oui, votre beauté est enracinée dans mon coeur.

Олимпіада. Ха, ха, ха! куда какъ ты славенъ!... (Гремухину). Мнѣ кажется, что онъ и впрямь вздумалъ меня любить! Ха, ха, ха! Какія чудеса! безпримѣрно!

Гремухинъ. Какія чудеса, сударыня? Не мудрено васъ полюбить: вы достойны любви.

Олимпіада. Немудрено! А мнѣ кажется мудрено. Да вамъ съ чего это немудренымъ представляется?

Гремухинъ. Это само по себѣ разумѣется: съ того, что вы прекрасны, что вы пріятны, что вы..

Фирлюфюшковъ (*ухвативъ Гремухина за руку*). Permettez, madame, представить вамъ mon rival. Мнѣ—такъ сдается, что онъ въ васъ по-уши влюбленъ.

Олимпіада. Ха, ха, ха! нельзя статься. Вы оба ужасъ какъ неславны.

Фирлюфюшковъ. Оба! вы шутите! vous badinez, madame! Нельзя статься, чтобъ я безприкладно не былъ славенъ для васъ. Я двѣ недѣли, deux semaines entières, всякой день ѣзжу сюда и вамъ дѣлаю мой cour,—будто я не славенъ? Я еще отъ роду ни въ какомъ домѣ такъ долго не бывалъ.

Олимпіада. Легкое ли дѣло! велика мнѣ до тебя нужда!... Скучно... Гдѣ Геркуловъ и Спесовъ?—Ужъ куда какъ они несносны. Воля ихъ, какъ заболтаются, такъ мочи нѣтъ. Я въ такой теперь дистракціи, что бѣ отъ скуки чего-нибудь поѣла. (*Къ Антипу*) Послушай, мой дружокъ, скажи моей дѣвушкѣ, чтобъ она мнѣ чего-нибудь принесла... А propos, ха, ха, ха! Знаете ли вы, что Геркуловъ на мнѣ вздумалъ жениться? Ахъ! какъ онъ не важенъ! чтобъ я пошла за него! Ужъ подлинно безпримѣрно бѣ это было, чтобъ я пошла за такого дурака! Онъ весь свѣтъ передѣлать хочетъ, ха, ха, ха! какая пустошь въ голову его вселилась! c'est un fou!

ЯВЛЕНИЕ V.

Прежніе, Геркуловъ.

Олимпіада. А! здравствуй, душа моя, неважный! Куда какъ мнѣ давеча досадилъ; я не знаю, какъ я жива? ужасъ, какъ на тебя сердита, ужасъ!...

Геркуловъ. Да за что такой гнѣвъ, сударыня?

Олимпіада. За что? это я знаю... и никогда не забуду. Уморишь... ужъ подлинно, радость, уморишь. (*Фирлюфюшкову, который съ тѣхъ поръ, какъ Геркуловъ вошелъ, въ великую пришелъ робость*). Скажи ему, что я терпѣть его не могу.

Фирлюфюшковъ. Тотчасъ! tout à l'heure je dirai.

Олимпіада. Eh bien, mon ami! помогай мнѣ. Не правда ли,

что онъ такъ смѣшонъ... безпримѣрно смѣшонъ... Да что ты не говоришь ему ничего?

Фирлюфюшковъ (*Геркулову*). Очень смѣшонъ и не славенъ.

Геркуловъ. Слушай ты, молодчикъ! съ тобою иначе я пере-
вѣдаюсь.

Фирлюфюшковъ. Да какъ же мнѣ ея не слушать? *Cela sera impoli de ma part.*

Геркуловъ. Зажми ротъ, я тебѣ сказываю.

Олимпіада (*Геркулову*). Ахъ, радость! какъ ты бранчивъ... боюсь! пожалуй, уйми свой гнѣвъ... Прилично ли браниться съ ребенкомъ?

Фирлюфюшковъ (*прячется за Олимпіаду*). Ah, ma deesse! какое на васъ прелестное платье, *quel gout!*

Олимпіада (*Гремухину*). А вы чему изволите смѣяться? Полно важничать.

Гремухинъ. Я радуюсь, что Фирлюфюшковъ пользуется покровительствомъ вашимъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-жъ, Парасковья.

Парасковья (*Олимпіаду*). Матушка приказала васъ къ себѣ позвать. Она васъ ждать изволить.

Олимпіада. Тотчасъ. Господинъ Гремухинъ, не изволишь ли проводить меня? (*Въ сторону*). Я выправлю и этого: *il est goche!*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Олимпіада, Христина.

Олимпіада. Ужасъ, какъ бѣдный Фирлюфюшковъ жалокъ, сестрица. Онъ такъ былъ сегодня наряденъ, безпримѣрно, въ новомъ кафтанѣ; а волосы никогда такъ къ лицу у него убраны не были, какъ сегодня. А Геркуловъ... О! какъ онъ несносенъ! это самый звѣрь...

Христина. Сказываютъ, что Фирлюфюшковъ его обманулъ чѣмъ-то?

Олимпіада. Бѣдненькой агнецъ!... Онъ, право, не таковъ. О, какъ я этого-грубіяна Геркулова терпѣть не могу! Воля матушкина, я ни изъ чего за него не пойду. Еще ему вздумается и меня суфлти-

ровать... Да и какая нужда замужъ идти?... это дурачество никогда не поздно. Смѣшно мнѣ... ха, ха, ха! замужъ! Начто?—и смотрѣть на это гадко... Это improbi, мнѣ кажется, идти за одного; это слово въ слово какъ сказать всѣмъ другимъ адоратёрамъ, что вы недостойны этой чести; а я не хочу весь свѣтъ обидѣть.

Христина. Да развѣ весь свѣтъ въ тебя влюбленъ, сестрица?

Олимпіада. Не погнѣвайсь, такъ, кажется. Всѣ мнѣ говорятъ, что я хороша, умна, прелестна: такъ, можно ли такъ обидѣть всѣхъ? Вѣдь они всѣ станутъ отъ меня бѣгать и пенять, что я ихъ презрѣла; а я одна быть не люблю: можно со скуки умереть, какъ никого адоратёровъ вокругъ не будетъ. Воля ихъ, я люблю быть въ людяхъ, и что больше вокругъ меня людей, тѣмъ веселѣе.

Христина. А я, сестрица, не твоего мнѣнія. Мнѣ кажется, что въ свѣтѣ нѣтъ болѣе удовольствія, какъ быть съ любимымъ человекомъ, а любить кромѣ одного не можно, слѣдовательно, съ однимъ и быть пріятно. Прочіе всѣ, сколько бы ихъ ни было, будутъ въ тягость такому сердцу, которое ничѣмъ, кромѣ любви своей, занято быть не можетъ. Чувствованія истинной страсти таковы, что, кромѣ себя, ничего не вмѣщаютъ. Влюбленный прямо человекъ, кромѣ любви своей, ничего не видитъ, ни ощущаетъ, и потому любить и быть любиму есть верхъ счастья человѣческаго.

Олимпіада. О, какъ это безпримѣрно высоко! ха, ха, ха! Пусть себѣ меня любятъ, до того мнѣ нужды нѣтъ, а я ни вздохать, ни стоять, ниже задуматься не хочу. Какъ это смѣшно! ха, ха, ха!

Христина. Повѣрь мнѣ, сестрица, не будешь вѣкъ такова: придетъ и твой часъ, да, можетъ быть, и не во-время.

ЯВЛЕНІЕ II.

Олимпіада, Христина, Парасковья.

Парасковья. Сколько разъ вамъ матушка говорила, чтобъ вы изъ той комнаты, гдѣ всѣ сидятъ, не выбѣгали; а вы-таки по своему дѣлать изволите. Какъ она васъ хватится, то быть вамъ, конечно, браненымъ. И такъ, кажется, сегодня довольно вздору было.

Олимпіада. Qu'importe! какая бѣда! Что, развѣ ужъ нельзя и на часъ вытти, чтобъ взять воздуха? Тамо задохнуться можно, а не могу тамо свободно дышать.

ЯВЛЕНИЕ III.

Олимпіада, Христина, Таларикинъ, Парасковья.

Таларикинъ (*бѣжитъ къ Христину*). Вѣрить ли мнѣ своимъ глазамъ! Ты жива, прекрасная Христина! ты здорова! А мнѣ сказано было... о! могу ли я переговорить!.. мнѣ сказано было, что уже престные глаза твои закрылися навѣки.

Христина. Кто это такъ хорошо выдумалъ.

Парасковья. Кто? будто это удивительно! Слухъ всякій, какъ снѣжный шаръ, что далѣ катится, то болѣ прибываетъ и наконецъ, разсыпавшись, исчезаетъ, и какъ будто ничего не бывало... Но долго ли вамъ здѣсь быть? подите отсель къ матушкѣ. (*Христину*) Вы послѣ наговоритесь. (*Таларикину*) Извольте и вы до времени укрыться. Господинъ Дремовъ приказалъ по васъ послать, но теперь еще рано: онъ теперь говоритъ съ боярынею и, кажется, дѣло идетъ на ладъ.

Олимпіада. Пойдемъ, сестрица, и впрямъ матушка *sega fachee*.

Таларикинъ (*Христину*). Пойдите, дайте мнѣ хоть наглядѣться на себя.

Парасковья. Вздоръ! (*Христину, которая останавливается*) Какъ вамъ не стыдно! Подите, сударыня. (*Таларикину, толкая его*) Убирайтесь, убирайтесь и вы. (*Они хотятъ въ розныя стороны выйти, и опять сходятся, а Парасковья ихъ разводитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Парасковья (*одна*). Чудны влюбленные люди! едва ихъ можно растолкать; а какъ женятся, то и свести не можно. Тотчасъ разныя у нихъ кареты, и даже до того, что вмѣстѣ и обѣдать, чрезъ три педѣли послѣ свадьбы, будетъ стыдно...

Изъ комедіи Екатерины II: „Именины госпожи Ворчалкиной“.

№ 20.

Разврата обошла

Ряды всѣ Рускихъ лавокъ

Нигдѣ по мысли не нашла

Ни лентъ, ни шпилекъ, ни булавокъ.

Все было не по ней

Ей не хотѣлось Рускихъ.

На что дешевыхъ ей?

Ей надобно Французскихъ

Французское добро годится ко всему
Хоть дорого, да мило;
А Руское всегда негодно ни къ чему;
Что дешево, то гнило.
Россійскій глупъ народъ,
Не смыслить вымышлять различныхъ дамскихъ модъ.
По правилу сему *Разврата* поступала
Что дорого, лишь то она и покупала,
Пришедъ она къ купцу сказала: «Буржуа!
«Пожалуй покажи мнѣ ленты мердъ дуа».
Купецъ отъ радости себя позабываетъ,
Кусокъ лентъ лучшихъ подаетъ
И, чтобъ скорѣй продать, сѣ тотчасъ объявляетъ,
Что ихъ онъ продаетъ
Недорогой цѣною.
«Marchand, mon beau monsieur! ты шутишь надо мною.
Разврата слыша то, со гнѣвомъ бросивъ ихъ,
Купцу такъ говоритъ: ты подалъ видно Рускихъ,
Не надо мнѣ такихъ
Мнѣ надобно Французскихъ».
Въ Французскихъ лавкахъ тѣжъ изволите купить,
Отвѣтствуетъ купецъ, лишь только подороже.
«Ахъ, Руская свинья! тебѣль меня учить?
«И вкусъ въ нарядахъ знать твоей ли мерзкой рождъ?
«Какъ смѣлъ противъ меня разинуть ты свой ротъ?
«Le raucge diable! ты, ты глупъ; ты Руской скотъ».
Сказавъ сіе она съ досадою уходитъ,
Французскихъ лентъ купить къ Француженкѣ приходитъ.
Разврата въ лавку лишь Французскую вошла,
По мысли все нашла.
Какіе чепчики, какіе это шляпки!
Флеръ, крепъ, лино, цвѣты и перья и накладка,
Да тутъ же и сидитъ не Руская торговка,
Негодная плутовка;
Но честная *мадамъ*
Французскія породы,
Котора принимать умѣетъ знатныхъ дамъ
И изъ Парижа къ намъ выписываетъ моды.
Что вымыслить сама, то модою зоветъ,
И съ даннымъ именемъ Парижскимъ то слыветъ.

Парижскаяжъ дрянца лучше Руской драни,
Достойна балагать на дамъ Россійскихъ дани,
Достойна всѣхъ похвалъ.
Не всякъ ли это скажетъ?
И гордый самохвалъ
Почтеніе къ ней кажетъ
А вы! издатели Французскихъ модъ,
Достойны всякой славы!
Вы Руской учите перемѣнять народъ
Свои на ваши правы,
Вы мудростью своей
Во изобрѣтеніи вседневно моды новой
Госпожъ и щеголей
Увеселяете какой нибудь обновой.
За ваши всѣ труды
И малы тѣ плоды,
Что гривенную вещь за рубль вы отдаете
И Руское въ пять разъ дороже продаете.
Какая въ лавкѣ сей дороже вещь была,
Развратъ болѣе казалась та мила
За все она платила
Роскошною рукой
Мадамъ обогатила
Поѣхала домой
Дорогой веселится
Француженку благодарить,
Хорошимъ все ей мнится;
Она съ собою говорить:
«Безсмысленные всѣ скоты вы Россіяне,
Французы вамъ ли, ахъ, чета!
И вы такіежъ христіане;
А мысль, не знаю я, чѣмъ ваша занята».

Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова, 1784, XI, 23—24.

№ 21.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чванкина, Марина.

Чванкина (смотрясь въ карманное
зеркало).

Я что-то не къ лицу, сегодня нарядилась.

Марина (въ сторону)

Лѣтъ двадцать не къ лицу, сегодня спохватилась.

Чванкина (смотрясь также).

Не знаю что-то бровь одна не такова.

Марина (въ сторону).

Не такъ написана.

Чванкина (смотрясь).

И что-то голова.

Марина (въ сторону).

Пуста, да какъ же быть.

Чванкина.

Причесана прескверно.

(Къ Маринѣ)

Маринѣ битой быть, и это очень вѣрно.

Марина.

А мнѣ такъ кажется, что ваши красоты,

Сегодня новыѣ пустили въ ростъ цвѣты.

Хоть прелесть вапа свѣтъ уже давно прельщаетъ,

Но старость къ ней еще напрасно приступаетъ,

И ..

Чванкина.

Старость? бредишь ты Маринушка мой свѣтъ,

Скажи-ка, сколько бы ты думала мнѣ лѣтъ?

Марина.

По свѣжему лицу, еще цвѣтутъ гдѣ розы,

На вашихъ парникахъ хотъ были ужъ морозы,

Однакожь ежели повѣрить мнѣ глазамъ,

Не больше... но боюсь сказать я правду вамъ;
Вы вздумать можете, что это будто шутки.

Ч в а н к и н а.

Ну! говори, оставь излишни прибаутки.
Вѣдь я люблю, когда мнѣ правду говорятъ.

М а р и н а.

Хоть зависть говорить, что вамъ за пятьдесятъ,
Но зависть это вѣдь; а я такъ безъ извѣдки
Могу сказать вамъ то, что есть васъ старѣ дѣвки.

Ч в а н к и н а.

То правда; но мои лѣта мнѣ сочти.

М а р и н а.

По виду кажется вамъ меньше двадцати.

Ч в а н к и н а.

И столько бѣ мнѣ еще Марина не казалось,
Коль сердце бы мое печалью не терзалось;
Но дочь упрямица Земира полюбя,
Любовью низкою и мать свою губя
И въ глухой горести, никакъ не видя свѣта,
Не видитъ счастья быть женою Верхолета.
Подумай, онъ какой случайной человѣкъ!
Онъ только при Дворѣ проводитъ весь свой вѣкъ.
Богатства у него и знатности палата;
И графы и Князья всѣ съ нимъ за панибрата.

М а р и н а.

Боюсь откажетъ онъ теперь свѣсившій ставъ.

Ч в а н к и н а.

А что?

М а р и н а.

Вы слышали ль, что онъ и самъ ужъ Графъ.

Ч в а н к и н а.

Ну! что я сдѣлала, душа моя Марина!
О' дочь негодная! какаяжъ я скотина,
Что въ жалость я пришла!.. однако какъ же быть?
Я такъ же не хочу Милены уморить...

М а р и н а.

Не слушайте никакъ Милены вашей вздора;
Замужство будто бы для дѣвушекъ умора;
Не вѣрьте этому, и поступя какъ мать,
Извольте только ей постороже приказать.

Ч в а н к и н а.

Ты правду говоришь.

М а р и н а.

А впрочемъ ваша воля...

Какова будете вы ягодою поля,
Когда графинею звать стануть вашу дочь.

Ч в а н к и н а.

Когда придетъ Земиръ, гони его ты прочь.

М а р и н а.

Къ намъ стануть прїѣзжать Графини, да Княгини;
И наши сельскія всему дивясь разини,
Которымъ здѣшная за диво и коза,
На васъ сударыня, какъ выпялять глаза!
А вы такъ и взглянуть на нихъ не захотите.

Ч в а н к и н а.

Какъ скучны мнѣ они.

М а р и н а.

Смотрите жъ не введите
Себя сударыня вы съ Графомъ-то въ разладъ.
Подумайте о томъ, какой же это складъ,
Вы свадьбу окончать сегодня дали слово,
А послѣ отложить...

Ч в а н к и н а.

Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь все готово.

М а р и н а.

А какъ же барышня сама...

Ч в а н к и н а.

Пустое вретъ!

И въ правду, отъ того она вѣдь не умретъ.

М а р и н а.

Графиней сдѣлаться ни мало не смертельно;
И все отчаянье Миленино недѣльно.
Скажите, кто Земирь? дворянчикъ онъ простой,
Такой же какъ Полисть, женихъ любезный мой.
Смотрите, ваша дочь Земиру ставъ женою,
Не стыдно ль это вамъ? сравнялася бѣ со мною.

Ч в а н к и н а.

Она глупа; смотрѣть не надо на нее.

М а р и н а.

Быть Графской тещею, какое вамъ житье!

Ч в а н к и н а

Графиней сдѣлаю ее и по неволѣ.

Изъ комедіи Княжнина: „Чудаки“.

№ 22.

Я женщинъ видывалъ пріятствъ, красы лишенныхъ,
Жеманствомъ, щегольствомъ не къ статѣ зараженныхъ,
Которымъ злобный рокъ сулилъ
Искати у румянъ прикрасы и бѣлилъ,
Чтобъ тѣмъ иль пятны скрыть, иль грубыя морщины,
И кон, ежели имъ встрѣтятся мушны,
Какъ подаянія ихъ пѣжныхъ взглядовъ ждуть:

Но тщетенъ весь ихъ трудъ:

Всякъ вѣдаетъ, что то не лица, а личины.

Зеркало свѣта, 1787, 208.

№ 23.

Не милъ любовникъ имъ (дворянкамъ), пріятенъ хитрый льстецъ,
Ихъ слава царствовать надъ множествомъ сердецъ;
Что удовольствіе находятъ въ перемѣнѣ,
И плодъ своихъ побѣдъ въ несноснѣйшей измѣнѣ:
А ежели кого не могутъ побѣдить,
И видятъ, что никто не хочетъ ихъ любить,
Пріемлютъ видъ тогда красавицы суровой,
Невинность въ ихъ лицѣ, въ очахъ ихъ пламень новой.
Съ которой заведетъ мушны разговоръ,
Тогда притворный стыдъ ея потушитъ взоръ,

И кажется она любви еще не знаетъ,
Хотя ужъ на щекахъ румянецъ увядаетъ
Дворянки наши сей ихъ прелестей изъянь
Умѣютъ награждать пріятностью румянъ,
И хитростью такой прельщаютъ легковѣрныхъ,
Вселяюгъ въ нихъ любовь и вздоховъ тѣмъ безмѣрныхъ.
Но ежели и въ томъ успѣха не найдутъ,
Тогда хулить мушинъ, смѣяться имъ начнутъ,
Разсказываютъ всѣмъ пренагло ихъ пороки,
И дѣлаются къ нимъ суровы и жестоки.

Зеркало свѣта, 1787. 208—209.

№ 24.

Уборной столъ Модныхъ щеголихъ.

Красавица каждое утро, обыкновенно бываетъ по два раза у своего уборнаго стола; первый разъ очень скрытно, такъ что и любовники никогда не бываютъ туда допускаемы, ибо они входятъ въ назначенный только для нихъ часъ. Женщинъ можно иногда обманывать; но никогда не должно входить къ нимъ въ расплохъ: вотъ ихъ правило, котораго и самый милый, и самый щедрый любовникъ не смѣетъ нарушить.

При семъ-то таинственномъ уборномъ столѣ употребляются всѣ притиранія украшающія ихъ лица и другія разныя приготовленія, составляющія у женщинъ особливую науку, столь же обширную, какъ Енциклопедія.

Въ другой разъ, когда красавица бываетъ при своемъ уборномъ столѣ, то сіе не иначе назваться можетъ, какъ игрою вымышленною модными щеголихами. Въ то время, ежели дѣлаетъ она передъ зеркаломъ пріятныя ужимки, то сіе дѣлаетъ съ прелестнѣйшимъ искусствомъ; тогда она на себя уже не смотритъ, а только удивляется красотѣ своей. Во время причесыванія длинныхъ и развѣвающихся ся волосъ имѣетъ она вокругъ себя душистыя пудры, помады и разныя благовонныя воды. Пукли ея ставятся съ великою осторожностію искуснѣйшею рукою Французскаго парикмахера, которая дотрогивается до нихъ очень тихо и нѣжно; а когда подобная алебастру ея рука обмывается благовонною водою, тогда ничто не можетъ сравниться съ ея нѣжностію и бѣлизною. Сей послѣдній уборной столъ есть не что иное, какъ пріятнѣйшее зрѣлище, способствующее къ обнаруженію сокровенныхъ и до толѣ еще неизвѣстныхъ прелестей. Гребеньъ

искусно назади поставленный; нога до половины обнаженная, которую она всѣмъ позволяет тогда видѣть; прекраснѣйшая обувь; привлекательное дезабилье, обнаруживающее всѣ ея прелѣсти, въ которомъ станъ ея кажется превосходнѣйшей стройности; все сіе доставляетъ самыя лѣстныя минуты женскому честолюбію. Все, даже и самыя часто прерываемыя шутки, соотвѣтствующія тогдашнему ея небреженію и беспорядку, придаютъ приятность бродящему воображенію.

Женщины Парижскія имѣютъ воображеніе живѣе и нѣжнѣе, нежели мущины; онѣ имѣютъ даръ лучше говорить; связь ихъ разговоровъ непостижима; ихъ нѣжные рассказы преисполнены чувствительности. Можно о нихъ сказать, что онѣ пишутъ свои письма по природному побужденію, и всегда можно удивляться приятнѣйшимъ ихъ выраженіямъ, не будучи никогда въ состояніи постигать и открыть ихъ тайнъ во оныхъ заключающихся. Утреннія любовныя цыдулки пишутся у нихъ при уборномъ столѣ, кои бываютъ сообразны тому мѣсту, при которомъ писаны, и гораздо чувствительнѣе, нежели писанныя вечеромъ.

Такъ-то лучше всего видѣть можно, что женщины имѣютъ особый даръ поправлять свои несовершенства приятнѣйшимъ искусствомъ, и всякая ихъ прелѣстная ужимка, которую онѣ тогда дѣлаютъ, сокрываетъ небольшой ихъ недостатокъ.

Попій весьма хорошо описалъ уборный столъ; гдѣ пишетъ онъ объ одной красавицѣ при ономъ находящейся, сими словами: «Въ бѣлой одеждѣ приближается она къ жертвеннику, на которомъ многіе золотые и хрустальные сосуды таинственнымъ образомъ разставлены; съ откровенною главою возсылаетъ она свои обѣты блистательнымъ богамъ нарядовъ, безсмертнымъ обладателямъ пышнаго міра. Ея прелѣстное лице показывается въ зеркалѣ; взоры ея устремляются на собственные свои глаза, видимые во ономъ, и нѣсколько времени пребываютъ неподвижными. Она страстно улыбается при возрѣніи на самое себя, подобно какъ на богиню, которая дѣлается единственнымъ предметомъ всѣхъ ея стараній, удивленія, и почтенія. Подлѣ сего жертвенника, гдѣ царствуетъ внимательное безмолвіе, подобострастная жрица, съ потупленными въ низъ глазами, приготовляетъ чистыя благовонія для умащенія развѣвающихся волосъ ея.

Потомъ начинаются жертвенные обряды; отверзаются хранилища сокровенныхъ сокровищъ, изъ коихъ природная красота почерпаетъ еще новыя прелѣсти. Изъ тысячи прекрасныхъ маленькихъ ящичковъ появляются тысячи особенныхъ приятностей. Жемчуги и алмазы, приемлющіе наилучшій блескъ отъ солнечныхъ лучей, придаютъ собою

живѣйшее украшеніе. Приятнѣйшій спиртъ составленный изъ цвѣтовъ, изливается изъ золотыхъ сосудовъ; воздухъ наполняется Аравійскимъ благовоніемъ; черепъ пресмыкающейся черепахи, и кость слонового зуба, весьма чисто выглаженные и искусно обдѣланные, служатъ для нужнаго употребленія. Немного по далѣе въ безпорядкѣ лежать: пудра, помада, забавные романы, ленты разныхъ цвѣтовъ, румяна, любовныя цыдулки, спиграммы, и безчисленное множество булавокъ.

Красота часъ отъ часу становится блистательнѣе; лице ея принимаетъ цвѣтъ живѣйшій и привлекательнѣйшій; отъ глазъ ея простираются поразительные лучи; улыбка ея дѣлается наконецъ самою прелестнѣйшею, и во всей въ ней, нѣкоторымъ образомъ, нечувствительно является совершеннѣйшая приятность. Какой блескъ! Какая живность!»

Но что бы сказалъ Попій, когда бы увидѣлъ сей золотой уборной столъ щеголеватыхъ женщинъ, при которомъ однакожь сидитъ не Королева, а простая модная щеголиха; когда бы онъ увидѣлъ сіе великолѣпное зеркало, у котораго на рамахъ вырѣзаны два купидона, поддерживающіе корону, означающую женскую власть и могущество. Таковое драгоцѣннѣйшее украшеніе весьма достойно того, чтобъ было описано его стихами; но могъ ли бы онъ достигнуть до живѣйшаго изображенія толикихъ пышныхъ и богатыхъ приборовъ. Попій при семъ описаніи въ такое же бы пришелъ смятеніе и замѣшательство, какъ тотъ Авторъ, который хотѣлъ описать нововымышленный Павильонъ надъ кроватью Луціены, гдѣ все то, что могло изобрѣсти хитрѣйшее воображеніе роскоши, собрано было въ превосходнѣйшемъ степеніи.

О! ежели бы можно было сдѣлаться тѣмъ Сильфомъ, о которомъ говоритъ сей Аглинскій стихотворецъ, и быть невидимымъ при такомъ уборномъ столѣ; то можно бы узнать въ одинъ часъ болѣе, нежели сколько мы знаемъ изъ всѣхъ Анекдотовъ, и изъ всѣхъ нашихъ догадокъ.

Свидѣтель хотъ одинъ, онъ лучше ста Газетъ,

А естли бѣ говорить и самъ могъ Туалетъ;

То сколько тайностей чрезъ то бы мы узнали!

Утренніе Часы, 1788, ч. II, стр. 25—32.

№ 25.

Свѣтская женщина не прежде должна вставать съ постели, какъ въ три часа по полудни, а какъ у насъ почитается за неблагопристойное, чтобъ жена жила съ мужемъ своимъ въ однихъ покояхъ, то для того живетъ она на другой половинѣ дома, и иногда по нѣскольку недѣль мужъ и жена другъ съ другомъ совсемъ не видятся и не промолвятъ между собою ни одного слова, развѣ только въ публичныхъ собраніяхъ или на балѣ и въ комедіи. Итакъ свѣтская женщина не успѣетъ еще порядочно одѣться, какъ уже посылаетъ служителя къ знакомымъ своимъ: или къ Графинѣ, или къ Княгинѣ, спросить о ихъ здоровье и условиться куда нибудь вмѣстѣ ѣхать. Послѣобѣденное время проходитъ въ церемоніяхъ, комплиментахъ и въ принятіи посѣщеній. По пробѣтѣ пяти часовъ она еще не совсемъ рѣшится, куда ей ѣхать въ комедію ли, или на балъ; и естьли когда случится, что она приглашена куда нибудь къ ужину, то для того даетъ преимущество Театральному зрѣлищу; откуда выходитъ занявшись тѣми любовными хитростями, которыми тамъ видѣла представляемая, и потомъ вино, хорошее кушанье, и вольность между всѣми за ужиномъ употребляемая, возпаляютъ мысли ея пущимъ жаромъ, и она по выходѣ изъ за стола, прежде возвращенія домой прохладжаетъ оный съ своимъ любовникомъ до пяти часовъ утра, и тогда-то уже показавшійся день, противъ воли ея, принуждаетъ ее отправиться домой.

Почта Духовъ, 1789, 1, 177.

№ 26.

Женщина окончавъ по утру свой Туалетъ провождаетъ цѣлое утро въ обвертываніи и укалываніи около себя разныхъ лоскутковъ, купленныхъ ею на канунѣ. Послѣ обѣда ѣдетъ она въ Театръ, и тогда съ удивленіемъ видитъ, что та мода уже перемѣнилась, и что многія модныя щеголихи одѣты въ другое платье по послѣднему вкусу. Она съ досадою примѣчаетъ, что всѣ онѣ пристально на нее смотрятъ и насмѣхаются ея старомодному убору, отъ чего приходитъ она въ отчаяніе, и не дождавшись окончанія Піесы поспѣшно выходитъ изъ Театра, запирается въ своемъ домѣ, заставляя комнатныхъ свсихъ дѣвокъ шить новыя наряды и просиживаетъ съ ними во всю ночь, покуда на другой день въ состояніи будетъ опять показаться въ свѣтъ, одѣтая по новой уже модѣ.

Почта Духовъ, 1789, I, 227—228.

№ 27.

Признайся, любезная *Безстыда*, говорила своей подругѣ *Неотказа*, что изо всѣхъ мужчинъ моего женишка трудно сыскать глупѣе: вообрази себѣ, какое щастіе, имѣть мужемъ такого фалю, котораго въ день можно по сту разъ обманывать. Признаюсь, отвѣчала *Безстыда*, что я завидую твоему щастію; на мнѣ такъ сватаютъ какого-то урода, котораго я терпѣть не могу: одно только то, что онъ уменъ, дѣлаетъ мнѣ его несноснымъ. Подумай, жизнь моя! сносенъ ли такой мужъ женщинѣ нынѣшняго свѣта: я умру съ досады, если батюшка и матушка не перемѣнятъ своего слова.—Да, я совѣтую тебѣ, какъ можно отвязаться отъ такого женишка, сказала *Неотказа*; я не одинъ разъ слыхала мнѣніе о замужествѣ моей матушки (ты вѣдь знаешь, что старушка моя не дура) она говоритъ, что если мужъ и жена умны, то въ домѣ никогда не бываетъ добродушію, для того что никто изъ нихъ слѣшымъ быть не захочетъ; а когда оба они глупы, то должно ожидать скорого раззоренія ихъ дому; но что бы составлять щастливый сѣмейства, надобно неотмѣнно, или дурака женить на умницѣ, или умному брать дуру: тогда-то одна половина можетъ веселиться, а другая разиня ротъ будетъ ожидать повелѣній, или довольствоваться мнимою властію, между тѣмъ какъ ее за носъ водятъ... И такъ, по сему правилу, любезная *Безстыда*, безъ хвастовства сказать, ты видишь, что намъ съ тобою умные мужья не подѣ парю.—Сему то правилу и я бы желала слѣдовать, сказала *Безстыда*; но къ нещастію мои старики совсемъ не такого мнѣнія о супружествѣ, какъ твоя матушка, и я думаю, что они бы меня давно уморили своею строгостію, еслибъ добрая моя Мадамъ не помогла мнѣ ихъ обманывать столько, сколько мнѣ угодно, и я признаюсь, продолжала она, что съ тѣхъ поръ, какъ *Французы* взяли подъ свое покровительство наше юношество, оно чувствуетъ не малое облегченіе въ скучной неволѣ, и всякая наша дѣвушка подѣ присмотромъ искусной *Француженки* въ пятнадцать лѣтъ становится хитрѣе своей матушки, съ тою притомъ разницею, что насмѣхаясь всѣмъ скучнымъ предразсужденіямъ своихъ бабушекъ, не запинается она совѣстію на всякомъ шагу своихъ тайныхъ приключеній. Я сама будучи поставлена на такой ногѣ моею надзирательницею, съ терпѣливостію сносила скучные годы моего дѣвчества; но съ того времени, какъ она отъ насъ отошла, почувствовала я всю строгость родительскаго присмотра, и съ великою нетерпѣливостію жду какого бы то ни было жениха, надѣясь что супружество, по крайней мѣрѣ облегчитъ мою неволю.—Но думаешь ли ты, перехватила *Неотказа*, что мнѣ

болѣе твоего оказываютъ потворства? О какъ же ты мало знаешь мою матушку! я думаю, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ строжѣ етой хрычовки; вообрази себѣ, что она въ день не отпускала меня отъ себя болѣе, какъ на два часа: и то только тогда, когда уходила сама въ особую комнату съ молодымъ *Лицемпировымъ* читать молитвы. Признаться надобно, что я не теряла изъ сихъ двухъ часовъ ни одного безъ удовольствія; но со всемъ тѣмъ тайныя веселія мнѣ уже наскучили, и ты не повѣришь, жизнь моя! какую надобно всегда имѣть осторожность отъ матери; дочери гораздо легчѣ обмануть самого строгаго отца, нежели мать, которая сама проходила всю школу свѣта, и помня старину знаетъ, какія хитрости употребляются для обмановъ. Естьлижъ она не препятствуетъ своей дочери въ нѣкоторыхъ забавахъ, то это конечно не отъ того, чтобъ не знала къ тому способовъ; но или ленится, или не имѣетъ время, протверживая очень часто сама веселія зады любовной азбуки.—Ха ха ха! какъ ты злорѣчива, говорила со смѣхомъ *Безстыда*, ты не щадишь и своей матушки.—Вотъ какое дурачество! щадить мать! отвѣчала *Неотказа*, эти старушки думаютъ, что онѣ только однѣ могутъ пользоваться всѣми веселостями и выгодами нашего пола, а дочери ихъ рождены сидѣть въ конуркахъ, поститься вмѣсто ихъ, и молить за ихъ грѣхи. О! нѣтъ, я всегда вела себя на такой ногѣ, что мнѣ не только за чужія, но и за свои согрѣшенія умаливать очень мало оставалось времени; да и въ передъ съ такимъ болванчикомъ, каковъ мой будущей мужъ, не надѣюсь я много минутъ имѣть для набожности. Глупой мужъ, любезная *Безстыда*! въ нынѣшнемъ свѣтѣ для набожной женщины служить не малымъ поводомъ къ соблазну. Надобно быть слѣпою, еслии не разсмотрѣть, что мой *Припрыжкинъ* глупѣе всѣхъ своихъ знакомыхъ; чтожъ касается до его лица, то каковъ бы хорошъ женихъ невѣстѣ ни казался; но недѣлю спустя послѣ свадьбы, на вѣрное всякой мущина въ глазахъ ея будетъ казаться пріятнѣе мужа. Трудно не видѣть, что всѣ мущины не для чего инаго ищутъ дружелюбія мужа, какъ желая по корочѣ свести знакомство съ женою; они дѣлаютъ ей тысячу услугъ, которыя принимаетъ онъ въ знакъ уваженія къ нему; они за нею машутъ а онъ тѣмъ гордится; они почти при немъ открываютъ ей свою страсть, а онъ почитая ее второю *Лукреціею* восхищается ихъ неудачею и ея мнимою вѣрностію. Надѣясь на ея сердце онъ спокойно ее оставляетъ, и дѣлаетъ ей многія измѣны, почитая однѣхъ только женщинъ обязанными въ постоянствѣ; однимъ словомъ: онъ во всемъ ей вѣритъ, почитаетъ ее слѣпою въ разсужденіи своихъ поступковъ, и допускаетъ своихъ друзей стараться развращать ее въ ея мнимою непоколебимости.

Надобно, говорю я, жизнь моя! не имѣть глазъ, чтобъ не видать всего стаго, и надобно имѣть каменное сердце, что бы симъ не пользоваться. Да полна я на себя не буду пѣнять въ семь случаѣ; я уже давно разположилась, какимъ образомъ жить въ свѣтѣ, и мнѣ нуженъ былъ только такой простячекъ, которой бы назывался моимъ мужемъ и отнюдь не вмѣшивался бы въ мои дѣла. Судьба услышала мою молитву, и любезной мой *Припрыжкинъ*, право, кажется, можетъ быть мужемъ всякой умной женщины. Изъ всѣхъ его поступковъ ни одинъ не показываетъ въ немъ умнаго человѣка. Кажется, онъ занятъ болѣе своими пряжками, нежели мною и нашею свадьбою; а это мнѣ по-даетъ добрую надежду, что онъ чащѣ будетъ смотрѣть за своею каретою, нежели за своею женою.—Послѣ сего продолжали онъ съ язвительнѣйшими ругательствами и насмѣшками описывать всякую черту бѣднаго *Припрыжкина*. Молодая Неотказа выдумывала планы своему хозяйству; назначала изъ мужнинаго гусара, малаго рослаго и довольно пригожаго, сдѣлать главнаго правителя домашнихъ своихъ дѣлъ, а изъ мужа дворецкаго; и я имѣлъ причину думать, что бѣдному *Припрыжину* не только не удастся съ танцовщицею подѣлиться женскими доходами: но едва ль и своими собственными всѣми пользоваться ему позволять.

Почта Духовъ, 1789, 1, 276—282.

№ 28.

Вся жизнь моя съ самой минуты вступленія моего въ свѣтъ была непрерывною цѣною пагубныхъ дѣйствій моды, изображенныхъ въ слѣдующемъ повѣствованіи.

Тотъ, коего я долженъ назвать своимъ отцемъ, жилъ въ столицѣ Сѣвернаго государства М... Онъ былъ хотя не весьма знатнаго, однако же и не совсѣмъ подлаго, какъ по модѣ говорятъ, состоянія человѣкъ, и имѣлъ кромѣ помѣстья должность, отъ коея получаемые имъ доходы петокмо были бы достаточны для содержанія его съ семействомъ, но могла бы еще нѣкоторая часть изъ оныхъ и оставаться всегда въ запасъ на непредвидимые нужные случаи; однако же, какъ давно уже принята мода, что бы и при умѣренномъ имѣніи содержать карету и лошадей, любовницъ, гусаръ, егеровъ и другихъ, столь же надобныхъ какъ пудра и помада служителей, одѣтыхъ по модѣ же въ разнородное платье, такъ же ѣздить часто въ дворянскіе и мѣщанскіе клупы, посѣщать различныя игры и позорища и дѣлать большіе столы для тѣхъ достойныхъ людей, кои умѣютъ хорошо ѣсть и пить; словомъ, нечуж-

даться никакихъ утѣхъ модою одобряемыхъ, и долженъ былъ сообразуясь времени и послѣдую тѣмъ, которыхъ равнымъ себѣ почиталъ, хотя въ прочемъ они и гораздо богатѣе его были, вести такіе расходы, которые содержались къ его приходамъ, какъ два къ одному, отъ чего и произошло, что имѣніе, которое по смерти отца своего при раздѣлѣ съ братьями и сестрами на свою часть получилъ, стало мало по малу приходить въ неизцѣлимую чахотку.... Онъ имѣлъ уже лѣтъ около тридцати, какъ въ первой разъ случилось увидѣть ему въ одномъ собраніи мать мою и тогда же въ нее влюбиться; ибо она хотя была небогата однакожъ весьма пригожа и будучи воспитана при дворѣ была весьма пріятна въ обхожденіи и довольно знала, что такое есть свѣтъ. Последнее примѣтилъ отецъ мой обращаясь съ нею неболѣе получаса, а что была недостаточна, о томъ увѣдомленъ онъ отъ стараго своего друга, который ее давно и коротко зналъ; но какъ ни одинъ любовникъ на такую малость невзираетъ и отнюдь нестареется такъ же испытывать внутреннее свойство обожаемаго предмета, избираемаго имъ во время странствія своего по бѣлому свѣту для всегдашняго сопутствія, а слѣдуетъ обыкновенно одному токмо мигновенію внѣшней красоты; то и отецъ мой открылъ ей немедленно любовной свой пламень и въ такихъ при томъ выраженіяхъ, кои обыкновенно бывають въ модѣ у людей, приписывающихъ себѣ тонкія и нѣжныя чувствованія, а чрезъ нѣсколько дней объявилъ ей чрезъ своихъ пріятельницъ, что имѣетъ великое желаніе на ней жениться, на что она и согласилась; ибо видѣвъ прежде, что онъ бодръ, пригожъ, статенъ, одѣвается по модѣ, ѣздитъ въ прекрасной аглинской каретѣ и имѣетъ многихъ при себѣ служителей, возмѣла столь хорошія объ немъ мысли, что неотважилась коснѣть согласіемъ на его предложеніе; по чему и неумедлила бракомъ, которой совершенъ былъ по модѣ съ великолѣпнымъ и пышнымъ торжествомъ.

Первыя недѣли послѣ бракосочетанія препроводили они въ пріятномъ удовольствіи, а по томъ мало по малу начала обладать супружествомъ ихъ таже самая мода, которая поспѣшествовала прежде брачному ихъ союзу, то есть, легкомысліе. Отецъ, мой первый началъ раскаиваться въ своемъ супружествѣ примѣтивъ, что въ сердцѣ жены его занималъ мѣсто не онъ одинъ; а какъ и самъ необрѣталъ удовольствія въ рабскомъ повиновеніи уставамъ супружественной любви, то приступилъ бы скоро къ законному разводу, если бы разводы были тогда въ такой модѣ, какъ нынѣ: онъ прибѣгнулъ токмо къ добродѣтели терпѣнія и исполняя нелѣпно тѣ дѣла, которыя возлагало на

его его званіе супруга, завелъ короткое съ комнатными дѣвушками знакомство, въ коемъ наблюдалъ великую скромность.

Между тѣмъ движимое и недвижимое его имѣніе по причинѣ расточительности, къ коей наипаче склонна была мать моя а его супруга, продержало бы недолго его на ногахъ, если бы непришло къ ему неожиданное счастье. Онъ имѣлъ у себя одного брата, жившаго въ А... которому судьба доброжелательствуя наградила его хотя непригожею но сурою и богатою вдовою, и который жилъ при томъ не такъ, какъ мой отецъ, но былъ великой хозяинъ, по чему и имѣніе его неубавлялось, но прирастало ежедневно. Дѣтей хотя онъ и не имѣлъ, но опасаясь, чтобъ когда нибудь необнищать и неумереть съ голоду, копилъ непрестанно денежки и любилъ оныя столько, что и спалъ всегда на томъ сундукѣ желѣзномъ, въ коемъ оныя хранилъ. Люди его рассказывали, что онъ часто просыпался ночью и кричалъ: воры, воры. Сіе одно доказывало, что мозгъ его непрестанно занятъ былъ деньгами, кои онъ отдавалъ иногда и въ ростъ, но неинако какъ по двойному обязательству, государственному и самоправному, то есть по векселю и подъ закладъ, и бралъ съ незнакомыхъ по шести копѣекъ на рубль въ мѣсяцъ, а съ знакомыхъ по десяти. Въ то время небыло нигдѣ еще ни банковъ ни ломбардовъ, что весьма поспѣшествовало ему къ стяжанію великаго имуществу, равно какъ и двадцатилѣтнее его воеводство въ одной отдаленной области, гдѣ онъ часто дѣлалъ такіе обороты, за кои простодумы подвергаютъ себя кнуту. Незапная горячка прибрала однако же его съ любезною и толико же какъ онъ любостыжательною сожительницею во гробъ въ то самое время, когда они располагались пожить хорошенько подъ старость. Наслѣдниковъ послѣ ихъ изъ мужскаго пола никого болѣе неосталось кромѣ моего отца, коему по завѣщанію и досталось все ихъ движимое и недвижимое имѣніе. Тогда была такая же мода какъ и нынѣ, что люди умирая, ни о чемъ толико незаботились какъ о томъ, что бы собранныя ими сокровища не достались въ чужой родъ, а чужимъ родомъ называли обыкновенно и собственныхъ своихъ дочерей ради того, что они заимствуя себѣ прозваніе отъ мужей своихъ а не отцовъ, не могли величать имени ихъ, когда оное пресѣкалось въ устахъ народа, отъ чего необѣщавая праху своему спокойствія а душамъ вождельнія самолюбіемъ возбуждаемаго и питаемаго, отдаляли всегда почти отъ наслѣдства десять особъ женскаго пола съ пятидесятью дѣтьми ихъ противу одного мужчины, носящаго на себѣ имя отцовское, неразсуждая нимало о томъ, что женщина овдовѣвшая и оставшаяся безъ до-

вольнаго имущества несравненно труднѣе должна доставать себѣ и сиротамъ своимъ пропитаніе, нежели какъ мущина лишившійся супруги своей. Какъ же скоро слухъ о щастіи его разпространился, увидѣлъ онъ опять себя окруженнымъ прежними своими пріятелями, кои весь домъ его наполняли и всячески ему опять ласкательствовать старались, хотя прежде примѣтивъ упадокъ его имѣнія, а сами будучи въ хорошемъ состояніи всѣ отъ него удалились, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ въ модѣ. Сколько не радовался отецъ мой перемѣнѣ своего состоянія, однакожъ не забылъ почтить память усопшихъ благодѣтелей своихъ возложеніемъ на себя чернаго платья съ обѣтомъ носить оное неменѣе полугода. Его радость еще болѣе умножилась, когда примѣтилъ беременность свою супруги а моя матерн. Отсюда начинается собственно исторія моя жизни.

Я незнаю, кто подлинно былъ мой родитель, ибо какъ уже выше объявилъ, мать моя жила не такъ какъ живутъ люди незнающіе довольно свѣта, что самое и служило для меня нещастіемъ. При зачатіи своемъ хотя немогъ я ощущать, но послѣ довольно чувствовалъ, сколь пагубно для меня было, что мать моя, невзирая на свою беременность, такимъ же образомъ одѣвалась, какъ и прежде, ибо мода того требовала, чтобъ женщина, хотябы была замужняя, беременная, или нѣтъ, непременно шнуровалась и столько стягивала бока свои, сколько токмо можно, что называется сбереженіемъ хорошаго стана или талии. Для сей то моды, какъ извѣстно, изобрѣтены тѣ карсеты, въ коихъ пастушки прельщаютъ пастуховъ на нощныхъ празднествахъ. И такъ въ угодность сей модѣ принужденъ я былъ сносить, чтобы посредствомъ таковыхъ карсетовъ стѣсняли первоначальное мое жилище столько, сколько возможно. Теперь довольную я имѣлъ причину думать, что слабой составъ моего тѣла, частые болѣзненные припадки, которые я чрезъ всю свою жизнь претерпѣваю, равнымъ образомъ хребетъ, почти двумя дюймами выше обыкновеннаго стоящій, также наростъ на лѣвомъ моемъ бедрѣ и кривой носъ, что все я съ собою на свѣтъ изъ утробы матерней вынесъ, а наконецъ и самыя тяжелыя ея роды, получили отъ такового моднаго шнурованья свое начало. Но не одно только сіе зло долженъ былъ я, какъ плодъ отъ сего, претерпѣть. Многократно случалось во время беременности мною матери моею, что я несозрѣвши, едва совсѣмъ во утробѣ ея неувялъ и неисчезъ; ибо когда она танцевала или при иномъ движеніи разгорячалась, то столько страдала отъ стѣсненія внутренностей своихъ, что едва успѣвала отвореніемъ крѣви и другими пособіями врачей спасти мою и свою жизнь.

При рожденіи же меня, претерпѣла она такое мученіе, что чуть со мною вмѣстѣ нелишилась жизни. Повивальная бабка, поднесшая меня къ свѣту, примѣтивъ во мнѣ многіе недостатки, которые я во чревѣ матернемъ получилъ, ни о какомъ изъ оныхъ столько безпокоилась, какъ о кривости моего носа, которой былъ совсѣмъ не по модѣ, и она сколько можно старалась оной выпрямить, истощивъ на то все свое искусство по безъ всякаго успѣха. Хуже всего при семъ дѣлѣ было то, что отецъ мой никого не находилъ какъ изъ своего собственнаго роду такъ и съ жениной стороны, кто бы имѣлъ кривой носъ, да и никого болѣе кривоносаго не зналъ, кромѣ токмо того искренняго пріятеля своего, который жилъ въ нашемъ домѣ почти съ годъ и на котораго имѣлъ онъ тѣмъ большую причину подозрѣвать, что всѣ сосѣды, сосѣдки и сродники, которые послѣдую модѣ, цѣлую недѣлю прислуживая послѣ тяжелыхъ родовъ моей матери, и непрестаннымъ желаніемъ ей и мнѣ здравія, усугубляя въ ней жестокую болѣзнь, ревностно его увѣряли, что я такое съ нимъ сходство имѣю, какъ бы нарочно въ него вылить. Мать моя могла бы вскормить меня собственными своими сосцами, но извѣстно, что сіе обыкновеніе, или мода водится только у простолюдиновъ, по чему, какъ скоро я родился, отдала меня на руки кормилицѣ а молоко стала у себя присушивать, прикладывая къ грудямъ своимъ пластыри и пр. и хотя отъ сего смертельную было получила себѣ болѣзнь, однакожь претерпѣла оную какъ Ироиня, дабы приобрѣсть славу, что во всемъ послѣдуетъ модѣ. Въ прочемъ совѣсть ея въ томъ безпокоила, что доставила обществу такого гражданина, который ни мало въ себѣ здравія, крѣпости и силы, какова бываетъ въ дѣтяхъ простаго народа, неимѣетъ; ибо тѣмъ самымъ, думала она, станетъ онъ представлять въ лицѣ своемъ свойство знатнаго состоянія, то есть хилость и немощь.

Къ несчастію моему неимѣла кормилица моя здороваго у себя молока, и для того принужденъ я былъ съ начала претерпѣвать жестокое колотье, которое продолжалось до тѣхъ поръ, пока я къ сей нездоровой пицѣ непривыкъ; наконецъ все бы хорошо было, но я по модѣ заточенъ былъ въ самой малой, темной, отдаленной и нездоровой уголъ, однимъ словомъ, въ дѣтской покой, и какъ никогда почти для содержанія въ ономъ свѣжаго воздуха окошекъ не открывали, то чрезъ таковое небреженіе повреждались чрезвычайно заключенныя въ ономъ пары. Хотя я плачемъ своимъ и царапаніемъ у себя и у кормилицы лица довольно часто давалъ знать непріятныя свои чувствованія, но кормилица ни мало на сіе несмотрѣла, говоря сама въ себѣ: «я вѣдь не мать твоя, а ты мнѣ не сынъ, плачь сколько хочешь».

Сперва будучи убѣждаема моимъ скучнымъ для нее вошлемъ затыкала мой ротъ сосцами, хотя я въ самомъ дѣлѣ и не отъ голода плакалъ, или заглушала свой слабой слухъ скорымъ и сильнымъ качаніемъ колыбели, а наконецъ уши ея къ сему безпокойству приобыкли, и она поѣвши и напившись хорошенъко, почивала весьма спокойно, а особливо по ночамъ, ни мало невзирая на мой крикъ.

Въ мѣсяцъ по однажды приходила ко мнѣ матушка въ дѣтскую; но какъ всегда почти заставляла меня тутъ плачущаго, то призывала ко мнѣ лѣкаря, который велѣлъ иногда ставить мнѣ по два раза въ день промывательное а иногда начиналъ меня такими лѣкарствами, коихъ вся сила состояла въ томъ, что онѣ хранились въ Аптекѣ и продавались недешево; но поелику отъ того причина болѣзни моей неизтреблялась, то я приходилъ часъ отъ часу въ большее токмо изнуреніе. Сверхъ того была въ тогдашнее время такая мода, что бы дѣтей безъ разбору для укрѣпленія ихъ тѣлесныхъ силъ мыть въ холодной водѣ, почему и я принужденъ былъ часто въ оной купаться, и хотя обыкновеніе сіе сопровождалось всегда кашлемъ, насморкомъ, или инымъ припадкомъ, а иногда и весьма опасною болѣзнію но при всемъ томъ долженъ былъ послѣдовать модѣ.

На пятомъ году возраста моего мать моя замучась родами умерла вмѣстѣ съ дитятею, отъ коего немогла разрѣшиться. При такомъ случаѣ, хотябы и надлежало, чтобы отецъ мой, послѣдую модѣ, о ея смерти много печалился, и толико отъ чрезвычайнаго сѣтованія исхудалъ, дабы казалось, что и самъ за своею супругою въ скоромъ времени во гробъ поспѣшить; однакожъ онъ сего неучинилъ частію для того, какъ я выше уже упомянулъ, что она была невесьма хорошая домоводка, отъ чего съ нѣкотораго времени примѣтная щель показалась въ послѣдствѣ, доставшемся ему послѣ брата, частію же ради того, что еще былъ самъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ и могъ надежно приступить ко второму браку. Будучи въ такомъ расположеніи хотя онъ, послѣдую модѣ и жаловался въ печальныхъ своихъ къ пріятелямъ письмахъ такимъ образомъ: «Высочайшему существу благоугодно было разлучить меня съ любезнѣйшею подругою по краткомъ, но весьма удовольственномъ для меня съ нею супружествѣ, и переселить ее отъ сея временныя жизни въ вѣчную и блаженную, но меня чрезъ то оставить въ самомъ печальнѣйшемъ вдовствѣ и проч.» Однакожъ по прошествіи полугодичнаго времени, которое ему по законамъ моды, непремѣнно одному препроводить надлежало, и въ которое онъ сколько возможно, старался исправить нѣкоторыя надобности свои, сталъ искать для себя невѣсты, и вскорѣ избралъ молодую двадцатитрехлѣтнюю дворянку, которая была

красавица, но въ прочемъ никакого другаго приданого за собою неимѣла, какъ только, что много было у нее знатныхъ благодѣтелей и друзей, чрезъ коихъ знакомство надѣялся онъ достигнуть великой чести. Самое первое молодой моей мачехи стараніе было то, чтобъ я, какъ кропивное сѣмя и чуждое отродье имѣвшее горбъ на спинѣ, наростъ на бедрѣ, шишку на рукѣ и кривой носъ, отдаленъ былъ отъ ея очей, дабы она на меня никогда несмотрѣла.

Отецъ мой съ охотою на ея желаніе согласился и безъ всякаго отлагательства отдалъ меня въ домъ нѣкотораго вельможи, который благоволилъ милостиво меня принять на тотъ конецъ, дабы поведеніе мое служило примѣромъ въ благонравіи сыну его, къ коему приставленъ былъ дядька выписанный изъ Парижа по одобренію возвратившагося оттуда знатнаго Господина, котораго годовой доходъ состоявшій въ семидесяти тысячахъ рублѣхъ былъ тамъ столь недостаточенъ для содержанія его, что за неуплату нѣкоторыхъ долговъ по забору алмазныхъ вещей для украшенія преданныхъ и искреннихъ ему особъ изъ прекраснаго женскаго пола, принужденъ претерпѣть такія грубости, коимъ онъ довольно надивиться немогъ въ разсужденіи той вѣжливости, которою французской народъ отличается отъ всѣхъ прочихъ. Сей наставникъ, пользуясь отѣнною благосклонностію родителей воспитанника своего, весьма рачиль о образованіи его вкуса и наставленіи во всемъ томъ, что только могло приличествовать знаменитости его рода и состоянія, какъ то: пренебреженіе отечественнаго языка, искусное шарканье, шитье по дюжинѣ паръ платья въ мѣсяцъ чрезъ портныхъ выписывающихъ прямо изъ Парижа и Лондона товары и продающихъ оныя вдвое дороже нежели купцы въ гостиныхъ дворахъ, неуваженіе гражданскихъ и священныхъ законовъ, обращеніе въ смѣхъ всего, что почитается народомъ, приноровленіе ласкательства къ мѣсту, лицамъ и обстоятельствамъ, свѣденіе игръ служащихъ провозженіемъ времени благородныхъ особъ, забвеніе и имени хозяйства и домоводства, замѣчаніе всѣхъ произшествій въ тѣхъ домахъ, гдѣ водятся красноперыя птички, и страсть къ путешествію во Францію для наслажденія пріятною жизнію и истощенія тѣлесныхъ силъ уважаемыхъ только простолюдинами и т. подобн. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ отпустили нѣжнаго сего воспитанника въ чужіе края и пребываніе мое при немъ почли за излишнее; по чему и былъ я возвращенъ домой на четырнадцатомъ году возраста своего, но скоро по томъ отецъ той призналъ за полезное отправить меня въ столицу, гдѣ надлежало мнѣ продолжать ученіе свое въ главномъ народномъ училищѣ. Къ поспѣшному же туда меня отправленію было единственно

причиною то, что батюшка мой со второю своею супругою не столь удовольственное имѣлъ сожитіе, какъ прежде думалъ, и что сія мачиха моя приживъ, незнаю подлинно, съ моимъ ли отцомъ или съ инымъ кѣмъ, собственныхъ дѣтей, между которыми были сыновья и дочери, обращала непрестанно на меня суровые взоры, что примѣтя отецъ мой и избѣгая худшихъ слѣдствій, рѣшился недержатъ меня при себѣ и отправилъ въ вышесказанное училище, гдѣ снабдѣвалъ меня нужнымъ, безъ вѣдома жесткія моя мачехи. Я обучался тамъ разнымъ наукамъ со всевозможнымъ прилѣжаніемъ, несмотря на то, что соученики мои дѣлали мнѣ въ томъ непрестанно препятствія шалостями своими, кои тогда у нихъ были въ модѣ и которымъ надлежало мнѣ послѣдовать для избѣжанія ссоры и проч. Но какъ я нехотѣлъ подражать дурнымъ ихъ поступкамъ, то они почли меня за спѣсивца, прозвали домосѣдомъ, и всячески надо мною ругались. Нѣкоторые насильно было покушались побудить меня къ сопротивленію наглостямъ своимъ, но я за лучшее призналъ терпѣливо сносить ихъ обиды, нежели противу оныхъ вооружаться. На четвертомъ году моего здѣсь пребыванія получилъ я нечаянное извѣстіе о смерти добродушнаго хотя и неродного своего отца, и поелику въ то же время мачиха моя весьма ясно дала мнѣ знать, чтобы я при прохожденіи дальнѣйшихъ наукъ на ея вспомоществованіе ненадѣялся, то долженъ былъ немедленно возвратиться домой въ надеждѣ, получить принадлежавшую мнѣ часть отцовскаго имѣнія; но она помощію какого то безсовѣстнаго стряпчаго прибрала нѣкоторые законы, въ силу которыхъ все ей и дѣтямъ ея должно было достаться, а мнѣ ничего. Сія несправедливость была столь велика, что я немогши оной снести, принужденъ былъ о томъ вступить съ нею въ тяжбу, и надѣясь крѣпко на свое право и свою невинность, забылъ по нещастію ту моду, которая въ семъ случаѣ между истцами и судіями наблюдается и непредставилъ себѣ также и того, что мачеха моя была молода и пригожа, и потому довольную имѣла силу уговорить и преклонить на свою сторону всякого судію, по чему сверхъ своего чаянія тяжбу свою потерялъ, и будучи въ крайней нуждѣ, жилъ нѣсколько лѣтъ въ великой бѣдности, утѣшаяся тѣми только мыслями, что рано или поздно заступлю какую нибудь выгодную должность. Мнѣ сказали, что для удобнѣйшаго обрѣтенія оныя надобно имѣть непремѣнно при дворѣ благодѣтелей, ибо требуетъ того мода, и что безъ сего средства и самые разумнѣйшіе люди много лѣтъ пребываютъ безъ всякаго призрѣнія. И такъ, всячески старался я оказывать услуги свои нѣкоторымъ знатымъ особамъ; но незнаю, какая тому была причина, что несмотря на все мое стараніе

принужденъ былъ долго ожидать благопріятнаго къ тому случая, хотя въ прочемъ ежедневно многіе меня, какъ обыкновенно у большихъ господъ въ модѣ, своими обѣщаніями и утѣшеніями обнадеживали хорошимъ мѣстомъ. Не рѣдко принужденъ я бывалъ цѣлой день въ прихожей того, отъ котораго наипаче ожидалъ себѣ щастія, простаивать, не бывъ къ нему допущенъ, но сіе меня немного оскорбляло; ибо я зналъ, что давно уже принята мода, которою знатнѣйшія особы въ разсужденіи низшихъ себя, а наипаче, когда сіи о чемъ либо ихъ просятъ, весьма строго наблюдаютъ. Можетъ статься и отлагательство въ доставленію мнѣ щастія происходило отъ того, что я неточно въ раболѣпномъ ласкательствѣ наблюдалъ моду и кланялся болѣе головѣ нежели хвосту. На конецъ открылось, будто бы щастіе восхотѣло мнѣ благопріятствовать; ибо позвали меня однажды по утру къ одному вельможѣ, къ которому я и предсталъ немедленно; онъ же при моемъ къ нему прибытіи принялъ меня слѣдующими словами: «ну! другъ мой; я о тебѣ старался, есть должность никѣмъ незанятая, и мнѣ отдано на волю опредѣлить къ ней, кого я хочу; я намѣренъ опредѣлить къ оной тебя; она приноситъ жалованья въ годъ по семи сотъ пятидесяти рублей кромѣ постороннихъ доходовъ, кои такъ же немалы, если будешь умѣть съ людьми обходиться. Я благодарилъ чувствительно за милостивое его обо мнѣ попеченіе и хотя требовала мода, чтобы низжайшій съ вышнимъ, который часто утруждается менѣе онаго, никогда иначе неговоришь, какъ только стоя, но я принужденъ былъ повиноваться волѣ сего вельможи и говорить съ нимъ сидя. Въ то время началъ онъ меня съ великою ласковостію спрашивать о моихъ обстоятельствахъ и неупотреблялъ въ разговорѣ грубыхъ по нынѣшней модѣ словъ, ты или тебя, что весьма строго наблюдаютъ знатные господа, когда съ низшими ведутъ какую рѣчь, но употреблялъ число множественное. «Вы еще не женаты, спросилъ онъ меня? нѣтъ, отвѣтствовалъ я.—Пора, продолжалъ онъ, пора вамъ жениться: женатые люди бываютъ, по большей части постоянны въ своихъ дѣлахъ, да и къ хозяйству рачительны». Въ скоромъ времени дошло до того, что онъ началъ меня убѣждать жениться на нѣкоторой особѣ, жившей у него въ домѣ подъ особеннымъ покровительствомъ, для которой онъ хотѣлъ еще болѣе обо мнѣ стараться, и обнадеживалъ, что я вскорѣ по совершеніи брака, который онъ своимъ присутствіемъ почтитъ обѣщанъ, весьма хорошую должность заступить могу. При семъ странномъ для меня предложеніи, сколь оно хорошо учинено ни было, пораженъ я какъ бы громовымъ ударомъ, однакожь довольно еще имѣлъ присутствія духа сказать, что больное и слабое мое тѣло совсѣмъ не для

распространенія рода человѣческаго устроено. Послѣ сего началъ вельможа опять со мною говорить въ единственномъ числѣ, по чему немедленно долженъ былъ я встать. «Ступай теперь домой, сказалъ онъ, когда понадобишься, я прикажу тебя позвать». Я съ нимъ разстался и разсуждалъ о модныхъ обстоятельствахъ, соединенныхъ съ выгодными по службѣ мѣстами. По прошествіи нѣсколькихъ дней увѣдомился я, что предложенную мнѣ прежде отъ вельможи должность вмѣстѣ съ невѣстою получилъ другой, знавшій лучше моего поступать по модѣ. Хозяинъ же мой, у котораго я жилъ, утѣпалъ меня изъ состраданія къ бѣдному состоянію моему слѣдующимъ образомъ: кажется, говорилъ онъ, что вы неимѣли случая еще испытать надлежащимъ образомъ сердце человѣка. Вы много полагаетесь на совѣсть и честность и поступаете вопреки правилъ нашего вѣка и моды, преобразившей умы людскіе такъ, что оныя нынѣ совсѣмъ не тѣ уже, каковы были въ прошедшемъ столѣтіи. Тогда была во уваженіи сила а теперь хитрость, тогда приносили славѣ въ жертву самихъ себя, а нынѣ другихъ, тогда любили личныя дарованія, а нынѣ пользуются заемными; тогда никто небылъ отъ труда изъять а нынѣ всякой любить чуждаться онаго, словомъ, любезный другъ! теперь вѣкъ веселія и утѣхъ а не подвиговъ ироническихъ, и я совѣтую вамъ примѣняться хотя нѣсколько къ настоящимъ обычаямъ, дабы вовсе не удалиться отъ средствъ посѣдствующихъ безмятежной и удовольственной жизни. Я одобрилъ сей искренній совѣтъ; но немогши никакъ преодолѣть себя въ предпочтеніи счастія своего истиннѣ и честности впалъ въ задумчивость, которая столько разстроила слабое мое здоровье, что я за нужное почелъ прибѣгнуть къ помощи врачебнаго искусства и препоручить себя врачу выѣхавшему недавно изъ чужихъ краевъ со многими одобреніями о своемъ искусствѣ и подружившиися нарочито съ моимъ хозяиномъ а болѣе съ его супругою, которая была весьма здорова но любила знаться съ иностранными ремесла сего людьми, по тому, что они лучше знали людство нежели земляки ея, и были по большой части забавны и скромны. Онъ сказалъ мнѣ, что при такой воздержанности, какую я наблюдаю, могу еще удобно прожить лѣтъ съ двенадцать; но при томъ доказывалъ, что жизнь моя сопровождаться будетъ часъ отъ часу худшими и несноснѣйшими припадками, если не стану употреблять благовременно лѣкарства, которое нынѣ въ великой модѣ. Симъ приведенъ былъ я въ такое смущеніе, что немедленно на его предложеніе склонился и сталъ принимать по предписанію модное его лѣкарство, въ несумнѣнной надеждѣ, что оно если небудетъ для меня полезно, по крайній мѣрѣ непринесетъ никакого вреда; однако

же время совсѣмъ противное показало; ибо состояніе моего здоровья становилось часъ отъ часу хуже, и я получилъ на конецъ неизлѣлимую почти болѣзнь какъ отъ славнаго его лѣкарства, такъ и отъ той моды, что онъ позволялъ мнѣ употреблять такую токмо пищу, какую самъ любилъ, а ту, къ которой я съ дѣтства еще привыкъ, вовсе запретилъ. Я жаловался ему на сіе, но онъ во утѣшеніе мнѣ сказалъ: вить врачи не Боги и внутренность отъ нихъ закрыта; лѣкарство же говорилъ онъ, которое вы употребляли, нынѣ въ такой модѣ, что Голландія получаетъ за оное каждой годъ чистой прибыли до милліона червонцовъ, словомъ, такъ, какъ Пирмонтская или Зельцерская вода; хотя же оное приводитъ васъ не въ лучшее состояніе, но я немогу онаго оставить, пока знаменитые врачи незамѣнятъ его другимъ. Легко представить себѣ можно, что я съ вышеупомянутымъ докторомъ немедленно разстался, и препоручилъ себя другому, который при первомъ своемъ посѣщеніи, разсмотрѣвъ подробно всѣ обстоятельства моего болѣзни, объявилъ слѣдующее; хотя собственно и не въ модѣ, чтобы сказывать больнымъ о опасности, въ которой они находятся, но онъ почитаетъ за нужное съ полною откровенностью сказать, что во всей врачебной наукѣ нѣтъ для излѣченія моего надежнѣйшаго средства какъ перемена воздуха и занятіе мыслей своихъ веселыми и разнообразными предметами, для поспѣшествованія чему преселилъ онъ меня въ прекрасной своей загородной домъ и снабдилъ нѣкоторыми книжками забавнаго содержанія, изъ коихъ показалась мнѣ одна столько, что я обязанъ ей частию своего выздоровленія по причинѣ живости находящихся въ оной изображеній глупости человѣческой.

Кривоносъ Домосѣдъ Страдалецъ Модной, 1789, 3—32.

№ 29.

Дѣвица, знающая танцовать, говорить по Французски и нѣсколько намекать по Италіански, которая притомъ записана во всѣ общества, изъ гостей пріѣзжаетъ въ 3 за полночь, просыпается въ 2 по полудни, а встаетъ съ постели въ 4 часа; которая ничего не знаетъ, кромѣ своихъ нарядовъ, зеркала и туалета, стыдится хотя нѣкоторое имѣть понятіе о домоводствѣ, надъ всѣми смѣется, за порокъ почитаетъ, что она рождена Россіянкою, по начитанности и одной наслышкѣ вздыхаетъ о Парижѣ, никуда не выѣзжаетъ, кромѣ *dans le grand monde*, и въ головѣ и вокругъ головы ничего и никогда не имѣетъ, кромѣ шляпокъ и чепчиковъ, выходитъ за жениха, имѣющаго за собою 2000 душъ.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, IV, 100—101.

№ 30.

Дѣвица, которая въ снуровкѣ подобно какъ въ нѣкоторой формѣ содержитъ всегда свое тѣло, а отъ сего самаго заживо представляетъ нѣкоторой родъ нарумяненного бюста, съ трудомъ дышущая, съ пріятностію умѣющая махаться вѣеромъ и помощію опаго знающая искусно развѣвать и разбрасывать волосы, по модѣ нѣсколько картавящая и пришепетывающая язычкомъ, прищуривающая томные свои глазки и имѣющая привлекательную улыбку, при таковыхъ великихъ достоинствахъ своихъ, не долженствуя впрочемъ опасаться осведомленій о состояніи модной и кудрями украшенной головы ея, выходитъ за жениха, имѣющаго 1500 душъ.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, IV, 101—102.

№ 31.

Дѣвица, имѣющая за собою приданаго ползолотника разсудка, унцію стыда, грану совѣсти, сто пудъ вѣтрености и легкомыслія, большую часть время провождающая въ дѣйствіи ногами и никогда головою, и которой вообще всѣ достоинства и умъ помощію танцмейстера переселены въ однѣ ноги, выходитъ за жениха, имѣющаго 1500 душъ.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, VI, 83.

№ 32.

Женщина хорошаго обхожденія не иное что есть, какъ щеголиха, которой слова составляютъ одинъ звукъ; дѣла, праздность; дни, непостоянство; а ночи, невѣрности и измѣны: сіи—то женщины говорятъ не разсуждая, дѣйствуютъ не сообразуясь добродѣтели. Онѣ-то увидя такъ называемыхъ ими пріятныхъ мущинъ, не зная ихъ, поручаютъ имъ сердце; не чувствуя къ нимъ любви, ихъ любятъ. Обезображивать природу, чинить себя худшими помощію искусственной приправы прелестей, наполнять записную книжку любовными письмами и щетами портныхъ, выдумывать моды, послѣдовать онымъ и чрезъ три дни ихъ бросать, притворно сердиться и сѣтовать, говорить двоемысленно, производить все по внушенію непостоянства, имѣть большой къ себѣ пріѣздъ, пышной экипажъ, богатую ливрею, много долгу, много любовниковъ; разсуждать о піесѣ, не выдавши оной, судить о актерахъ по слуху, а о писателяхъ по молвѣ, между завтракомъ и обѣдомъ успѣть обругать весь городъ, обѣгать въ часъ всѣ Фран-

цузскія лавки, въ два часа объѣздить всѣ дома большаго свѣта, успѣть въ одинъ вечеръ перемѣнить трехъ обожателей, вертѣться всю ночь при играни музыки, засыпать при восхожденіи, а просыпаться при закатѣ солнца, обращать вечеръ въ утро, а ночь въ день, и спать тогда, когда всѣ живутъ, и жить тогда, какъ всѣ спятъ:—вотъ все, что нынѣ составляетъ удивительную и любви достойную женщину.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, VI, 34—37.

№ 33.

Вѣтра усыпляетъ съ горячностію мужа въ своихъ объятіяхъ, выпускаетъ полегоньку любовника, провождаютъ съ нимъ нѣсколько часовъ, и представляетъ супругу своему картину чужой работы за его оригинальную.

Зритель, 1792, 1, 55.

№ 34.

Старовѣка вымышляетъ новый составъ загладить морщины и пятна, насажденные на лицѣ ея временемъ; я докажу, говорить она, врагамъ своимъ, что мнѣ не болѣе 18-ти.

Зритель, 1792, 1, 57—58.

№ 35.

Непостояна съ неограниченною нѣжностію ласкаетъ стараго своего Аргуса, дабы высосать послѣднее изъ кармановъ его, и послѣ прожить ихъ съ молодымъ офицеромъ, который далъ ей честное слово быть вѣрнымъ до толѣ, пока у нея будутъ деньги.

Зритель, 1792, 1, 58.

№ 36.

Притвора смотреть на мужа со вниманіемъ, взираетъ на черты своего сына, и удивляется грубому несходству, относя сіе на счетъ незнанія въ рисовкѣ одного кавалериста.

Зритель, 1892, 1, 58.

№ 37.

Съ благоговѣніемъ осмѣливаюсь я выговорить слово *кокетка*; тѣмъ болѣе что оно относится только къ благородной дамѣ. Ежели бы я опи-

сывалъ женщину простую, обыкновенную, которыхъ благородство удостоивается имени подлой черни, я бы назвалъ ее иначе, а благородная... А! мы и самымъ порокамъ ихъ должны поклоняться и съ отмѣннымъ почтеніемъ говорить: она *изволитъ* мужу своему измѣнять; изволить его ненавидѣть; и *изволитъ* выбирать всякій день любовниковъ, побрасывать ими какъ цвѣтами потерявшими свою свѣжесть. Сія почтенная дама сидѣла противъ меня, и съ отмѣнною скоростію говорила подругѣ своей:

Божусь тебѣ, *ma chere*, что прежде нежели я вышла за мужъ, я знала должность жены очень основательно; я знала, что такое *mon mari*, и для того не думая ни мало согласилась быть его женою... *Je suis belle femme il est riche...* вотъ все, что вертитъ у всѣхъ головы и дѣлаетъ нынѣшнѣе супружество. Онъ думалъ, обвинчаясь со мною быть щастливѣе *le tout de monde*; но *prince* всемогъ прежде свадьбы нашей доказалъ ему, какъ легко можно во многомъ ошибиться. *Après deux mois* нашего супружества *mon mari* отправился въ походъ: и я тѣмъ охотнѣе съ нимъ поѣхала, что надѣялась быть богатою наслѣдницею; но *ciel* всегда нами играетъ, и ожиданіе мое, была пустая надѣжда. Семь лѣтъ какъ я называюсь его женою, и онъ удостоился шесть разъ быть въ моихъ объятіяхъ... двое дѣтей моихъ называются его фамиліей, и онъ за честь почитаетъ умножить ее посредствомъ усердія къ нему моихъ друзей... О! *mon mari est un bon homme!*... засмѣялась и *пошла* прогуливаться.

Предлежитъ вопросъ: что такое кокетка? Женщина безъ правилъ, безъ души, безъ сердца; румяна, бѣлила, притиранья, моды, роскошь и богатое платьѣ, вотъ ея идолъ. Всѣ намѣренія ея: прельщеніе; нѣтъ женщины, которая бы была ближе къ пороку. Чѣмъ болѣе думаетъ она о своей красотѣ, тѣмъ менѣе благоправіе ей извѣстно... все забвѣнно ею! должность жены, матери, хозяйки дому. Дѣти ея почерпаютъ изъ обильнаго пороками источника, развратъ, безчестіе и преступленія; и современемъ становятся совершенно безполезными для отечества, которое ихъ воспитало, научило; для согражданъ, которымъ обязаны они по праву человѣчества познаніемъ ихъ законовъ, священной жертвою во время войны яко войны; и во время мира яко судіи. Словомъ: они выходятъ ни что иное, какъ низкія сколки матерей, достойныхъ строгаго наказанія законовъ.

Зритель, 1792, 1, 128—130.

№ 38.

Ваятель славный Пракситель,
Пріявъ природу за модель,
Содѣлалъ чудо безприкладно
Любови мать изобразивъ;
Огонь вложилъ онъ въ мраморъ хладной.
Пріятства всѣ въ него вселивъ,
Красамъ тогдашнимъ для примѣру,
Въ черты влилъ живость, въ очи страсть,
Въ станъ стройность, а въ осанку власть;
Но чтобъ на вкусъ тогда попасть,
Безъ платья сдѣлалъ онъ Венеру.

Когда бы нынѣ былъ такой
Художникъ смѣлый, чудный, славный,
Фидію, Праксителю равный
Чтобъ могъ отважною рукой
Давъ свой трудъ вѣкамъ оставить,
Венеру нову намъ представить,
И тронуть сгибы чтобъ сердецъ,
И больше чувствовать заставить;
Ее чтобъ сдѣлать наконецъ
На новой вкусъ и образецъ;
Конечнобъ онъ имѣлъ уловку
Со всѣхъ черты собрать госпожъ.
Чтобъ станъ былъ ловокъ и хорошъ,
Стянулъ бы онъ его въ шнуровку,
Обуль бы ножки въ башмачки,
И ростъ чтобъ сдѣлать не безъ правилъ,
На вѣрноебъ подъ нихъ подставилъ
Высоконькіе каблучки.
Лице бы сдѣлалъ онъ открыто,
Изъ самыхъ тонкихъ красокъ слито,
Румяныбъ въ розы превратилъ,
Натеръ лилей бы изъ бѣлилъ.
Провелъ бы круглая онъ брови
Искусно жженомъ миндалемъ:
А толкователей любви,
Глаза бы вставилъ онъ съ огніомъ;
Чтобы остра была ихъ сила

И въ нихъ вертѣлася душа
Красотка взоромъ говорила:
Я знаю что я, хороша;
Чтобъ на того она взглянула,
Тайкомъ другому бы мигнула,
И оглядѣвъ пріятно всѣхъ,
Не давъ и не лиша утѣхъ,
Всѣхъ равно вдругъ бы обманула;
Въ уста бы влилъ онъ ароматъ,
И улыбаться ихъ заставилъ,
А цвѣтъ и свѣжесть бы составилъ
Изъ нѣжныхъ розовыхъ помадъ.
Власыбъ волнисты въ пукли завилъ.
Шиньонъ бы пышно разчесалъ;
О цвѣтѣбъ ихъ не помышлялъ
Засыпавъ пудрою съ духами:
Но болѣ то плѣнить моглобъ,
Чтобъ не вѣнокъ надѣлъ съ цвѣтами,
Надѣлъ бы модный *анвелоиъ*
Грудь милу, сладостей начало,
Онъ не старался бы ни мало
Возвысить, нѣжить, округлить;
Но изъ косынокъ въ покрывало
Ее потщился бы увить:
А чтобъ угадывать лилеи
Тамъ гдѣ они и не цвѣли,
По гордымъ плечикамъ вокругъ шеи
Расположилъ бы онъ *шамы*.
Сію бы красоту счастливу
Въ лоно онъ тонкое одѣлъ,
По платьюбъ, легкостью красиву
Въ шитьѣ яминъ съ тюльпаномъ цвѣлъ,
Онъ скрылъ бы ручки суховаты
Въ перчатки мягки, полосаты;
И чтобъ придать къ побѣдамъ силъ,
Ихъ вееромъ бы вооружилъ.
О! еслибъ сдѣлалъ все такъ точно
Въ одну бы всѣхъ красавицъ слилъ,
Тогда, хотя и ненарочно,
Онъ Праксителя бы затмилъ.

Венера Медицисъ имѣла
 Конечно вѣкъ для славы свой
 Не все судьба перевертѣла:
 Другіе люди—правъ другой.
 У насъ краса поддѣльна въ модѣ;
 Уступить и Венера ей,
 Вкусъ древній—ближе быть въ природѣ;
 Вкусъ новый—дальше быть отъ ней.

С.-Петербургскій Меркурій, 1793, IV, 42—45

№ 39.

Умиращая кокетка.

Чудесницы природы
 Нельзя изчестъ проказъ:
 Мужской и женской роды
 Сбрили съ ума всѣ наказъ.
 Потухлая краса и пепломъ ужъ покрыта
 И только съ горяча лишъ въ землю не зарыта.
 Собравшись нѣкогда взаправду умирать,
 Увидѣла кусокъ надгробнаго фланеля,
 Который быть готовъ, тому уже недѣля,
 Покойницу чтобъ въ гробъ чинненько въ немъ прибрать.
 «Я не хочу, (она сказала)
 Чтобъ черная меня одежда покрывала;
 Она мнѣ не къ лицу!
 Хочу я какъ къ вѣнцу
 Въ перловой чтобъ атласъ меня вы нарядили,
 И блѣдное лицо чтобъ чепчикомъ прикрыли.
 Да кстатѣ и румянъ велите мнѣ подать,
 На что и мертвой мнѣ хотѣтъ мушинъ пужать?»
 Когда ужъ мертвая понравится желала,
 Такъ какова въ живыхъ покойница бывала?
 Однакожъ намъ нельзя никакъ безъ женщинъ жить,
 Мы видимъ слабость ихъ: но должно то сносить.
 Безъ женщинъ весь нашъ вѣкъ хотъ безъ порока—слезень;
 А съ ними и порокъ намъ кажется любезень.
 Блаженство нашихъ душъ лишъ только въ нихъ однихъ!

Онѣ для насъ, а мы сотворены для нихъ;
 Онѣ въ природѣ зло; но зло необходимо;
 И зло сіе для насъ, красой небесной зримо.

С.-Петербургскій Меркурій, 1793, IV, 34—36.

№ 40.

Умильные взгляды, мины, усмѣшку, улыбку и тому подобное чѣмъ Модница до сего времени плѣняла Модника, предоставь (Мода) за неюжъ. Взглядъ и милая улыбка суть ея стрѣлы, коими она имѣетъ искусство разить своего противника. Онѣ суть ея собственныя принадлежности и первыя совершенства, безъ коихъ самая пріятная модная красавица была бы ничто. Будь она румяна какъ роза, бѣла какъ лилея, нѣжна какъ всякой вѣтхій цвѣточикъ; словомъ, будь она равна въ красотѣ своей древней Богинѣ Венерѣ: но если не будетъ дѣлать хорошихъ миновъ и усмѣшекъ, то никогда не пріобрѣтетъ себѣ титула красавицы, и не будетъ имѣть дара плѣнять Модника.

Доброй Совѣтъ Модъ, 1793, 45—47.

№ 41.

Прелеста красится чужими волосами,
 Чужою красотой, чужими вѣсть зубами:
 Скажи жъ, Прелеста! намъ, почто не купишь глазъ?
 Продажныхъ нѣтъ у насъ.

*Муза или собраніе разныхъ забавныхъ сочиненій въ стихахъ.
 Кунсткамеры Надзирателя Осипа Бѣляева, 1794, 47.*

№ 42.

Резстръ о дамахъ и прекрасныхъ девицахъ.

«Постояная дама варвара: споволокою глаза василиса: кислой квасъ марья: веселой разговоръ аграена. великое ябедство елена: наглая спесь маремьяна, средняя управа устинья: толста да проста аерасинья. песни спеть дарья: хорошей голосъ домна. худое соврать агаеья: впроломъ сходить улита. умильной взглядъ еекла: ни туды ни суды оитинья. бѣлая белилы авдотья: скорая похотка акулина. взглянуть утешить арина: промолвить накормить марина. смиренная беседа пелагея: всегдашняя суета крестина. вправде устоять зиноца: обещать несолгать соеья. черные глаза улиана: воровской взглядъ ховроня: по-

скакать да поплесать аюмья: красныя румяны маланья: хорошая походка настасья; приятна влюбви наталя. пирожная мастерица еедора: горшечная пагубница минодора. кринашная блудница нимоодора: лукавой разговоръ татияна. веселая беседа еедосия: влюбви пожить надежда. хороша маргариды. вкрасне походить прасковья: чемы и ломы макриды. ниския поклонны вера: проста безлукавсва мавра. наварныя щи анистья. ленивая похотка ненила. насмехъ поднять каптелины: вхо-рошей юпке антонида. хвостъ подынять мареа. винца испить, аксинья смоло(д)цами погулять матрена. дом содержать лукерья. бз... уть п. р. уть старая дама соломонида».

Ровинскій, 1, № 141,

№ 45.

Одинъ Французъ изволилъ писать, что въ женщинахъ нѣтъ ни малой искренности, всѣ ихъ обѣщанія весьма лживы, и онѣ столь много любятъ притворство, что единственно для того румянятся, дабы ихъ лице имъ не измѣнилось; ибо подъ румянами не видно, когда станешь краснѣть, а сія краска оказываетъ любовь, тайныя желанія и стыдливость.

Возможно ли не писать противъ такой несправедливости? Я имѣю весьма чувствительное сердце, и съ лишкомъ почитаю прекрасной полъ, которой сотворенъ единственно для нашего блаженства и для облегченія бремени нашей тягостной жизни. Почто красавицамъ скрывать то, что ихъ ни мало не безславить! Скрывать любовь, когда мы ищемъ ихъ любви, которая намъ необходимо потребна, и безъ коей не можемъ жить на свѣтѣ? Скрывать желанія, кои мы всегда стараемся предупреждать? И наконецъ скрывать стыдливость, которую ни что иное не производитъ, какъ наша дерзость? Что же нѣтъ въ нихъ большей искренности, и ихъ обѣщанія нѣсколько лживы, то виновны мы сами, почто ихъ часто обманываемъ. Вѣрно, прелестной полъ о томъ только печется, чтобъ быть для насъ пріятнымъ; и для того вымышляетъ моды, разные уборы, бѣлится, румянится и употребляетъ многія дозволенные хитрости.

На сіе справедливое мнѣніе, и одинъ Французской Сочинитель согласенъ. Онъ написалъ, что женщины румянятся для превлеченія мужчинъ, и для того, чтобъ были видны изъ далека; ибо гуляя по садамъ, лишь только покажутъ румяненное лицо, то тотчасъ сбѣгутся всѣ воздыхатели, обожатели и волокиты. Румяны ихъ къ себѣ привлекаютъ такъ, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо.

Смѣсь, 1769, 28 — 29.

№ 44.

Сѣла около меня въ ложѣ нѣкоторая дама; за нею тѣма пришла знатныхъ молодчиковъ. Они кругомъ ее обступили: сія госпожа была великолѣпно одѣта и наругана весьма красно. Чепчикъ былъ на ней новѣйшій моды, и она имѣла отъ роду добрыхъ лѣтъ пятьдесятъ. Она увѣряла многихъ, что ей двадцать пятой годъ лишь только начался, и что нѣсколько лѣтъ повдовѣвъ хочетъ выйти за мужъ. Здѣсь старыя барыни могутъ думать, что имъ лѣзя плѣнять любовію прекраснѣйшаго юношу. Она всегда сѣдые свои волосы черною помадою отъ знаковъ старости избавляетъ, перевязка, которую они волосы крѣпко натягиваютъ сглаживаетъ борозды съ чела, а бѣлила съ румянами на старомъ лицѣ дѣлаютъ изрядную молодую маску.

Адская почта, 1769, 51—52.

№ 45.

О ты! которая будучи пятидесяти лѣтъ стараешься казаться осмнатцати лѣтнею: ты которая всякой день пять часовъ просиживаешь передъ зеркаломъ, въ которомъ учишься косить разнообразно глаза свои, дѣлать ужимки, бросать взоры нѣжныя, страстныя, застенчивыя, гордѣливыя, печальныя и отчаянныя. Ты которая чрезъ смѣшеніе разныхъ красокъ, порошковъ и умываньевъ представляешь глазамъ нашимъ не естественное лицо свое, но маску разпещренную. Не пора ли тебѣ, сударыня, образумиться, и не дѣлать изъ себя, съ позволеніемъ сказать, смѣшной дуры. Лѣты прелестей твоихъ протекли, и оставили въ доказательство того на лицѣ твоёмъ морщины, въ кои никто уже больше не влюбится, не изволишь ли полѣчиться и принять слѣдующее лѣкарство: оставь не приличное тебѣ жеманство; брось, румяны, бѣлилы, порошки, умыванья, и сурмилы, которыя смѣяться надъ тобой заставляютъ. Храни по крайней мѣрѣ хотя въ старости твоей благопристойность, которой ты въ молодости хранить не умѣла, и утѣшай себя напоминаніемъ прешедшихъ своихъ приключеній. Поступя такимъ образомъ, не будешь ты ни смѣшна, ни презрительна.

Трутенъ 1769, 3, 149—150.

№ 46.

Не одиножды я уже объявилъ войну бѣлиламъ; но вижу, что я еще не съ довольною силою дѣйствовалъ. И для того нынѣ раздѣляю женскій полъ на двѣ части. Тѣ, кои бѣлятся, объявляю я, суть всѣ Та-

тарки: кои же остаются во природномъ своемъ состояніи, тѣхъ однихъ я принимаю за Рускихъ. У Рускихъ видъ живой и свѣжій: они подъ старость менѣе морщинъ получаютъ; зубы ихъ не обведены черною фи-нифтью. Татарки же не жалѣе ни глазъ, ни зубовъ, кои отъ того неми-нуемо портятся, немилосердно кладутъ на свое лице другое, чрезъ которое они получаютъ лице безчувственное: ибо природныхъ движеній души на такой намазкѣ не видать, хотя бы они въ прочемъ какъ ни красны были. Всѣ со мною, я чаю, согласятся, что весьма приятно видѣти нѣжную страсть въ чертахъ лица прекраснаго, или перемѣны, кото-рыхъ дѣлаются въ слѣдствіе воображеній, кои мимо глазъ и ума прой-дутъ. Но у Татарки сихъ преремѣнъ ожидать суетно; ихъ лица всегда одинакія и безчувственные. Хотя все сіе дѣлается для приманки почита-телей, но они принуждены отъ сихъ послѣднихъ всегда держаться въ нѣкоторомъ разстояніи, дабы вздохи оныхъ не растопили которыя ни наестъ черты лица. Опаснѣе же всего Татарскимъ лицамъ поцѣлуи; они сказываютъ, стараются оныя вывести изъ обыкновенія при по-здоровленіи; ибо часто на губахъ однихъ остается цвѣтъ лица дру-гихъ. Плясать же ни одна не смѣетъ, дабы вспотѣвъ не сдѣлаться полосатою. Нигдѣ такъ много ихъ не бываетъ, какъ въ свѣтлый празд-никъ на разсвѣтѣ. Трудно о Татаркахъ говорить, и ненарушить учти-вости. Но я прошу ихъ быть увѣренными, что если они не любятъ духу новорасписанной горницы, то не менѣе отвратительно бѣлилами покрытое лице.

Барышекъ. 1770, 454 - 455.

№ 47.

Торговка и продавица разныхъ духовъ и эссенцій получила на сихъ дняхъ новѣйшіе выписные духи, спирты и эссенціи, коимъ цѣна состоитъ слѣдующая: 1) эссенція поспѣшествующая выростать зубамъ у старухъ въ 80 и 100 лѣтъ, бутылочка 25 р.—2) Румянный спиртъ, удобно производящій румянецъ на ланитахъ девяностолѣтнихъ краса-вицъ, скляночка 30 р.—3) Молодильная мазь, которою для заглажива-нія морщинъ должно намазываться на палецъ толщины, банка 40 р.—

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, I, 122—123.

№ 48.

Подъ начальствомъ кокетства учредить фабрику поддѣланія кра-соты искусствомъ, на коей работать бѣлилы, румяны, фальшивые зубы,

перуки, порошки, притиранія, лаки, намазки и прочія вещи, принадлежащія до лѣпной и штукатурной работы.—Фабрику сію завести изъ тѣхъ денегъ, которыя собираются съ безобразныхъ и нелѣпыхъ лицъ.

Переписка моды, 1791, 228.

№ 49.

Они (женщины) на Ангеловъ похожи, и краше солнца были бы, если бы на лицѣ не имѣли маленькихъ черныхъ пятенъ, кои иногда странной величины и формы. Я примѣтилъ, что сіи маленькія пятнышка скоро пропадаютъ; но часто и то бываетъ, что оныя переходятъ съ мѣста на другое такъ, что я видѣлъ послѣ обѣда на лбу тоже черное пятнышко, которое по утру я примѣтилъ на бородкѣ.

Всякая Всячина, 1762, 285.

№ 50.

Послѣ покойной устарѣлой жеманки Г-жи Лицеукрасовой отысканы въ туалетѣ ея весьма драгоцѣнныя двѣ записочки. Дабы высокія науки, которыя всѣ заключаются только въ сихъ двухъ записочкахъ, къ ущербу щегольского свѣта ни преданы были забвенію, мы оныя при семъ сообщаемъ, желая при томъ, дабы сія не древняя, но новая наука сообразно Эстетикѣ и Аллегоріи лѣпить по лицу и по рукамъ мушки и Англинской пластырь дошла и до матушекъ тѣхъ дочекъ, которыя можетъ быть давно искусны въ сей любовной азбукѣ:

Наука о употребленіи мушекъ.

- 1) Мушка на лбу между бровей.—Значить: будь откровененъ.
- 2) Мушка надъ лѣвою бровью.—Непреклонность.
- 3) Надъ правою бровью.—Насмѣшка.
- 4) На лбу къ самому виску.—Безпристрастіе или холодность.
- 5) На концѣ брови.—Вѣрность.
- 6) Надъ серединою брови.—Значить: переговоры съ моею дѣвушкою.
- 7) Надъ правымъ глазомъ.—Радость о свиданіи.
- 8) Надъ лѣвымъ.—Печаль о разлукѣ.
- 9) На скулѣ щеки.—Трауръ по любезномъ предметѣ.
- 10) Противъ уха.—Любовь къ жестокосердому.
- 11) На срединѣ щеки.—Занята.

- 12) Противъ рта.—Любовь.
- 13) На правой щекѣ къ низу.—Соотвѣтствіе въ страсти.
- 14) На лѣвой щекѣ къ низу. Объявленіе любви.
- 15) Подъ носомъ.—Провѣдали о интригѣ или остерегись.
- 16) Противъ правой ноздри.—Возможно..
- 17) Противъ лѣвой.—Не возможно.
- 18) На срединѣ бороды.—Догадайся.
- 19) На правой сторонѣ бороды. — Постарайся сыскать случай къ свиданію.
- 20) На лѣвой сторонѣ бороды.—Для чего рѣдко видишься? Значить также: сердита.
- 21) Надъ бороною. Умѣй воспользоваться.
- 22) На шеѣ.—Люблю тебя.
- 23) На правой сторонѣ губы.—Осмѣлся и говори.
- 24) На лѣвой сторонѣ губы.—Не открою.
- 25) На бородѣ къ самой губѣ. — Можешь исполнить свое желаніе.
- 26) Противъ самага носа.—Согласна.
- 27) Къ концу бороды.—Изъяснись письмомъ.

Сатирическій Вѣстникъ, 1791, VII, 3—8.

№ 51.

Мушки, суть иногда пренужное снадобье въ лепной работѣ, что на лицахъ прекраснаго пола бываетъ. Онѣ не токмо сокрываютъ всякаго рода нечисть; но еще въ нужномъ случаѣ весьма внятно и говорятъ за ту особу, которая ихъ имѣетъ, какъ то, бархатная на вискѣ сказываетъ *нездоровье*, тафтяная на лѣвой сторонѣ лба *гордость*, подъ нижней которой нибудь рѣсницей *слезы*, на верхней губѣ *поцѣлуй*, на нижней *склонность* и проч. Ключъ сей азбуки такъ какъ и министерской не одинаковъ; его избираютъ и перемѣняютъ для безопасности сношеній своихъ по произволению.—За изобрѣтеніе дорогой сей вещи, всѣмъ имѣющимъ щастіе пользоваться ею, обязаны остротѣ женскаго ума.

Любовь. Книжка золотая 1798, 134.

№ 52.

Реестръ о мушкахъ.

Посрединѣ стоитъ круглый столъ, на которомъ разставлены: чайникъ, чашки и разное кушанье, на тарелкахъ. По сторонамъ множество дамъ и дѣвицъ; двѣ изъ нихъ, заднія, держатъ въ рукахъ цвѣтки.

Текстъ внизу картинки.

«Реестръ ѿ мушкахъ прочитайтѣ а наоныя знаки особѣ прѣмечайтѣ. На правой стороне гордость: в длину противъ глаза воровство: На правой брови смирение: По конецъ носа одному отказъ: Среди носа всемъ отказъ: Надлевою бровью щеголство или стыдъ: Подглазомъ печаль: в длину противъ рта любовь: Наконецъ брады надежда: Среди щеки величество или красота: На левой брови лесь: Надглазомъ жеманство: Покраямъ наустахъ вертопрашество. Подносамъ похабство: На одной губѣ бестыдная волокита: Промежъ бровей печальная верность: Подлѣ носа явная сысора: Потщекою горячность: на вискахъ болезнь или простота: На правой руке нечаянное прощение: на левой руке тайная сысора: На сердце ѿтвсего сердца любовь: потъ брадою люблю да невижу: на нижней реснице слезы».

Ровинскій, Русскія народныя картинки 1, № 229.

№ 53.

Рѣестръ о мушкахъ.

Среди правой щеки—дѣва
среди лба—знакъ любви
промежъ бровей—соединение любви
Надъ правою бровью—объявленіе печали
Надлевою бровью—честь
На вискахъ болезнь—Али простота
На правой стороне брады—смирение
посреди носа—збоиство
По конецъ носа—одному отказъ
Подносомъ—вертопрашество
на правомъ усѣ—сердѣчная жалость
Налевомъ усѣ—скупость
Подъ брадою—люблю да невижу
Подлевымъ Глазомъ—слезы
Среди левой щеки—радость
Подлевою щекою—Горячество
На правой руке—Волокита
На левой руке—Приятное прошение
Среди губы—Прелесть
На сердце—любовь сердечная».

Ровинскій, I, № 228, стр. 456.

№ 54.

Женщины всѣ выросли на пядень съ тѣхъ поръ, какъ бока ихъ потеряли стремленіе выпячиваться, какъ прежде бывало: но сей ростъ покрытъ волосами. Еслибъ сіе случилось съ нѣкоторыми мужчинами, то бы сыскать можно было причины, для чего они сей ростъ покрываютъ кудрями; однако лучше оставить на догадку прозорливыхъ, нежели выговорить, дабы ни съ кѣмъ не поссориться безвременно. Но чтобъ не отдалиться отъ подлежащей вещи, то сего роста не примѣчено въ прочихъ членахъ; какъ-то руки, ноги, станъ, лице и даже до лба, гдѣ сіе прибавленіе начинается, все таки по старому. Однакоже сія вышина красоты ни мало не прибавляетъ. Ибо у круглолицекъ другая голова выросла на головѣ, коя столь глаза зрителей занимаетъ, что личка не размотришь, а только дивишься поднятому зданію; долголицымъ удвоетъ длинника; широкія лица дѣлаетъ четырехугольными, а маленькія вовсе скрадываетъ. Еслибы у щеголихъ выросло отъ естества кулака въ два мясо на головѣ; сколько бы они Ерофеевичевъ замучили, чтобъ развести сей приговоръ. Сказываютъ, что даже и плѣшивыя нахлокачиваютъ чужіе волосы въ великомъ множествѣ, чтобъ быть по модѣ. Симъ простиительно: ибо у насъ морозы великіе; а безъ волосовъ они въ опасности быть могутъ простудиться зимою. Устойтъ ли сіе обыкновеніе или нѣтъ, не извѣстно; только то правда, что кареты будутъ скоро дороже. Каретники уже мѣры взяли дѣлать оныя выше, дабы господамъ прямо сидѣть можно было: пошлинному же сбору будетъ ущербъ; Аглинскихъ каретъ болѣе не станутъ привозить, они низки становятся. Въ новомъ моемъ домѣ я заказалъ двери сдѣлать выше, дабы дочь моя какъ нибудь головою не увязла. Прощайте будоары, въ коихъ рукою достанешь до потолка; прощайте антресоли, гдѣ на цыпочкахъ ходить не лзя, чтобъ не разшибить лба; и вы двери невидимки, сквозь которыя согнувшись въ трое ходить должно было. Бога не боятся! все вить людямъ убытокъ! безпрестанно дома передѣлывать для выдумокъ! Лѣтъ съ двадцать назадъ бывало: расширяй дома, двери, кареты и прочая для фишбейновъ; а нынѣ: возвышай дома. Сіи мѣры уже, слышу я, самымъ дѣломъ наблюдаются въ Санктпетербургѣ; ибо всѣ строенія, сооруженныя нынѣшнимъ лѣтомъ, суть не въ примѣръ выше тѣхъ, кои строили, когда носили большія фишбейны: тогда и дома имъ повиновались, и въ ширину росли поземисто, не подымая строилъ до облаковъ. Сказываютъ лѣтъ съ двѣсти назадъ въ Англіи женщины носили такъ же весьма высокія убранства. Одинъ

вызвался проповѣдникъ, который такъ вселъ ихъ въ чувствіе о свѣтскихъ суетахъ, что многія тутъ же на мѣстѣ сорвали съ головъ своихъ тѣ башенки, и топтали ихъ ногами. Но по выѣздѣ оттуда проповѣдника, по маленьку опять за нихъ принялись. Тоже будетъ, думать надобно, и съ симъ: прочитавъ сіе, позадумаются, а вышедши въ другую горницу, сядутъ убираться и скажутъ: дѣвка повыше, пожалуй повыше.

Всякая всячина 1769, 390—392.

№ 55.

Одна госпожа просила меня, чтобъ я отписалъ о ея нуждѣ, которая состоитъ въ томъ, что надобна ей новой моды карета, какая бы еще никогда не была употребительною, для того, что она очень высоко убирается и портитъ всегда волосы, когда ѣздитъ въ Парижской и Англицкой каретѣ. Правда, что я ей предлагалъ ѣздить въ открытой коляскѣ: но она за сіе на меня осердилась, говоря такъ: «чортъ меня возьми, развѣ я однокашница, чтобы я стала ѣздить будучи открытою на воздухъ, да и пыль глаза выѣстъ, дождь перемочить; а отъ солнечнаго зною загорѣть можно.

Что нибудь, 1780, VIII, 3.

№ 56.

Головной уборъ нашихъ Дамъ поднимается опять на высоту. Сіе доказываютъ и такъ называемые Bonnets à Cylindre, т. е. *чепцы, или наколки, на манеръ цилиндра*, коихъ тулья, изъ цвѣтнаго атласу, вышиною своею равняется настоящей головѣ сахару. По сему то въ залахъ собранія повѣшены нынѣ всѣ люстры и жирандоли гораздо выше прежняго для предупрежденія пожару на головахъ нашихъ красавицъ.

Въ царствѣ благороднаго волосоподвивательнаго искусства господствуютъ теперь Chignons à poire, *шиньоны на подобіе дули*, и Boucles préflées, ou Demiformées, *придавленныя, или полуротовыя булки*.

Магазинъ Аллинскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ новыхъ модъ 1791, 1, 32—33.

№ 57.

Приступайте милыя красотки къ употребленію накупленныхъ вами нарядовъ и уборовъ. Разумъ вашъ, которой не можетъ весь помѣститься въ головѣ вашей, переселяйте въ шляпки о трехъ этажахъ, или на тѣ выпрєннїе горы и холмы, которыя воздвигнуты на главахъ

вашихъ. Дабы таковыя громады не подавили умъ и мозгъ вашъ, поставьте подъ нихъ подушечки на ресорахъ. Для надежнѣйшаго же поддержанія всей оной тяжести утвердите около шеекъ вашихъ твердѣйшій фундаментъ, устроенной изъ проволоки, и помощію оной торчащей крепъ претворите также и въ щитъ, которой бы закрывалъ прелестныя ваши губки. Устройте весь вашъ фасадъ по правиламъ модной Архитектуры.

Карманная книжка, 1791, 1, 29—30.

№ 58.

Дѣвицы заняли свои головы такими Аглинскими и Французскими флеровыми бесѣдочками и домиками, что кажется нигдѣ на оной не осталось мѣста для садиковъ и цвѣтниковъ, устрояемыхъ изъ волосъ. Однакожь естли мода требуетъ, чтобъ волосы висѣли по плечамъ локонами, или въ видѣ бы веревки заплетены были, или поддерживались бы костянымъ заборцомъ, въ семъ сами онѣ могутъ дѣлать выборъ по совѣту искусныхъ и знающихъ пріятельницъ. Онѣ также должны всматриваться, какая прическа имъ лучше пристала. Видъ тупея, разныя кудри, курчавости, или просто гладкость, должны быть избираемы по строжайшимъ правиламъ моды. Буклямъ, и даже каждому волоску надлежитъ висѣть въ силу щегольского устава.

Карманная книжка, 1791, 1, 41—42.

№ 59.

«Нашедъ вину, ругалъ мужъ жену, всерцахъ ей сказалъ, уродомъ карлицою ее назвалъ, покупаю башмаки и выбираю по аршину каблуки. Я говорю ненарочно, что стану у тебя малъ, то и всею стала порочна. Мужъ меня ругаетъ, а за что и самъ незнаетъ. я ростомъ мала! Ему жена, знать надобна съ слона. Здосады наvertsела платковъ калпаковъ, подвясковъ и портковъ, и где вкрасе: чулки, носки поголенки кулки. Зделавши на голове высокую машину, вошла кмужу господину, себя одинъ мигъ показала несмысленной скотиною. Смужемъ злобно, и такъ проворно, разсердясь бадзтца, приведя мужа встрахъ и испугатца, кошка заворчала, собачка завизжала, попугай вострепенулся, а мужъ от страху перекувырнулъ, просилъ прощенья, о голове своей чтобъ зделала скоро обলেখенья».

На картинкѣ представлена жена въ головномъ уборѣ аршина въ полтора вышиною. Испуганный мужъ спасается отъ нея бѣгствомъ.

Ровинскій. 1, № 232.

№ 60.

Прическа жены.

Она сидитъ въ головномъ уборѣ громадной вышины. Парикмахеръ, стоя на высокой лѣстницѣ, завиваетъ щипцами пукли на верхней части убора. Слѣва мужъ угломѣромъ измѣряетъ вышину убора; надъ нимъ поставленъ номеръ «1».

Текстъ:

«ты трѣбуешь чтобъ твои я похвалилъ нарядъ; хвалю ево онъ мнѣ и всемъ хорошъ навзглядъ, мужъ похваля торопитца скорые со двора; кженѣ гостямъ прибытъ приходитъ ужъ пора. сожитель другихъ любить женѣ невозбраняетъ; онъ оттого доходъ великой получаетъ, А тѣ рога мнить ему нетрудно несть, коль богатой человекъ чинитъ ему Ту честь.

Ровинскій. 1, № 233.

№ 61.

Разстояніе тысячи верстъ, не препятствуетъ новымъ модамъ доходить къ намъ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ. Знаете ли что Петербургской или Московской чепчикъ столько же здѣсь примѣчается, какъ Венерино прохожденіе мимо солнца наблюдается Астрономами? Онъ долгое время составляетъ матерію всѣхъ женскихъ разговоровъ, переходитъ изъ рукъ въ руки, привлекаетъ общее вниманіе, производитъ удивленіе и стараніе, дабы здѣлать ему подобной. Конечно вамъ надлежитъ думать, что и здѣсь по модѣ одѣваются, когда высота нарядовъ на головѣ, больше нежели долгота лица.

Смѣсь, 1769, 306.

№ 62.

Вѣдь мы нынѣ не въ Едемскомъ живемъ саду, такъ можноли намъ безъ платья обойтись? Изволите забавляться, что мы по желанію нашему ростъ свой чепчиками прибавляемъ на цѣлой аршинъ. Какой вздоръ! и Турецкія чалмы сударь столько росту не прибавятъ, такъ какъ возможно чепчикамъ столько насъ увеличить! и какая вамъ въ томъ нужда, что мы бахромками упуываемъ себѣ головы? ежели бы не носили мы карсетовъ, блондъ и бахромокъ, то чемъ бы вы стали кормить тѣхъ женщинъ, которыя работая сіе, достаютъ себѣ пропитаніе?.. Женщины также самолюбивы, какъ и мужчины: они то заставляютъ вымышлять новыя моды и для уборовъ, что бы мы могли лучше показаться мужчинамъ...

И то и Сіо, 1769, Перваядесять недѣля.

№ 63.

Получивъ вновь повелѣніе отъ *Прозерпины*, чтобъ при исканіи модныхъ искусниковъ постарался я какъ можно скорѣе доставить ей разныхъ модныхъ уборовъ; сколько ни было мнѣ досадно сіе подтвердительное повелѣніе, напоминающее мнѣ о невозможности возвратится скоро въ Адъ, однакожь долженъ непремѣнно выполнить волю своей Богини. Для сего выбору вошелъ я въ лавку къ одной Француженкѣ, торгующей модными уборами, сдѣлавшись невидимымъ, нарочно для того, чтобъ безъ всякаго обману узнать, которые уборы были больше въ модѣ. Въ то время въ лавкѣ случилось множество *Щеголихъ*, выбирающихъ для себя разныя уборы. Съ начала я очень обрадовался такому случаю, надѣясь отъ нихъ узнать цѣну и достоинства сихъ уборовъ и которые изъ оныхъ были больше въ модѣ и одинъ передъ другимъ предпочтительнѣй; однакожь никакъ немогъ удовольствоваться своего любопытства, потому, что всѣ онѣ были разныхъ мнѣній: одна изъ нихъ больше хвалила *Токи*, другая *Чепчики*, иная *Шляпки*, иная *Тюрбаны*, а иная *Каски*, такъ, что на выборы ихъ я никакъ не могъ положиться, и крикомъ своимъ чуть было онѣ меня не оглушили. Наконецъ купивъ каждая, что ей было надобно, вышли онѣ всѣ изъ лавки; модная торговка такъ же ушла въ другую комнату, и я оставшись одинъ размышлялъ, какой бы найти способъ, чтобъ не обманувшись узнать, которые уборы предпочтительнѣе другихъ, и въ какое время съ лучшимъ успѣхомъ могутъ быть употребляемы, какъ вдругъ услышалъ, что въ шкапу самыя сіи модныя уборы начали между собою разговаривать; а тебѣ извѣстно, почтенный *Маликульмулкъ*, что мы имѣемъ способность слышать и разумѣть разговоры всѣхъ даже и неодушевленныхъ вещей. Они спорили между собою и о ихъ другъ передъ другомъ преимуществѣ. Разговоры сіи показались мнѣ очень забавными; я слушалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ и почитаю за долгъ сообщить тебѣ оныя.

Аглинская шляпка. Можетъ ли какой уборъ быть лучше меня! и естли что нибудь на свѣтѣ прекраснѣе Аглинскихъ модъ?

Французской токъ. Куды какъ ты забавна съ твоею Англіею! Повѣрь мнѣ, моя голубушка, что хотя Агличанѣ и берутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преимущество передъ Французами, однакожь то конечно не съ стороны уборовъ и хитрыхъ выдумокъ щегольскихъ модъ.

Покоевый чепчикъ. О чемъ вы друзья мои спорите! повѣрьте мнѣ, что между нами нѣтъ никакого различія и мы другъ передъ другомъ

не можемъ имѣть ни малаго преимущества, потому, что ежели какой головной уборъ къ лицу одной женщины, то къ другой онъ совсемъ не бываетъ приличенъ; все зависитъ отъ расположенія лица, какимъ образомъ уборъ бываетъ надѣтъ, и отъ глазъ любовниковъ; ибо женщины желаютъ только нравиться своимъ любовникамъ и во всемъ полагаются на ихъ вкусъ.

Алипская шляпка. Въ этомъ-то ты больше всего обманываешься; любовникамъ не нужны излишніе уборы, а имъ нужна горячность сердца; о уборахъ судить только публика, нѣжность же модной Щеголихи не имѣетъ въ оныхъ ни малаго участія; а дѣйствуетъ одно только самолюбіе;—да, одно только самолюбіе и тщеславіе; онѣ-то больше всего ею обладаютъ и располагаютъ ея вкусомъ. Для нее лестнѣе привлекать на себя вниманіе многочисленнаго собранія, нежели нравиться одному воздыхателю: и главная цѣль ея нарядовъ состоитъ въ томъ, что она желаетъ нравиться многимъ, а не одному. Это только одно всѣхъ женщинъ побуждаетъ къ нарядамъ и онѣ очень мало заботятся о томъ, что скажетъ имъ любовникъ о ихъ уборахъ; имъ нѣтъ никакой нужды въ излишнихъ украшеніяхъ для препровожденія пріятнѣйшихъ минутъ съ любимымъ человекомъ, а напротивъ того въ любовномъ свиданіи, лучшимъ украшеніемъ почитаются природныя прелѣсти, безъ всякаго искусства въ уборахъ; тутъ наряды дѣлаютъ только излишнее безпокойство и помѣшательство.

Покоевѣй чепчикъ. Сднакожь совсемъ тѣмъ, Госпожа Шляпа, ты должна признаться, что нѣкоторыя женщины надѣвъ на себя, или шляпу, или другой какой головной уборъ, кажутся другимъ чрезвычайно смѣшными и очень часто тотъ самой ихъ уборъ дѣлаетъ ихъ дурными, и для того-то лучше бы было, когда бы всякая женщина старалася избирать такіе уборы, которые были бы ей къ лицу, а не такіе, которые больше въ модѣ, въ чемъ просила бы совѣта у искренней своей пріятельницы, или бы слѣдовала вкусу модныхъ торговыхъ, доставляющихъ имъ сіи уборы.

Алипская шляпка. Можно ли положиться на вкусъ модной торговли! Она всегда больше выхваляетъ тѣ уборы, которые хочетъ скорѣе сбыть съ рукъ? Она безъ всякаго сомнѣнія каждой женщинѣ будетъ говорить, что етотъ уборъ къ ней ужестъ какъ присталь, хотя бы въ немъ казалась она совершеннымъ страшилищемъ.

Покоевѣй чепчикъ. Ну, такъ пусть она полагается на вкусъ своего хорошаго друга: то есть, обладателя ея сердца.

Алипская шляпка. Вотъ то-то хорошо! Обладатель сердца способенъ ли въ уборахъ подавать совѣты, когда всегда судить онъ о

семъ пристрастно, наблюдая собственную свою пользу. Ежели онъ къ любовницѣ своей ревнуетъ, то конечно не присовѣтуетъ ей надѣть такой уборъ, отъ котораго бы она казалась прелестнѣе, боясь, чтобъ она не понравилась многимъ мужчинамъ, и не привлекла бы на себя ихъ взоры.

Покоевый чепчикъ. А всего лучше, если бы она будетъ совѣтоваться съ своимъ зеркаломъ!

Алиинская шляпка. Вотъ другая глупость; совѣтоваться съ своимъ зеркаломъ! Какъ это забавно! совѣтоваться съ зеркаломъ! то-то изрядной совѣтницѣ! если бы хотя одна и самая гадкая женщина, которую бы зеркало не увѣрило, что она довольно хороша.

Покоевый чепчикъ. О постой! что жъ бы ты сказала, когда бы она потребовала совѣтовъ у своихъ горничныхъ дѣвокъ, непрестанно ее окружающихъ, такъ какъ то дѣлаютъ многія здѣшнія щеголихи?

Алиинская шляпка. Да! это прекрасная выдумка; слѣдуя такимъ совѣтамъ, можетъ она надѣяться хорошихъ успѣховъ въ своихъ нарядахъ, чтобъ сдѣлаться, или совсемъ гадкою, или не столь пригожею. Сколько разъ случалось мнѣ слышать, что женщина говорила другой женщинѣ: *Ахъ какъ это къ тебѣ пристало! ужасъ жизнь моя! Гдѣ ты купила этотъ чепчикъ? ахъ какъ онъ прекрасенъ!* и проч. а въ самое то время внутренно радовалась, что тотъ уборъ, въ противность ея похваламъ, былъ совсемъ не къ лицу.

Покоевый чепчикъ. Ну такъ пусть дѣлаетъ она то, что хочетъ.

Французской токъ. Ты очень хорошо судишь, будучи по справедливости названъ покоевымъ Чепчикомъ! Ну можно ли тебѣ вмѣшиваться въ наши разговоры? Какъ тебѣ съ нами ровняться? Мы, по крайней мѣрѣ бываемъ на позорищахъ; являемся при Дворѣ, и торжествуемъ на балахъ. Мы можемъ себя почитать лучшимъ украшеніемъ для всѣхъ щегольскихъ нарядовъ; но ты, бѣднякъ! ни къ какому платью ни годишься, кромѣ какъ къ утреннему *Дезабиле*. Съ тобою только можно показаться при уединенномъ завтракѣ. Тебя надѣваютъ безъ всякой осторожности, такъ какъ накидываютъ на шею платокъ, ни мало не примѣчая, какимъ образомъ ты надѣтъ бываешь. Ты всегда прикрываешь волосы совсемъ непричесанные, почему ни какъ не можешь равняться съ щегольскими уборами, а не иначе можешь почитаться, какъ спальнымъ Чепчикомъ; и такъ, пожалуй скажи, имѣешь ли ты право вмѣшиваться въ наши разговоры?

Покоевый чепчикъ. Я тебя прощаю, почтенный Токъ, въ твоихъ грубыхъ и язвительныхъ противъ меня словахъ; но ежели, по твоему, я ни въ чемъ не могу ровняться съ вашими достоинствами, то для чего же меня положили въ одинъ съ вами шкапъ?

Французскій токъ. Вѣдь надобно же тебя куда нибудь положить; но находясь въ нашемъ почтенномъ сообществѣ, ты долженъ себя помнить и передъ нами молчать.

Покоевый чепчикъ (съ лукавою усмѣшкою). Итакъ я замолчу; ибо ежели бы я захотѣлъ сдѣлаться нескромнымъ, то могъ бы наказать множество любопытныхъ случаевъ, которымъ очень часто бывалъ я очевиднымъ свидѣтелемъ, и которыми вы никакъ похвалиться не можете, вы конечно бы позавидовали моему щастію. Разумѣешь ли ты меня гордой Токъ? дерзкой Токъ? грубой Токъ? неловкой Токъ?.. Да знаешь ли ты, что покоевой Чепчикъ бываетъ свидѣтелемъ многихъ пріятнѣйшихъ приключеній, которыхъ тебѣ никогда видѣть не удастся. Въ любовныхъ уединенныхъ свиданіяхъ не почитаютъ за нужное имѣть на головѣ своей такой щегольской уборъ, каковъ ты Господинъ Токъ. Тогда почитаютъ тебя самымъ неловкимъ и скучнымъ украшеніемъ, и изъ уваженія къ тебѣ не дерзаютъ предаваться пріятнымъ и нѣжнымъ любовнымъ восторгамъ, чтобъ не измѣять твоихъ пышныхъ кружевъ и лентъ; а потому ты присуствуешь только при скучныхъ и безмолвныхъ свиданіяхъ, въ которыхъ соблюдается превеликая благопристойность. Такія тягостныя церемоніи охлаждають чувства, и удаляютъ сладостное восхищеніе любви. Но покоевый Чепчикъ! ха, ха, ха, покоевый Чепчикъ! любезной мой Токъ, нарочно сдѣланъ для любовныхъ утѣхъ и ни мало не препятствуетъ свободнѣйшему между любовниками обращенію. Ежели когда онъ беспокоитъ, то снимають его безопасно и кладутъ на уборной столикъ; а послѣ опять надѣвають на себя безъ всякой осторожности.

Блондовая косынка. (Во время сихъ разговоровъ спитъ и храпитъ: хррр, хррр, хррр).

Алипская шляпка. Вотъ какъ спокойно почиваетъ наша любезная сосѣдка; желала бы я и ее вмѣшать въ наши разговоры... (будитъ ее).

Косынка. Охъ!.. Кто это?.. Кто это мѣшаетъ мнѣ спа... а... а. (зѣваетъ) а... ать? Я такъ спокойно спала, а эти глупцы мнѣ помѣшали; правду говорятъ, что...

Алипская шляпка. Ты очень неучлива, что спишь въ такое время, когда мы разговариваемъ о такихъ важныхъ предмѣтахъ!

Косынка. Ну! что такое, о чемъ вы говорите? посмотримъ.

Алипская шляпка. Мы споримъ о нашемъ другъ передъ другомъ преимуществѣ... и каждой изъ насъ доказываетъ свои права...

Косынка (соннымъ голосомъ). Да, это очень хорошо; на примѣръ говорить о правахъ и преимуществахъ тогда, когда я здѣсь... это было еще ваше щастіе, что я спала.

Алиинская шляпка, Токъ и покосевый Чепчикъ (всѣ вдругъ вскричали съ сердцемъ). Какъ! что такое она хочетъ сказать?

Косынка (съ насмѣшкою). Да ето не трудно угадать... Кто изъ васъ можетъ имѣть право при мнѣ превозноситься своимъ достоинствомъ? Вы прикрываете только головы и волосы; но я! какія прелести собою сохраняю? Развѣ я не бываю покровомъ тѣмъ прелестнымъ грудямъ, которыя почитаются гораздо превосходнѣе тѣхъ мѣстъ, которыя вы собою украшаете.

Покосевый чепчикъ. О! пожалуй столько не говори, любезная моя пріятельница, и не наговори уже съ лишкомъ много.—Что такое прелести, о которыхъ ты намъ съ такимъ восхищеніемъ выражаешь!.. Тебя покупаютъ только на то, чтобъ ты пышностію своею дѣлала пустой обманъ; а не для прикрытія прелестныхъ грудей... Повѣрь, что мнѣ все ето довольно извѣстно...

Косынка (захохотавъ). Я! Сударь; о! я вамъ божусь, что никакого обмана не дѣлаю; а груди прикрываемыя мною въ самомъ дѣлѣ таковы, каковыми я ихъ представляю.

Шляпка, Покосевый чепчикъ и Токъ (всѣ въ одинъ голосъ). О ты совершенная обманщица Госпожа Косынка! тебя по справедливости такъ называть должно.

Косынка (взявъ на себя важный видъ). Ну, ну, перестанемъ горячиться; не ко всякому слову, друзья мои, надобно привязываться... Вы чувствуете сами, что... когда я говорю,... что я не дѣлаю ни какого обмана,... то ето такъ только говорится;... а въ самомъ дѣлѣ, я хотѣла сказать,... что не дѣлаю почти ни какого обмана... Однакожь, покрайней мѣрѣ, вы можете признаться, что я болѣе васъ приношу пользы. Вы всѣ головные уборы ни къ чему больше не служите, какъ только для одного украшенія, и не охраняете ни отъ дождя,... ни отъ вѣтра;... ни отъ холоднаго воздуха... но я охраняю прекрасную грудь отъ простуды; а что еще и того лучше, отъ дерзкихъ взоровъ нескромнаго мушкетера.. И такъ я бываю защитницею стыда и цѣломудрія, и орудіемъ благопристойности.

Покосевый чепчикъ. Не вѣрьте ей, не вѣрьте; она лжетъ. Вотъ какую дѣлается она набожною! Вотъ какая притворщица!.. а я со сто разъ видалъ совсемъ тому противное, что она изволитъ рассказывать.

Косынка (съ досадою). Какъ! ты смѣешь сказать!.. Ахъ какое поношеніе!.. Какъ! я не бываю покровомъ благопристойности?

Покосевый чепчикъ (съ насмѣшкою). Такъ, моя голубушка, такъ; тебѣ конечно надлежало бы ето дѣлать; но сколько разъ видалъ я, что

ты совсемъ не исполняешь сей должности! Вѣдь кто имѣетъ глаза, тотъ ясно видитъ, что ты...

Косынка. Ну, посмотримъ же Господинъ прозорливецъ, что такое ты видѣлъ!

Покоевой чепчикъ (унизивъ голосъ). Не видывалъ ли я множество разъ, что ты открывала свободной путь дерзновенной рукѣ... которая тихо проходила промежду твоими складками, и ты то ей позволяла.... Ты, какъ казалось, безъ всякой упорности допускала откалывать булавку, которою ты была приколотая.... и утѣшалася смущеніемъ и стыдливостію той красавицы, на которой ты надѣта, и которую при тебѣ такъ нагло оскорбляли.... По сему малому твоему сопротивленію можно видѣть, что ты сама соучествовала въ томъ маломъ почтеніи, которое тогда было ей оказываемо. И такъ, скажи теперь хитрая обманщица, когда пригожая женщина надѣваетъ тебя на свою грудь, не говоритъ ли она тебѣ: *Я надѣваю тебя для того, чтобъ ты охраняла меня отъ стужи и отъ дерзкихъ покушеній воздыхателя.*

Косынка. Право ни одна женщина никогда мнѣ етаго не варивала.

Покоевы йчепчикъ. Однакожъ, безъ всякаго сомнѣнія, каждая красавица съ такимъ намѣреніемъ тебя на себя надѣваетъ.

Косынка. Пусть такъ; но я за то не берусь, чтобъ я одна могла воспротивиться противъ двухъ рукъ, изъ которыхъ каждая во сто разъ сильнѣе меня. Ежели сама красавица не захочетъ сдѣлать мнѣ ни малой помощи, то какъ можно требовать отъ меня, чтобъ я одна устояла противъ сильнаго приступа? При такомъ случаѣ сердятся, ворчатъ, краснѣютъ, усмѣхаются, притворяются будто досадуютъ, будто хотятъ кричать, и думаютъ, что тѣмъ подають мнѣ великую помощь! а я, какъ вы сами можете посудить, лучше соглашаюсь тогда совсемъ оставить мое упорство, нежели довести себя до того, чтобъ меня разодрали, чтобъ сорвали меня съ груди и изорвали бы въ клочки. Вамъ легко говорить, друзья мои; но естлибъ вы были на моемъ мѣстѣ, то повѣрили бы, что такое упорство могло бы стоить моей жизни; а вамъ извѣстно, что всякому своя жизнь всего дороже на свѣтѣ.

Сей разговоръ прервался наконецъ пріѣздомъ многихъ щеголихъ, которыя закупили всѣхъ спорщиковъ и спорщицъ вмѣстѣ.... Графиня купила Токъ, Гнягиня Аглинскую шляпку, безъимянная и вертопрашная Кокетка подцѣпила покоевый Чепчикъ; а Актриса взяла Косынку, которая по видимому пойдетъ вмѣстѣ съ нею на Театръ играть ролю. Бѣдные уборы видя столь близкую разлуку, и не имѣя надежды когда нибудь увидѣться, прощались съ такою нѣжностію и ласкою, какихъ

никогда не оказываютъ между собою тѣ, кому они достались. По выходѣ изъ лавки прїѣзжихъ щеголихъ съ ихъ покупкою, вышелъ и я надѣясь впредь найти какой нибудь способъ, узнавъ совершенно достоинство и преимущество уборовъ, сдѣлать доставленіемъ ихъ угодность *Прозертинъ*.

Почта Духовъ, 1789, 1, 153—169.

№ 64.

Отъ старинныхъ головныхъ уборовъ къ Модѣ.

Благоутробная и честная Госпоже! здравія отъ нынѣ и нерушимо желаемъ во вѣки съ дражайшими родственниками и со всѣми любящими васъ!

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы ни знаемъ ни вѣдаемъ за што и про што подпали мы подъ тяжелой гнѣвъ вашъ и немилость, живемъ мы горестные и сирые въ загонѣ и шатаемся по чужбинѣ. Правда, благочестивой родъ иногородныхъ купчихъ, стариннаго крапивнаго сѣмени жены, смиренныя попадьи, нѣкоторыя лѣтъ шестьдесятъ не выѣзжающія изъ деревень своихъ барыньки и ихъ барскія барыни, хотя по своей милости насъ не оставляютъ и жалуютъ любятъ, однакожь это насъ никакъ не веселитъ. Подумай мать наша, какъ на чужбинѣ не взгорѣвать и не вздохнуть по родительской своей сторонкѣ и по городѣ съ золотыми маковками, гдѣ мы родились, росли, жили и принимали и горе и нужду, и радость и утѣху. О! о! охъ ти намъ! Какъ мы ни вздумаемъ о томъ, такъ сердечушко-то закипитъ, закипитъ! А сами-то мы въ рыдъ, да въ рыдъ, какъ зальемся, да обольемся, такъ и уему нѣтъ. Всѣ-то приплакали мы свои глазаньки; иногда ужъ, мать моя, приходитъ на насъ такая тоска, и лѣзетъ въ голову такая дрянь, что ради на себя руки наложить. Кабы не отъемная водочка, аи! прощай, давно бы изъ насъ всѣ съ глоткой полѣзли въ петлю. Хоть ужъ это-то намъ матушка помогаетъ. Какъ выпьешь доброй *утренничекъ*, или *чарочку улиточкой*, такъ будто што-то и забудешь кручину и будто што-то веселѣе станетъ на сердцѣ. О! охъ! хо! хо! Отжили мы добрые свои дни! Взмилуйся хоть ты надъ нами асударыня наша! Сказываютъ, что ты бѣляночка милостивая барышня. Когда ты насъ сиротъ не оставишь и призришь, то сама за такую добродѣтель твою выдешь за хорошаго жениха. Ты еще, красное наше солнышко, сказываютъ што молода, што зелена и нѣкогда тебѣ было узнать надъ собой тоски и кручины. Кабы ты-та это, свѣтель нашъ мѣсяцъ, знала, такъ бы и надъ нами смиловалась. Мы сами, какъ были молоди, такъ

никакой-то кручинушки не знали ни вѣдали. А вѣкъ-та пережить не поле вишь перейти. Когда были молодѣ, такъ всѣ намъ челомъ били; а какъ одряхлѣли, такъ никто на насъ и смотрѣть не хочетъ.—Все-то мать моя нынѣ на бѣломъ свѣтѣ стало по пословицѣ: *какъ у Филюшки три денежки, такъ Филюшка Филинъ; а какъ у Филюшки ни денежки, такъ бл..... сынъ Филинъ.*

Не прогнѣвайся Государыня на нашемъ бабьемъ враньѣ; што дѣлать! кровь наша говоритъ. Кабы не сука наша нужда, такъ бы мы истинно твою милость не потрудили.—Да што полно про то и говорить! буди все за волю вашу, а мы за симъ пребывая, до лица земли бьемчеломъ.

Кокошникъ съ перепелами.

Соболья бархатная шапочка корабликомъ.

Рогатая шапка.

Котаккомъ шапка соболья.

Чепецъ бармошникъ.

Нахтышъ чепецъ.

Косой Чепецъ съ шишкой и проч.

Мѣсяць тѣлоуры

въ 6 день.

Переписка Моды, 1891, 51—54.

Отвѣтъ моды къ стариннымъ головнымъ уборамъ.

Mesdames!

Ваша бономи и семплисите заставили меня такъ смѣяться, что я едва отъ того не лопнула. Фуй! фуй! Какъ вы меня утомили! Сюрмонъ онеръ вы видно презабавныя твари!—Одни ваши имена... кокошникъ съ перепелами... шапочка корабликомъ... рогатая шапка... чепецъ бармошникъ... косой съ шишкою... Ну! совершенно я интересуюсь васъ видѣть и узнать персонально. Я чаю вы такъ милы, что отъ васъ надсадешься отъ смѣху.

Опредѣлить въ подлинной свой штатъ я васъ не могу, ибо нынѣ вмѣсто кокошника съ перепелами на головахъ прекраснаго полу находятъ цѣлые строусы. Старинныя женскія головы можетъ быть любили плавать, и потому нужны были шапочки корабликами; но нынѣшнія головы имѣють единственнымъ своимъ основаніемъ воздушную стихію, и потому любятъ лучше вѣтреность и пареніе по воздуху. *Рогатая шапка* также не можетъ быть употребляема, ибо нынѣ на

женскихъ лбахъ фальшивые рога совсѣмъ нетерпимы. Впрочемъ къ сожалѣнію моему, для ради подобныхъ причинъ нахожу я себя при-
нужденною отказать также въ семь шапочкѣ колпачкомъ, чепцамъ
бармотику, нахтышу и кривому съ шишкою. Однакожь не смотря на
то, естли вы согласитесь вступить ко мнѣ сверхъ комплекта, я съ
великою радостію къ себѣ васъ приму. Должность ваша будетъ самая
легкая, веселая, забавная, шутливая и довольно почтительная. Я вамъ
позволяю играть важную ролю въ учрежденныхъ мною маскарадахъ.
Клянусь вамъ, что всѣ свѣтскіе люди васъ крайнѣ полюбятъ, и вы
скоро можете затмить славу иностранныхъ масокъ. Пожалуйте мои
милыя поспѣшите ко мнѣ скорѣе, явитесь въ первой маскарадъ и
пріѣзжайте въ оной подъ именемъ *маскарадныхъ забавницъ*, принадле-
жащихъ къ сверхъ-комплектному штату вашей покорной къ услугамъ.

Моды.

*Мѣсяца шланъ грѣшивеками
въ 9 денъ.*

Переписка моды, 1791, 51—57

№ 65.

Отъ женской косыньки къ старинному крагану.

Женскіе уборы и наряды съ самаго того времени когда учини-
лись украшеніемъ прелестей и возбужденіемъ желаній, подвергнулись
столь частымъ перемѣнамъ, сколь многоразличенъ и непостояненъ есть
образъ мыслей о томъ, чѣмъ болѣе можно прельщать, или что болѣе
пристойнѣе къ лицу. Естли разсматривать до нынѣшнихъ времянь
всѣ Моды, которыя единственно для грудей женскихъ были выдумываемы:
то увидишь, что всѣ сіи перемѣны произошли отъ желанія прельщать
помощію большаго и гораздо меньшаго открытія или закрытія тѣла.
Сколько разъ во Франціи и Англіи всѣ женщины имѣли у себя груди
открытыя! Сколько разъ онѣ паки оныя то совсѣмъ, то нѣсколько
закрывали! Въ началѣ каждое изъ сихъ предпріятій имѣло свои успѣхи.
Въ началѣ всѣ восхищались и всѣ хвалили открытыя груди. Но вско-
рѣ, когда прекрасной полѣ усмотрѣлъ нечувствительность мужчинъ,
тогда паки принужденъ былъ прибѣгнуть къ новой хитрости. Отъ не-
благодарныхъ смертныхъ красавицы начали по немногу закрывать свои
груди. Всѣ также начали сіе хвалить и восхищались, поглядывая на
тѣ только нѣсколько прикрытыя прелести, которыя съ умыслу были
скрываемы. Но нынѣ и сія Мода по нѣкоторымъ причинамъ дѣлается

скучною, и сказываютъ, что во Франціи прекрасной полъ открылъ уже свои груди. Естьли сіе подлинно правда, то подумай любезная пріятельница, можетъ ли быть постоянно счастіе косынекъ? Когда и сюда Мода сія достигнетъ, то что тогда послѣдуетъ съ нами косыньками?... Мы всѣ отъ сего трепещемъ... Нѣсколько голосовъ петиметровъ въ похвалу Французскихъ красавицъ... ударъ свершится, и всѣ груди, увы! Въ погибель намъ и порадованье вертопрахамъ, совсѣмъ обнажатся!.. Страшная надъ нами виситъ туча поистиннѣ страшная. Жадные глаза волокитъ давно давно уже умышляли нашу погибель, и погибель сія точно для насъ настала; ибо щеголи надъ нами не сжалятся.

Женская косынька.

*Мѣсяца пышныхъ косынекъ
въ 27 день.*

Переписка моды, 196—199.

№ 66.

Отъ шляпы а ла шарлотъ къ старинному корнету.

На сихъ дняхъ будучи поутру у *Моды*, я нашла у ней цѣлой маскарадъ. Какія странныя фигуры и названія!.. Кунтышь, шельмовка, кантусъ, шамлукъ... чепецъ рожки, сорока, лапша и... я едва могу писать отъ смѣху... Въ сіе утро сколько ни было насъ у *Моды*, всѣ мы отъ хохотни едва не померли.—Вся сія куча старины изволила прибыть изъ своихъ Палестинъ для испрошенія милости у *Моды*.—Долго слушая со вниманіемъ ихъ вранье, по причинѣ великаго хохота и смѣха, вотъ что только могла я понять изъ разговоровъ *Моды* и старинной сволочи:

Разговоръ *Моды* съ старинными платьями и недавнишними чепцами.

Мода. Кто вы таковы, государыня моя?

Милосердая моя асударыня! я называюсь *шельмовка*, прежде составляла родъ теплой одежды, ни дать ни взять безрукавную шубку, употреблялась вмѣсто душегрѣйки и надѣвалась вотъ на ихъ-то милость (указываетъ...)

Добраго здравія и многія лѣта! Я называюсь *шляфоръ* и меня носили въ тысяча семь сотъ... семь сотъ... не прогнѣвайся на старушечью память... прошу мнѣ простить изъ уваженія рукавовъ моихъ

съ складками и обшлагами, и состарѣвшихъ меня трехъ-аршинныхъ фижмъ... Кума моя можетъ вамъ о семъ донести акуратнѣе.—Кумушка!—

...Я годовъ также сама не помню... А ихъ кума! Всякому до себя.—Я, многомилостивая моя государыня, называюсь *полушлагфоръ* иля *балахончикъ*; моя служба...

Ихъ молонья, красавица моя, отъ утра до вечера не переслушаешь. Послушай меня старой старухи. Я называюсь *кунтышъ*; и эти молокососы всѣ мои дѣтки да внучатки. Подите сюда, кланяйтесь ей милости, смотритежъ въ ножки; расскажите ей нашей государынѣ, какъ васъ сомутъ, а послѣ я сама донесу, въ чемъ состоитъ слезная наша прозъба.

Я называюсь *Польская шуба*.

Я *кантусъ*.

Я *шамлукъ*.

Я *подкольной женской кафтанъ*.

Кунтышъ. Изволишь видѣть ясное мое солнышко, свѣтѣль мой мѣсяцъ, милосердая моя барышня! мы всѣ невѣдомо почему и за што про што выгнаны изъ пречестной нашей службы.—Начально изволь взглядѣться въ меня пристальнѣе, ну хуже ли я этихъ што нынѣ изволишь жаловать, *солоповъ*?—Ну што стали! каждая говорите теперь!

Шельмовка. Неужели я хуже нынѣшнихъ мантилій?

Польская шуба. Мои рукава съ прорѣхами, сжальтесь государыня и подумайте, не стоятъ развѣ уваженія?

Шлагфоръ. Соблаговолите разсмотрѣть милостивымъ окомъ, чѣмъ я хуже нынѣшнихъ куръ и куръ-фарме? (фурро и фурро ферме).

Полушлагфоръ. Хоть одно нынѣшнее платье можетъ ли быть толь легко и толь способно къ закрытію разныхъ тѣлесныхъ недостатковъ?

Кантусъ. Такой красивости, какъ я, не пригрѣзится и во снѣ ни одному нынѣшнему платью!

Подкольной кафтанъ. Какъ далеко кулику до Петрова дни, такъ всѣ нынѣшнія платья предо мною одна только дрянь.

Шамлукъ. А передо мною нынѣшнія платья всѣ сущія только розиньки.

Кунташъ. Тако за всѣхъ припадая къ стопамъ твоимъ, слезно просимъ удостоить насъ благостыннаго твоего покровительства и принятія насъ паки въ твою службу.

Мода. Государыни мои! служба ваша и видъ вашъ заслуживаютъ почтеніе, однакожъ у меня столь заняты мѣста, что сюръ монъ онеръ мнѣ теперь не куда васъ опредѣлить. Пожалуйте потерпите, и какъ скоро опорожнится мѣсто, то авосьлибо... я хотѣла сказать, вѣрно

вы будете опредѣлены.—Посмотримъ теперь, въ чемъ состоятъ ваши прозъбы государыни мои.

Чепецъ рожки. Мое имя, сударыня, рожки.....

Мода. Имя очень прекрасное, и чаятельно дано оное вамъ по свойству нѣкоторыхъ головъ.

Чепецъ рожки. Это правда сударыня; однакожь, не смотря на такое состояніе головъ, прежде мнѣ и за симъ по милости вашей оставалось довольно мѣста на головѣ.

Мода. Ваше требованіе?

Чепецъ рожки. Увы! смѣюль я... чтобъ опять....

Мода. Я понимаю... но лбы нынѣ и безъ васъ есть чѣмъ закрыть.... Извините.... вы что?

Сорока. Я чепецъ сорока.....

Мода. Я думаю, что многія изъ тѣхъ, которыя васъ носили, по справедливости могли бы на себѣ носить и ваше имя.—Я васъ помню, отгадываю ваши требованія и прошу не принимать труда.

— Вы?

Чепецъ лапша. Чепецъ лапша, которой...

Мода. Которой и долженъ остаться лапшею—Вы оба?

Чепецъ. Я чепецъ Королевино вставанье.

Другой. А я Королевино паденье.

Мода. О Королевиномъ паденіи я извѣстна, но о вставаніи не вѣдаю.—Наконецъ вы?

Чепецъ. Я чепецъ а ла грекъ, которой....

Мода. Которой тогда былъ въ употребленіи, когда было въ употребленіи и то, чтобъ имѣть даже и разсудокъ а ла грекъ.—А вы конечно подруга ея чепецъ а ла провидансѣ.—Я вамъ всѣмъ желаю веселиться.—Э! да вотъ приборъ лентъ а л' *еклипсѣ*.—Наименованіе онаго прибора (что значить затмѣніе) должно вамъ всѣмъ господамъ служить вмѣсто моего рѣшенія.—Прощайте!

Послѣ такового откланянья всѣ старушечки наши изволили выплыть вонъ.—Но сіе утро какъ будто опредѣлено было для проказъ. Вскорѣ доложили *Модѣ*, что старинныя матеріи просятъ позволенія быть допущены.—Какъ бы ты думалъ, кто это таковы были?—Вообрази себѣ!—Штофъ, изарбать, бѣлокосъ, грезеть, транценель, люстринь, рацеморъ, канфа, тафта, свистунъ, счиръ, камка и голевая камка.—Представь себѣ, что и сіи твари вздумали появиться предъ *Модой*! Вить не повѣришь, какъ намъ всѣмъ было на нихъ досадно, за то, что онѣ было вздумали утруждать *Моду* прозъбою на лучшихъ нашихъ пріятелей, какъ-то: на атласъ, на полосатыя матеріи, Французскую

тафту, кисью и даже на всѣ разнаго почтеннаго названія лино..... Да полно што! *Мода* не дала и заикнуться, имъ всѣмъ тотчасъ указаны двери, а мы всѣ довольно въ сіе утро поохотавши, разошлись отъ *Моды* въ веселомъ духѣ.

Прости мой милой! я бы къ тебѣ писала и больше, но проклятая щеголиха спѣшитъ на балъ.—*Mille pardons*, прости!

шляпа а la шарлотъ.

Переписка Моды, 1791, 206—213.

№ 67.

Отъ покоеваго чепца къ чепцу, Королевино вставанье.

Со времени твоего отсутствія многія женщины въ худомъ не только перемѣнились, но еще гораздо болѣе прежняго усовершенствовались. Тебѣ толковать не нужно, къ чему я клоню мою рѣчь... Ты понимаешь..... авантюры,рандеву, и..... ты сама отправляла должность женскаго убора и ты сама про то вѣдаешь.

Правду сказать, стоитъ только знать все извѣстное покоевымъ чепцамъ, чтобъ вѣдать, точно ли достовѣрны нѣкоторыя родословія. Подумай любезная пріятельница, чего мы не видали съ тобою на нашемъ вѣку?..... Сколько проказъ, сколько обмановъ, сколько хитростей и проводовъ *а la грекъ* и сколько ко лбу наклеенныхъ фигуръ *а la арабескъ*!

Въ доказательство даже и того, сколь многіе и отцы обманываются, почитая, что имѣютъ собственныхъ своихъ дѣтей, между тѣмъ, какъ подлинно оныя совсѣмъ имъ не принадлежать, хочу я тебѣ разсказать къ статѣ нѣкоторую исторію, которую моя госпожа читала въ слухъ въ какой-то книгѣ.

Умершій знатной господинъ, прошедши всѣ мытарства, напоследокъ изволилъ прибыть прямо въ адъ. Между множествомъ находящихся тамъ гѣней нашель онъ бѣднаго дворянина и стариннаго своего сосѣда Томаса. Сей, увидя знатнаго человѣка между бездѣльниками, ростовщиками и всякою адскою сволочью, не могъ воздержаться, чтобъ не изъяснить ему о томъ своего удивленія. «Возможно ли, вскричалъ онъ, чтобъ толь высокая особа могла находиться между толпою мошенниковъ и страпцовъ? Какъ? Васъ ли я это вижу Милордъ? Васъ ли, которой былъ толико знатенъ, почтенъ и добродѣтеленъ?—Скажите искренно, не впали ли вы послѣ моей смерти въ какое либо преступленіе?—Другъ мой! отвѣчалъ Милордъ я нахожусь здѣсь за то, что притѣснялъ вдовицъ и сиротъ для того, чтобъ обогатить единороднаго,

злонравнаго и неблагодарнаго моего сына.—Но ты, Томасъ, ты, которой всегда былъ добрымъ человѣкомъ, скажи пожалуй, за что ты здѣсь?—Увы! отвѣчалъ Томасъ, вы милостивой государь находитесь здѣсь для того, что несправедливо обогащали единороднаго вашего сына; а я по тому, что былъ единственною причиною его рожденія».

Покоевой чепецъ.

Мѣсяца Бранбургскихъ блондъ
въ 19 день.

№ 68.

Въ отдаленную нашу страну достигло извѣстіе о шляпахъ шарлотъ, почему на сихъ дняхъ всѣ здѣшніе щеголихи, собравшись къ Г-жѣ Промоталовой, по долгомъ совѣтованіи, напоследокъ сеймъ свой рѣшили тѣмъ, чтобы отписать о сихъ шляпахъ въ столицу къ нѣкоторой славной продавицѣ модныхъ товаровъ. Неизвѣстно еще, что послѣдуетъ по сей важной комисіи о шляпахъ. Удивительно однакожь то, что прекрасной полъ наипаче всего заботится о лоскуткахъ флеру и прочихъ матерій, пришитыхъ къ проволоку, которая согнута будучи продавицами въ нѣкоторой странной видъ, называется шляпкою. Съ позволенія прекраснаго полу можно сказать, что всѣ таковыя шляпы столь странны, что если бы подъ оными не видали мы прекрасныхъ лицъ, то думать надлежитъ, что при возрѣніи на оныя рѣдкіе въ силахъ бы были воздержаться отъ смѣха. Но видно, безъ сихъ модныхъ къ головѣ пристроекъ никакъ не въ состояніи обойтись прекрасной полъ. Можно подумать, что за великою тѣсною въ головѣ вздумалъ разумъ перебраться для жительства въ сіи придѣланныя къ головѣ антресоли».

Сатирическій Вѣстникъ, 1890, V, 10—12.

№ 69.

Въ каретномъ ряду дѣлаются сообразно нынѣшнимъ большимъ шляпамъ, и находящимися на оныхъ перьямъ, кареты двухъ сажень въ длину и трехъ въ высоту. Въ ономъ же ряду дѣлаются такія Аглинскія высокія коляски, на которыхъ подѣхавши можно говорить съ человѣкомъ, живущимъ во второмъ этажѣ; также удобно съ оныхъ входить прямо на балконы.

Сатирическій Вѣстникъ, 1890, I, 125—126.

№ 70.

Увеселяя городъ насмѣшествомъ надъ деревнею почти цѣлой мѣсяцъ, по справедливости должно, чтобъ та деревня городу отсмѣяла. Съ того времени какъ васъ съ нами нѣтъ, красавицы совсѣмъ изшались. Ихъ юбки, которыя пучиться и расширяться начали предъ вашимъ отъѣздомъ, дѣлаютъ теперь преужасную окружность, которая день отъ дня увеличивается: однимъ словомъ, съ того времени какъ наши дамы не стали быть подъ вашимъ надсмотрѣніемъ, нѣтъ средства ихъ удержать ни въ какихъ предѣлахъ. Вы хвалили простоту ихъ головныхъ уборовъ нѣсколько ранѣе, нежели надлежало; по крайней мѣрѣ, какъ вредительная мокрота въ больномъ часто выгоняется изъ одного мѣста въ другое, такъ излишность ихъ украшеній, вмѣсто того чтобъ быть со всѣмъ искорененной, кажется перешла только отъ головы къ нижнимъ частямъ; они приобрѣли въ широтѣ то, что въ высотѣ потеряли и противъ всѣхъ правилъ Архитектуры расширяютъ основаніе, а верхъ уменьшаютъ. Ежели бы они такъ какъ Испанскія лошади дѣлались отъ вѣтру беременными, такъ бы они никогда не могли изобрѣсть лутчей выдумки. Однако никто насъ по сіе время не увѣдомилъ о особенной надобности сихъ фишбейныхъ юбокъ, ниже о томъ, что они въ себѣ нѣчто другое заключаютъ, кромѣ самыхъ узкихъ вещей; такъ что мы въ великомъ затрудненіи постичь намѣреніе, ради чево они дѣлаются.

Дамы утверждаютъ, защищая сіи юбки, что они легки, и способны въ жаркое время; но сіе есть только видъ одинъ ихъ выправки и обманъ: ибо весь свѣтъ знаетъ, что нѣсколько уже годовъ не имѣли мы жаровъ толь умѣренныхъ, какія въ нынѣшнемъ лѣтѣ, и такъ жаръ, на который они жалуются, не отъ воздуха происходитъ. Не все еще тутъ: я бы охотно спросилъ сихъ такъ нѣжныхъ дамъ, для чево имъ прохладеніе больше надобно, нежели матерямъ ихъ оно надобно было.

Многія разсмотрительныя особы думаютъ, что съ нѣкотораго времени нашъ полъ сдѣлался весьма смѣлымъ, и что сіи китовыми обручами обложенныя юбки введены въ употребленіе для того, чтобъ насъ не близко къ себѣ допускать. Сіе подлинно, что женская честь не можетъ быть лутче ограждена, какъ симъ числомъ обручей, на нѣкоторое разстояніе одинъ отъ друга положенныхъ, среди толь великаго множества разныхъ наружныхъ укрѣпленій и окопныхъ линій. Такимъ образомъ одѣтая китовыми костями дама безопасна отъ приступовъ нахала, которой бы лутче сталъ любовь свою въ чану объяв-

лять, по примѣру Рыцаря Георгія Эстередга, нежели среди толь многихъ обручей.

Есть такія суевѣрные люди, которыя почитаютъ сію обложенную обручами юбку нѣкоторымъ чудомъ. Нѣкоторыя думаютъ, что она предвѣщаетъ паденіе Короля Французскаго, утверждаясь на томъ, что подвязныя женскія подушки проявились въ Англіи, немного прежде разоренія Монархіи Гиппанской. Иныя воображаютъ что она предсказываетъ войны и кровопролитія, и что она такое же вредное вдохновеніе имѣетъ какъ хвостъ кометы. Что касается до меня, такъ я весьма склоненъ вѣрить, что она намъ предвѣщаетъ умноженіе въ свѣтѣ людей, а не умаленіе.

Увидѣвъ въ первой разъ нѣкоторую даму въ такой юбкѣ, не могъ я удержаться, чтобъ ее внутренно не похулить за то, что она отважилась ходить по улицамъ въ такое время, когда она на сносѣхъ была; но скоро вышелъ я изъ своего заблужденія, когда всѣ протчія новомодныя дамы показались мнѣ столько же беременны, какъ она. По большей части думаютъ люди, что нѣкоторыя хитрыя женщины осѣтили другихъ въ свои обручи, чтобъ ихъ здѣлать участниками своего собственнаго стыда, которой они скрывать хотѣли, и чтобъ симъ средствомъ избѣжать нареканія народнаго, по примѣру тѣхъ хитрыхъ полководцевъ, которыя склоняютъ иногда по двѣ или по три дюжины своихъ друзей одѣваться въ такое же платье, какъ они, чтобъ не однимъ имъ подверженнымъ быть особливымъ нападеніямъ неприятеля. Распухлая юбка опровергаетъ всѣ различности людей, равняетъ мать съ дочерью, дѣвицъ, степенныхъ женщинъ, замужнихъ женъ и вдовъ.

Между тѣмъ крайне я соболѣзную, видя многихъ неповинныхъ дѣвушекъ хорошаго стану такъ раздутыхъ, что они идучи на силу переваливаются, какъ будто брюхатыя.

Ежели бы сія мода заразила простыхъ бабъ, такъ бы способа почти не было по улицамъ ходить; и такъ ужъ есть многія большія церкви, которыя весьма тѣсны становятся, и если сей новой обычай распространится далѣе, то должно опасаться, чтобы многія изъ нашихъ рукомеленницъ не принуждены были ийти искать себѣ мѣстъ въ предѣлахъ. Съ другой стороны, ежели бы мушны вознегодовавъ на сію шалость женщинъ, вздумали носить широкія на китовыхъ костяхъ здѣланныя штаны, такъ бы мужъ и жена заняли цѣлую лавку.

Вы знаете, государь мой, что Александръ великій, во время похода въ Индію, приказалъ зарыть въ землю различныя оружія, которыя очень велики были для воиновъ ево, чтобы дать потомкамъ высокія мысли о своей особѣ, и имъ вперить, что онъ Гигантами повелѣвалъ.

Ежели бы какая изъ нашихъ новомодныхъ повѣшена была въ какомъ нибудь хранилищѣ любопытныхъ вещей, и тамъ бы по прошествіи нѣсколькихъ колѣнъ найдена была, такъ я не сомнѣваюсь, чтобъ она не ввергла въ тоже заблужденіе тѣхъ, которыя послѣ насъ будутъ, по крайней мѣрѣ ежели только они не забудутъ почтенія къ своимъ прабабкамъ, и не подумаютъ, что они дѣлали себя чудовищами, чтобы приятные были.

Когда я разсматриваю сей новаго завода фонарь, и озираю ево со всѣхъ сторонъ, то тотчасъ вспомню древняго того мудреца, которой пробѣжавъ храмъ въ Египтѣ, и искавъ идола, которому тамъ кланялись, нашель на послѣдокъ маленькую черную обезьяну, поставленную среди пространнаго зданія и вскричалъ къ великому соблазну покланятелей; *возможно ли сіе, чтобъ такое великолѣпное зданіе служило жилищемъ такому смѣшному жителю.*

Хотя вы и восприяли намѣреніе въ одной вашей рѣчи не касаться до описанія уборовъ, однако я себѣ льщу, что при такомъ чрезвычайномъ случаѣ вы не почтете прекраснаго пола, недостойныхъ вашихъ попеченій и что вы приѣдете какъ возможно поскорѣй извлечь его изъ затрудненія окружающихъ его обручей, выльчить ево отъ новомодной болѣзни, которая ево мучить. Я почти не сомнѣваюсь, чтобы юбка сама отъ себя тотъ часъ не отончала, какъ скоро вы въ городѣ покажетесь, или по крайней мѣрѣ черта вашего пера принудить ее сжаться, какъ чувствительная трава свертывается, когда къ ней прикоснутся. На послѣдокъ вы тѣмъ одолжите немалое число людей, которыхъ сіе новое чудо въ страхъ и трепетъ приводитъ, а особливо того, которой есть и пр.:

Трудолюбивая Пчела, 1759, 542—554.

№ 71.

Письмо.

Государь мой!

Я имѣлъ въ недавномъ времени счастье обѣдать въ многочисленной компаніи состоящей изъ женщинъ, и заключену быть между широкими ихъ фишбинами. Вы легко догадаться можете, о чемъ я вамъ хочу жаловаться. Я оными такъ былъ сжатъ, что не могъ пошевелиться. Я оплакивалъ тогда горестно мою судьбину, потому что принужденъ былъ сидѣть цѣлые три часа почти безъ всякаго движенія, не смѣя тронуться изъ опасности, чтобъ не помять фишбинъ, кото-

рыми я на подобіе ограды спереди окруженъ былъ. Сіе приключеніе привело меня въ размышленіе о фишбинахъ, которыми я все оное нещастіе приписывать долженъ. Я совсѣмъ ничего не нашель, чтобъ могло служить къ ихъ оправданію, но паче представлялись мнѣ многія причины, кои употребленіе оныхъ опровергали. Не правда ли Государь мой, что не натурально, носить на себѣ толь ужасныя махины? Не странной ли видъ представляетъ женщина, украшеніе рода человѣческаго, будучи въ фишбинахъ? Весьма смѣшно, исправлять натуру такимъ образомъ. Разсматривая натуральное строеніе женскаго тѣла, увидите вы въ ономъ наилучшую пропорцію членовъ. Но смотря на-противъ того на женщину въ полномъ ея уборѣ, пропадаетъ вся оная пропорція. Она представляетъ фигуру, которой еще по сіе время нѣтъ подобной вещи. Изъ сего ясно видно, что сіе лицо съ правилами совершенства наблюдаемыми натурою совсѣмъ не сходствуетъ. По моему мнѣнію, изобрѣтатель фишбинъ подаваемыхъ лицу толь странной видъ, женской полъ весьма обидѣлъ, дозволивъ ему себя украшать такимъ образомъ. Я почти совсѣмъ того мнѣнія, что фишбины и шнурованья выдуманы такимъ мужемъ, которой хотѣлъ отмстить женѣ своей за присвоаемую себѣ вышнюю власть. Правда, онъ не могъ ей лучше отмстить, стараясь безъ сомнѣнія учинить жену свою отмѣнною, а особливо мужскому полу, смѣшною. Я не безъ причины уповаю, что мщеніе сіе было принято, и имѣло много подражателей. Но какъ женскому полу было прежде свойственно, быть непослушными мужьямъ, то для сей причины кажется, что вознамѣрилась она лишить мужей своихъ сего мщенія, введеніемъ оныхъ въ обыкновеніе. Мнѣніе мое кажется еще вѣроятнѣе, когда фишбины нигдѣ болѣе не въ обыкновеніи, кромѣ нашей части свѣта, а какъ извѣстно, что женщины въ другихъ частяхъ свѣта никогда не старались о присвоеніи себѣ власти надъ мужьями, то я не нахожу сему ни малѣйшаго слѣда древности. Я бы показалъ нѣкоторое почтеніе силѣ фишбанами, естлибъ могли онѣ быть оправдаемы древностію; ибо вамъ, Государь мой, извѣстно, что я склоненъ къ критикѣ, слѣдовательно долженъ имѣть великое почтеніе къ древностямъ. Но хотя бы и то было, однако не нахожу я ни малѣйшей въ оныхъ пользы и ни малѣйшаго намѣренія, для чего употребляются онѣ въ наши времена, когда уже упомянутое намѣреніе нынѣ здѣсь совсѣмъ не приличествуетъ. Вотъ, Государь мой, причины мои, кои меня увѣряютъ, что употребленіе фишбинъ достойно быть совсѣмъ отмѣнено. Я буду радоваться, естли склоню и васъ къ моему мнѣнію, имѣя уже съ своей стороны множество разумныхъ обоего пола людей. Но я думаю, что ласкаюсь тщетною надеж-

дою, зная, что вы весьма слѣдуете модамъ. Между тѣмъ прошу объявить о томъ, мнѣ ваше мнѣніе, и увѣряю, что я есмь

Вашъ Государя моего,
покорный слуга.

Праздное Время, въ пользу употребленное 1760, 31—33.

№ 72.

Отъ женскаго башмачка съ прорѣзною кожицею къ старинному башмачку стерлядкою.

Сколько тѣлодвиженіе ни полезно для тѣла человѣческаго, одна-кожь прекрасной поль по образу своей жизни весьма отъ онаго удаляется. Вставши въ десятомъ или одиннадцатомъ часу, пройти съ постели до самовара, оттуда въ уборную, въ коей два битыхъ часа драть волосы, подергивать голову то въ ту, то въ другую сторону, пальчиками тереть щеки бѣлилами и румянами, убирать голову, стягиваться шнуровкою, вздѣвать фижмы или бочки, разрядясь чепорно вытти въ гостинную, подобравшись сѣсть укомно, не смѣя болѣе ничѣмъ уже ворохнуться—вотъ утреннее тѣлодвиженіе!—По семъ доплыть до столовой, гдѣ довольно наполнивши желудокъ, сѣсть за ломберной столъ и не вставать до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время ѣхать въ спектакль или въ гости—вотъ послѣобѣденное движеніе!—Впрочемъ вязаніе филе, шитье въ тамбурѣ и прогулка въ покоевой каретѣ, въ коей, закрывши стекла, такъ сказать себя закупориваютъ, составляютъ самыя главнѣйшія тѣлодвиженія.—И такъ можно полагать, что зеленое сукно ломбернаго стола составляетъ для женщинъ поля и луга, въ коихъ прогуливаются ихъ пальчики, между тѣмъ какъ ножки ихъ безпрестанно будучи свѣшены, пріятнымъ образомъ затекаютъ и нѣмѣютъ; воздухъ въ спектакляхъ, составленной изъ помадъ и духовъ, замѣняетъ чистой и животворной, благоуханіе полей и рощъ. Туалетъ, филе и тамбурное шитье служатъ женщинамъ вмѣсто пѣшей или верховой прогулки.

Таковое самопроизвольное заблужденіе сопровождается многими бѣдствіями. Женщины, имѣющія лѣнивой желудокъ, наѣдаясь много, но проводя весь день, какъ говорится, сложа ручки, какъ могутъ ожидать быть здоровыми? Частыя несваренія желудка, отягительная тучность, безобразная дородность, тяжелые роды, скука, грусть, тошноты, обмороки, истерики и мигрень, бываютъ почти неизбѣжными послѣдствіями сидячей и праздной жизни.

Женщины весьма обманываются, полагая, что оную сидячую жизнь могут онѣ вдругъ замѣнить танцваньемъ, прыганьемъ и вертѣньемъ. Большая часть красавицъ столь бываютъ пристрастны къ танцванію, что не наблюдаютъ въ разсужденіи сего никакой умѣренности. Женщина или дѣвушка, четыре дни почти не трогаясь ногами, вдругъ за одинъ разъ до того допрыгается, что въ тоже самое время подвергается круженію головы и тошнотѣ, а на другой день на ногахъ находятъ мозоли и во всемъ тѣлѣ чувствуетъ хилость и боль. Таковое послѣ долговременнаго недѣйствія предприемлемое сильное движеніе болѣе наноситъ вреда, нежели пользы. И такъ модное прыганіе ни мало не можетъ замѣнить зла, происходящаго отъ моднаго сидѣнія и недѣйствія.

Всего лучше, дабы движеніе женщинъ соразмѣрно было количеству и свойству употребляемой пищи. Надлежало бы избирать такія упражненія, которыя относятся до движенія, а сіе учинить весьма не трудно; ибо изобильное, средственное и бѣдное состояніе имѣютъ для себя труды, каждому изъ оныхъ соотвѣтствующіе. Но сколь ни полезно тѣлодвиженіе, однакожь видно, что роскошь, лѣньность и прожорство, до того покорила людей подъ власть свою, что они совсѣмъ почитаютъ маловажнымъ толико нужной и необходимой предметъ для ихъ здравія.

Внедавнѣ я слышалъ, что въ какомъ-то городѣ, называемомъ *Неаполъ*, молодыя дамы и дѣвушки начали вводить въ употребленіе ходить пѣшкомъ. При словахъ *вводить въ употребленіе* я думаю, что ты захохочешь. Пожалуй себѣ смѣйся, еслии это для тебя кажется смѣшно; но что касается до нашей брательи башмаковъ, то сіе для насъ весьма чудесно!—Да и какъ подлинно чему не подивиться?—Четыре колеса, какъ кажется, нарочно сотворены для прекраснаго пола, дабы имъ служить вмѣсто ногъ. Рѣдкія вещи, какъ сказываютъ, содержатся въ хрустальныхъ банкахъ, наполненныхъ спиртомъ; а такія живыя совершенства, каковы красавицы, должны быть возимы за стеклами въ ящикахъ покрытыхъ лоскомъ.

Переписка Моды, 1891, 214.

№ 73.

Употребительнѣйшее платьѣ здѣшнихъ (московскихъ) Госпожъ раздѣлить можно на три слѣдующіе сорта: 1) Для баловъ въ торжественные дни, и для выѣздовъ въ знатные почтенные дома носятъ Дамы: *Русскія платья* изъ обѣрей, двойныхъ тафтъ, и изъ разныхъ какъ

Аглинскихъ, такъ и Французскихъ матерій, шитыя шелками или каменьями, юпками одинаковой матеріи или другаго цвѣту; *рукава* бываютъ одинакаго цвѣту съ юпкою; *пояса* носятъ по корсету шитые шелками или каменьями, по приличію платья; на шеѣ носятъ *околки*, или родъ косынокъ на вздержкѣ, или съ складками изъ бродѣ или изъ кружева; на грудь надѣваютъ *закладку* или *рубашинку* изъ Италіанскаго или изъ простаго флеру на вздержкѣ, а ко вздержкѣ пришиваютъ блонды или кружево; *рукавчики* въ дваряда, изъ блондѣ или изъ кружева складками, перевязываются лентами по пристойности къ платью.

2) Для выѣздовъ на партикулярные балы, на свадьбы и тому подобн., употребляютъ: *сюртуки безъ фраковъ*, флеровые и тафтяные полосатые съ цвѣточками и одинакихъ тафтъ разныхъ цвѣтовъ, также шитые шелками какъ по флеру, такъ и по тафтѣ, съ бѣлыми флеровыми юпками, какъ съ шитыми, такъ и съ простыми, и съ наклеюю бѣлою и цвѣтною съ фалбалами; на шеѣ *платки* и *рубашечки* съ мужскими воротниками, флеровыя, и линовыя бѣлыя и шитыя цвѣтными шелками; *рукавчики* такіежъ, какъ и къ Русскому платью; *пояса* изъ лентъ съ концами и съ бантами, и пряжки къ поясамъ стальные, или съ каменьями.

3) Для выѣзду въ Клубъ и въ Воксалъ употребительнѣйшія платья суть: *Сюртуки съ фраками*, съ высокими воротниками, узенькими и короткими, и родъ *Туркезовъ*, 1) ситцовые, тафтяные и флеровые; *рукавчики* расшнурованы ленточками; *лацкены* также расшнурованы оными, и на пуговицахъ, съ пряжками стальными и съ каменьями; *юпки* изъ лино, и по лино шитыя цвѣтными шелками; 2) кисейныя на подкладкѣ и безъ оной; 3) канифасовыя, шитыя шелками и простыя, обшиваемыя кружевами или бахромочкою, съ юпкою изъ таковой же матеріи съ фалбалами и безъ оныхъ; 4) шемизы съ фалбалами и съ рубцами; на шеѣ *платки* изъ лино и *рубашечки* съ мужскими воротниками и обобранныя кружевомъ; *пояса* по пристойности платья, или изъ лентъ, или нарочно тканые шелковые полосатые, писанные, и по кисеѣ печатные кушаки.

Магазинъ Англинскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ новыхъ Модъ.
1791, 1, 123—127.

№ 74.

Употребительнѣйшія дамскія платья въ нынѣшнее время суть:
1) *Молдованское*, съ короткими рукавами; шьется изъ атласу, флеру, канифасу, изъ турецкихъ, тонкихъ парчей и изъ прочихъ разныхъ

цвѣтовъ матерій; обшивается кружевомъ, блондами, шелковою и нитяною бахрамою, лентами, какъ гладью, такъ и складками; юпки къ сему платью носятъ бѣлыя, или по желанію одинаковаго цвѣту съ корсетомъ; кушаки повязываются по корсету съ концами и безъ концовъ. 2) *Сюртуки*, съ высокими воротниками разныхъ покроевъ, какъ то съ круглыми воротниками; полы назадъ и съ лацкенами; юпки къ сюртукамъ носятъ съ шемизами и безъ шемизъ, съ жилетами и просто съ кушаками, по пристойности. 3) *Піеро* изъ лино, шитыя шелками, нитками, кисейныя, канифасовыя, атласныя, шитыя, и съ затканными, каймами изъ всякой матеріи. 4) *Фурро-ферме* съ большимъ шлейфомъ. Также въ большомъ употребленіи вышивать всякаго рода сюртуки, піеро и другія нарядныя платья золотомъ, фольгами, бусами и каменьями, по пристойности, къ какому платью что прилично.

Магазинъ Англическихъ Французскихъ и Нѣмецкихъ новыхъ Модъ. 1791, I. 1791, 1, 25 ноября.

№ 75.

Модная и тщеславная женщина, дождавшись солнечнаго дня, надѣваетъ на руку брилліантовый перстень для того только, чтобъ разъ десять вернуть мизинцомъ, блеснуть кружкомъ, улыбнуться на разинутые отъ того рта и внутренно повеселиться на пяленье глазъ. И такъ важная сумма денегъ, по повелѣнію роскоши и моды, вмѣщается въ такой кружокъ, которой ни на что другое не можетъ имѣть своего вліянія, кромѣ мизинца тщеславныхъ людей и глазъ льстецовъ, пустослововъ и пустолобовъ. Въ чужихъ краяхъ упала цѣна на сіи камышки 50 процентами; изъ чего можно заключить, что у людей въ 50 разъ свѣтлѣе сдѣлалось душевное зрѣніе. Желательно, чтобъ и нашъ прекрасный полъ освободился отъ своего малодушія и отъ толико вреднаго и разорительнаго предубѣжденія о брилліантахъ. Истинныя прелести никакихъ не требуютъ прикрасъ, а совершенныя достоинства, кромѣ самихъ себя, ничѣмъ другимъ не могутъ быть украшены. При недостаткѣ прелестей брилліанты только что умножаютъ безобразіе; ибо привлекаютъ взоры и гѣхъ, которые бы безъ оныхъ никогда не имѣли случая разсмотрѣть нелѣпости лица. Рано или поздно люди должны возчувствовать все малодушіе, каковымъ исполнено прилѣпленіе ихъ къ блестящимъ камышкамъ. Жалко и смѣшно видѣть, что люди согласились заимствовать цѣну своимъ достоинствамъ помощію блестящей дресвы; ибо когда скидается съ руки пятитысячной кружокъ и по немъ

только же дорого стоящія достоинства, лице и голова, лишаются уже всей своей цѣны.

Сатирическій Вѣстникъ, 1891, VIII, 63—66.

№ 76.

Славной Француской сочинитель, котораго я позабылъ имя, пишетъ, что опахало выдумано въ Китаѣ въ 27308 году; кто сему не повѣритъ, тотъ справясь по Китайской хронологіи найдетъ, что Китайцы были прежде начала свѣта, или по крайней мѣрѣ они такъ говорятъ. Самопрекраснѣйшая *Каней* дочь самопочтеннѣйшаго Мандарина часто держала свою маску въ рукѣ, а иногда отъ жару ею и махалась, и отъ того произошло опахало. *Абатъ Флатори* привезъ его въ Италію въ 1634 году, оттуда оно перешло во Францію, въ Австрію и въ Великобританію; а наконецъ и Россійскія женщины оное приняли, когда оставили старинныя свои тѣлогреи.

Въ Парижѣ въ 1745 году считалось опахаловъ 20.000.000, они прекрасны и полезны; исправляютъ должность зефира; отвращаютъ солнечные лучи, отъ которыхъ загараютъ и княжескія лица; прикрываютъ не весьма хорошіе зубы и непристойныя усмѣшки: однимъ словомъ, они ко всему пригодны. Я не въ силахъ описать всѣ ихъ достоинства, и можно сказать безъ всякаго прекословія, что опахалы суть въ числѣ наилучшихъ выдумокъ человѣческаго разума.

Всѣмъ извѣстно, что красавицы почти безъ малѣйшей причины скоро могутъ разсердиться; а какъ отъ гнѣва, которой тотчасъ покажется на ихъ лицѣ, затмѣваются ихъ прелести, то весьма нужно знать, какъ въ такомъ случаѣ употреблять опахало. Послушайте меня красавицы и пользуйтесь сими наставленіями. Они не мои, но одной парижской вдовы, которая лѣтъ 70 была славною кокеткою. Она при мнѣ учила свою внучку: а что я слышала, то все здѣсь пишу.

Когда начнешь сердиться, покраснѣешь, станутъ напрягаться жилы и морщиниться лице; то ни мало не теряя времени надлежитъ развернуть опахало и изо всей силы махаться, такъ чтобы слышны были *кш, кш*. Сіе дѣйствіе очень помогаетъ гнѣву, прерываетъ слова и способствуетъ кусать губы.

Если же рассказываешь какую нибудь новость или случившуюся съ кѣмъ исторію, то опахало должно потихоньку развертываться употребляясь голобинуму крылу, и по окончаніи каждаго періода свертываться для означенія пункта. Если же объявляешь о какомъ нибудь веселіи, которымъ наслаждалась, или о назначенномъ и пріятномъ для тебя свиданіи; то взявъ въ правую руку свернутое опахало должно

говорить скоро и безпрестанно опахаломъ бить тихонько по лѣвой рукѣ: когда красавица произноситъ рѣчи съ восторгомъ, то смотрѣть на сіе пріятно.

Для объявленія о какомъ важномъ дѣлѣ, опахало имѣетъ другое употребленіе: его надлежитъ развернуть, потомъ потупя глаза смотрѣть какъ въ книгу, и будто въ немъ читать все, что говоришь. Многія женщины искусно сіе употребляя прослыли учеными и разумными.

Теперь скажу о сихъ веселыхъ часахъ, въ кои волокиты говорятъ красавицамъ страстныя и пустыя рѣчи, то естьли вывернется словцо двоякаго смысла; тогда свернутымъ опахаломъ, на подобіе палочки, должно съ великою скоростію и умѣренною силою ударить по пальцамъ или по крайней мѣрѣ по рукѣ такого смѣльчака, а послѣ сего удара усмѣхнуться и вымолвить *перестань пожалуйста*.

Знающія свѣтъ женщины умѣютъ опахаломъ изображать разныя страсти: ревность держа у рта свернутое опахало, не говоритъ ни слова; непристойное любопытство сохраняя стыдливость, закрываетъ лице развернутымъ опахаломъ, и смотритъ на то сквозь кости опахала, на что стыдно смотрѣть простыми глазами; а любовь играетъ опахаломъ, какъ младенцы игрушками, и дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ.

Не безъ причины опахало падаетъ изъ рукъ красавицы; сіе часто дѣлается для испытанія ея обожателей. Они всѣ за нимъ бросятся съ великою скоростію, и первый кто поднявъ подастъ красавицѣ и поцѣлуетъ ея руку, получить побѣду надъ своими совмѣстниками; его благодарить за учтивство, и въ такомъ случаѣ прелестной полъ болѣе говорить глазами, нежели языкомъ.

Но я описалъ еще не всѣ пользы опахала; естьли входить во всѣ подробности, то неостанетъ сего листа. Опахало имѣетъ свои выраженія, которыя любовники легко познаютъ; и оно имъ чрезвычайно полезно: какъ на примѣръ, будучи въ гостяхъ красавица нарочно позабудетъ свое опахало, то ея любовникъ конечно его къ ней отвезетъ, и симъ посредствомъ заведетъ знакомство. Или по крайней мѣрѣ отошлетъ при любовномъ письмѣ или стихахъ на что есть всегда причина отвѣчать.

О опахало! сколь безчисленны твои полезности! въ самое то время, когда неумолимая страсть иссушить прекрасныя руки, то и тогда надѣвъ на нихъ перчатки искусно употребляя всѣ твои игранія можно быть пріятною и съ морщинами. Я самъ слыхалъ отъ одной увядшей красоты, что она, лишась всѣхъ свѣтскихъ веселостей владѣетъ еще опахаломъ, и въ тебѣ находитъ свою отраду. Ты только

одинъ вспомошествоешь дурнымъ и старухамъ, коихъ всѣ волокиты убѣгаютъ: ибо хотя и доказана Невтономъ притягательная сила, однако онѣ никого къ себѣ не привлекаютъ; развѣ только ихъ червонцы, но и то не надолго.

Смѣсь, 1769, 3—8.

№ 77.

Опахалы, употребляютъ дамы вмѣсто хлопущекъ, для наказыванія хищныхъ мушинъ,—когда хищеніе происходитъ. Къ тому жъ употребляютъ оныя и лакомые ихъ глаза, дабы при людяхъ не смотрѣть на то явно, на что онѣ безъ людей охотно глядятъ открыто; и тогда опахалы обыкновенно проточены бываютъ булавками.

Любовь. Книжка золотая. 1798, 152.

№ 78.

Въ здѣшнемъ городѣ моды достигли до такого совершенства, что превратились въ науку и правила. Нѣсколько палочекъ или косточекъ, соединяемыхъ приклеенною къ нимъ тафтою или картинкою учинились въ рукахъ прекраснаго пола толь важными, что помощію сихъ игрушечекъ могутъ онѣ означать разныя страсти, желанія, инсказательства, хитрости, притворную строгость и проч. Сіи палочки красавицами предопредѣлены къ тому, дабы могли служить ихъ лицу родомъ подвижнаго полисадника. Полисадничекъ или заборецъ сей наиболѣе долженъ закрывать лице ихъ въ такомъ случаѣ, когда отъ зѣванія или хохотанія доходитъ дѣло до толь чрезмѣрнаго отверстія рта, что отъ того могутъ быть видимы или зубы или самое небо во рту. Подвижной сей заборецъ во время видѣнія чего либо неблагопристойнаго, или одного слышанія двоясмысленныхъ словъ, толь искусно поставляется противу глазъ, что закрывая оныя, не отнимаетъ средства все то видѣть и слышать. Когда отъ сердца кусаютъ губы или обкусываютъ зубками ноготки, подвижной сей щитокъ долженствуетъ прикрывать какъ дѣйствіе сіе, такъ равно дѣлать невидимою блѣдность или краску, которыя отъ гнѣва, зависти или стыда покрываютъ прелестное личико красавицы. Симъ палочкамъ нѣжной полъ также препоручилъ отправлять должность машины, производящей вѣтерокъ. Великихъ дарованій красавицамъ свойственно имѣть свѣденіе о томъ, сколько разъ можно махнуть вѣромъ, такъ чтобъ отъ сего косыночка, закрывающая ихъ грудь, приняла то прелестное положеніе, при которомъ вопреки булавокъ видима бы быть могла восхищающая непорядочность; также извѣстно имъ, сколько ударовъ вѣра потребно для того, чтобъ сія ко-

сынечка паки закрылась, или сколько оныхъ надобно для того, дабы пріятнымъ образомъ развѣвать свои волосы, придавая имъ такое восхищающее положеніе, которое кромѣ опахала никакая рука смертнаго доставить имъ не можетъ. Опахалы учинились нынѣ ручною бібліотекою пѣсенъ, нотъ и любовныхъ стиховъ. Въ тѣхъ бесѣдахъ, въ которыя собираются люди для такъ называемаго пріятнаго провѣденія времени, сія на палочкахъ приклеенная бібліотека переходитъ изъ рукъ въ руки и занимаетъ иногда собою цѣлую толпу петиметровъ и щеголихъ. Опахалы учинились такими картинами, которыхъ содержаніе можно понимать и безъ надписи внизу. Строгимъ и безприступнымъ по наружности красавицамъ забавное и шутливое изображеніе на вѣерѣ часто измѣняетъ и открываетъ о томъ, что онѣ по одному притворству противятся тому мальчику, который на нихъ обычно изображается. Нѣкоторыя красавицы, наскуча загадывать на кофеѣ и картахъ, ввели загадываніе вѣерами: для сего самого смѣшавши у продавца всѣ вѣеры вмѣстѣ, выбираютъ изъ оныхъ одинъ на удачу, а по томъ о предбудущемъ толкуютъ по содержанію изображеній, на ономъ находящихся. Впрочемъ когда красавица находится въ недоумѣніи, то пересбираетъ и считаетъ палочки вѣера, бьетъ онымъ себя по другой рукѣ, или свернувши держитъ у губъ. Говоря веселое, безпрестанно машутъ вѣеромъ. Когда щеголь рѣзвится, шалить, или проказничаетъ, то говорятъ, ударяя вѣеромъ: *Fi donc* или *finiftés-donc*. Роняютъ опахало для испытанія своихъ любителей и обожателей. Страстной любовникъ за щастіе почитаетъ, когда послѣ цѣлаго году своихъ исканій достигаетъ того верховнѣйшаго благополучія, чтобъ носить въ карманѣ вѣеръ обожаемаго имъ предмета. Опахалы служатъ также родомъ тайныхъ писемъ; ибо нынѣ подъ видомъ вольнаго обхожденія и учтивства влюбленной прежде всего проситъ позволенія написать на вѣерѣ, будто бы какое либо импромптю; нѣжные стихи, или другія какія либо изъясненія любви. Красавица нерѣдко подъ таковыми написанными стихами будто бы также безъ умысла что либо пишетъ, а сіе самое въ послѣдующее свиданіе страждущій обожатель пріемлетъ за отвѣтъ на его стихи и тайное объявленіе любви. Однимъ словомъ можно сказать, что самая богиня любви внушила людямъ выдумать сіи магическія палочки, которыхъ употребленіе приведено въ правила, и подлинно заключаетъ въ себѣ таинственную науку знаковъ красавицъ и щеголей.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, V, 20—28.

№ 79.

Мущина притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница.—Ахъ, какъ ты славенъ! Ужестъ, ужестъ: я отъ тебя падаю. Ахъ... ха, ха, ха.

Ахъ мущина, какъ ты не важенъ!

Ахъ мущина, какъ ты забавенъ! ужестъ, ужестъ; твои гнилые взгляды, и томные вздохи, и мертвова разсмѣшить могутъ. Ахъ, какъ ты славенъ: безподобной болванчикъ!—Ну естлибъ сказала я тебѣ: люблю, такъ вѣтъ бы я пропала съ тобою.—Почести: ты бы до смерти меня залюбилъ,—не правда ли? Перестанъ радость шутить, это ничуть не славно.

Ха, ха, ха: ахъ монкборъ, ты уморилъ меня! онъ живетъ три года съ женою, и по сю пору ее любить! Перестанъ душенька, это никакъ не можетъ быть: три года имѣть въ головѣ своей вздоръ.—Ахъ, какъ это славно! ха, ха, ха: необрѣтаемыя болванчики!—Ахъ, какъ онъ славенъ: съ чужою женою и помахаться не смѣетъ—еще и за грѣхъ ставить! Прекрасно! перестанъ шутить, почести, у меня отъ этаго сдѣлается тѣснота въ голосѣ.—Ахъ, какъ это славно! ха! ха! ха! Они до смерти другъ друга залюбятъ.—Ахъ мущина, ты уморилъ меня.

Живописецъ, 1772—1773, 61—62.

№ 80.

Нѣкоторому забавнику одинъ изъ друзей его говорилъ: для чего ты не унимаешь жену свою, которая въ одинъ день всѣ дома въ городѣ облетаетъ? Онъ отвѣчалъ: естлибы жена моя ходила каждой день по всѣмъ домамъ, какъ ты говоришь, то была бы она сего дня и въ моемъ домѣ; а я ее уже цѣлую недѣлю не вижу.

Прохладные часы

или

Аптека,

врачующая отъ унынія, и проч.

1793, мартъ, 198.

№ 81.

Она почитаетъ все время, въ которое она дома, потеряннымъ, и думаетъ, что внѣ свѣта находится, если не въ комедіи, не на прогулкѣ, ни во дворѣ. Она тревожима всегда тѣломъ и духомъ, и никогда

не спокойна въ одномъ мѣстѣ, когда думаетъ, что есть другая многолюднѣйшая компанія. Если она преминула быть на оперѣ въ первой разѣ игранный, то бы болѣе о томъ воспечалилась, нежели о смерти своего дитяти.

Собесѣдникъ любителей русскаго слова 1784, XV, 112.

№ 82.

Обыкновенные разговоры женщинъ подаютъ поводъ къ разпространенію ихъ слабостей. Говорятъ ли о новобрачныхъ; тотъ часъ навѣдываются, имѣютъ ли хорошую карету; ѣдятъ ли на серебрѣ; много ли платя въ приданое? Если разговоръ идетъ о отсутственной женщинѣ; то объ закладъ биться можно, что услышишь какое нибудь разсужденіе о ее убранствѣ и алмазахъ. Одинъ маскарадъ служить имъ на долгое время къ разсказамъ. А о праздникахъ круглый годъ перебираютъ, какъ въ которомъ случаѣ наряжаться прилично? Однимъ словомъ: болѣе смотрятъ на убранство и наружность, нежели на качество ума и сердца, кои однако единственно должны отмѣнять людей, и дѣлать ихъ другимъ полезными. Которыя женщины такимъ образомъ всегда упражнены наполнять свои головы цвѣтами, тѣ уже предпочитаютъ ненужное и поверхность вещей тому, что дѣйствительно составляетъ твердое щастіе и спокойствіе.

Всякая Всячина, 1769, 42.

№ 83.

Еще я вамъ жалуюся на обычай нашихъ женъ. Они все на свѣтѣ говорятъ при молодыхъ дѣтихъ обоого пола, и о болѣзняхъ и о родинахъ своихъ; однимъ словомъ обо всемъ. Сію неосторожность почитаю я за весьма вредную для молодыхъ дѣвицъ, и со всѣмъ не соотвѣтствующую той невинности, въ коей они должны быть содержаны, если родители хотятъ, чтобъ они были благополучны.

Всякая Всячина, 1769, 158.

№ 84.

Обыкновенные разговоры большей части женщинъ много способствуютъ къ содержанію природной ихъ слабости. Если говорятъ о новыхъ женихахъ, то онѣ тотчасъ освѣдомляются, естьли у нихъ шестерня, или серебряный сервизъ. Если наименуютъ какую отсутствующую госпожу, то объ закладъ биться можно, что онѣ будутъ говорить о ея рабронѣ-и юпкѣ. Балъ служить имъ къ пространнымъ разгово-

рамъ; и празднованіе дня рожденія доставляетъ имъ матерію на цѣлый годъ. Роза изъ драгоцѣнныхъ камней, алмазъ на шляпѣ, камзолъ или юпка золотомъ шитая суть самые обыкновенные предмѣты ихъ разговоровъ. Однимъ словомъ онѣ смотрятъ только на шитье и на все внѣшнее, и никогда не помышляютъ о свойствахъ ума, содѣлывающихъ людей достойными самихъ по себѣ, и полезными другимъ. Когда женщины заняты всегда тѣмъ, чтобъ льстить своему воображенію, и наполнять голову свою цвѣтами, то не должно удивляться видя, что онѣ наблюдаютъ болѣе вещи неважныя и поверхности жизни, нежели то, что содѣлываетъ постоянное и истинное благополучіе. Молодая дѣвица такъ воспитанная впадаетъ въ бѣду при видѣ перваго шитаго платья. Кружевные манжеты могутъ быть ея пагубою—что я говорю? Кружево, ленты, серебряные и золотые галуны, со всѣми сими пышными бездѣлицами, все сіе есть приманкою женщинъ, имѣющихъ слабой умъ, и худое воспитаніе, и можетъ, если молодой человѣкъ искусно все расположить, склонить самую неприступную и надменную кокетку.

Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова, 1784, XV, 109—110.

№ 85.

Теперь вы въ свѣтѣ поосмотрѣлись. Бѣдя по гостямъ, красотки наложили оковы на сердца, а щеголи равномѣрно имѣли счастье многимъ понравиться. Хотя Редутъ и Клубъ составляютъ тѣ почтенныя общества, въ которыя воспитанные и благомыслящіе люди собираются, дабы проводить время съ пріятностію и пользою; однакожь вы, послѣдуя модѣ, записывайтесь въ оныя только для того, чтобъ по модѣ проводить понедѣльникъ, вторникъ и четвергъ. Учините оныя мѣстами всеобщаго свиданія; мѣстами, которыя бы служили для васъ Академіями модъ, нарядовъ и вертѣнія. Блистайте своими платьями, плѣняйте красотою и прельщайте другъ друга безпрестаннымъ прыганіемъ. Не сидите ни минуты на одномъ мѣстѣ; но непрерывно бѣгайте туда и сюда и ходите изъ комнаты въ комнату. То старайтесь догнать ловко одѣтаго мужчину, или того, коего фізіогномія вамъ приглянулась. То, завидя вдали пріятелей вашего семейства, бѣгите спросить ихъ только о томъ: не знаютъ ли они, гдѣ ваши братцы? Шествуйте съ важностію и тихостію тогда, какъ примѣтите, что послѣдуетъ за вами не малая толпа отборныхъ франтовъ. Приманивайте оныхъ къ себѣ столь искусно, чтобъ они ни на пядень отъ васъ не отставали и ни на минуту бы не отлучались. Для испытанія возначинающей ихъ нѣжной къ вамъ привязанности старайтесь нарочно отъ нихъ будто убѣгать;

вмѣшивайтесь въ толпу и въ оной скрывайтесь отъ нихъ изъ виду. Потомъ сжалась надъ ними, подавайте имъ способъ скоро васъ находить. Но едва они успѣютъ васъ сыскать, для забавы продолжайте ихъ мучить. По томъ, подходя къ танцующимъ, пересмѣхайте веселость и неловкость знакомыхъ и незнакомыхъ дѣвушекъ. Нападайте болѣе на тѣхъ, которыя васъ прекраснѣе и въ танцованіи искуснѣе. Нападайте на тѣхъ, съ которыми болѣе говорятъ щеголи и болѣе ихъ хвалятъ, нежели васъ. Примѣчайте тутъ наряды, узнавайте о модномъ цвѣтѣ, о шляпкахъ, волосахъ, лентахъ, вѣерахъ и о перстняхъ. Оглядывайтесь почаще назадъ, дабы узнать, нѣтъ ли кого изъ вашихъ обожателей. Говорите искусно глазами и движеніями о желаніи вашемъ итти танцовать. Принимайте предложенія отъ тѣхъ, которые во время вашей прогулки за вами бѣгали, и кидали на васъ страстные взоры. Подавайте руку съ пріятностію, на умильное привѣтствіе усмѣхайтесь съ ловкостію, и тонко улыбайтесь при всякомъ вздрогиваніи пальчиковъ вашего кавалера. Мечите искры взоровъ вашихъ и жгите оными тающее сердце щеголя. Давайте замѣчать очаровательную томность глазъ вашихъ, и приводите симъ вертопраха въ пріятное замѣшательство. Вступайте въ разговоръ при началѣ шена, прерывайте слова или договаривайте оныя, когда дойдетъ очередь вамъ встрѣтиться. Въ сихъ движеніяхъ благосклонно позволяйте вертопраху сказать пятокъ или десятокъ смѣлинькихъ словечекъ. Если онъ имѣлъ щастіе вамъ понравиться, во время танцованія можете вы пошептомъ и непримѣтно для другихъ надоумить его, гдѣ вы живете, кто вамъ общіе знакомые и какъ онъ можетъ сдѣлаться вѣзжимъ въ вашъ домъ. Вообще танцованіе употребляйте средствомъ говорить о тѣхъ забавныхъ и невинныхъ предметахъ, которые опричь сего мѣста нигдѣ въ слухъ объявить не можно.—Старички и старушки между тѣмъ должны сидѣть въ одномъ мѣстѣ, или заниматься игрою, которая нынѣ совершенно замѣняетъ недостатокъ разума, освобождаетъ отъ разговоровъ и дѣлаетъ сіе упражненіе столь единообразнымъ и уравнивающимъ состоянія и свойства, что во время онаго не видно никакихъ отличностей и преимуществъ честей и дарованій. Они ни мало не должны внимать, въ чемъ упражняются ихъ дѣтки и что съ ними происходитъ. Довольно, если они во весь вечеръ раза два подойдутъ къ столу, на которомъ они играютъ. Довольно, если они минуты двѣ употребятъ на рассказы, кого изъ знакомыхъ видѣли, съ кѣмъ вертѣлись и гдѣ оставили своихъ братцовъ.—Отпускайте ихъ отъ себя скорѣе.—Бѣгите милыя красотки.—Вечеръ проходитъ, уже второй часъ и всѣ начинаютъ разѣзжаться. Поспѣшайте накоплять болѣе обожателей, дабы въ каждой

Редутъ и Клубъ, въ случаѣ отсутствія нѣкоторыхъ изъ нихъ, всегда имѣть готовую толпу щеголей, старающихся о снисканіи вашей благосклонности. Производите между оными поревнованіе отличаться услугами, нарядами, блистаніями и щегольствомъ. Старайтесь собственной вашей покой потерять скорѣе, и въ слѣдствіе предписанія моды поспѣшите лишиться вашего сердца, по большей мѣрѣ въ два или три посѣщенія Редута и Клуба. Модная дѣвушка неотмѣнно должна влюбиться въ кого-нибудь чрезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ своемъ въ городъ. Выборъ надлежитъ производить на удачу, и какъ говорится на выдержку, а послѣдствія предоставить слѣпому случаю. Довольно, если полюбится и не человекъ, но его красивый фрачекъ, высокій лифъ, пряжки, вертѣніе или усмѣшка. Въ таковыя обстоятельства сердца долженъ вмѣшиваться не разумъ, но глаза, и уши. Въ семъ случаѣ потребно знаніе въ живописи, а не въ размышленіи. Довольно видали, да и нынѣ слышно, что побѣждаютъ сердца одни тѣ личики, коихъ черты расположены по правиламъ рисованья. Нынѣ всѣ тѣ въ разсужденіи сего щастливы и перещастливы, которые имѣютъ длинной воротникъ, пряжки вдоль ноги, букли поперегъ лица, большой бантъ у шеи, маленькой пучокъ на затылкѣ, острой языкъ и пустой черепъ.

Карманная книжка, 1791, II, 8—17.

№ 86.

Давно мнѣ хочется къ вамъ писать. Я думалъ, что вы что нибудь объ насъ напишете; но по сей часъ еще ни въ одномъ листѣ ничего не нашелъ въ пользу нашу, хотя я изъ первыхъ всегда выбѣгаю изъ лавки, кой часъ рабята лишь покажутся на гостинномъ дворѣ со Всякою Всячиною. Я изъ сидѣльцовъ не первый богатствомъ, но однако на ваши недѣльные листы всякій разъ у меня сыщутся нужныя полторы и двѣ копейки. Я бы могъ проводить день довольно покойно; не смотря на то, что зимою и студено и угарно въ лавкѣ отъ жаровни, если бы только не случалось часто, что барыни войдутъ будто для покупки товаровъ въ мою лавку, а въ самомъ дѣлѣ они прохаживаютъ скуку, и отъ бездѣлья роются, и переменютъ мои товары безъ малѣйшей охоты что нибудь у меня купить: поминутно же того или другого спрашиваютъ; а какъ принесу, тогда имъ одно покажется дорого, другое не понравится, третье очень хорошо, да имъ не нужно; не рѣдко бываетъ, что даже до послѣдняго куска тафты или ленты ничто не останется на своемъ мѣстѣ: и истинно по выходѣ ихъ не иначе кажется, какъ будто бы домовый убралъ мою лавку по своему. Сверхъ того тѣ люди, кои бы заподлинно нѣчто купить хотѣли, видя столько знатныхъ ба-

рынь, не осмѣлятся ко мнѣ зайти, и пойдутъ мимо. Мнѣ же отъ того барыша мало, что люди лѣчатъ свои болѣзни прохожденіемъ, и зайдутъ ко мнѣ. Да если бы они что и купили, то рѣдко оно стоитъ труда, который имѣю въ укладываніи паки всего порядкомъ. Я васъ прошу написать что нинаестъ такое, что бы удержало барынь приходить лѣчить свою скуку въ мою лавку безденежно. Я же есмь

покорный вашъ слуга
гостиннаго двора лавочникъ
Фока Деньголюбовъ.

Всякая Всячина, 1769, 172—174.

№ 87.

Дамы напротивъ того разговаривали совсѣмъ о другомъ. Одна предлагала, чтобъ искоренить рабронты и карнеты, а ввести въ моду куньи шапки и чепчики съ шишами, другая на то не соглашалась и говорила, что всякая женщина фигурнѣе можетъ быть въ разлетаѣ, повязанномъ платкомъ італіанскимъ, и что бы тотъ платокъ былъ сянго цвѣта съ зелеными каймами. Третья, какъ будто по реестру, прокрикивала своихъ соперницъ, всѣми силами старалася ихъ опорочить и привести въ безславіе, и наконецъ пришедъ въ театральную пассію, ругала ихъ безъ милосердія: словомъ сказать въ короткое время сіе собраніе людей начало походить совсѣмъ на жидовскую школу, въ которой за ученическимъ крикомъ не слышно учителя, а за учительскимъ толкомъ не слышно учениковъ.

И То и Сіо, 1769, сорокатычетвертая недѣля.

Рецептъ Госпожѣ Непосѣдовой.

№ 88.

Больная должна чаще быть дома, и смотрѣть за своею экономіею. Тогда останется у нее гораздо меньше времени на безполезныя ея выѣзды, и она не здѣлаетъ столько вреда и друзьямъ своимъ и самой себѣ; а между тѣмъ принимать ей по три порошка въ день, составленныхъ изъ *благоразумія и истинной дружбы*, которыя произведутъ въ ней побужденіе къ услугѣ ближнимъ, и истинное дружество основывающееся на чести и добродѣтели, и нечувствительно вселить отвращеніе отъ вредныхъ пересказываній.

Трутенъ, 1769, изд. 3, 166—167.

№ 89.

Она почитаетъ все время, въ которое она дома, потеряннымъ, и думаетъ, что внѣ свѣта находится, если не въ комедіи, не на прогулкѣ, ни во дворѣ. Она тревожима всегда тѣломъ и духомъ, и никогда не спокойна въ одномъ мѣстѣ, когда думаетъ, что есть другая многочислѣнная компанія. Если она преминула быть на оперѣ въ первый разъ игранный, то бы болѣе о томъ воспечалилась, нежели о смерти своего дитяти. Она съ сожалѣніемъ смотритъ на всѣхъ женщинъ, славу ея пола составляющихъ, и почитаетъ невыправленными и малоумными тѣхъ, кои ведутъ жизнь благоразумную, кроткую и умеренную.

Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова, 1784, XV, 112—113.

№ 90.

Здѣсь не давно изъ рукъ въ руки переходятъ послѣ покойной извѣстной красавицы дѣвицы Ч. нѣкоторыя ежедневныя ея записки....

Впанедельникъ павечеру была pour faire visite госпожѣ Д. всеяторыя ни нахадилсь у ней были étrangement stupides. М-г Ч. тамъ не былъ Perdu 50 рублюфъ. Приѣхала дамой de fort mauvaise humeur. Примѣтила што М. est amoureux de la petite Б. которая хаша и странна, толка son chapeau lui allait bien. Княсь Д. также amoureux в Ж. Ане такія люди, што княсь porte la tête haute а та стучить ходя ополь. Уграфа М. кафтанъ считъ сновыми boutons d'acier, и оченна харашо, толка самъ собою онъ гадакъ, паТаму што ево menton touche à la troisième boutonnière. Для памяти: сказать Ч. штопъ онъ спилъ себе такой же habit.

Вавторникъ паутру паехали diner хграфине, Ч. также у était атмена была gai. Выискала tems гаварить авес Ч. бранила ево, што долга такъ невидался авес moi и не были у гаспажи Д. ни вклубе наглицкамъ бале. Сказаль, што былъ malade. La princesse очено была дурна адета. Perdu трицать рублюфъ, патаму што несматрела вкарты, авсію гаварила авес Ч. хатела бала сваи платить, аднакашъ Ч. сказаль, што играль самной en moitié да будта мне пависту il devoit пятьнацать и все за меня заплатиль. Маладая графиня всію lognait на Ч. ана была бесмужа: спрасить молать ли ихорощъ онъ? Приехалъ какойта толстой gentilhomme и изламалъ креслы, атьчево все — померли сасмеху.

Для памяти: envoyer un billet хгаспаже Д. штопъ она сказа-
залась *malade* и прислалапъ меня ксебе *invitez*, патаму штопъ ма мере
самной непаехала *elle craint les malades* а мненъ лучше былабесней
у voir Ч.

Всереду челаовекъ мой приніосъ назадъ маіо писмецо искавалъ што
Д. *est parti jusqu'au soir* надачу, долга нанеіо сердилась. Паехали
сматушкой ваглицкую лафки и купили *leservice de thé à l'Anglais*.

Для памяти: не забыть *inviter* ксебе завтре à venir prendre du
the гаспажу Д... Ужидофъ и армянъ видели хорошія тавары, пробыли
у нихъ два часа, Не забыть што ужидофскаго купца каторой живеть
возля мосту тавары всехъ протчихъ à meilleur marché. Видела *joli*
bague, Не забыть сказать au vieux prince штопъ мне ево *il fait pre-*
sent, Акрамя ево нетъ столка *riche et nigaud*. Между прочими китай-
скими *figures* видела *deux guenons*, искаторыхъ адна какъ две капли
воды *ressemble* на гаспажу К. не забыть *l'acheret* и падарить à М-г Р...
Приехали дамой абедать. *Surprise agreable de voir Ч.* онъ мне ска-
залъ што я была *jolie comme un ange—l'agreable homme!* Ево неможна
никакъ *comparer* съ маладымъ prince. Филосафъ С. приежалъ—*Le sot*
homme! Никогда нислова негаварить.

Для памяти: avoir toujours la gazette à lui donner à lire Дѣвица
М. а *sauté* par déssus une muraille штопъ s'enfuir съафицерамъ и aller
снимъ *se marier*. Чудныя дела! всіо пъ была прастителней еслипъ хаша
sauter par dessus une muraille, дятаво штопъ *se débarasser de son*
mari. Паехала à la comédie очено была тесна патаму што игралъ Д.
онъ дастоинъ d'être sifflé, аднакашъ весь горать и знатаки *est pour*
lui. Ч. nousa quitté, штопъ ити кграфине и ставо время кнамъ непри-
хадиль... Quel papillon! et cependant я немагу l'oublier.

Вчетверкъ en mauvais humeur, никуда непаехала. Приехалъ ма-
ладой prince. Многа ему праиграла, онъ мне сказалъ што есть сред-
ства *bien simple* ему заплатить—le frippon! Я ево ненавижу аднакашъ
онтакъ *seduisant* што имъ можна payer l'inconstance de Ч.

Для памяти: ce sont de ces amants qu'il faut garder à une cer-
taine distance Позда легла спать, долга не заснула, toujours occupée
du prince... Fi! я ево нелюблю. незнаю атьчево me tourmente—t—il
tant?

Впятницу праснулась позда, четверть часа взяла филе узнала
атматушки што Ж. вышла заграфа С. и здѣлалась графинею pen-
dant que je ne suis rien, Патаму недолжнали мн падумать de choi-
sir ma parti. Старая барынка К. сделала мне *declaration* штопъ я саг-
ласилась de se marier avec le gouverneur—несносная женщина. Когда

Р. могла быти за графа, С. за князя, Д. за генералъ-аншефа, В. за сенатара, З. за наместника, Н. за генералъ-порутчика, то какъ могла ана падумать *me proposer le gouverneur?*

Всуботу паехали наабеда кграфине. Ч. везде рыскаетъ, *mais je suis furieuse. Для памяти: finir avec lui.* Ч. кудата после абеда уехалъ паехали на балъ ккнязю В. *beaucoup de monde.* Ч. и тамъ такъа явился. *Il a été stupéfait de ma réserve envers lui,* онвесь балбылъ печалень. *Для памяти: se reconcilier avec lui.*

Васкресенье. въ церкви; *beaucoup de mal de tête.* нискарослая графинка стаяла вавсю абедню напышной падушке, *aussi paraît-elle* гаразда выше нежели всамамъ деле. Незабыть што эта великая помачъ для нискарослыхъ. *La princesse T.* очень позда приѣхала.

Для памяти: bonne façon de fixer l'attention du public. Патаму вбудущая васкресенье приехать должна мне переть самымъ атходомъ абедни. Мы всю абедню прагаварили съ графинкаи, ана впрочемъ *la personne la plus polie,* аднакашъ *bes souliers* очень свысокими каблуками.

Для памяти: Какможна праведать вкаторамъ приходъ служатъ абедню скарее очена жалела што непаѣхали въ Н. монастырь, тамъ толка *le zrende vous du joli monde* и *en huit minutes l'affaire est faite.* Куда какъ *la zrand Messe m'ennuie.* Священникъ нашъ челавѣкъ *bien étrange,* онъ всякаму *reproche ses fautes.* Куда какъ эти *sermons* мездормент. *C'est la messe du replus!* После абѣда пробыла долга набале у гаспажи Д. *Для памяти: ана желаетъ меня reconcilier сь Ч.* Великая боль вглаве. *Для памяти: je sui malade.*

Сатирическій Вѣстникъ, 1890, 11, 74—85.

№ 91.

Главнѣйшимъ опытомъ совершеннаго воспитанія и знанія въ обхожденіи почитается искусство надъ всѣми смѣяться и всѣхъ пере-смѣхать. Дамамъ и дѣвицамъ наипаче сіе упражненіе полюбилось. Многія изъ нихъ, не будучи съ природы одарены остротою разума, стараются замѣнить сіе начитанностію, и для сего не выпускаютъ изъ рукъ съ утра до вечера Спутника и Собесѣдника веселыхъ людей, Разумнаго и замысловатаго товарища и *Dictionnaire des bons mots.*

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, III, 100.

№ 92.

Знаніе въ обхожденіи и совершенныя достоинства почитаются здѣшними молодыми барынями въ томъ, чтобъ имѣть вольной и смѣющійся видъ, а паче такой, которой всѣхъ привлекаетъ. Лучшіе ихъ разговоры состоятъ въ похвалѣ своего вкуса въ нарядахъ, въ удивленіи модѣ и въ ругательствѣ тѣхъ, которыя ихъ прекраснѣе и умнѣе. Онѣ, общая пріѣхать, заставляютъ себя долго дожидаться, и иногда вмѣсто себя присылаютъ съ слугою извинительную цыдулочку. Шумное собраніе называютъ онѣ пріятнымъ; а гдѣ и скучно, ради божиться, что тамъ для нихъ весело. Въ одинъ день стараются онѣ объѣздить двадцать домовъ, изъ которыхъ половина знакома съ ними по однимъ только визитнымъ билетамъ, и по нимъ только извѣстны имъ имена и отчества хозяевъ. Карты составляютъ главное ихъ упражненіе; веселость или мрачность ихъ духа зависитъ непосредственно отъ выигрыша и проигрыша, изъ которыхъ по первому всегда берутъ въ кошелекъ, а другой записываютъ только въ карманную книжку. Онѣ все дѣлаютъ по модѣ. Смотрятъ въ театрѣ однѣ только модныя піесы, читаютъ однѣ только модныя книги, хвалятъ, любятъ и знакомятся съ людьми, которые только въ модѣ. Образъ мыслей ихъ и чувствованія сердца зависятъ также отъ моды. Счастіе и несчастіе ихъ также во власти моды. Онѣ невольницы и данницы моды. Молодая барыня, отлучившись на лѣто изъ города, живетъ счастливою въ деревнѣ; но осенью возвращаясь паки изъ оной, ясно усматриваетъ все злополучіе свое. Важныя вещи, которыя отягощаютъ мрачною мыслию ея голову и разрушаютъ ея благоденствіе, суть какого либо новаго манера складки и оборки около юбки, моднаго цвѣта матерія, которой у ней нѣтъ, новаго рода башмачки, шляпки на одинъ или на два вершка болѣе или менѣе, круглой или остроконечной воротничокъ у сюртука, и широкая или узкая спинка у платья.—Такимъ-то образомъ всякое легкомысліе и всякая пустота въ разсужденіи прекраснаго пола учинились тѣми опорами, на коихъ мечтаютъ онѣ утверждать блаженство свое, и думаютъ доказать достоинства свои и благовоспитанность.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, IV, 57—61.

№ 93.

Отъ ложныхъ обмороковъ къ истерикѣ.

Надлежитъ тебѣ вѣдать, что нынѣшній образъ жизни и нѣкотораго рода модныя понятія учинили *притворное хвораніе и недомога-*

тельство весьма употребительнымъ; почему самому и мы *ложные обмороки*, равно какъ и всѣ ложныя болѣзни, находимся въ великой модѣ.

Женщины помощію насъ притворныхъ обмороковъ достигаютъ исполненія всѣхъ своихъ желаній. Если красавица захочетъ обновокъ, то она впадаетъ въ такой жестокой обморокъ, изъ котораго не прежде въ себя приходитъ, пока тронутой тѣмъ мужъ ея не подастъ вмѣсто спирта нѣсколько золотыхъ денегъ, которыхъ она предъ симъ просила у него на наряды. Если ей захочется брилліантовыхъ серегъ, склаважу или перстня, она также впадаетъ въ *притворной обморокъ*, отъ котораго прежде не можетъ освободиться, пока несчастной мужъ не поднесетъ ей подъ носъ футляра, наполненнаго желаемыми ею камнями. Если она похочетъ новаго экипажу, новой ливреи, новыхъ въ домѣ мебели, въ такомъ случаѣ она также прибѣгаетъ къ помощи обморока, отъ котораго не прежде соглашается опаматоваться пока мужъ ея не отвезетъ въ каретной рядъ 600 рублей, пока слуги не будутъ одѣты какъ куколки, и доколѣ не увидитъ она въ дому желаемыхъ ею трюмо, люстръ, жирандолей, фонарей, креселъ, канане и тому подобнаго. Когда женщина бываетъ въ чемъ либо точно виновна, но естли ей хочется, чтобъ одинъ мужъ ея былъ не правъ, то стоитъ ей только упасть въ *притворной обморокъ*. Однимъ словомъ, женщины при помощи нашей производятъ великія чудеса, а жены изъ мужей, что хотятъ то дѣлаютъ.

Вообще всѣ притворныя болѣзни избираются нынѣ для разныхъ замысловатыхъ цѣлей. Дѣвушка, желая скорѣе вытти за мужъ, покашливаетъ предъ своимъ батюшкою, которой по томъ узнаетъ, что она уже впала въ чахотку. Родитель ужасается, и страшась, чтобъ дочь его не сѣла у него на рукахъ и чтобъ женихи не стали за нею требовать часть отчасу большаго имѣнія, прибавляетъ еще нѣсколько тысячъ къ ея приданому и поспѣшаетъ какъ бы ни есть выдать ее за мужъ до открытія совершенной чахотки.

Переписка моды, 1790, 189—192.

№ 94.

Человѣкъ я не старый, провождающій жизнь свою по большей части въ деревнѣ, и не смотря нато, что многіе думаютъ, будто молодая голова неспособна къ разсужденіямъ, разсуждалъ я на свой вѣкъ довольно, а правильноль, или нѣтъ, того судить не могу. Я весьма любопытенъ, а больше въ томъ, что касается до моего отечества. И

такъ увидя изъ писма господина Примѣчаева, напечатаннаго въ вашей довольно полезной (въ иныхъ мѣстахъ) Всякой Всячинѣ, что къ вамъ сообщена роспись о обычаяхъ, пришедшихъ въ Русь отъ Татаръ, вознамѣрился васъ просить, чтобъ во оной приискать: ниже слѣдующій обычай отъ Татаръ ли къ намъ пришелъ, или изъ другаго какого государства? Когда же въ росписи его объ ономъ не упоминается, то прошу, чтобъ вы сами постарались удовольствовать мое любопытство.

Но прежде, нежели вамъ сказать о предметѣ онаго, хочу описать, что меня къ сему побудило. Имѣлъ я дѣда, который меня и воспиталъ, сіе уже и доказываетъ, что онъ былъ старъ по тому, что прижить сына, дожидаться отъ него себѣ внука, и онаго воспитать до двадцати лѣтъ, есть знакъ, что должно быть стару. Сей вышереченный дѣдъ мой любилъ жену свою по самую смерть съ такою горячностью, что и въ женихахъ любить больше не возможно, при томъ слѣдую обычаю умныхъ стариковъ, часто мнѣ дѣлалъ правоученія, и между прочимъ говаривалъ мнѣ: когда Богъ тебя приведетъ жениться, такъ люби свою жену такъ, какъ я люблю мать твою; (я всегда такъ бабушку называлъ) и ты будешь благополученъ.

Я же слѣдую словамъ его, какъ пришелъ въ совершенныя лѣта, убѣгалъ всѣхъ случаевъ, чтобы безразсудно влюбясь, не жениться на такой, которая бы своимъ поступкомъ довела меня до ненависти къ себѣ. На конецъ нашедъ такую дѣвушку, которую узнавъ, увидѣлъ, что достойна всей моей привязанности, въ нее влюбился, былъ столько счастливъ, что понравился и ей, и соединился съ ней на вѣки.

По окончаніи же свадьбы (которая была въ деревнѣ по тому, что и жена моя сельская же жительница) всѣ сосѣди мнѣ присовѣтовали ѣхать въ Москву и Петербургъ, чтобы показать моей молодой женѣ сѣи города, которыхъ она не видывала: на что я и согласился. Приѣхавъ же въ Москву, и повидавшись съ роднею и друзьями своими, поѣхалъ по обычаю въ маскарадъ. Тамъ, слѣдую склонности сердца своего, я не отходилъ прочь отъ жены своей: по обыкновенію своему доказывалъ ей своими поступками свою привязанность. А когда увидѣлъ, что меня пересмѣхаютъ, тотъ часъ спросилъ у своихъ знакомыхъ, нѣтъ ли такой странности въ моемъ поступкѣ, которая бы возбуждала ко смѣху? На что они отвѣчали мнѣ слѣдующимъ образомъ: привязанность твоя къ женѣ причиняетъ сей смѣхъ по тому, что ничего страннѣе нѣту, какъ видѣть мужа и жену влюбленныхъ другъ въ друга. Я почелъ сей отвѣтъ за шутку по тому, что оное мнѣ отвѣчали холостые, уже давно знакомые со мною; пересказалъ сѣи слава

для смѣха на другой день въ одномъ домѣ, гдѣ почти все женатые случились; но и тѣ самымъ важнымъ голосомъ мнѣ сказали, что етимъ словамъ смѣяться нѣчему, ты де живучи въ деревнѣ не знаешь здѣшнихъ обычаевъ; а мы живучи не только здѣсь, но бывая въ Петербургѣ, довольно ихъ затвердили, и знаемъ, что однимъ мѣщанамъ свойственно любить женъ своихъ, и что намъ это не прилично; а у насъ и то пропускается межъ глазъ, когда жена отъ мужа и любовника имѣетъ, да и мужъ оное хотя знаетъ, такъ молчитъ, и самъ такъ же ей измѣняетъ. Сіи слова соединенныя съ примѣчаніями моими, что и за подлинно такъ думаютъ и поступаютъ большая часть мужей, и что тѣ жены, которыя измѣняютъ своимъ мужьямъ, и имѣютъ почти явно любовниковъ, столько же почтенны, какъ и постоянныя и любящія мужей своихъ, побудили еще любопытство узнати отъ васъ, откуда къ намъ пришелъ сей обычай? ибо я слыхалъ отъ дѣдушка своего, что жены въ старь любливали своихъ мужей, мужья ни стыдились любить ихъ, и ни для какихъ на свѣтѣ причинъ не терпѣли отъ нихъ измѣны, и рогоносцами слыти стыдились; и что не вѣрныя жены всегда явно были презрѣнны. Изъ чего я заключаю, что сей обычай есть не Россійскій. И такъ ожидая съ нетерпѣніемъ отъ васъ на сіе отвѣта, и прося, чтобъ сіе письмо напечатать, такъ же увѣряя, что когда вы удовольствуете мое любопытство, и мнѣ позволите къ вамъ сообщать мои примѣчанія или разсужденія, то я не отрекусь по тому, что я право не лѣнивъ, и люблю примѣчанія свои описывать, хотя и не очень складно, да чтожъ дѣлать, писать хочется; да я же и не сочинитель; а и сочинители иногда вздоръ пишутъ; такъ меня извинить можно. Въ прочемъ препоручая себя въ вашу благосклонность, пребуду вашъ, государь мой

покорный слуга

Ефимъ Трудолобовъ.

Всякая Всячина, 1769, 297—301.

№ 95.

Много, другъ сердечный Бѣсъ! есть страннаго въ свѣтѣ. У насъ Госпожа Петронія чудеса творить. Она часто мужу своему бываетъ матерію, бабушкою, а часто и барынею, а онъ ей сыномъ, внучкою и слугою. Иногда она въ болѣзни заставляеть его какъ старая бабушка выносить вонъ все, что надобно. Иногда выздоровѣвъ даетъ ему матернія наставленія, чтобъ былъ человекъ добрый, чтобъ наблюдалъ економію, и чтобъ никогда не игралъ въ карты; а иногда перемѣняя

любителей посылаетъ его за новыми, которыхъ число у нея не малое; а онъ бѣдный простачокъ все дѣлаетъ, чего она ни захочетъ. Съ нею жила прекрасная Флоринда дочь ея, которая добродѣтель недавно исчезла, хотя мать всегда ее не худу учила, и часто говорила: будь цѣломудренна, дѣвушка, и будь чиста яко Ангель; однако, что въ правоученіи, когда учительской жизни примѣръ оному не соотвѣтствуетъ? Хотя, говорю, мать берегла ее и отъ яснаго солнышка и никогда ее и на шагъ отъ себя не отпускала; однако теперь въ свѣтѣ толь много Ясоновъ, что она и стоглазнымъ своимъ смотрѣніемъ прекраснаго дочернина золотого руна сбѣречь не могла, и оно вдругъ со всѣмъ пропало. Мать узнавъ о томъ чрезъ шесть мѣсяцевъ изъ какого-то ихъ примѣчанія, принудила дочь сказать, кто былъ ея Ясонъ, и когда узнала, что тотъ, въ котораго она сама была влюблена, то начала рвать на себѣ волосы, бить Флоринду по щекамъ, и плакать неутѣшно. Мужъ видя жену въ такомъ слезномъ состояніи думалъ, что она сѣтуетъ о дочерниномъ злключеніи, но ты знаешь настоящую ея печали причину.

Адская почта, 1769, 291—292.

№ 96.

Другъ Бѣсъ! твоему кривому глазу и Лорнетъ не помогаетъ. Ты думаешь, что сія красавица, потерявъ прежнюю красу своего лица, перестанетъ быть красавицею? Худо же ты, другъ! знаешь свѣтъ; вить сія госпожа красавица давно мнѣ знакома: ибо бѣсъ кого на свѣтѣ не знаетъ? Она уже и десятой доли прежней красы не имѣетъ, однако съ часу на часъ больше имѣетъ любовниковъ; денежекъ-то у нихъ довольно, а ты знаешь, что любовники похожи на воробьевъ, которымъ хоть на навозъ насыпь, они всю разклюютъ. Ежели же сія барышня утратитъ любовниковъ, которые теперь къ ней учащаютъ, то ты думаешь что съ ними вся ея роскошь погибнетъ? Нѣтъ братецъ! она очень умна и знаетъ свѣтъ. Когда будутъ прелести ея на дрожжахъ, тогда она выдетъ за мужъ. Теперь на ней сватается нѣкоторый откупщикъ, но еще ей рано за него вытти за мужъ: такія барыни умѣютъ въ сѣти свои ловить такихъ мушкетъ, которые имъ надобны. Знаешь ли ты вдову Алкмену, у которой одинъ мужъ умеръ, а въ десяти она теперь недостатка не имѣетъ? Она на взглядъ живетъ весьма постоянно. Нѣкто коронный Директоръ плѣнился ея прелестями, и онъ посредствомъ золота, сыскалъ то щастіе, которое прежде слугамъ его и даромъ она не отказывала. Онъ прежде служилъ у нѣкотораго знатнаго откупщика въ лакѣяхъ, на конецъ вошелъ въ такую

своего барина милость, что здѣлался его прикащикомъ; по томъ взялъ откупщикъ его въ торгахъ своихъ въ половину; на конецъ онъ по смерти своего барина здѣлался такою же пѣвицей, чужое добро сосущемою, каковъ былъ и его баринъ, и теперь имѣетъ великій капиталъ. Пожалуй посмотри въ свой ларнетъ, и увидишь въ ту сторону, которая предбудущее показываетъ, что Алкмена скоро освободить его отъ тяжести того серебра, которымъ онъ владѣетъ.

Адская почта, 1769, 296—297.

№ 97.

Я читалъ во Всякой Всячинѣ, что не любить свою жену есть обычай Татарофранцузскій. Но не знаю откуда сіе происходитъ, что *Стозмей* всѣхъ злословить, старается всякому здѣлать зло, и любить одну только *Перекрасу*, которая такая исправная и искусная любовница что стараясь оказать *Стозмю* свою горячность, подражаетъ ему въ злословіи, и тѣмъ увѣряя что кромѣ его никого не любить, имѣетъ другаго любовника, которой всякое утро ее тайно посѣщаетъ. Она больна въ глазахъ *Стозмня*, и бѣдный *Стозмнѣй* крушится; а для другаго здорова, и съ нимъ весело проводить время. Чудно, что *Стозмнѣй* вѣдаетъ, что дѣлается въ чужихъ домахъ, кто кому истинный другъ, кто ненавидитъ бездѣльниковъ, однимъ словомъ знаетъ все, кромѣ того, что ходитъ съ рогами.

Смѣсь, 1769, 223—224.

№ 98.

Нѣкоторой госпожѣ потребно вѣрности въ любовныхъ дѣлахъ до нѣсколька тысячъ пудъ для того, что не имѣетъ она онаго ни золотника. За такой товаръ заплатятъ ее любовники весьма дорогою цѣною.

И То и Сіо, 1769, тридесятая недѣля.

№ 99.

Въ нѣкоторой улицѣ догналъ я пару людей: они шли другъ ко другу весьма близко, и поддерживали одинъ другога подъ руки: одна была пригожая женщина, а другой угреватой мущина; идучи они шутили и хохотали изо всей силы, а по одалъ ихъ выступалъ молодчикъ, прижавши руки къ сердцу весьма печально, и казался такимъ, какъ будто бы онъ что нибудь потерялъ. Я тотчасъ догадался, что онъ былъ мужъ веселой той женщины, которая забавлялась съ волокитою; и какъ сталъ я размышлять далѣе, то тотчасъ добрался, какъ будто бы самой

изрядной угадчикъ, что сей молодець, женися на этой красавицѣ, потерялъ изрядное и выгодное для него мѣсто. Съ начала ихъ брака она его ненавидѣла, и перемѣняла любовниковъ своихъ такъ часто, какъ бѣлые сорочки; а мужъ несчастной человѣкъ, подавая ей къ тому прежде поводъ, принужденъ былъ всегда молчать: ибо сожитель, котораго укоряетъ собственная его совѣсть, рѣдко осмѣливается выговаривать женѣ своей такіа крайности; а особливо женѣ такой, которая довольно имѣла и власти показать своему мужу, что она его жена, но жена еще съ именемъ. Такимъ образомъ идучи, повѣся голову, сей несчастной человѣкъ проклиналъ свой выборъ для того, что чрезъ сожительницу свою здѣлался онъ посмѣшищемъ цѣлаго города; но проклиная онъ его весьма тихо, дабы не услышала того жена, которой онъ не только боится, но и ужасается.

И То и Сіо, 1769, тридцатьчетвертая недѣля.

№ 100.

Есть женщина лѣтъ пятидесяти. Она уже двухъ имѣла мужей, и ни одново изъ нихъ не любила, послѣдуя модѣ. Достоинства ея слѣдующія: дурна, глупа, упряма, расточительна, драчлива, играетъ въ карты, пьетъ безпросыпу, бѣлится въ день раза по два, а румянится по пяти. Она хочетъ за мужъ, но приданова ничего нѣтъ. Кто хочетъ на ней жениться, тотъ можетъ явиться у свахъ здѣшняго города.

Трутенъ, 1769—1770, изд. III, 35.

№ 101.

Для наполненія порожнихъ мѣстъ, по положенному у одной престарѣлой кокетки о любовникахъ штату, потребно поставить молодыхъ, пригожихъ и достаточныхъ дворянъ и мещанъ до 12 человѣкъ; кто желаетъ въ поставкѣ оныхъ подрачиться, или и сами желающіе заступитъ тѣ убылыя мѣста, могутъ явиться у помянутой кокетки, гдѣ и кондиціи имъ показаны будутъ.

Трутенъ, 1769—1770, изд. III, 39.

№ 102.

Вотъ ѣдетъ госпожа! она вчерась вышла за мужъ, а севодни спѣшитъ на свиданье съ любовникомъ. Ха, ха, ха!

Трутенъ, 1769—1770, изд. III, 173.

№ 103.

Мужъ и жена.

Охотникъ въ карты мужъ играть:

Надъ картами потѣеть

Отъ картъ не богатѣеть,

Скудѣеть.

Охотница жена съ любви дань собирать:

Сбирая дань потѣеть,

Трудомъ симъ не скудѣеть,

Трудомъ симъ богатѣеть.

Супругу мужъ свою подозрѣвалъ,

Увѣщевалъ

Сіе отринуть дѣло.

Жена ему на то сказала смѣло:

Теперь я зрю сама,

Что нѣтъ въ тебѣ ума.

Когдабъ не я пеклась о нашей денегъ тратѣ,

Такъ былъ бы ужъ давно ты мужъ мой въ Магистратѣ.

Трутенъ, 1769—1770, изд. III, 190.

№ 104.

Многія женщины нашего вѣка не почитаютъ преступленіемъ, одного любить и шестерыхъ обманывать, и говорятъ, что истинная любовь требуетъ отъ любовника вѣры, или слѣпой довѣренности, то есть видѣть и быть слѣпу. Модныя любовники такъ и поступаютъ: они притворяются, будто во всемъ вѣрятъ своимъ любовницамъ, хотя думаютъ совсѣмъ противное. Они иногда попускаютъ себя такъ, какъ искусныя Министры, обманывать для того только, что бы способные извѣдывать обстоятельства.

Трутенъ, 1769—1770, изд. III, 227—228.

№ 105.

Представляется вдовушка лѣтъ дватцати—ужестъ какъ не дурна! нарядъ ее показываетъ довольно знающую свѣтъ, подлѣ нее въ пре-богатомъ уборѣ сидитъ согнувшейся старикъ въ видѣ любовника: онъ изображенъ отягченнымъ подагрою, хирагрою, коликою, удушьемъ, и словомъ всѣми припадками, какія чувствуютъ старички при послѣд-

немъ издыханіи. Спальня и кабинетъ сей вдовушки скрываютъ двухъ молодыхъ ее любовниковъ, которыхъ она содержитъ на изживеніи сѣдова старика, въ должности помощниковъ. Она дѣлаетъ это для облегченія старости своего возлюбленнаго.

Трутенъ, 1769—1770, III, 295.

№ 106.

Супругу мужъ любя, желалъ всегда быть съ ней
Во всяко время:

Супругъ было то тяжело бремя

Желала, чтобы къ ней

Былъ мужъ похолоднѣй:

Любовь еіо супружня мучить,

Супругъ присутствіемъ своимъ ей скучить

Она не видя съ нимъ веселыхъ дней,

Всей силою старалась

На время отъ себя ево поотлучить

И вольность получить:

Чтобъ страстную любовь иному облегчить.

Передъ мужемъ притворялась

И такъ,

И сякъ,

Какъ можетъ вообразить объ етомъ всякъ,

И мужу говоря она чистосердечно:

Я вижу то давно, что боленъ ты конечно,

Что всяку ночь, когда ты очень крѣпко спишь,

Прежестoko храпишь;

И такъ представь себѣ, что мы подвласны року,

Вообрази, что ты боль чувствуешь жестоку,

Любезной мой супругъ, и дарагой мой мужъ!

А мужъ хотъ былъ здоровъ и дюжъ;

Да самъ себѣ не вѣрить.

И думаетъ онъ такъ: жена не лицемѣритъ,

И правду говорить.

Что цвѣтъ въ лицѣ ево не свѣжъ, и самъ онъ зрить,

По слабости своей такъ точно рассуждаетъ,

Супругъ угождаетъ

И боль предупреждаетъ

Искуснова Врача велѣлъ къ себѣ призвать,

Сталъ Лѣкаръ по рублю на всякой день клевать.

Больнова посѣщая,
 Лѣкарствами ево здоровье изнуряя,
 И сущую ему горячку приключая.
 Хоть выдумка сія была и хороша,
     Да мало барыша:
     Супруга въ горѣ
 Прибѣгла къ способу другому вскорѣ,
 Больному начала совѣты подавать,
 Коль сможешь ты, мой мужъ, хоть чуть вставать,
 То лутче всякой день по разу проѣзжаться,
     А нежелъ всіо лежать
     И немочь умножать.
 Мужъ долженъ и сево былъ правила держаться,
     Изволилъ проѣзжаться.
 Чтожъ вскрылось на конецъ изъ случая сево?
 А вотъ идетъ молва народнаго здѣсь гласа,
 Что вышла та болѣзнь на верхъ главы его,
     И здѣлалась на лбу его прикраса.

Трутенъ 1769—1770 изд. III. 250—251.

№ 107.

Господинъ Живописецъ!

Долго ли тебѣ устремлять гнѣвъ твой на женскій полъ и выдумывать нелѣпыя лжи, обвиняя насъ неспособными безчиніями. Вѣдай, что мы выходимъ изъ терпѣнія; и естли ты невоздержись отъ злословія, такъ берегись.—Сносно ли это, что въ послѣднемъ твоёмъ листѣ нѣкоторую женщину попрекаешь ты ревностію! такимъ порокомъ, отъ котораго мы давно избавились.—Заврался мой свѣтъ: это не правда, знай что многія жены не столько о мужьяхъ своихъ думаютъ, чтобы стали къ нимъ ревновать, и только что терпятъ ихъ, а не любятъ—и какъ можно такъ любить мужа: не понятно, странно, смѣшно, уморилъ ха! ха! ха!—ревновать къ мужу, любить его: этого я никакъ не понимаю... Видѣть мужа всякой часъ, сидѣть съ нимъ обнявшись, говорить съ нимъ нѣжно, да еще и ревновать къ нему—фуй! какъ это не ловко: конечно это какая нибудь сумазбродная женщина... Что это за старовѣрка, чтобъ быть прицѣпленной къ своему мужу, и ревновать ко всякой: но это быть не можетъ; нынче вѣкъ просвѣщенной! воспитаніе наше безпримѣрно: мы мужьямъ нашимъ даемъ свободу знаться съ тѣми женщинами, съ которыми хотятъ; и довели ихъ до

того, что и они намъ тоже позволяютъ. Понмаетъ ли пустая твоя голова, что отъ етова-та и происходитъ благополучіе нашихъ семействъ и согласная жизнь наша; отъ того мы и не разводимся съ мужьями, а живемъ въ одномъ домѣ: видимся въ недѣлю по разу, ѣздимъ въ комедіи, прогуливаемся съ милымъ человѣкомъ то въ городѣ, то за городомъ. Такая неподобная вольность можетъ ли насъ когда нибудь противу мужей приводить въ огорченіе: нѣтъ; въ листѣ твоёмъ описанная ревнивость есть твоя глупая выдумка; и для того-то я симъ письмомъ многихъ оправдать вознамѣрилась. Мы знаемъ, что письмо о ревнивости писалъ ты самъ, а не посторонней. Нѣтъ нынѣ такихъ мужей, которые бы такой вздоръ описывать захотѣли, и безъ причинно бы стали злословить женъ своихъ такимъ гнуснымъ порокомъ, которой давно уже изтребился. Прощай.

Живописецъ, 1772—1773, VII, 113—114.

№ 108.

Одна здѣшняя госпожа въ преужасномъ находится бѣшенствѣ. Причину сей болѣзни приписуютъ тому, что бывшіе у ней послѣдніе полюбовники, за безчинныя похабства ея презрѣли. Лѣкари того города отказались, потому что не знаютъ и имени сей болѣзни, да и лѣкарствъ къ исцѣленію оной не имѣютъ. Мужъ сердечно свою жену любя объявляетъ, если кто ея отъ такой болѣзни вылѣчитъ, тому онъ уступаетъ въ награжденіе за трудъ половину изтертаго въ любовныхъ дѣлахъ ея сердца, предоставляя другую половину себѣ.

Живописецъ, 1772, изд. VII, 233—234.

№ 109.

Письмо господина Ревнивана къ своему пріятелю. Увѣщаніе противъ ревности.

Извѣстно тебѣ да будетъ любезный другъ, что я недавно женился. Жена моя молода, пригожа, достаточна и притомъ, какъ всѣ говорятъ, предобрая женщина; а для меня всего лестнѣе то, что она до замужества своего никогда въ городахъ не бывала. Ето все нехудо,—но живши со мною четыре мѣсяца въ деревнѣ, захотѣла она зиму въ городѣ препроводить, а я—что сказать—я недавно женился, жена моя молода и пригожа, я ея люблю—и мы въ городѣ живемъ; однако жъ у меня кажется все какъ будто бы мухи на лбу прыгаютъ. Я не думаю чтобы я отъ природы ревнивъ, и правду сказать, жена

моя мнѣ прежде къ тому никакой причины не подала. Но идучи недавно къ ней въ спальню, услышалъ я у дверей, что она невѣдомо кому то говорила: «сегодня душенька никакъ невозможно, но завтра мужъ мой все утро дома небудетъ, я тебя буду ожидать въ двенадцатомъ часу, не позабудь другъ мой, въ двенадцатомъ часу». Пфу пропасть! говорилъ я самъ себѣ—*мужъ дома не будетъ—часу въ двенадцатомъ—въ спальнѣ*.—Между тѣмъ увидѣлъ я изряднаго молодца, который, какъ будто бы боялся меня, въ самой скорости бѣжалъ на низъ по лѣстницѣ. Я его хорошенько непримѣтя бросился тотъ часъ въ спальню къ женѣ моей и спросилъ ея съ смущеннымъ видомъ: кто отъ тебя вышелъ?—Никто душа моя, отвѣчала она, кромѣ парикмахера.—Нельзя статься, я видѣлъ мушину, который собою былъ изряденъ и статенъ.—«Повѣрь мнѣ душа моя, ты кромѣ его другаго никого не могъ видѣть». Она выговорила сіе съ легкою замашкою, которая меня вѣще еще въ подозрѣніе утвердила; невинной ея видъ служилъ мнѣ въ семъ случаѣ доказательствомъ, что она въ любовныхъ хитростяхъ имѣла изрядные успѣхи.—Не обижай меня мой свѣтъ, говорилъ я ей съ важнымъ видомъ; скажи мнѣ, что то за человѣкъ, которому ты велѣла завтра прийти къ тебѣ въ двенадцатомъ часу.—Ктожъ бы иной молвила она, какъ не Мосье пудръ, французскій парикмахеръ? ты вѣтъ душа моя завтра къ утру хотѣлъ со двора ѣхать, и такъ я велѣла ему ко мнѣ прийти, чтобъ сего дни можно было мнѣ ити съ тобою гулять.—Ахъ матушка сказалъ я, развѣ у тебя нѣтъ горнишной дѣвки?—я самъ прежде вѣдь раза два простоволосую тебя видѣлъ, а нынѣ ты позволяешь проклятому французу въ волосахъ твоихъ рыться.—Чтожъ дѣлать душенька, говорила она, госпожа Полунова послѣдній разъ въ дружеской довѣренности сказала мнѣ, что всѣ уборкѣ моей смѣются, и обѣщала прислать ко мнѣ французскаго парикмахера, который въ здѣшнемъ городѣ всѣхъ знатныхъ госпожъ чешетъ; ты знаешь душенька, что въ городѣ по городски жить должно. Я перемѣнилъ рѣчь и пошолъ съ женою моею прогуливаться, однакожъ, правду сказать, мнѣ никакъ не нравилось, что молодой французъ станетъ руками своими жать голову жены моей.

Я никакъ не думалъ, чтобъ дѣло сіе на другой день меня дома удержало, но какъ бы то ни было, я нечувствовалъ ни малѣйшей охоты со двора ѣхать. Въ одиннадцатомъ часу лакей ввошедъ въ гостинную сказалъ, что какой то молодой человѣкъ къ барынѣ пришелъ; жена моя услышавши сіе велѣла его къ себѣ пустить. Ай, ай думалъ я, французскій парикмахеръ очень поворотливъ, ему велѣли быть въ двѣнадцатомъ часу, а вотъ онъ уже въ одиннадцатомъ здѣсь. Любо-

пытство мое побудило меня вступить въ разговоръ съ симъ фризе-ромъ, а сперва, сказать правду, мнѣ пришла странная охота, увидѣть его чрезъ ключевую въ замкѣ дирочку. Я приложилъ глазъ къ дирочкѣ, но—какое было мое смущеніе! —я видѣлъ Мосье пудра предъ женою моею на колѣнкахъ, поднявшаго правую ея ногу нѣсколько вверхъ и жмушаго ея съ великою горячностію между обѣихъ своихъ рукъ. Я не сомнѣвался, что онъ для изъявленія любви своей станетъ у жены моей ножки цѣловать, если я между тѣмъ не покажусь; однако я не упущая времени вошелъ къ нимъ въ комнату къ великому ихъ удивленію. Жена моя ужаснувшись вскричала: «Боже мой! Я думала, что тебя дома нѣтъ. Ты мнѣ кажется обѣщался сего дни въ кому то въгости» — бѣдной соперникъ мой оставя ногу жены моей всталъ и сдѣлалъ мнѣ весьма низкой поклонъ.—Покорный слуга Мосье пудръ сказалъ я ему; мнѣ кажется ты больше стараешься убирать мою голову, а не жены моей.—«Какой Мосье пудръ, говорила жена моя; это Иванъ Каблукъ, башмашникъ графини... Пойди другъ мой съ мѣркою твоею, я ожидаю парикмахера... однако... если ты душенька въ гости не ѣдешь, я не стану сего дни чesаться и лучше поѣдемъ вмѣстѣ на мызу».—Я былъ радъ, что жена моя дурачества моего не примѣтила, и избѣгая дальнѣйшихъ о сапож-никѣ изъясненій согласился тотчасъ ѣхать съ нею на мызу, и вышедъ отъ нея съ поспѣшностію сказалъ, что я шляпу и трость свою возму.

Нѣсколько дней спустя повстрѣчался паки подобный первому не-пріятный случай. Проклятые парикмахеры, и чортъ знаетъ, разные другіе люди безпрестанно въ мой домъ и изъ онаго бѣгавшіе, вскру-жили напоследокъ голову мнѣ такъ, что я не смѣлъ больше въ ком-нату жены моей прямо ходить, но всегда прежде смотрѣлъ сквозь ключевую въ замкѣ дирочку, кто съ нею. Въ одинъ день увидѣлъ я жену мою въ комнатѣ одну, съ неизвѣстнымъ мнѣ Мосье, который ни какъ ни на парикмахера, ни на башмачника похожъ не былъ. Она стояла предъ нимъ въ одной юпкѣ безъ платка на шеи; онъ смотрѣлъ на нея неподвижно стоя, какъ будто удивляясь прелестямъ ея; одна-кожъ правду сказать не пылающими глазами любовника смотрѣлъ на нее, но больше съ холодностію купца, торгующаго невольницами. Въ семъ случаѣ жена моя представлялась мнѣ прелестною черкесинкою, которую турецкій купецъ съ головы до ногъ осматривая цѣнить, стоитъ ли она столько, сколько за нее требуютъ. Я не могъ отъ смѣха удержаться, смотря на сіе позорище, котораго предмета ни какъ не пости-галъ; на конецъ стало мнѣ досадно, что нѣкое мужское чучало смот-рѣло съ такою не чувствительностію на прелести тоя женщины, на которую я никогда безъ сильнаго движенія сердца смотрѣть немогъ,

не взирая на то, что она жена моя. Притомъ мнѣ также противно было, что жена моя не стыдилась, представить себя въ смотрѣ столь нечувствительному чучалу, какія бы въ прочемъ намѣренія его не были. Отворяя дверь,—что это душа моя? сказалъ я, конечно госпожа Получнова рекомендовала тебѣ сего Мосье вмѣсто камерюнкеры? выговоря сіе увидѣлъ я въ рукахъ мнимаго моего совмѣстника бумажную мѣрку и лежащую на столѣ тавту для мантили. Узнавъ симъ образомъ всю тайну, увѣрился я наконецъ, что честный мастеръ Цигенбокъ для меня никакъ неопасный человѣкъ.

Слѣдующій случай былъ для меня чувствительнѣе прежнихъ. Послѣ не многихъ дней увидѣлъ я паки въ комнатѣ жены моей неизвѣстнаго мнѣ мужчину, который, какъ казалось, былъ въ весьма тѣсномъ знакомствѣ съ любезною моею мучительницею. Онъ снялъ съ ее верхнее ея платье, даже платокъ съ шеи безъ малѣйшаго со стороны ея сопротивленія; собачьи его глаза прогуливались, какъ мнѣ казалось, съ великимъ восхищеніемъ по любезному мнѣ мѣсту;—сія тварь зашедъ потомъ сзади начала распуцать шнурованье у моей жены съ такою проворностію, что я привычки ея въ семъ дивился. Какъ скоро примѣтилъ я, что шнурованье совсѣмъ распущено, не могъ ни какъ болѣе на сіе съ терпѣливостію смотрѣть, что далѣ будетъ. Ввошедъ въ комнату вскричалъ я, что это за новость матушка? развѣ этотъ человѣкъ прачка, или швѣя госпожи Получновой, что онъ пришелъ снять съ тебя мѣрку для шитья тебѣ рубашекъ? что вы здѣсь дѣлаете? ай, ай душа моя я за тебя стыжусь!—«Вы стыдитесь за меня? пожалуйста скажите мнѣ, что за грѣхъ примѣрить нсвое шнурованье». Подлинно грѣха никакого нѣтъ говорилъ я, но если ты не хотѣла дѣвки позвать я бы самъ тебѣ лучше оное примѣрилъ. Какъ! вскричалъ Мосье Епенгль съ насмѣшкою: *мой шнуръ и разшнуръ всяка божья день много знатна косношъ и замушникъ и дввицъ*.—Нехудо, мосье Епенгль, сказалъ я, ты счастливый человѣкъ продолжай твое дѣло;—прости душа моя, что я тебѣ помѣшалъ,—съ симъ вышелъ я изъ уборной отъ моей жены, стыдась, что я хотя и правъ но все не разуменъ.

Все что я до нынѣ рассказывалъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ сказать, слѣдуетъ есть ничто;—смотря по привычкѣ моей сквозь ключевую въ замкѣ диру увидѣлъ я съ любезною моею супругою на постелѣ мужчину, который съ виду не похожъ былъ ни на парикмахера, ни на башмачника, ни на портнаго. Онъ не держалъ ея за ногу, не сымалъ съ нея верхнего платья, ниже распуцалъ ея шнурованья, но былъ прежнихъ скромнѣе, и не скромнѣе... Я видѣлъ его... я увидѣлъ... словомъ сказать, я былъ увѣренъ, что онъ совмѣстникъ мой, котораго

за горло схватить я право имѣлъ. Стараясь отворить дверь, я нашелъ ее замкнутою; сіе, такъ же и примѣченная мною жены моей стыдливость, и тихое ихъ шептаніе, принудили меня въ комнату вворваться. Сломавъ ногою дверь вбѣжалъ я въ оную безъ памяти. Неможно себѣ представить въ какомъ мы всѣ трое находились состояніи. Жена моя поблѣднѣвъ безчувственною сдѣлалась въ постелѣ; мнимой мой совмѣстникъ вскоча и краснѣя какъ индѣйскій пѣтухъ, неподвижными на меня смотрѣлъ глазами; я по переменѣ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ. Позвавъ дѣвку велѣлъ ей стараться привести жену мою въ чувство, самъ же схвата немедленно неизвѣстнаго мнѣ мужчину, нечая ему ни слова выговорить, столкнулъ съ лѣсницы. Вскорѣ узналъ я, что почтенный человѣкъ, съ которымъ я такъ грубо поступилъ былъ докторъ. Жена моя нарочно за нимъ посылала, дабы онъ осмотра ее сказалъ беременна ли она, или нѣтъ. Я весьма стыдился моей глупости но притомъ не мало и радовался, что въ семъ случаѣ былъ дуракъ, а жена моя честная женщина; пускай господинъ докторъ говорить, что я деревенскій невѣжа; но кто въ подобныхъ обстоятельствахъ вспомнить о городской вѣжливости?

Я посылаю тебѣ любезный другъ сіе простое описаніе поведеніе доброй деревенской четы, въ надеждѣ, дабы узнать твои мысли о царствующемъ у насъ обычаѣ употреблять мужчинъ къ такимъ дѣламъ, которыя въ старину одни женщины исправляли. Я не говорю, что сомнѣваюсь въ честности моей жены, но какъ бы то ни было, я уже съ такимъ восхищеніемъ рассматриваю ея прелести мнѣ одному принадлежащія, съ тѣхъ поръ какъ я наслаждаюсь оными купно съ парикмахерами, башмашниками, разнаго рода портными и докторами. Лучше если бы мы въ деревнѣ остались!—Я есмь вашъ покорный слуга.

Оома Ревнивинъ.

Санктпетербургскій Вѣстникъ, 1781, VII, 277—286

№ 110.

Красавица жена.

Готовъ... вотъ нова мысль, промчались вести,
 Што въ самый лучшей вѣкъ,
 Безъ обстоятельства женился человѣкъ,
 И взялъ жену себѣ, лзя вымолвить безъ лести
 И я не погрѣшу,
 Когда скажу, што взялъ жену онъ хорошу,
 Которой приобрѣлъ себѣ довольно чести...

Што жъ сталоса потомъ?
А вотъ, къ нему съѣзжалось въ домъ,
По всякой день гостей содомъ:
Услуги всякъ ему показывать старалса,
И въ дружество втиралса;
А штобъ пріязнь къ себѣ женатова сыскать,
Изъ всѣхъ силъ ттилиса друзья ево ласкать.
Женатой не спѣсивъ
И былъ учтивъ,
Честъ дѣлалъ онъ сколько могъ наружно;
А съ нѣкоторыми и обращался дружно.
Съ чистосердіемъ всегда,
И вотъ што дѣлалъ иногда:
Расказывалъ инымъ не сказку, но былицу,
Што взялъ свою жену, какъ надобно дѣвицу...
Всякъ ттилса похвалой ему вѣнокъ плести;
А больше штобъ съ женой знакомство завести,
И сердце ей свое на жертву принести...
Онажъ, какъ нѣжное имѣя чувство съ роду,
И чтя за лучшую Парижку моду:
Штобъ обожателей прельщать,
И вольность иногда не многую прощать...
Въ пріятной жизни сей не протекло и года,
Какъ понаскучила супругу эта мода;
Да чѣмъ помочь?
Друзья безвыходно и день и ночь,
И не отходятъ прочь,
Отъ сей красавицы ни на минуту...
Мужъ чувствуетъ досаду люту!
Симъ ревность стала въ грудь супругу вложена;
Пускать, мнить, въ домъ къ себѣ друзей весьма опасно,
Съ друзьями у жены согласно,
Беремѣнна жена,
Мужъ видитъ это ясно...
Не стало силъ сносить пріятельскихъ проказъ:
Супруга занялась съ гостями разговоромъ;
А мужъ не ласковымъ сосѣда встрѣтилъ взоромъ,
И сдѣлалъ онъ сему пріятелю отказъ!
А за эдаку шутку:
Не много не попалъ какъ рыбка самъ на удку,
Или яснѣй подъ штрафъ.

Да на ково жъ пѣнять, когда въ чомъ самъ не правъ?..
 Когдабъ онъ взялъ жену не такъ себѣ завидну,
 Имѣлъ бы часть свою всегда онъ безобидну;
 Красавица жена, достойно то хвалы;
 Но мужу есть она не што, какъ кандалы.

Разсказчикъ забавныхъ басень, 1781, I, 70—72.

№ 111.

Кокетка.

Страстью нѣжною пылаю,
 Хоть покрыта сѣдиной;
 Но любовью я стараю,
 Въ ней потерянь мой покой

* * *

Всѣ ругатели поносно
 Старость лѣтъ моихъ гласятъ:
 О морщинахъ; хоть несносно;
 Да пусть ихъ говорятъ.
 Не смотря на ихъ укоры,
 Мнѣ хотъ сто кто дай имянъ,
 Старость спрячу подъ уборы
 И подъ множество румянъ.

* * *

Мнѣ кокетствовать пріятно,
 И мущинамъ отвѣщать,
 Но мнѣ ето не понятно,
 Можноть страсти воспрещать?

* * *

Можноть свѣту угодити?
 Можноть имъ довольной быть?
 Мнѣ не можно не любить,
 Въ вѣкъ хотя кокеткой слыть.

*
*
*

Въ сорокъ лѣтъ еще не чужды,
Утѣшенія въ любви.
Въ страсть вдаюсь я не отъ нужды,
Коль есть жаръ въ моей крови.

Разскащикъ забавныхъ басень, 1781, Полное второе, 15—16.

№ 112.

Нѣкоторый откупщикъ сказалъ своей женѣ, что онъ слышалъ въ бесѣдѣ, что будто всѣ мужья ихъ ремесла почитаются за рогоносцевъ, включая какого то одного. какъ бы думала душенька, кто бы это таковъ былъ, спросилъ онъ ея? Это трудненько узнать другъ мой, отвѣчала она.

Что нибудь, 1870, IV, 4—5.

№ 113.

Въ бесѣдѣ кто то говорилъ,
Который посвѣту бродилъ:
Какіе въ Турціи прекрасные законы!
Въ какомъ тамъ изобиліи жоны!
Не полюбилась та, другую выбирай,
И сколько хочешь ихъ имѣй, лишь пожелай.
Тутъ мужъ сказалъ женѣ: какое тамъ раздолье!
Когдабъ я жилъ въ такомъ приволье,
Ужъ то то бы себя повеселилъ!
Жена въ отвѣтъ: ты тамъ дурной бы Турокъ былъ.

Лькарство отъ скуки и заботъ, 1786, 1, 12.

№ 114.

Женѣ своей сказалъ супругъ:
Хотя пригожъ Клеонъ;
Но онъ
Я слышалъ, будто евнухъ
О! нѣтъ
Мой свѣтъ

Жена ему въ отвѣтъ:
Неправда это, увѣряю;
Ево я очень знаю.

Лькарство отъ скуки и заботъ, 1786, 1, 12.

№ 115.

Вертопрахова имѣеть отъ роду не болѣе осьмнадцати лѣтъ: съ первымъ мужемъ она жила только два мѣсяца; богата довольно; собой хороша; говорить по французски, играетъ на клавирѣ, танцуетъ прекрасно; поетъ какъ Ангелъ. Она зная, колико вѣтренны и непостоянны нынѣшняго вѣка мущины, презираетъ молодыхъ вертопраховъ (такъ изъясняется она въ своемъ письмѣ), а желаетъ принять мужа нѣсколько пожилого, а и того лучше, ежели имѣеть какіе болѣзненные припадки, не позволяющіе ему выходить изъ комнаты: она отведетъ ему въ особомъ своего дома углѣ спальню, будетъ снабжать его всемъ нужнымъ и стараться доставить ему всѣ выгоды житейскія. Но онъ не долженъ быть нахаль и безъ ея позволенія не ходить въ ея половину, а особливо не навѣдываться въ спальню. Желаящій сдѣлать сею женидьбою свое счастье, можетъ не упуская времени явиться: ибо чаятельно, что много охотниковъ къ сей невѣстѣ будетъ.

Лькарство отъ скуки и заботъ; 1786, 1, 29—30.

№ 116.

Душа моя наполнилась мрачною задумчивостію. Я вооружилась противу гоненія судьбы. Свѣтъ лилася для меня всѣхъ прелестей — представляетъ мнѣ бѣдственный сонъ. Всѣ несчастливы, всякой терзаемъ на свою долю горестями. Жизнь наша есть испытаніе... смерть пресѣчетъ мученія. О прелеста! ты вооружила мои силы; Милонъ лишившійся чувствъ въ храмѣ, едва не сразилъ мое сердце, едва не исчезли повиновеніе мое и горячность къ родителямъ, едва не отронила руку Вѣтрогона; но строгой взоръ... и съ трепетомъ произнесла я таинственныя слова. Видъ радостный родителей моихъ умножилъ мои страданія: мысль наполнена была умирающимъ Милономъ; сердце мое раздиралось. — Наконецъ увидѣла я себя въ объятіяхъ супруга: я оттолкнула его съ презрѣніемъ. Варваръ! вскричала я: ласки твои пронзаютъ грудь мою. Успокойтесь, Ваше Сіятельство, сказалъ онъ мнѣ: повѣрьте, мы останемся друзьями; не думайте, чтобъ я былъ робенокъ и плача упрашивалъ васъ быть ко мнѣ благосклонною. Завтра мы ѣдемъ въ деревню; вы будете совершенная госпожа своего поведе-

нія. Ежели вамъ будетъ угодно... я вашъ покорной слуга: ежели же нѣтъ; актриса моя право васъ прекраснѣе. Не будьте только ревнивы; это страшной порокъ! мы будемъ украшаться спокойно рогами. Вы видите, что я жить умѣю. Ловите молодчиковъ въ свои сѣти; я буду удить голубокъ. Не сомнѣваюсь... вы столько благопристойны, что постараетесь умненько скрыть.—Въ присутствіи нашихъ знакомыхъ мы будемъ страстными супругами; учтивость отличная заступитъ мѣсто любви. Вивать, проворный Вѣтрогонъ! и запѣвъ Французскую пѣсню, заснулъ. Видишь ли, любезная Прелеста, кто обладаетъ твоею Розою? о родители! страшитесь предпочитать родъ и богатство благородной душѣ; согласіе уничтожаетъ брань, раздоръ отравляетъ семейство. Можетъ ли Князь быть отцомъ, не умѣя быть мужемъ? можетъ ли быть благополучно такое семейство? Милонъ... какая разность? радуюсь, что ему... Прелеста! онъ достоинъ твоей горячности. О сколькобъ я была довольна, ежелибъ онъ могъ влюбиться въ безподобную мою подругу! ты прекрасна... Нѣтъ, не отнимай у меня сердца драгоцѣннаго: я не знаю, чего хочу, что дѣлаю и что къ тебѣ пишу.

Роза, 1788, 76—79.

№ 117.

У насъ какъ скоро какая женщина лишится своего мужа, то въ сѣ начала увидя ея огорченіе подумаете, что все нещастіе ея совершилось, по тому что она тогда запирается въ своемъ домѣ, изъ котораго выносятъ всѣ обыкновенныя украшенія, и въ коемъ всѣ стѣны обвѣшиваются чернымъ сукномъ; тогда всякой бы подумалъ, что она живая заключилась во гробницу. При малѣйшемъ воспоминаніи о покойникѣ глаза ея дѣлаются двумя источниками, изъ которыхъ истекаетъ вода въ превеликомъ изобиліи. Ея вопли и отчаяніе оказываются явно предъ всѣми; но ежели кто увидитъ ее на единѣ, то примѣтитъ, что съ самаго перваго дни она внимаетъ утѣшенія отъ искреннихъ друзей своихъ. Другъ, или пріятельница, прилѣжно стараются ей представить, что она еще въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ не должна быть въ живѣ погребенною; они ей говорятъ: «Ты еще молода, прекрасна и любви достойна; не уже ли ты хочешь скрыть отъ свѣта всѣ твои прелести: очень мало сыщется мужчинъ, которые не почли бы себя щастливыми, чтобъ заступитъ мѣсто умершаго твоего супруга; повѣрь мнѣ, Сударыня, что я тебѣ подаю совѣтъ отъ искренняго сердца; тебѣ извѣстно, какія имѣетъ о тебѣ мысли такой Графъ, или Князь; онъ чувствовалъ къ тебѣ любовь еще при жизни твоего мужа, такъ не уже ли нынѣ не пожелаетъ съ великимъ удовольствіемъ занять его мѣсто». Вдова

при сихъ словахъ потупляетъ глаза и жеманится. Послѣ того любовникъ дѣлаетъ ей благопристойное посѣщеніе, и его присутствіе совершенно ее увѣряетъ такъ, что наконецъ прежде еще, нежели погребеніе умершаго совсемъ кончится, вдова избираетъ уже себѣ друга мужа.

Почта Духовъ, 1789, 1, 174—176.

№ 118.

Объявленіе.

За 40 лѣтъ назадъ изъ дому Г-жи Старолѣты безъизвѣстно куда-то пропала удача въ любовныхъ дѣлахъ; а поелику вышереченная госпожа нынѣ снова имѣетъ нужду въ оной, то симъ и объявляетъ, что если кто оную удачу отыщетъ и приведетъ въ ея домъ, тому уступить она изъ жизни своей цѣлыя 40 лѣтъ.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, I, 124.

№ 119.

На сихъ дняхъ Г. Безчестновъ, не смотря на то, что уже женатъ, увезъ отъ отца дѣвицу Глупомыслу. На счетъ огорченнаго отца сочинены здѣсь были только стишки, а плачь его положенъ на ноту, и сдѣлана изъ того довольно забавная на счетъ его арія. Спустя нѣсколько времени, Безчестновъ самъ всюду рассказывалъ о семъ похищеніи, и всѣ женщины били ему въ ладоши, хохотали и только что смѣялись тому. Исключая того, что онъ подвергнулъ стыду дѣвицу Глупомыслу, двадцать лѣтъ сей Безчестновъ былъ бичемъ другихъ семействъ. Дѣвицы, замужнія жены, вдовы, всѣ были подвержены отъ него разнымъ искушеніямъ. Онъ выдавалъ себя любовникомъ всѣхъ красавицъ, непріателемъ всѣхъ супруговъ, соперникомъ всѣхъ волокитъ и утѣшителемъ всѣхъ молодыхъ вдовъ.—Долженъ онъ почитать себя счастливымъ что родился не въ Константинополѣ, гдѣ онъ конечно подвергнулся бы таковыми своими поступками весьма строгимъ наказаніямъ, коихъ здѣсь не можетъ опасаться по кротости закона.—Хотя отъ близорукости и по модѣ носить онъ очки, но ему тамъ приставили бы къ глазамъ гораздо свѣтлѣе теперешнихъ его очковъ.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, II, 42—44.

№ 120.

Не давно женился въ здѣшнемъ уѣздѣ Г. Сумазбродовъ. Сочетавшись для другихъ видовъ корыстолюбія, нежели какъ прочіе, не смотрѣлъ онъ ни рядной, ни крѣпости, не справлялся ни о деревняхъ,

ни о деньгахъ: онъ только тщательно разсматривалъ дарованія Прекрасы, предрасполагая о ловкости ея въ употребленіи оныхъ и о выгодахъ, каковыя получить отъ можетъ отъ ея прелестей. Онъ и не ошибся въ выборѣ своемъ. Прекраса была изъ числа тѣхъ ловкихъ красотокъ, которыя многое умѣютъ пріобрѣтать однимъ своимъ личикомъ. Своеобычность молодой жены показалась Г. Сумазбродову не новизною: она была крайнѣ по его вкусу и заключала въ себѣ исполненіе всѣхъ высокихъ его замысловъ. Женившись съ посредственнымъ имѣніемъ, малымъ чиномъ и не весьма обширнымъ и хорошимъ знакомствомъ, вдругъ началъ онъ дѣлать изъ себя важной видъ. Онъ былъ тотъ смирной супругъ, которой, имѣя прекрасную жену, зналъ, какъ жить въ свѣтѣ. Прекраса свела знакомство съ первѣйшими и богатыми господами здѣшняго уѣзда. Въ Губернскомъ городѣ всѣ были ей преданными слугами. Молодые люди цѣлыми сотнями пріѣзжали къ ней рекомендовать себя. Но Г. Сумазбродовъ, будучи не богатъ, началъ скучать таковыми посѣщеніями. Прекраса скоро уничтожила сію грусть его, представя ему большую записную книжку, которая вздулась отъ множества ассигнацій. Г. Сумазбродовъ догадавшись, далъ ей во всемъ волю. Отъ экономіи прекрасной его супруги вскорѣ начала гремѣть въ домѣ ихъ музыка, полились прекрасныя вина, заблистали украшеніями горницы ихъ, имѣли уже они множество хорошо одѣтыхъ слугъ, а щегольская и богатая упряжка готова была къ расположеніямъ сихъ въ вѣрности примѣрныхъ супруговъ. Всѣ дивились уму, экономіи и доходамъ Прекрасы. Но не давно загадка сія вдругъ была познана. Сумазбродовъ вдругъ вознамѣрился сдѣлаться благоразумнымъ человекомъ и истиннымъ мужемъ. Цѣлая толпа дворянъ уѣздныхъ и городскихъ возстала противъ него. Всѣ кричали, что Прекраса достойна жалости. Всѣ соболѣзновали, что она вышла за такого глупаго, грубаго и безчеловѣчнаго мужа. Любви достойной супругъ учинился въ глазахъ всѣхъ забіячливымъ уже подлецомъ, нищимъ, которой не благодаренъ женѣ своей и не достоинъ владѣть и пользоваться ея счастіемъ. Самые усерднѣйшіе знакомцы Прекрасы завели съ Сумазбродовымъ тяжбы и позвали его въ судъ. Счастливъ онъ будетъ, если останется у него хотя одна рубаха и не признанъ онъ будетъ за сумашедшаго.--Но сколько находится людей, которые гораздо еще его несчастливѣе и которые потеряли свое спокойствіе, честь и имѣніе отъ того, что дерзнули приносить жалобы на любезныхъ своихъ половинокъ!—Какое состояніе браковъ!—На старухѣ женятся для ея имѣнія, а на молодой для ея прелестей. Противъ первыхъ должны притворяться, что ихъ любятъ; къ другимъ же, если хотятъ жить въ изо-

билии и счастья, должны на оборотъ сколько можно скрывать любовь свою. У первыхъ выманиваютъ деньги притворствомъ въ любви, а у сихъ притворствомъ въ равнодушіи. И такъ казаться не таковыми, что мы въ самомъ дѣлѣ есть, содѣлалось нынѣ средствомъ къ счастью.— Но къ чему могутъ служить разсужденія? Развѣ другіе въ силахъ оными научиться?

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, III, 62—68.

№ 121.

Пустосердъ владѣлъ землею, которая простиралась не далѣе полета галки. Вдругъ вздумалось ему оставить всѣ сіи обширныя свои владѣнія и отбыть въ городъ К... По нечаянности встрѣтись въ нѣкоторомъ обществѣ съ господиномъ К... показался ему молодцемъ способнымъ исполнить его намѣренія. Онъ столь много его полюбилъ, что предложилъ чрезъ другихъ о женитьбѣ на Б... Пустосердъ будучи гораздо прочихъ смѣшлѣе, женился на Б... которая принудила его подписать согласіе на право дѣлать ему очевидные рога и въ красотѣ ея быть только въ половинѣ. Пустосердъ вскорѣ получилъ подъ управленіе свое всѣ какъ около того города, такъ и далѣе находящіяся деревни. Будучи въ половинѣ въ красотѣ своей жены, на часть свою собственными руками отребалъ деньги съ ихъ крестьянъ и прочихъ просильщиковъ. Чинами его также не забывали. Понажилъ онъ довольно деревень, денегъ и вещей. Но вдругъ любви достойная и вѣрная его супруга скончалась. Огорченной и благодарной К... для увѣнчанія всѣхъ своихъ милостей и признательности сдѣлалъ его по себѣ третьимъ. Онъ надѣется, что Пустосердъ можетъ быть вздумаетъ для толь хорошихъ выгодъ жениться и еще. Пустосердъ можетъ быть и самъ по себѣ вознамѣрится жениться; ибо внутренно зная, что никогда женатъ почти не былъ; пожелаетъ испытать пріятности брака. Сей вдовецъ, которой и съ перваго дня брака своего былъ вдовцомъ, не столько огорчается потерей своей жены, какъ лишеніемъ доходовъ и части, получаемой съ красоты ея.. К... находится теперь въ отлучкѣ. Не извѣстно, кто еще займетъ у него мѣсто перваго любимца... Чаятельно, что отецъ, мужъ или братъ какой нибудь миленькой брондины, молоденькой жены или прелестной сестрицы.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, II, 91—94.

№ 122.

Золотая карета подъѣзжаетъ къ самому мостику сада: Арапъ и Егеръ, богато одѣтыя, принимаютъ за руку прекрасную барыню. Мнѣ

кажется это *разврата*? такъ, она; божиться можно, что она прекрасна, ловка, жива и знающа свѣтъ. 20000 рублей, положенныя въ ломбардъ на ея имя, свидѣтели безпристрастныя. Третьего дня приѣзжала она къ пріятельницѣ увѣдомить ея, что она въ двѣ недѣли имѣла честь раззорить *шестеркина*, и отправила въ магистратъ попечителя своего *Промоталова*; сего дня увѣдомить своихъ подругъ въ саду, что вышла за мужъ за человѣка 6-го класса по табели о подлцахъ, и что въ приданое принесла ему трехъ дѣтей:

Кто добродѣтелью своею не скупиться,
Скоренько можетъ тотъ съ умомъ обогатиться,
Примѣръ тому въ глазахъ *Цанато* нашъ съ женой:
Съ заплатай былъ кавтанъ, а нынѣ золотой.

Зритель, 1792, 1, 37—38.

№ 123.

«Ты, говорила мать, выходишь теперь на театръ большого свѣта... Но болѣе всего, дочь моя, береги честь свою, какъ новое твое платье, которое когда хотя нѣсколько поизносится, то никто уже на него и не взглянетъ. Вышедши замужъ, можешь уже ты дѣлать то, что хочешь, и я тогда тебѣ ни въ чемъ прекословить не стану, за тѣмъ что когда уже голова твоя будетъ прикрыта, то не нужно никакое тебѣ наставленіе, и ты отъ меня не услышишь ни одного о томъ слова». Дочь, слѣдуя такому исправному, ясному и весьма правоучительному матушки своей наставленію, и подлинно берегла честь свою, какъ новое платье и до тѣхъ поръ исполняла спасительныя и полезныя ея поученія, пока новое ея платье не было затаскаво отъ частыхъ ея выѣздовъ.

Переписка двухъ Адскихъ вельможъ, Амабека и Амамека, 1792, 1, 64—65.

№ 124.

Милонъ на многи дни съ женою разлучился,
Однако къ ней еще проститься возвратился;
Она не чаяла при горести своей,
Что возвратится онъ опять такъ скоро къ ней.
Хотя ей три часа казались за недѣлю;
Но отъ тоски взяла другова на постелю.
Увидя гостя съ ней, приѣзжій обомлѣлъ,
Жена вскричала: что ты мужъ оторопѣлъ?
Будь господинъ страстей и овладѣй собою,
Я тѣломъ только съ нимъ, душа моя съ тобою.

Прохладные Часы или Аптека врачующая отъ унынія, 1793, июнь, 438.

№ 125.

Цѣлуешь ты жена другихъ, я это вижу,
 А мнѣ клялася: нѣтъ милый тѣбѣ меня;
 Ты ложно говоришь и мнѣ только маня.
 Жена ему на то, иль тѣмъ тебя обижу,
 И клятвы я свои безсовѣстно гублю,
 Что я тебя любя, еще другихъ люблю.
 Мой свѣтъ! иль хочешь ты, чтобъ я жила въ неволѣ?
 Я ихъ люблю; тебя люблю однако болѣ.

*Прохладные Часы или Аптека врачующая отъ унынія, 1793, июнь,
 438—439.*

№ 126.

Жена моя мнѣ сказывала, что женщины всѣ еще мною не довольны, что будто бы рѣдко объ нихъ говорю. Но по ихъ вкусу, рѣдко объ нихъ говорить, есть не безпрестанно объ нихъ твердить. Въ удовольствіе ихъ посвящаю имъ сей листъ.

Приѣхала одна барыня во знакомый мнѣ домъ, и просила совѣта, говоря, что къ ней привезли одну ея родственницу взрослую въ деревнѣ, красавицу, но такъ при томъ дурно воспитанную, какъ только представить себѣ можно, и совершенно въ такомъ состояніи, какъ отъ естества сотворена. Не знаю, прибавила она, что мнѣ съ нею дѣлать? и какъ ее привести къ тому, чтобъ она вступала въ разговоры съ людьми, а когда молчить, чтобы то было, гдѣ сіе пристойно? Но она думаетъ имѣть языкъ лишь для того, что бы все то всегда выговаривати, что она мыслить. Глазами глядитъ, не зная ихъ употребленія. Два мѣсяца, какъ мадамъ ее учить вздыхать, хотя тому причины нѣтъ; и смѣяться, когда она не весела: но стыдно признаться, что ничто къ ней не льнетъ. Она и нынѣ не болѣе умѣетъ ходить, какъ когда она была году. Когда я говорю ходить, я разумѣю легкую походку, коя притягиваетъ всѣхъ глаза; ея же походка только годится для перемѣны мѣстъ. Она ото всего краснѣется, не зная и симъ пользоваться у мѣста.

Одинъ человѣкъ изъ тамо находящихся кивалъ все головою во время сего разговора; и по окончаніи онаго сказалъ: а мнѣ кажется, что сія молодая дѣвица въ великой опасности находится, быть вовсе испорчена: ибо я думаю, то, что нынѣ называютъ, хорошее воспитаніе весьма отдалино отъ добраго воспитанія. Здѣсь женщины всѣ захохотали, говоря, будто хорошее воспитаніе не все то же, что и доб-

рое. Онъ повторилъ съ весьма малымъ къ нимъ снисхожденіемъ: нѣтъ, не все равно. Они приступили къ нему, требуя, чтобъ онъ изъяснился. На что онъ спросилъ: будутъ ли его терпѣливо слушать? въ чемъ они обязались; а онъ началъ. Погрѣшность общая въ воспитаніи дѣвицъ есть та, что болѣе о наружности ихъ старанія прилагаютъ, нежели о украшеніи ихъ сердца и ума. Почти со дня, какъ они расстаются съ кормилицею, и прежде нежели они могутъ имѣть понятіе о чемъ нибудь, зачинаютъ ихъ наряжали всячески, по томъ учатъ танцовать; здѣсь заставляютъ голову выпрямить, и носить предписаннымъ образомъ, поворачиваться по циркулю, съ угрозою, не имѣть мужа, если не будешь ходить, глядѣть и двигаться прямо. Все сіе умъ молодыхъ дѣвицъ обращаетъ на изысканіе сего обѣщаннаго сокровища; и для того ихъ воображеніе будучи въ обращеніе приведено, всю свою силу на сторону наружныхъ убранствъ преклонить по тому, что сіи одни будутъ рѣшить ихъ хорошую или дурную судьбину. Если же они при томъ стройны и пригожи, то уже ласкаются быть довольно способными къ тому, къ чему воспитаніе имъ данное ихъ увѣрило быть опредѣленными. Единственный предмѣтъ родителей былъ, дѣлать изъ нихъ тварь пріятнаго вида. Всѣ издержки и старанія къ тому клонились. Сему разумному смыслу большей части отцовъ и матерей должно приписывать великое число произведенныхъ щеголихъ.

Всякая Всячина, 1769, 324—327.

№ 127.

Зналъ я одну женщину, которая слыла разумною, ученою и благонравною. Читатели сами опредѣлятъ, сколь справедливо она названіи сіи заслуживала. Правда, имѣла она природную остроту, но не имѣла столько разсудка, чтобы возчувствовать, что безпрестанное ея во всемъ притворство на конецъ откроется, и что она часто онымъ осмѣянію подвергается: ученостижъ, не вопреки будъ сказано болтливой богинѣ славѣ, много имѣть она не могла; училъ ея Гасконецъ одинъ по Французски; въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ стала она учиться пѣть, на клавикортахъ играть и по Италіански говорить; чтенію романовъ и Французскихъ таатральныхъ сочиненій, по томъ довершили всю глубину премудрости, въ кою она когда либо снисходила. Добродѣтель же ея состояла въ щедронизливаемыхъ слезахъ, коими она изобильно во всякомъ случаѣ наградить была готова, и кошелькъ друзей своихъ часто для бѣдныхъ раскрывала; но щедрость всегда относилась на свой щетъ.

Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова, 1783, II, 159—160.

№ 128.

Танцованіе сдѣлалось въ уѣздѣ нашемъ толь употребительнымъ, что начали поставлять оное свѣше всѣхъ дарованій и качествъ душевныхъ. Воспитаніе дочерей своихъ начинаютъ здѣсь не съ головы, но съ ногъ. Неумѣніе танцовать вмѣняется для дѣвушекъ за самый презрительнѣйшій порокъ; и по сему то зажиточныя старушки для просвѣщенія ногъ дочерей своихъ въ зимнее время возятъ ихъ нарочно въ города обучать толико важнѣйшей наукѣ; ибо онѣ полагаютъ, что для дѣвушекъ искусство ногъ есть самое богатое приданое. Бѣдные Дворяне также отвозятъ въ города танцмейстерамъ послѣднія свои денежки; ибо и старички также въ очередь думаютъ о сынкахъ своихъ, что танцованіе долженствуетъ составлять все ихъ щастіе и воспитаніе. Они болѣе желаютъ учинить ихъ хорошими танцмейстерами нежели хорошими гражданами. Упражненіе сіе, вышедъ изъ предѣловъ, сдѣлалось страстію юношества. Прекрасной полъ, одобряя танцованіе за великое достоинство, чрезъ то самое поощряетъ юношей къ приобрѣтенію отличностей и совершенствъ въ знаніи семъ. Между обществъ оба пола взаимно поспѣшествуютъ придавать танцованію блестяція и важныя наружности и достоинства. Сія зараза потому наиболѣе окореняется въ сердцахъ воспитателей, родителей и юношества, что большіе города представляютъ изъ себя олобрительныя примѣры сему заблужденію. Сказываютъ, будто знаніе по правиламъ ступать, а не дарованіе вводятъ юношество во храмъ счастія. Слышно, что нынѣ начали судить о искусствѣ въ обхожденіи по ногамъ, а не по головѣ; и естьли то правда, что руки много имѣютъ вліянія въ общежитіе, не менѣе того нынѣ содѣлалось очевидно, что ноги доставляютъ намъ много жизненныхъ удовольствій и выгодъ. Утверждаютъ, что нынѣ не кто иной похваляемъ бываетъ всѣмъ обществомъ, какъ только тотъ, кто хорошо танцуетъ. Человѣкъ, занимающій хорошее мѣсто, не рѣдко есть токмо что знатокъ по правиламъ вертѣться. Лестной женихъ, доброй мужъ, хорошій зять, достойный сродственникъ и другъ есть тотъ, кто выучился ступать по предписанной о томъ наукѣ. Словомъ, искусство ногъ; сказываютъ, содѣлалось нужнымъ для всѣхъ сихъ обстоятельствъ, а наипаче для женитьбы учинилось даже необходимымъ. И такъ естьли всѣ сіи слухи справедливы, то весьма справедливо, что непостоянный свѣтъ по чудной, но свойственной ему коловратности ниспрокинулъ разумъ, душу и всѣ достоинства изъ головы въ ноги.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, I, 80—84.

№ 129.

Здѣсь взирають на воспитаніе дѣвицъ толь равнодушнымъ окомъ и полагають оное толико маловажнымъ, что про пустую и глупую няньку признають за способную располагать и управлять правами дѣвушекъ. Великимъ дарованіемъ ничего не смыслящей крестьянки препоручають попеченіе изощрять разумъ дѣвицы. Деревенская мама, прозываемая уже въ городѣ нянюшкою, долженствуетъ образовать ихъ сердце, учить обращенію и знанію языка. Первыя лѣта проходятъ въ наукѣ ѣсть опрятно, не плевать ни на себя ни на другихъ, знать которая правая иль лѣвая рука, а по томъ вмѣсто поклоновъ присѣдать; да и всему оному рѣдкія нянюшки могутъ порядочно научать. По томъ обучивъ болтанію какого либо языка на подобіе попугаевъ, начинаютъ съ великой науки ногъ, а по семъ вдругъ устремляютъ попеченія свои о приданіи достоинствъ рукамъ. Съ утра до вечера пригвождаютъ молодую дѣвушку къ фортопіано. Черезъ нѣсколько лѣтъ родители съ восхищеніемъ познають великіе успѣхи дочери своей въ музыкѣ. Да и подлинно молодая дѣвушка, исключая знанія разыгрывать многія ноты, можетъ уже судить совершенно о музыкѣ. Довольно того, что знаетъ уже она, что такое *arpeggio*, *stacatto*, *andante*, *allegro*, *adagio*, *largo*, *piano*, *forte* и прочая. За таковыя восемь словъ хотя бы и тысячи плачены были, за то по мнѣнію родителей дочь ихъ можетъ назваться дѣвицею совершенно воспитанною. Къ сему величайшему достоинству естли присовокупляется знаніе—пѣть по Италіянски, то вотъ уже и поспѣла на вѣки дѣвица великихъ дарованій, лестная невѣста и рѣдкая супруга и родительница. И такъ искусство ногъ, пальцевъ и голоса есть первѣйшія здѣсь достоинства прекраснаго пола.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, II, 45—48.

№ 130.

Нынѣшнихъ нѣкоторыхъ дѣвушекъ воспитываютъ такимъ образомъ: дабы отъ уединенія не научились дѣвушки размышлять, заставляютъ ихъ упражняться въ летаніи и вертѣніи на каблукахъ, ежедневно трясутъ ихъ въ каретахъ, безъ разбору знакомятъ со множествомъ людей, возятъ по гостямъ, и помощію сихъ спасительныхъ средствъ вдругъ изъ кукольнаго свѣта выводятъ ихъ въ большой свѣтъ, въ которомъ дѣвушки забываютъ ребяческіе ларчики и каретки, а начинаютъ смышлять о настоящей куклѣ и игрушкахъ, то есть о мужѣ, и принадлежащихъ ему домахъ, каретахъ, лошадахъ, часахъ и проч.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790, IX, 23—24.

